БОРИС ЩЕРБИНА

В. Андриянов,
В. Чирсков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1394

(1194)

В. Андрианов, В. Чирсков

БОРИС ЩЕРБИНА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 323(47+57):622.32(092)
ББК 66.3(2Рос)8+65.304.13
А 65

Авторы и издательство благодарят за помощь в работе над книгой Щербину Юрия Борисовича и Щербину Людмилу Васильевну, а также Андрейчева Юлия Васильевича, ветерана Мингазпрома и Миннефтегазстроя; Весельева Анатолия Павловича, ветерана Миннефтегазстроя; Карнаухова Степана Васильевича, фронтовика, ветерана КПСС; Мезенцева Виктора Федоровича; Перекальскую Антонину Михайловну; Тяжельникова Евгения Михайловича, первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1968—1977); Ширяевского Леонарда Григорьевича, председателя правления Фонда «Ветеран Роснефтегазстроя»; Шмаля Генадия Иосифовича, ветерана Миннефтегазстроя.

Авторы также выражают глубокую благодарность сотрудникам Государственного архива РФ, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива современной истории, Российской государственной библиотеки, Государственного архива социально-политической истории Иркутской области, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области.

ISBN 978-5-235-03249-1

© Андриянов В. И., Чирсков В. Г., 2009
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2009

Глава первая

«ЭТО ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КРАЙ»

Мы будем верить,
будем жить так гордо,
как теперь.
Год девятнадцатый вошел!
Откройте ветру дверь!

В. Луговской

Так заканчивается «Баллада о Новом годе» Владимира Луговского. Для него, автора «Курсантской венгерки», «Песни о ветре», «Синей весны» и многих других замечательных стихов о Гражданской войне, Октябрьской революции, 1918-й — «солдат и чародей». У Михаила Булгакова год по рождеству Христову 1918-й, от начала же революции второй, — велик и страшен. Этими строками, как вы помните, начинается его роман «Белая гвардия» — о той же революции, о той же Гражданской.

Таким же разным остался в памяти современников год 1919-й по рождеству Христову, от начала революции — третий. Той осенью над Донбассом затеплилась звездочка Бориса Щербины, второго ребенка в семье машиниста паровоза Евдокима Григорьевича Щербины и его жены Марии Артемьевны, статной красавицы с длинной черной косой, в девичестве Шульженко.

В самом центре Донбасса

Родина нашего героя — в самом сердце Донбасса. Ныне это Донецкая область Украины, а прежде — Екатеринославская губерния. Там, у станции Дебальцево, сходятся, будто кровеносные сосуды, нити железных дорог. Станция и город унаследовали название рабочего поселка, а поселок крестили по имени воронежского помещика Дебальцева. Станцию новой железной дороги заложили в 1878 году на его земле.

А всего лишь за сотню лет до этого события, как пишет Сергей Соловьев, автор многотомной «Истории России с древнейших времен», «крымский хан Крым-Гирей с большим войском

(с лишком 70 000 человек) перешел русскую границу у местечка Орла... Крымские разбойники, довольные ясырем, ушли за Днестр; и хан отправился в Константинополь, повез султану в подарок пленных женщин. Другой татарский отряд пробрался к Бахмуту и опустошил также окрестности; отсюда выведено было пленных около 800 человек. Но это было последнее в нашей истории татарское нашествие!» (*М., 1994. Т. 27—28. С. 275*).

Дикое поле, как издавна называли эту окраину Руси, постепенно обретало иной облик. Гоголь в «Тарасе Бульбе» писал о зеленой девственной пустыне, где кони скрывались, как в лесу. Каменные скифские бабы на курганах всё видели, всё знали, но спроси у них, что помнится... Чехов мечтал поселиться в Таганроге года на два-три и заняться «районом Таганрог — Краматоровка — Зверево. Это фантастический край».

Вот в таком краю увидел свет Боря Щербина. Колыбельной ему были паровозные гудки да перестук колес на станции, куда глядели окна их мазанки.

...«Железка» властно стягивала крестьянских парней из окрестных сел и хуторов, ближних и дальних уездов Екатеринославской губернии. В 1905 году в депо станции Дебальцево определился учеником слесаря Евдоким Щербина. С годами смышленый хлопец взошел на паровоз — кочегаром, помощником машиниста и, наконец, машинистом, самым уважаемым человеком в железнодорожном мире.

Фамильные корни

Щербина в этом краю — фамилия не редкая; по соседству Щербиновский рудник, ныне город Дзержинск. Там, заметим к случаю, корни Николая Ивановича Рыжкова, последнего Председателя Совета Министров СССР, ныне — члена Совета Федерации, президента Российского союза товаропроизводителей.

Щербаками, щербинами издревле называли отчаянных парней, потерявших в драке зубы. У Даля щербачить — задориться и браниться. «Он дюже лихо щербачит».

В «Русском биографическом словаре», вышедшем в Петербурге в 1912 году, представлены три человека по фамилии Щербина. Иван Трофимович, штаб-лекарь, член Общества киевских врачей, выпускник Харьковского университета (1814—?). Второй — Щербина Николай Федорович (1821—1869), поэт, ныне, к сожалению, забытый. Он родился в Миусском округе Войска Донского. Писал за гроши проповеди для семинаристов, как сейчас ваяют курсовые, дипломные и даже диссертации, — но, конечно, не за гроши. В 1857 году ему посвятил стихи Тютчев:

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты:
Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

И третий Щербина — Петр Иванович, рекрут, унтер-офицер, герой Крымской войны. Он родился в селе Покровское Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Отсюда Петра Щербину направили в Кавказский саперный батальон. Воевал храбро, дороги в горах строил усердно. В 1840 году «всемилостивейше пожалован за отличие при взятии Валерикской позиции знаком отличия военного ордена». Во время Крымской войны в одном из боев Петра Щербину, уже раненного, окружили турки. О его последних минутах «Русский биографический словарь» рассказывает так. Падая под ударами турок, герой крикнул: «Братцы саперы, помните Щербину, умирайте по-моему!» За подвиг в бою Петр Щербина был посмертно награжден Георгиевским крестом.

Село Покровское в Артемовском районе (прежде Бахмутском уезде) Донецкой области есть и сейчас. Юрий Борисович Щербина, единственный сын Бориса Евдокимовича, помнит из раннего детства:

— Мне лет пять... С отцом и дедом едем в санях на похороны прадеда. Может быть, и мама или бабушка ехали с нами — этого не помню. Ясно, как на экране, вижу картинку: у сельмага продают кроликов, крохотные живые комочки. Я просил мне купить.

Больше в Покровском Юрий Борисович не бывал. Только слышал от отца, что там живут и дальние родственники, и однофамильцы.

Сомкнется ли разорванная связь времен или отпадет целое звено в роду? Щербина надеется: сомкнется!

По обе стороны фронта

Осенью 1919 года Донбасс и Москву разделяла линия фронта. Перед Первой мировой войной, в 1913 году, на Донбасс пришлось 87 процентов добычи каменного угля в России. Остаток, тоже весомый, поставил Домбровский бассейн, Польша. Но эта земля стала заграницей. Как и Украина Пет-

люры, гетмана Скоропадского, проданная кайзеровской Германии.

В Харькове при гетмане и германской комендатуре выходила газета «Южное слово», редактором ее был известный дореволюционный публицист В. А. Амфитеатров. Приведем из нее несколько заметок — они помогают полнее представить время и обстоятельства.

«С 15 декабря (1918 года. — *В. А., В. Ч.*) в управлении Слободской железной дороги предполагается вести переговоры только на украинском языке. Часть служащих все же уклонилась от изучения украинского языка».

«Членами городской варты задержан аферист Какишвили, продавший за 100.000 рублей некоему Бадмасу несколько фальшивых дубликатов».

«Германский военно-полевой суд вынес смертный приговор — едва ли не каждый день оккупанты расстреливают рабочих Харькова, крестьян».

«Спешно требуется комната в интеллигентной семье с полным пансионом; желательно пианино барышне-беженке. Ценой не стесняюсь».

«Вчера электростанцией получено 3 вагона угля».

Заметки об угле — в каждом номере. Очередная: «Вследствие полного отсутствия угля отправка товарных поездов со станции Купянск прекращена».

Чуть позже Владимир Ильич Ленин назовет уголь настоящим хлебом промышленности. Но и сейчас по обе стороны фронта хорошо представляли цену Донбасса.

В Москве в начале октября 1919 года еще хоронили коммунистов, погибших 25 сентября. Тогда левые эсеры взорвали здание МК РКП(б) в Леонтьевском переулке. (Сейчас здесь, в самом центре Москвы, посольство Украины; во дворе — скромный обелиск.) Среди раненых Мария Волкова. «Жив ли Бухарин? — был ее первый вопрос. — А товарищ Мясников? — И, получив утвердительный ответ, она прибавила: — Я умру... я это чувствую. Передай товарищам: бомбами не убьешь революцию» *(«Правда» от 1 октября 1919 г.)*.

В каждом номере «Правды» сводки с фронтов — Северного, Западного, Южного, Туркестанского, Восточного. Советская власть в кольце фронтов — это не поэтический образ. Это реальность. Всего опаснее положение на Южном фронте, откуда катится на красную столицу армия генерала Деникина.

«Правда» от 5 октября 1919 года:

«Деникин продолжает продвигаться вперед и подходит уже к Орлу. От Орла дорога на Тулу. Тула для всей Советской республики — это громаднейшая ценность».

«Петроградские рабочие отправляют добровольцев на Южный фронт. Москва, Нижний Новгород провожают отряды коммунистов и комсомольцев».

«В Москве 5 октября открылся II Всероссийский съезд союзов коммунистической молодежи. "Наше дело прочно, — приветствует съезд редакция "Правды", — ибо с нами молодость, с нами подрастающее поколение. Нам на смену идут все новые, свежие, юные отряды бойцов. Привет вам!"».

«Красноармейцы N-ской дивизии на общем собрании постановили пожертвовать для голодающих детей 29 мешков сахара-рафинада».

«Варшавская газета "Речь" пишет о том, что Польский народный демократический союз опубликовал декларацию о своем отношении к Украине и России. Первый пункт гласит, что Союз должен стремиться к оттеснению России за Днепр; другой пункт указывает на необходимость наладить дружественные отношения с Украиной для ослабления России»...

Всё меняется под солнцем, только не польская политика, только не грезы о Польше от моря до моря.

Анри Барбюс, знаменитый французский писатель, со страниц газеты «Юманите» призывает мир к солидарности с Советской Россией. «Борьба против советского строя России, основанного на принципе равенства, ведется международным союзом империалистов и капиталистов; только путем спасения "русской правды" можно спасти правду для всего человечества».

«Правда» в октябре—декабре 1919 года писала:

«Мы взяли Воронеж. Мы начинаем двигаться вперед. К углю! К нефти! К миру!»

Следом за Воронежем Красная армия отбивает Харьков.

«Мы вступили в угольный район».

Вступили и выбили деникинцев из Донбасса. Военные историки пишут о жестоком встречном сражении, которое продолжалось весь день 25 декабря севернее Бахмута, нынешнего Артемовска.

«Противник пытался задержать продвижение советских войск на рубеже Дебальцево—Горловка—Городище, но закрепиться на этом рубеже ему не удалось... В результате энергичных действий советских войск 29 декабря Дебальцево было освобождено».

На следующий день Первая Конная освободила Горловку, затем в «районе Алексеево—Орловки разгромила Марковскую пехотную дивизию». Красный флаг поднялся над Луганском, Ясиноватой, Юзовкой...

«Освобождение Донбасса было завершено, — итожат советские издания повествование о Донбасской операции 1919 года. — Стране возвращен крупный угольный район».

Давняя история снова и снова оживает в современных полемиках. И молодежь поет уже не о «комиссарах в пыльных шлемах», а о поручике Голицыне и корнете Оболенском. На Дону и Кубани спорят, не поставить ли памятники генералам Маркову и Корнилову. В который раз все опять смешалось на Руси...

Приведем редчайшее свидетельство тех лет. Это дневники штабс-капитана белой армии Константина Цимбалова. Десять разноформатных блокнотов, исписанных мельчайшим почерком. Девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый годы... Их хранила Ольга Павловна Никитина, вдова командира полка врангелевской армии Никитина. И осенью 1977 года передала одному из авторов, в то время собственному корреспонденту «Комсомольской правды» в Праге.

Из записных книжек Виктора Андриянова

...Занимаясь послеоктябрьской эмиграцией, я разыскивал соотечественников, на долю которых выпала чужбина. Так от человека к человеку пришел и к Никитиной, в старинный дом над пражским парком Стромовка. Хозяйке было уже под восемьдесят, но как же чисты, умны ее глаза! Свежий, звонкий голос, отчетливая память.

Рядом с чашечками, в которых стынет чай, лежат потемневшие фотоальбомы с застежками, стопка блокнотов, заполненных бисером строчек.

Ольга Павловна раскрывает слежавшийся альбом.

— Это генерал Кутепов, это Марков...

— Снимок с автографом — подарок вашему мужу?

— Да-да. Это Марковский полк, которым командовал муж, в Галлиполи. Вот это, посмотрите, памятник в Галлиполи. Каждый, кто там жил, должен был принести камень. Так и насобирали на памятник. Думаю, что он уже развалился. А это Врангель. Типичный барон...

«Черный барон», откинувшись в кресле, надменно смотрит перед собой... Но падает тяжелая крышка альбома, и он отправляется в ящик стола.

— Вы ведь попали в самое гнездо, — говорит Ольга Павловна. — Вот эти блокнотики — дневники Кости Цимбалова, друга Дмитрия Павловича, моего мужа. Быть может, вам будет интересно. К нам они попали вместе с другими бумагами по завещанию Кости после его смерти в тридцатом году. Вот полковые документы, письма мужа. Эти вот блокноты — самые полные. Часть записей Костя сжег. Но некоторые остались. И я сохранила их...

Груда документов заполнила весь стол, чашечки давно перекочевали в сервант... Старые удостоверения — «В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях...», награды в потускневших коробочках — «Знак отличия Первого Кубанского похода», Георгиевский крест, письма, вырезки из газет...

Со стены смотрят красочные малявинские молодки: в цветастых полушалках, в шубейках, идут они по снежной улице, такой далекой от этого одинокого дома...

— Еще в Галлиполи муж начал, как говорится, переоценивать ценности. Приехав в Чехословакию, порвал с Белым движением, занялся коммерцией.

— А Костя?

— Костя вернулся в медицину. До революции он закончил два или три курса медицинского факультета в Киеве, а доучился в Праге. Вот его врачебное свидетельство, датированное мартом 1928 года: «Доктор Константин Афанасьевич Цимбалов в Кутна Горе является членом Чешской врачебной секции». Там, в Кутна Горе, он вскоре и умер...

Ольга Павловна аккуратно собирает блокноты, тетради, вырезки из газет — они заполняют большую коробку, — протягивает мне:

— Буду рада, если все, пережитое нами, поможет кому-то в жизни.

Вчитываясь в дневники Цимбалова, будто вместе с ним шел по фронтам Гражданской войны, открывал для себя ее новые страницы, неизвестные раньше. Взгляд с другой стороны, изнутри, интересен сам по себе. Но в этих дневниковых записях есть нечто большее. Карандашные строки сохранили до наших дней исповедь человека чести и долга, брошенного в круговорот Гражданской войны, его душевные терзания и муки, вызванные разладом между идеалами и реальностью.

«*24.I.1919.* Около 9 ч. утра батальон под командованием полковника Наумова повел наступление в направлении ст. Соль (Бахмутская). Наступление неудачно. Со стороны противника действовали крупные силы, состоящие из рабочих, шахтеров-

добровольцев. Под давлением противника 3-й батальон к вечеру отошел...

3—6.IV. 2-й и 3-й батальоны расположены в железнодорожных составах на путях станции Рассыпная. В ночь на 7.IV получены и розданы подарки — куличи, сало, ветчина и многое другое.

11—12.V. Идут приготовления к наступлению. Прибывает артиллерия, вооруженная английскими орудиями, подтягивается конница. Получено английское обмундирование.

В батальоне царит радостное, праздничное настроение — чувствуется перелом в ходе событий. В ночь на 13.V получен приказ генерала Деникина о переходе в наступление на Москву!

4.VI. В приказе комдива говорится о доблестном наступлении: "Большевики разбиты, теперь осталось их добить".

23.X. Тревожное положение не улегается — конница красных бродит в нашем тылу.

3.XI. На 2-й батальон в 21 час внезапно налетела конница противника — один из полков Буденного. Часть батальона попала в плен, остатки двух рот спешно отходят...

Едва выставили охранение, неожиданно раздалась сильная ружейная стрельба, 3-я стрелковая советская дивизия, латыши и конница красных снова обтекли полк с севера и атаковали с. Долгая Клюква. Некоторые роты и эскадроны пытались оказывать сопротивление, остальные, объятые паническим ужасом, в абсолютной тьме ночи начали метаться по селению в поисках спасения. Кухни загородили дорогу, обозы врезались друг в друга, артиллерия все давила на своем пути. Свирепствовал снежный буран, все тонуло в море снега. Латыши с криками: "Держи штаб Наумова!" — бросали ручные гранаты в светящиеся окна изб... О сопротивлении думать не приходилось — надо было спасать уцелевшее. Отход начался по единственной дороге через плотину. Всюду громадные снежные сугробы...

8.XI. За период с 26.X по 8.XI полк потерял 40% убитыми и ранеными, 20—25% без вести пропавшими и пленными, 18% обмороженными, больными тифом... Люди почти голы — приказано отбирать теплые вещи у населения. Эта мера переполняет чашу терпения населения, оно озлоблено, ропщет и провожает армию проклятиями... Начался "великий отход".

24.XI. Еще затемно полк выступает далее к югу. Дороги забиты обозами, пехотой, артиллерией, повозками беженцев. Стоит туманная, влажная погода, снег начал таять, кое-где земля обнажена — обозы идут на санях. По пути отступления брошена масса груженых саней и др. имущества, бродят обессилевшие лошади. Полно мародеров. Все села по пути "вели-

кого отхода" армии переполнены отступающими частями армии, чинами ее учреждений и беженцами. Отступление неорганизованно. Связи ни с кем нет. Население провожает слезами и проклятиями.

16.XII. Противник весь день обтекает с флангов, стремясь к югу от станции и села Дебальцево, — конные части Буденного движутся большими колоннами с севера в юго-восточном и юго-западном направлении.

18.XII. Село Алексеево-Леоново расположено по скатам громадного оврага. По дну протекает ручей с отвесными берегами. Вся центральная, главная улица — путь отхода — запружена людьми, обозами, артиллерией и пулеметными тачанками в несколько рядов. Конница красных, видя, что части Марковской дивизии втянулись в селение, решила атаковать ее. Части Буденного расположились по буграм к востоку и юго-востоку от селения в колоннах поэскадронно. В 8 ч. противник повел энергичное наступление на Алексеево-Леоново...

2-й и 1-й батальоны решили пробиться, перейдя через овраг на западный его скат, и присоединиться к 3-му батальону, но конница красных ворвалась в село и начала рубить. Ввиду узости улицы и глубокого оврага обороняться не представлялось возможным — пехота рассыпалась по избам. Все улицы заняты противником. Бегством спасаются лишь одинокие пешие и конные, прорвавшиеся через части красных.

Дивизия ген. Маркова потеряла в этом бою сто с лишним пулеметов, 90% боевого состава, почти всю артиллерию».

Отступление к Ростову, на Кубань, эвакуация из Новороссийска в Крым... И бег из Крыма — оставляем эти страницы для другого случая. Свой дневник Цимбалов продолжает в Турции, в лагере беженцев Галлиполи.

«*31.XII.20.* По старому стилю сегодня 18 декабря. Памятный день для марковцев — разгром красными нашей дивизии под Чистяково (нынешний Торез в Донбассе. — *В. А., В. Ч.*) в 1919 году и громадные потери командного состава: зарублен полковник Данилов, застрелился полковник Наумов, командир 3-го Марковского полка. Год тому назад в этот день скончался старейший из марковцев — ген. Тимаковский. Помню, именно в этот день в прошлом году я только начал подниматься после сыпного тифа. Мне разрешено было выкуривать по одной папиросе в день и читать газеты. Я прочел утром о болезни ген. Тимаковского, об отходе нашей армии, а вечером зашедший меня навестить поручик Пашковский сообщил слухи о бое под Чистяково, о смерти Тимаковского... Сообщения меня крайне взволновали, явилось смутное предчувствие рокового исхода.

Принес ли прошедший 20-й год счастье кому-либо из оставшихся близких в Совдепии и говорит ли им что наступивший новый год? Ждали ли они чего в прошлом году и не утратили ли последние обрывки, клочки надежды? Живы ли, здоровы ли, сыты ли?

Жду от нового года возрождения родины, ее успокоения, торжества права... Все же хочу и я себе немного пожелать невозможного — увидеть близких в обновленной России, освобожденной нами. Час ночи. Спокойной ночи, милая родина! Желаю тебе в 21-м году радостного пробуждения. С первыми весенними лучами прилетим и мы. Терпи и жди.

1.1.21. Первый день нового года принес новую "утку": Ленин и Троцкий арестованы в Москве ген. Бонч-Бруевичем и Брусиловым, которые приглашают нас возвратиться в Россию и поддержать там восстановившийся строй и порядок. Фантазия у людей, очевидно, работает сильнее, чем обычно.

2.1. По проливу с юга идут, дымя, пароходы, возможно, в Одессу, Севастополь, Новороссийск... На родину! Снился мне сон, будто я приехал в Харьков, иду с вокзала домой, а по Екатеринославской мчится ландо. Человек, развалившийся в нем, останавливает экипаж и машет мне рукой — оказывается, это капитан Чеботарев заделался комиссаром и живет всласть: "Все наши у власти, поступай и ты!" Прекрасно одет, мое же имущество погибло при отступлении — как ни стараюсь забыть, и все же не удается. Английский офицерский костюм и масса обмундирования! Будем живы — все будет!

7.1. Тихо прошел вечер сочельника, не слышно было песен, все предались какому-то грустному настроению, воспоминаниям.

В ровиках обнаружено большое количество пятидесятирублевого достоинства украинских "карбованцев" — показатель падения курса ставок на гетмана Скоропадского и Петлюру!

20.1. Перехожу в своей истории полка к борьбе за каменноугольный район, когда я принимал активное участие в борьбе с красными, — самому тяжелому периоду, богатому впечатлениями, кровавыми эпизодами и жертвами.

Перед отъездом на фронт был проездом в дождливый зимний день в Новороссийске — "к счастью дождь". В середине января 1919 года в яркий, теплый день приехал с братом в Екатеринодар. На вокзале масса публики, вооруженных казаков, на стенках воззвания формирующихся частей, громадные плакаты "Освага"... Впервые видел 22-летнего полковника-летчика. У громадной витрины "Освага" с линией фронта в числе многих я долго рассматривал карту, гадая, где мне при-

дется воевать... Всего два года прошло с тех пор, и как все изменилось, к чему мы пришли. Галлиполи, изгнание!

Когда-то в мои годы у человека еще не было прошлого, а теперь у меня осталось только прошлое.

Перед обедом сегодня были похороны двух офицеров-дроздовцев... Первый умер от болезни, второй убит на дуэли... За что убит? Чтобы внести в жизнь своей жены красивую фразу: "Мой первый муж убит на дуэли!" Ложное представление о чести, когда она давно уворована...

1.II. Заходил после 19 ч. поручик Бунин — вспоминали вместе лазарет в Евпатории, вспоминали бои... Ужасы гражданской войны — расстрел генералом Туркулом 120 красноармейцев в возрасте 17—19 лет по обвинению их в коммунизме: под пулеметами заставили выдавать из толпы пленных коммунистов, детей избивали перед расстрелом дубинками, деревянными молотками... Размозжив кости черепа и лица, достреливали в канаве. И это на глазах населения, пленных и своих солдат.

Стремление к власти, кружащей голову, грызня из-за костей родины, дележ шкуры не убитого еще медведя и мародерство, преступления высшего начальства — сгнили верхи. Покатилась армия к морю, полилась невинная кровь и слезы, понеслись проклятия вдогонку нам, уходившим. Так было и, не дай бог, еще будет!

20 час. В Галлиполи появились русские рестораны, закусочные, кое-где играет музыка, русские женщины торгуют своим телом из-за куска хлеба... По приезде в Галлиполи одна из медсестер на мой вопрос, откуда у нее лиры, ответила: "От турка, грека, негра — не все ли равно откуда?! Не умирать же с голоду. Все они одинаковы. Только различаются по весу". Теперь в городе много лавочек, магазинов, парикмахерских обслуживаются русскими... Юркие греки, строя сладострастные рожи, предлагают: "Карош мадам рюсс". Дальше идти, кажется, некуда!

Свадьбы, свадьбы без конца — женятся офицеры на сестрах милосердия, спешат жить, а жизнь ушла — и ее не поймаешь.

Я не живу в настоящем — живу прошлым, черпаю в нем силы... Сейчас я тяжело болен тоскою по родине.

4.II. Прочел радостные сведения о том, что продовольственный аппарат в Совдепии не налаживается... Надвигается голод! Голод — это громадное счастье для России, голод желудка заставит население смести ненавистную власть, в этом я убежден и свой взгляд всегда доказываю. Голод вызовет восстание, и затем нагрянем мы и добьем ненавистный большевистский режим.

Чем хуже — тем лучше! Ожидаются заносы, шпалы держатся лишь морозом, транспорт разрушен. Музыкой в душе отдаются эти новости, несмотря на то, что вполне сознаю ужас положения близких, пусть даже так, но зато скорее разрушится коммунизм, который все равно грозит им гибелью.

17.II. Прочел книгу "Я требую суда общества и гласности" ген. Слащева. Много неопровержимых истин, но много и вздорного, пустого. По-моему, не запрещать ее надо, а самому начальству давать всем возможность ознакомиться с нею.

Два года назад 4 февраля (ст. стиля) я прибыл в туманное зимнее утро в Енакиево... Грязь стояла непролазная, еле добрался до штадива, откуда был направлен в 1-й офицерский полк генерала Маркова. Фронт меня несказанно удивил — так все просто: ухает артиллерия, базар торгует, как всегда, на площади перед Петровским заводом болтаются на виселице "очередные" большевики.

Сдал на почте письмо-открытку и наконец нашел штаб полка... Я получил освобождение на трое суток. Отдыхал с дороги, писал письма среди веселого смеха молодежи, играл с маленькой дочерью хозяйки.

20.II. Павел рассказывает сейчас, сидя у печки, о своих взглядах на вещи:

"Сначала трудно было зарезать куренка, поросенка, а теперь и человека убиваю все одно что муху... Надо только подальше становиться, чтоб мозгами не обрызгало, а то голова так и разлетается, как черепок". Глаза косят, и хищный блеск загорается в них. "Коммунистов много знал в Курске, как займем, надо будет всех пустить в расход", — апатично продолжал он свои мысли вслух.

5.III. Сегодня после бани, сидя у печи и греясь, вспоминали великий день в истории нашей родины, великой России, — день освобождения крестьян от крепостной зависимости. А у нас этого даже никто не вспомнил.

Если не будут быстро и решительно приняты меры для переброски нас на какой-либо участок польского или иного фронта против красных, весной армию не удержать...

Все дни работаю над историей полка — подлость и предательство прошлых дней проходят перед глазами; все залито кровью молодежи, интеллигенции, офицерства — "и все они умерли, умерли...".

24.IX. Пришел на память поручик Семененко с его списком казненных и описанием их последних минут перед казнью. Страшны странички "синодиков" этого садиста — патриота своих тысячи десятин земли. Его родина — деньги, каждый покусившийся на них — враг отечества и подлежит

смерти. Сегодня он вызван в штакор "друзьями". Ужасны люди, имеющие там друзей. Эти друзья — "уши и глаза", основа строя и благоденствия вождей, их недаром командируют в Прагу как "студентов", все насыщено ими, всюду рыщут они в поисках врагов и измены... "существующему порядку в условиях войны".

26.IX. Пришел полковник Сагайдачный, принес приказ по полку... И вдруг у читавшего его вслух перехватило, сдавило горло — новая казнь, новый кошмар... Расстрелян поручик корниловского артиллерийского дивизиона Успенский Василий — за попытки распыления армии, вхождение в сговор с представителями иностранной державы и выдачу им сведений о численности и вооружении корпуса, сообщение фамилий лиц органа политической борьбы... Смертная казнь через расстрел приведена в исполнение по приговору военно-полевого суда. Мотивировка: "Во время гражданской войны с большевиками, а потому и на основании..."

Ложь, насилие, безмерные преступления — вот атмосфера, в которой живут несколько тысяч русских граждан-добровольцев, патриотов. Сердце готово разорваться от боли.

27.IX. Весь вечер приходили и уходили новые и новые лица, пораженные вестью о новой казни. Возмущению нет конца. Негодяи, мерзавцы, предатели... Голова идет кругом. Крестный путь от Орла до Новороссийска, по Крыму и до Галлиполи — всюду гирлянды повешенных по главным улицам городов, станциям железных дорог, расстрелянные по степям и деревням, передвижная виселица на железнодорожной площадке-платформе на ст. Джанкой — менялось время года, метель сменялась зноем, оставались те же лица, та же система, с ними и с нею мы здесь, в Галлиполи».

Там, в Галлиполи, они радовались голоду в «Совдепии — это громадное счастье для России». Как только рука поднималась выводить слова о счастье?!

Газета «Южный гудок» от 6 мая 1922 года:

«К сведению сытых.

В сегодняшней телеграмме из Николаева сообщается, что в течение последней недели в местных больницах умерло от голода 88 человек, доставлено в морг 30 умерших. В Херсоне вновь обнаружены случаи людоедства, задержаны две женщины, съевшие трех детей. Аналогичные сведения получаются и из целого ряда других городов и голодных губерний.

Эти сообщения, изо дня в день помещаемые в газетах, примелькались уже и, надо сказать правду, совершенно перестали

трогать разжиревшего и оперившегося при НЭПе мещанина-обывателя... Мы снова и снова бьем тревогу и вопим: помогите, чем можете!»

Многое должно было измениться в сознании беженцев, чтобы поняли они: Родина одна. Когда грянула Великая Отечественная война, большая часть эмиграции стала на сторону Красной армии, Советского Союза в нашей борьбе с фашистской Германией. А другая часть поплелась в фашистских обозах насаждать на оккупированных землях «новый порядок».

Та большая война еще впереди. Пока догорает Гражданская. Пока нужно поднимать страну из разрухи.

«Возродить угольное царство»

...Партячейка станции Дебальцево зовет коммунистов и товарищей сочувствующих на субботник. Машинисту паровоза Евдокиму Щербине полагался отдых после маршрута. Но он только сполоснул под железным рукомойником жесткие ладони и сказал жинке севшим от угольной пыли голосом:

— Собирайся, Маруся. Пойдем всей семьей в депо — у нас сегодня субботник. И Борька с Костей и Линочкой посмотрят на отцовскую работу. Правда, ребята?

Улица, которая вела к депо, казалась черной — это осыпалась перезревшая шелковица. Сахарных ягод было так много, что детвора не успевала их собирать.

Митинг в депо был совсем короткий, как остановка скорого поезда на разъезде. Все и так понимали, зачем собрались. Пока слесари, машинисты, кочегары лечили больные паровозы, женщины с ребятами наводили порядок в цехах. О том субботнике в Дебальцево написали губернские газеты, призвали шахтеров и металлургов последовать примеру железнодорожников. Правильно! Донбасс возрождается. Шахты требуют порожняк. А Москва, Питер, заводы ждут уголь.

В конце мая 1919 года, когда деникинские войска прорвали оборону Красной армии на юге, горячие головы предлагали затопить шахты, разрушить все оборудование, не оставляя камня на камне. Их останавливал Артем, соратник Владимира Ильича Ленина, в то время — председатель Донецкого губисполкома. «Мы вернемся, — говорил он, — нам все это будет нужно. Не смейте разрушать угольное царство!» Артем ушел тогда из Бахмута пешком в последнюю ночь перед вступлением деникинских войск, конвоируя вывозимые на подводах ценности.

Да, мы сохранили угольное царство. Теперь нужно его возродить. Промышленность задыхается без своего хлеба — угля. А в Донбассе — спад. Падает число рабочих. Производительность труда — страшно сказать — 84 пуда против довоенных 725 пудов. Артему, ныне председателю ЦК Всероссийского союза горнорабочих, рассказывали, что на шахтах создаются ударные бригады. Их выдержка, самоотверженность, героизм беспримерны. Это настоящие солдаты революции. Они обещают Ленину «напрячь все силы и использовать все доступные возможности, чтобы дать стране в 1921 году 600 миллионов пудов угля: «Мы знаем, насколько трудно будет полуголодной, полуголой армии шахтеров Донбасса вырубить и вытащить из разрушенных рудников такое количество угля, но мы знаем, что от успеха нашей работы зависит победа или поражение нашей рабочей Революции.

Мы знаем, что голод, холод и разруха стали перед нами новым фронтом контрреволюции, что одержать победу на этом фронте можно, только дав стране уголь».

И вторили шахтерской клятве обушки забойщиков в Горловке и Щербиновке, на Берестовке и Рутченковке... Вторили паровозные гудки над Ясиноватой, Дебальцево, Никитовкой...

Листаешь ломкие страницы «Красной правды» — эта газета выходила в Бахмуте, другие газеты и журналы тех дней — и за каждой заметкой видишь приметы времени. «160 забойщиков рутченковских рудников на деле доказали свою преданность революции, — пишет «Красная правда» 11 июля 1920 года. — В знак благодарности московским и питерским рабочим за присланную мануфактуру ими добыто бесплатно в две смены 23 884 пуда угля. Пусть товарищи Москвы и Петрограда знают, что советские забойщики рука об руку пойдут с заводами и фабриками для работы на благо республики».

Случайный порыв? Эпизод? Пожалуй, нет — типичная ситуация для тех дней, месяцев, лет. «В хуторе Клиновом скошено сена 14 десятин. Крестьянами, сознавшими свой долг перед революцией, сено разделено на 12 семей красноармейцев и беднейших вдов» (*«Красная правда» от 21 июля 1920 г.*).

Открытие кружка кройки и шитья в железнодорожном клубе станции Дебальцево репортеры «Красной правды» не заметили, да разве это так важно, чтобы заметили? Мария Артемьевна вела кружок не ради славы и не ради заработка. Все кружки в рабочем клубе были бесплатными — хоровой, шахматный, стрелковый... У Марии Щербины не было модных

журналов, но врожденное чувство красоты подсказывало ей фасоны, за которыми приезжали даже из чванливого Бахмута. Заштопанная одежонка на ее малышах выглядела как новенькая. А уж как она могла принарядить свою Ангелиночку, все соседки завидовали.

— Сшей, Маруся, и моей Насте (Оксане, Катерине) такую же юбку (блузку, платье)... Будь ласка!

Борис с малых лет любил лошадей — наверное, врезались в память встречи с кавалеристами: в Дебальцеве и соседних поселках стояли кавбригады 13-й армии. Но мечтал, когда вырастет, стать извозчиком, а не кавалеристом. Мальчик рос болезненным, а толковых врачей в поселке не было. Мама плакала по ночам в подушку, тревожилась за сына. Муж утешал: «Вот станет наше Дебальцево главным городом в губернии, все врачи сюда съедутся».

В ту пору в Донбассе бурно спорили, где быть центру губернии. Свои аргументы были у Луганска, Юзовки, Бахмута, основанного еще в XVI веке близ соляных озер. Те города в основном уже сложились, а мечтателям хотелось начать с чистого листа. Выбор пал на Дебальцево. По решению губисполкома в Дебальцеве начали строить Дом советов, здание Центрального правления каменноугольной промышленности и «небольшую колонию для служащих». Журнал «Хозяйство Донбасса» призывал: «Пусть же Донбасс явит в России первый пример научного подхода к планированию целого губернского города, строящегося почти на чистом месте».

Донбасс явил такой пример. Только по другому адресу. В Юзовке, переименованной в 1924 году в Сталино.

9 марта 1924 года Юзовский городской Совет обсуждал вопрос об увековечении памяти В. И. Ленина. Один из депутатов предложил почтить не господина Юза, английского капиталиста, который наживался на русских рабочих, а борца за свободу трудового народа товарища Ленина. Ему разъяснили, что это имя уже дано Петрограду. Однако от царского, колониального наследия все же надо избавляться. Юзовку предложили переименовать в город Сталин. Аргументы выдвигались такие: во-первых, Юзовка — город стали, из окон виден металлургический завод; во-вторых, сталь — «символ непоколебимой стойкости борцов пролетарской революции». ВЦИК удовлетворил ходатайство Юзовского горсовета. Так в апреле 1924 года появился город Сталино.

А Дебальцево до нового административного передела оставалось центром уезда: шесть районов (Чистяковский, Ивановский, Енакиевский, Никитовский, Криндачевский, Ровенецкий), 80 волостей.

Старший братишка Костя водил Борю и Лину в детский сад, открытый при депо. В духе времени детсад назвали именем товарища Буденного, командарма Первой Конной. Маленькие буденновцы подготовили для пап и мам праздничное выступление. Сначала был доклад о пяти годах «непрерывной власти трудящихся на Украине». А потом детские песни и стихи. Борю Щербину со сцены назвали ровесником советской власти в Донбассе, на Украине, дважды именинником и наградили самыми добрыми аплодисментами.

Христиан Раковский, недавний председатель СНК Украины, полпред Советского Союза в Англии, прислал из Лондона статью для «Кочегарки», газеты Донецкого губкома партии и губернского Совета. «Советская власть на Украине, — писал он, — отстояла свое существование только благодаря поддержке Советской России, но без поддержки украинских рабочих и крестьян Советская Россия сама очутилась как бы в непосредственном окружении. Без Советской Украины Советская Россия, наверно, не выдержала бы».

«Кочегарка» публикует первые стихи, репортажи и очерки молодого журналиста из Бахмута Бориса Горбатова. Через несколько лет он напишет повесть о комсомоле шахтерского края «Ячейка», а тезка его, Борис Щербина, получит эту повесть в подарок. Вместе с комсомольским билетом.

В начале 20-х годов ЦК Всероссийского профсоюза железнодорожников, организации авторитетной и боевой, провел перепись членов союза, а он охватывал все дороги и огромное большинство работающих. Выяснилась такая картина. Свой дом, как и машинист Щербина, имела пятая часть железнодорожников; каждая четвертая семья держала домашний скот. Образование железнодорожников: начальное — 90,6 процента; среднее — 8,6; высшее — 0,8 процента.

— Вот беда наша, — вздохнул Щербина-старший, когда на собрании обсуждали итоги переписи. — Самим учиться не довелось, пусть хотя бы дети выучатся...

Борису, как и Косте и Ангелине, учеба давалась легко. Видно, от родителей ребятам достались природная сметливость, прилежание, тяга к знаниям.

Семьи железнодорожников не шиковали, но и не бедствовали. Почти у каждой был огород, а там — только приложи руки. Евдоким и Маруся выводили в поле всю свою ланку — звено по-украински. Власть огородников привечала.

15 февраля 1935 года первый секретарь Сталинского обкома партии С. Саркисов обратился с личным посланием «Ко

всем рабочим, работницам и домохозяйкам»: «Приближается весна. Это будет третья весна массового рабочего огородничества, и она должна быть проведена лучше и успешнее, чем это имело место в 1934 году...» А дальше давал конкретные советы: как сохранить влагу в земле, подготовить семена...

В 30-е годы газета железнодорожников Донбасса попеременно выходила на русском и украинском языках. Два-три номера «Залізничник Донбасу», затем — «Железнодорожник Донбасса». Но и по-украински, и по-русски из номера в номер газета писала об огородах. В 1934 году только на одной Северо-Донецкой дороге было свыше 51 тысячи огородников, в 1935-м — 72 822 человека. В этом большом (личном!) хозяйстве кочегары, стрелочники, кассиры, слесари содержали 10 тысяч коров, около 4,5 тысячи телок, 1514 бычков, до 10 тысяч свиней, 2323 козы. Ежегодно в Сталине проводилась Вседонецкая конференция огородников. На третью такую конференцию железнодорожники Дебальцева направили 25 делегатов. Они повезли «столовую свеклу весом в 10 килограммов каждая, огромной величины тыкву, огурцы, помидоры, лук, подсолнух и бобовые культуры». Руководители дороги доложили наркому путей сообщения Кагановичу: рабочие нашей дороги собрали на своих огородах 82 тысячи тонн картофеля, 5 тысяч тонн бобовых, 42 600 тонн овощей.

Такой бы приварок два-три года назад, когда и эти края косил голод...

Десятый класс... Выпускной вечер... Напутствия учителей, родителей: выбирайте, ребята, перед вами открыты все пути!

Кому-то сегодня эти слова покажутся банальными, приукрашивающими действительность. Не спешите осуждать их, людей тридцатых годов. Большой русский историк Сергей Михайлович Соловьев, на труды которого мы уже ссылались, писал о героях минувшей эпохи: «Мы не имеем никакого права требовать от них, чтоб они поступали по понятиям и условиям не своего времени, а нашего...» Евдоким Щербина захватил слом одной эпохи, царской, и зарождение другой, советской. Его сыновья Костя и Боря, дочь Ангелина росли и формировались в советские годы. Их родина — Союз Советских Социалистических Республик.

В 1972 году, в канун 50-летия образования СССР, «Комсомольская правда» попросила ровесников Союза рассказать о себе. Редакция получила тогда несколько тысяч писем. Приведем лишь несколько строк из этой коллективной исповеди.

«Ребята очень жалели, что опоздали родиться и что не нам достались революция и Гражданская война. И все же белых — пусть только в воображении — мы били...» «Уже в первом классе все знали, что такое "индустриализация", "смычка", "пятилетка", почему наши отцы выдвинули лозунг "Пять в четыре". Мы знали, что наше государство — единственное в мире государство рабочих и крестьян». «Разве был хоть один из нас, кто не слышал о героях — строителях Днепрогэса, Магнитки, Комсомольска-на-Амуре?! Разве оставили кого-нибудь равнодушными герои труда шахтер Стаханов, машинист паровоза Кривонос, сестры Виноградовы, ткачихи, Паша Ангелина, бригадир женской тракторной бригады?! Все с восхищением повторяли имена героев-летчиков Водопьянова, Каманина, Чкалова, Гризодубовой... Все эти люди и многие другие, о которых в те далекие годы говорила наша страна, были для нас примером мужества и героизма. Уже в школе мы готовили себя к защите Родины. Учились и готовили себя к возможным испытаниям».

Сохранился снимок десятиклассника Бориса Щербины. Головастый парень с коротким чубом; над карманом курточки два значка — ГТО («Готов к труду и обороне») и Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству в СССР). В те годы в военных кружках занимались миллионы ребят. Значками ГТО, Осоавиахима, «Ворошиловский стрелок» гордились, как боевыми наградами.

Что ждет этого парня?

Глава вторая

ПЛОЩАДЬ ФЕЙЕРБАХА

Мы рождены, чтоб сказку
сделать былью...

Из популярной песни
1930-х годов

Павел I ищет пасквилянтов

Самый ходовой вопрос среди десятиклассников — кем будешь? Бориса Щербину об этом не спрашивали. Все и так знали: Борька поступает в институт инженеров железнодорожного транспорта. Свой путь он выбрал еще в восьмом или даже седьмом классе конечно же не без влияния отца. На семейном совете судили-рядили только, где учиться: в Москве, Харькове или Ростове? Остановились на Харькове, недавней столице Украины. Там отцу приходится бывать в рейсах, заодно подбросит студенту домашний гостинец, все будет легче учиться.

Можно представить, как на том же семейном совете или наедине отец и сын говорили о беде, которая ворвалась в их дом три года назад. С тех дней на Евдокиме Григорьевиче висела судимость за «однократное нарушение трудовой дисциплины». В чем выразилось нарушение, сейчас уже не узнаешь. Но раз судимый — судимость сняли только перед Отечественной войной — не можешь быть партийным. Он по-прежнему водил грузовые и пассажирские составы. Его избрали делегатом Всесоюзного совещания стахановцев. И сам нарком Каганович вручил беспартийному машинисту паровоза Щербине значок «Почетный железнодорожник».

— Тебе, сынок, за отца стыдиться нечего, — мог сказать Евдоким Щербина, провожая и второго сына в Харьков. Старший, Костя, уже осваивал там военное дело.

Вступительные экзамены (тогда писали: приемные испытания) во всех харьковских вузах начались одновременно. Местные газеты писали: на 200 мест в химическом институте по-

дано 460 заявлений, в инженерно-строительном — 470 заявлений на 225 мест. Газетчики удивлялись: в институте советской торговли недобор! А чему удивляться?! Молодежь рвалась к технике: авиационной и горной, станкостроению и транспорту...

Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта имени С. М. Кирова (ХИИЖТ) делил площадь Фейербаха, в царском прошлом Вознесенскую, с Геодезическим институтом. Вознесенской площадь называлась по одноименной церкви. С ней связана любопытная байка, о которой напоминает «История улиц и площадей Харькова»:

«Летом 1800 года на стене колокольни появился пасквиль на императора Павла I. Об этом случае донесли в Петербург. Все, кто видел и держал в руках пасквиль, были немедленно арестованы и препровождены в столицу, где их допрашивал сам царь. Но автора пасквиля не нашли. Разгневанный Павел I приказал поставить на Вознесенской площади виселицу для пасквилянта и объявить, что если к назначенному сроку его не найдут, то будут бить кнутами каждого десятого харьковчанина, город уничтожат, а всех жителей сошлют в Сибирь. На второй день после сооружения виселицы на ней появилось чучело Павла I. И только смерть царя спасла жителей от наказания».

Миновал неторопливый девятнадцатый век, по рельсам вкатился двадцатый. Сменились флаги над Харьковом, Украиной, Россией... 15 лет уже исполнялось новой державе — Союзу Советских Социалистических Республик, а под Звездным Возом все так же искали пасквилянтов. Только теперь их называли врагами народа, вредителями, прислужниками фашистов...

Институтская газета «Кировец» (она выходила на украинском языке) посвятила первокурсникам специальный выпуск. «Двери ХИИЖТа открыты, пожалуйста, входите» — так обратилась к ним многотиражка в канун 1 сентября 1937 года. Будущих инженеров поздравили декан факультета движения и грузовых работ В. Повороженко, декан факультета паровозного хозяйства И. Потапов, начальник учебной части В. Середа...

«Новый 1937/38 учебный год мы начинаем в трудных условиях, — тут же уточнил начальник учебной части. — Учебные программы по большинству дисциплин, в том числе специальных, исключены как вредительские. Не лучше положение и с учебниками, особенно по специальным дисциплинам. Профессорско-преподавательский состав засорен вредительскими и псевдонаучными элементами...»

От таких установок могла закружиться голова не только у зеленых первокурсников. Тогда на первый курс приняли 422 человека, в основном из рабочих городков и поселков, железнодорожных станций, семей путейцев.

Времена не выбирают

«Времена не выбирают...» — давно и точно сказал поэт. Вглядимся в те времена, в те предвоенные годы, когда Борис Щербина учился в Харькове.

...У входа в институт большой плакат: добровольцы интербригады в Испании. Под ним строчка: «Единым фронтом против фашизма!» В газетах — ежедневные сводки с фронтов: Бискайского, Астурийского, Сантадерского...

...На улице Свободной Академии, 13, в клубе Харьковского государственного университета, открылась Центральная студенческая касса. Выбирай, ребята, спектакль по душе — все театры открыты для вас: оперы и балета, имени Шевченко, Революции, Русский драматический, Государственный еврейский...

...Веселые девчата с рекламных щитов призывают: «Покупайте апельсины и лимоны. Цены снижены». У продавцов — специальные шаблоны, чтобы покупатель, выбирая крупный, средний или мелкий апельсин, не обманулся.

Скупили у молоденькой продавщицы целый лоток — теперь веселее готовиться к сессии.

...В ночь на 3 января на Харьков, на весь восток Украины обрушился снежный буран. За считаные часы температура упала до 17 градусов мороза. Студентов подняли по тревоге: надо помочь рабочим расчистить трамвайные пути, улицы и площади. Помогли. Теперь, по дороге в общежитие, по морозцу хорошо поспорить: можно ли считать Сулеймана Стальского, был такой дагестанский поэт, лириком, «если в его стихах очень много политики»? Вполне возможно, что одному из спорщиков больше нравились стихи Тютчева, Блока или Пушкина — в 1937-м (столетие со дня гибели великого поэта) вышло много пушкинских сборников. Вроде бы безобидная пикировка, но оппоненты студента Брысина поспешили в комитет комсомола — вот примета времени. Предложили обсудить взгляды товарища на комсомольском собрании.

В комитете комсомола института с ретивыми поспешили согласиться: «Студенты смогут правильно оценить вражеские по сути взгляды Брысина. Каждому из нас ясна роль поэта Стальского, его ценность как народного певца, который сво-

ими песнями доносит политику партии в самые отдаленные аулы Дагестана». Вот такая политическая лирика...

В следующем номере многотиражки — отчет с комсомольского собрания, которое началось 10 января в 23.00 (!). «Все выступления показывают, насколько наша (комсомольская) организация была засорена всякого рода врагами, шпионами... Вражеская агентура не только скрытно, но и открыто проводила контрреволюционную работу. Комсомолка Ковенева два года скрывала от организации исключение отца из партии как троцкиста. И даже сейчас, когда он арестован органами НКВД, Ковенева упорно отрицает вину отца».

Не узнать уже, как сложилась судьба комсомолки Ковеневой, но то, что она открыто и мужественно защищала отца, безусловно, заслуживает уважения и через годы. И может быть, защитила. Перед глазами был пример ректора института (по должностной инструкции тех лет — начальника) В. П. Черно-бривца. Его исключили из партии, а через год — восстановили. Таких историй было немало. К сожалению, чаще любое, даже вздорное, нелепое обвинение принималось на веру. Вчерашние вожди один за другим становились врагами народа. Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Раковский...

Короленко пишет Раковскому

В 1927 году Христиана Раковского, в прошлом члена Оргбюро ЦК ВКП(б), председателя Совнаркома Украины, полпреда Советского Союза в Великобритании (1923) и во Франции (1925—1927) XV съезд ВКП(б) исключил из партии. Его отправили в ссылку. Сначала в Астрахань, потом в Барнаул. В 1934 году вернули в Москву, дали должность в Наркомате здравоохранения России — начальник управления средних медицинских учебных заведений. Год спустя восстановили в партии. Повысили: теперь Раковский председатель исполкома Советского общества Красного Креста. До нового ареста — 27 января 1937 года... Мы видели снимки Христиана Георгиевича перед арестом и после. Их отыскал доктор исторических наук писатель Владимир Ефимович Мельниченко, автор документальной повести о Раковском. Будто два разных человека на тех снимках. Христиана Раковского приговорили к двадцати годам тюремного заключения и пяти годам поражения в правах с конфискацией имущества.

В 1938-м ему было 65 лет. К 90-летию, в 1958-м, мог стать свободным человеком.

Что на самом деле припомнили Христиану Георгиевичу, кроме высосанного из пальца «антисоветского правотроцкистского блока» и обвинений в шпионаже, вредительстве, терроризме, стремлении расчленить СССР? Может быть, добрые отношения с Короленко? По его заступничеству предсовнаркома Украины спас от казни многих безвинных людей. Они переписывались на рубеже 20-х годов. Письма Владимира Галактионовича увидели свет лишь в 1990 году.

Выбираем из тридцати четырех писем самое главное:

«20/III-1919.

Дорогой Христиан Георгиевич,

Много у меня есть, о чем поговорить с Вами, но... я чрезвычайно затрудняюсь. Будь Вы по-прежнему только Раковский, мой добрый знакомый, затруднения не было бы. Будь Вы лицо официальное, в прежних условиях я обратился бы к Вам, как привык это всегда делать, с открытым письмом в печати. Но Вы и мой добрый знакомый, и официальное лицо. В печати я ничего сказать Вам не могу: независимой печати теперь нет. Когда-то в 70-х годах пронеслась тревожная весть: Александр II решил было уничтожить все газеты, кроме "Правит[ельственного] В[естника]" и "Губернских ведомостей". Его успели отклонить от этого. Даже тогдашним его министрам это показалось вредной утопией. Теперь эта утопия осуществлена: кроме официальных и официозных изданий, ничего другого почти нет. И я считаю, что для вас же самих, для данной власти, это чрезвычайно вредно: вы не слышите независимой критики и все происходящее для вас получает одностороннее освещение»...

«Карать можно лишь за поступки, но не за мысли. Раз допустить другое — Вы окажетесь в положении прежнего царского правительства: переполнятся тюрьмы до такой степени, что потом и сами не разберетесь... Если бы у нас была независимая печать, а не только "Правит[ельственные] вестники" и "Московские ведомости", то вы бы узнали, сколько по разным чрезвычайкам, особенно уездным, томится людей только за "звание" или за убеждения, сколько льется слез матерями, женами, детьми, сколько это вызывает недоумения, сочувствия к жертвам и даже негодования. В самой широкой простой среде. И опять не буржуазный предрассудок, — что из этих слез, вздохов, суждений, как из незаметных испарений, накапливаются грозовые тучи. Царское правительство этому не верило и свалилось. Правда, держалось долго. Но ведь корни его были глубоки: врастали столетиями... Теперь все совершается гораздо быстрее. Считаю важным и для вас, чтобы это прекратилось»...

«Мне когда-то... пришлось описывать два типа администраторов: одни дают свободу почти всему, что закономерно нарождается из жизни; другие считают, что без их вмешательства даже трава не вырастет, и приказывают ее подтягивать кверху мерами власти. Большевики задались огромными задачами (по-моему, вообще в данное время в целом невыполнимыми) и... слишком часто похожи на администраторов второго типа... Вред от этого огромный, и опять же не только для жизни, но и для вас»...

«Тюрьмы и чрезвычайки у нас перегружены. Когда-то один жандармский генерал, которому я наговорил разностей по поводу глупых обысков, в том числе и у меня, показал мне целый сундук, набитый доносами, и сказал: "Мы не можем не давать им хода... Мы сами во власти доносчиков". Подлейшее из бытовых явлений — охочий донос — действует во все времена при бессудности и произволе. И те самые охочие люди, которые прежде доносили жандармам, часто теперь доносят вашим чрезвычайкам. Во всяком случае психология доноса всегда одна. И если теперь можно сказать, что есть часть и не прямых подлецов, сводящих личные счеты доносами, то ведь и прежде были искренние черносотенцы. Но нет ничего опаснее, как очутиться во власти доноса. А ваши администраторы уже в значительной степени попали под эту власть. И это опять опасно для вас самих.

Говорят, скоро откроет свои действия революц[ионный] трибунал. Говорят, предстоят расстрелы. Берегитесь этого средства. Виселицы не помогли Романовым, несмотря на 300-летние корни. В политической борьбе казни вообще недопустимы, а их было уже слишком много. Жестокость заливала всю страну, и все "воюющие" на внутренних фронтах стороны в ней повинны. Вы, большевики, не менее других»...

«Если бы Вы захотели и смогли положить предел хотя бы этому разгулу политических казней — это было бы новое, истинно разумное и истинно полезное человеческое слово в страшной свалке, которою охвачена вся Россия и от которой она погибает. И это не повредило бы вашему делу, а, наоборот, направило бы его по более верной дороге...»

«2 июня 1919. Полтава.

Нельзя не приветствовать упразднения уездных чрезвычаек, если только... это не останется только на бумаге. После вмешательства здешнего губ[ернского] исполкома и Вашей телеграммы бессудные расстрелы, о которых я Вам писал, прекратились в Полтаве. Но уездные чрезвычайки продолжали расстрелы до последнего времени...»

«11 июня 1919. Полтава.

...Мне говорят, что и в других местах совершается еще больше жестокостей, и у вас в Киеве они происходят "в порядке красного террора". Недостаточно назвать данное явление порядком, чтобы совлечь с него позорный характер свирепой и бессудной жестокости, и когда я читаю в ваших газетах известия о "палачах-белогвардейцах", то мне невольно приходит в голову, — что их газеты в свою очередь пишут о том, что происходит у нас. И мне грустно думать, что со всем этим связывается Ваше имя...»

«20 июня 1919.

Я не большевик. Одно время я думал все-таки, что если большевизм сумеет удержаться в пределах спокойствия и самообладания, то весьма вероятно, что именно ему суждена победа в борьбе, и тогда ему же самому придется стать лицом к лицу с основными огромными ошибками и бороться на мирной уже почве с их последствиями. И это я замечал у многих.

Теперь под влиянием "красного террора", заложничества, бессудных казней это настроение исчезает. Вера в силу вашей власти теряется потому, что вы (я говорю не лично) теряете голову, начинаете гоняться за призраками и, уничтожая отдельных лиц, создаете "бытовые явления", которые сразу действуют на массы.

Да, я не большевик, но я и не петлюровец, и не деникинец, не верю в пользу внешнего вмешательства. Я не активный политик. Но я верю, убежден, знаю, что есть все-таки и моральная сила, которой стоит проснуться, и многое изменится. Поэтому я стараюсь пробудить человечность среди озверения, и я не только верю, но и знаю, что она не вредит, а помогает в самой борьбе. Мужество в открытом бою, человечность к побежденным! — вот истинная формула человеческой, а не звериной борьбы. Теперь мало кто понимает, как силен стал бы тот, кто сумел бы честно проявить это настроение... Но у вас, большевиков, его нет».

«11 июня 1920 г. Полтава.

...Привезли из Миргорода 36 человек, повинных в заговоре. В числе их есть три девушки, вернее, девочки (две 17 и одна 18 лет). Можно ли сомневаться, что эти гимназистки действовали без полного разумения? Сколько мне известно, они участвовали в той стадии заговора, которая, благодаря присутствию в наивной организации сыска, была раскрыта ранее даже приступа к осуществлению. Даже при царской власти не было казней за одни намерения. Я много писал против тогдашних смертных казней, и в свое время большевики цитиро-

вали эти мои статьи, направляя цитаты против Временного правительства. Я, наверное, не доживу до того, чтобы посмотреть на действия самих большевиков как на прошлое. Но неужели историку придется отметить со стороны русской республики XX века не только вспышку, но и закрепление казней за намерения? И мне так горько думать, что с этим может быть связано Ваше имя» (*Вопросы истории. 1990. № 10*).

«В 21 час 25 минут Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора, — передали с ночного процесса корреспонденты ТАСС. — В 4 часа утра 13 марта (1938 года. — *В. А., В. Ч.*) председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюрист В. В. Ульрих оглашает приговор...»

Бухарин, Рыков, Ягода приговорены к расстрелу. А Раковского отправят в Орловский централ. Когда началась Великая Отечественная война, узников не успевали эвакуировать. Или не хотели — с кем возиться?! Немцы уже под Орлом. 8 сентября 1941 года Военная коллегия Верховного суда заочно приговорила Христиана Раковского к смертной казни. Его расстреляли в Орловском централе.

В том же мире, оглушенном политикой, укрывались от назойливого взгляда простые человеческие чувства. Студенты крутили любовь. Убегали с лекций в кино. Отправлялись в походы — альпинисты ХИИЖТа поднялись на Эльбрус; лыжники победили в соревнованиях на первенство вузов Наркомата транспорта. В команде из девяти человек был и Щербина.

Кафедра физкультуры института считалась одной из лучших в Союзе. Заведующему кафедрой Г. К. Артамонову было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР.

5 октября 1939 года (Щербине — 20 лет) в многотиражке мелькает его фамилия. Некий Активист, так он подписался, рассказал о закрытом комсомольском собрании, на котором выступал второкурсник Борис Щербина. «После доклада т. Щербины т.т. Михнович и Мацкевич выявили целый ряд недостатков в деятельности комитета комсомола в деле постановки оборонной работы».

Оборонная работа — не случайно брошенная фраза. Война приближалась к границам Союза. Ровесники Бориса Щербины в школе, институте, на заводе или стройке готовились защитить Родину.

На той войне незнаменитой

На исходе 1939 года началась война с Финляндией. «Ввиду того, что вылазки на советскую территорию не прекращались, у Советского правительства оставался только один путь к достижению безопасности северо-западной государственной границы — отдать приказ войскам Ленинградского военного округа дать решительный отпор агрессивной финской военщине, — отмечается в многотомной «Истории Второй мировой войны. 1939—1945». — Приказ последовал 30 ноября. Одновременно СССР еще раз предложил Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи. Но на это предложение правительство Финляндии не реагировало и объявило войну СССР» *(М., 1974. Т. 3. С. 361)*.

1 декабря, как сообщило ТАСС, в городе Териоки было «создано народное правительство Финляндской Демократической Республики. Президиум Верховного Совета постановил признать народное правительство Финляндии и установить дипломатические отношения между Союзом ССР и ФДР».

Спроси сегодня, что такое ФДР, пожалуй, не каждый из знатоков ответит. Та недолгая война осталась в тени Великой Отечественной и почти забыта. А вот Борис Евдокимович Щербина до конца своих дней помнил строки Александра Твардовского о той войне незнаменитой.

Выписываем из «Личного листка по учету руководящих кадров»:

«IX.1937—I.1940 — студент института инженеров железнодорожного транспорта. Харьков.

I.1940—III.1940 — солдат-лыжник 316 отд. лыжн[ого] эскадр[она]. Финский фронт.

III.1940—II.1942 — студент института инженеров железнодорожного транспорта, г. Харьков, г. Ташкент».

Это подлинник. Быстрый, летящий почерк Щербины...

В те зимние дни сорокового года газеты писали о героях борьбы с белофиннами — красноармейцах Койде, Колпакове, командире части Зиновьеве... Щербина, как и его сокурсники, внимательно следил за новостями с фронта. И все больше созревало убеждение, что его место там, на передовой...

В институте, судя по документам, с которыми нам удалось познакомиться, о том, что их студента зачислили солдатом-лыжником, не знали. «Незнаменитая война» завершилась 13 марта 1940 года. Через несколько дней в ХИИЖТе «состоялись довыборы комитета комсомола». Выбирали взамен товарищей, которые получили новые назначения: один стал пред-

седателем профкома, второй возглавил районный комитет Осоавиахима, третий готовится к защите дипломного проекта, а Щербина, как писал «Кировец», «выбыл неизвестно куда». Почему выбыл? Куда именно? Ответов нет — военная тайна!

Впрочем, такие тайны долго не живут. Борис возвращается с фронта, переполненный впечатлениями. Друзья расспрашивают, что это такое — *лыжный* эскадрон, как там было...

Как там было на самом деле, он не рассказывает даже дома. Не вспоминает и через годы с самыми близкими людьми. Лишь однажды, много лет спустя...

Вместе с Борисом Евдокимовичем летел в командировку начальник главка министерства Юлий Васильевич Андрейчев. Юлий мальчишкой пережил оккупацию родной Керчи, на его глазах немцы расстреливали ровесников... Вот тогда министр и сказал о своих ровесниках на финской войне: они замерзали на ходу.

Сокурсники быстро поняли: Щербину лучше не расспрашивать, все равно ничего не скажет. Или тут же переведет разговор на другую тему:

— Ребята, давайте делом займемся. Знаете, как Повороженко спрашивает...

Да, Владимир Васильевич Повороженко, завкафедрой грузовой работы, декан, полузнаек не терпел. В недавнем прошлом помощник машиниста паровоза, он был влюблен в железнодорожный транспорт и требовал такого же отношения к Дороге от будущих инженеров. После Великой Отечественной войны доктор технических наук Повороженко возглавил кафедру грузовой работы в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, написал учебники, по которым студенты учатся и сегодня. О Борисе с гордостью рассказывали харьковские газеты: «Отличник ХИИЖТа, доброволец — участник на фронте борьбы с белофиннами. Кандидат на Сталинскую стипендию». В кандидатах он ходил недолго.

28 июня 1940 года на первой полосе вузовской газеты в подборке «Наши студенты-отличники — Сталинские стипендиаты» снова появляется фотография Бориса Щербины. Подборку фотографий сопровождают выдержки из приказа народного комиссара транспорта Л. Кагановича. Документ № 124/Ц от 13 июня 1940 года стоит перечитать:

«В честь шестидесятилетия товарища Сталина — вождя большевистской партии и народов СССР, гениального творца революционной теории, вдохновителя и организатора расцвета в СССР новой, действительно революционной науки, которая ломает старые, отжившие традиции, нормы и установки,

Советом Народных Комиссаров СССР установлены для выдающихся студентов-отличников стипендии имени Сталина...» По Харьковскому институту инженеров железнодорожного транспорта имени С. М. Кирова нарком приказал зачислить на стипендию имени Сталина семерых студентов: Брысина Сергея Федоровича, Верхошапова Александра Петровича, Вольвоча Евгения Самуиловича, Зельцера Лазаря Иделевича, Кононенко Виктора Иосифовича, Рожанского Константина Ивановича, Щербину Бориса Евдокимовича.

Между прочим, Брысин — тот самый любитель поэтической лирики. К стихам Сулеймана Стальского он своего отношения не изменил. Охотно читал на студенческих вечерах Михаила Светлова:

К пограничным столбам
Приближаются снова бои,
И орудия ждут
Разговора на новые темы...

Замсекретаря комитета комсомола института Борис Щербина охотно отзывается на просьбу вузовской многотиражки выступить в газете. Тема — воспитание комсомольцев. Свои заметки Борис так и называет — «О воспитании комсомольцев». Начало, разумеется, в духе времени: «Партия и советское правительство в период завершения социалистического строительства и перехода к коммунистическому обществу особое внимание уделяют воспитанию советского народа в коммунистическом духе... Комсомол призван воспитывать молодежь в коммунистическом духе...» А дальше Щербина анализирует «поступки отдельных комсомольцев», которые нарушают трудовую дисциплину, пропускают занятия, аморально ведут себя в быту. «Комсомол, — считает автор, — должен воспитывать членов своей организации методом убеждения. Вместе с тем каждый комсомолец должен заниматься самовоспитанием... Из отдельных поступков складывается дисциплина студента, дисциплина комсомольца» *(«Кировец» от 20 февраля 1941 г.)*.

Да и вся жизнь человека, можно добавить, — это цепь отдельных поступков. А их диктуют характер личности, нравственные ориентиры, понимание своего места в жизни. Год назад, в свои 20 лет, студент Щербина свой выбор сделал — отправился добровольцем на войну с Финляндией. Сейчас у порога стояла другая война — Великая Отечественная.

Глава третья

«ВСТРЕТИМСЯ В ХАРЬКОВЕ»

Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собою.

Н. Карамзин

«Вы теперь инженеры»

Дипломную работу Борис Щербина защищал в Ташкенте. Столица Узбекистана, как и многие другие тыловые города, гостеприимно приняла тысячи эвакуированных. С Харьковским институтом инженеров железнодорожного транспорта поделился аудиториями, общежитиями родственный ташкентский вуз. Вместе с дипломами выпускникам вручали направления на работу. Борису — по его просьбе — в управление Северо-Донецкой железной дороги. Поближе к фронту.

— Вы, товарищи, знаете, как нужны в этот трудный час Родине, — напутствовал их ректор. — Великий Кобзарь зовет вас на помощь из немецкой неволи, из оккупированного Харькова. И Красная армия переходит в наступление...

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, освобождения Ростова, Керчи и Феодосии всем верилось в полную победу над врагом. Вот и товарищ Сталин говорит, что 1942-й станет годом полного разгрома фашистской Германии. Значит, так и будет. Январь едва перевалил за половину, а войска Юго-Западного и Южного фронтов перешли в наступление, прорвали немецкие укрепления. За десяток дней, с 18 по 27 января, наши части «продвинулись вперед более чем на 100 километров и освободили свыше 400 населенных пунктов» (*Сообщения Советского информбюро. М., 1944. Т. 2. С. 69, 70).*

Операция Южного и левого крыла Юго-Западного фронтов имела своей целью, говорится в многотомной «Истории Великой Отечественной войны», освобождение Донбасса и выход советских войск на рубеж Днепра. 26 января войска 6-й армии совместно с частями 6-го кавалерийского корпуса перешли железную дорогу Харьков — Лозовая, вышли на рубеж

реки Орель и на следующий день овладели крупным железнодорожным узлом и станцией Лозовая *(История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963. Т. 2. С. 342)*.

Надо ли говорить, как следили за новостями в эвакуации! Для кого-то Лозовая — неизвестная точка на карте, но только не для Бориса и Ангелины, его сестрички: сколько раз они проезжали Лозовую — не сосчитать!

— Боря, Боря, ты читал? Лозовую освободили, — бросилась к брату Ангелина. В руках у нее был номер «Комсомольской правды». — Вот смотри.

Читали вместе. Вокруг них постепенно собирались сокурсники.

«В последний час.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов заняли города Барвенково и Лозовая...»

Мы открыли в «Ленинке» этот номер «Комсомольской правды». Вот репортаж военного корреспондента газеты Т. Карельштейна «Как была взята Лозовая». Журналист пишет о части, «которой командует тов. Зиновьев». Фамилия не столь уж редкая, но это был тот самый Зиновьев, Герой Советского Союза, герой финской войны. Теперь Иван Дмитриевич командовал 393-й стрелковой шахтерской дивизией.

Военкор «Комсомолки» Тарас Карельштейн заметил любопытную деталь: «Наши бойцы захватили полный духовой оркестр немецкого полка. Не придется больше играть марши солдатам и офицерам этого полка — они все полегли на поле боя».

Представьте Ташкент января сорок второго года. В городе хлебном так же скудно, как повсюду. Но все-таки нет светомаскировки, приглашают на спектакли театры...

— Господи, как же я хочу домой! — вдруг всхлипнула Лина.

Борис мягко приобнял сестру за плечи:

— Вот доучишься и тоже попросишь направление в Купянск, нет, в Харьков, тогда уже вся Украина будет свободной... И на Лозовой ты мне опять почитаешь своего Луговского...

И на проводах дрожит звезда,
Запевает сталь полосовая.
Громыхают бронепоезда
Вдоль твоих перронов,

Лозовая!

В последних сообщениях с фронта Борис раз за разом отмечал фамилию, знакомую по финской войне, — Зиновьев.

От Советского информбюро

Утреннее сообщение от 15 февраля 1943 года:

«Наша часть под командованием тов. Зиновьева (Юго-Западный фронт) выбила немцев из 3 населенных пунктов. В бою уничтожено до 700 немецких солдат и офицеров».

Утреннее сообщение от 25 февраля 1943 года:

«Наша часть, где командиром тов. Зиновьев (Юго-Западный фронт), за 20 дней февраля в ожесточенных боях нанесла немцам большой урон. Противник потерял убитыми 3220 солдат и офицеров. Наши бойцы захватили 150 автомашин, 130 орудий, 9 танков, 180 мотоциклов и много другого воинского имущества».

— Здорово воюет Зиновьев! — вырвалось у Бориса.

Позже, работая в Харьковском обкоме комсомола, он узнал, что осенью сорок первого его родной Донбасс сформировал три шахтерские дивизии. 383-я и 395-я воевали на Южном фронте, 393-ю направили под Харьков, пополнили 6-ю армию. Докапываясь до корней харьковской катастрофы лета сорок второго, Борис Евдокимович перевернет горы книг, в командировках по области будет искать очевидцев наступления и страшного «котла».

В зиму 1941/42 года в дивизии полковника Зиновьева побывал писатель Василий Гроссман:

«Бойцы спят в лесу при морозе 35 градусов. Они не боятся танков: привыкли к врубовым машинам. В шахте страшней, говорят шахтеры. Зиновьев говорит, что главный человек на войне — красноармеец, ведь он кладет свою жизнь, ведь он в 35-градусный мороз спит на снегу. А отдать жизнь не легко, жить всем хочется, и героям жить хочется. Завоевывать авторитет нужно каждодневным общением с бойцом, каждодневной беседой с ним, боец должен не только знать задачу, но и понимать задачу. С бойцом нужно и беседовать, и спеть, и сплясать. Но авторитет у командира должен быть не дешевый, а дорогой. И командир отделения, и взвода, и роты, и полка должен каждый день, каждый час завоевывать свой дорогой авторитет у бойца. Этому, говорит Зиновьев, меня научила служба в пограничных частях. Когда боец верит — он все исполнит и пойдет на смерть. Надо бы городок занять, надо бы дорогу перерезать — и знаю: займут, перережут».

После освобождения Лозовой «развитие Барвенковско-Лозовской операции в глубину закончилось, — писал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, в ту пору командующий войсками 6-й армии. — Противнику удалось подтянуть с юга резервы и, локализовав прорыв, навязать в районе г. Славянска бои за населенные пункты».

В Ташкенте Бориса провожает Ангелина, просит писать почаще:

— Видишь, как война всех разбросала... мне так одиноко станет теперь...

Соберутся ли все они снова под крышей родного дома? Когда? Ангелина, светлая душа, верит в лучшее.

— Встретишь меня в Харькове, — говорит она на прощание брату.

— Есть! Встречу на Южном вокзале инженера Ангелину Щербину, — отвечает Борис. — Или у тебя к тому времени уже будет другая фамилия?

Улыбнулась сестричка печально. Может, чуяла: больше им не суждено увидеться. Не станет Линочка, как мечтала, инженером, не выйдет замуж: через месяц-другой только сокурсники проводят ее в последний путь. И ни родители, ни братья из своего военного далека не смогут проститься с ней.

Мирный Купянск у тихого Оскола за все свои триста лет не видел столько больших начальников, как в ту зиму 1941/42 года. Республиканские власти, харьковские, армейские штабы, управление Северо-Донецкой железной дороги — здесь теперь предстояло работать молодому инженеру Борису Щербине.

Обстановка — фронтовая. Воздушные тревоги. Залпы зениток. Пожары... Но поезда к фронту должны идти в любых условиях. За это головой отвечает начальник группы военных перевозок Купянского отделения Борис Щербина. Начальнику всего 22 года, но с ним считаются и ветераны Северо-Донецкой: видно по всему — прирожденный железнодорожник. И пороху понюхал еще на финской.

В мае сорок второго

По ритму железной дороги, по характеру перевозок Борис видел: готовится большая операция... Однако январское наступление 1942 года больших удач не принесло. «Удалось достичь лишь некоторых территориальных успехов и разгромить только часть сил противника», — писал в книге «На юго-западном направлении» Маршал Советского Союза Москаленко. Маршал задавался вопросом: «Насколько решения Военного совета Юго-Западного направления, касавшиеся наступления в январе — феврале 1942 г., соответствовали сложившейся обстановке? Ведь намеченные им обширные планы... предусматривали разгром противостоящих вражеских группировок и

продвижение к 1—15 февраля 1942 г. на 300—350 км к западу. Осуществить же нам удалось весьма немногое. Это дает основания сделать вывод, что они были нереальны, что даже та их часть, которую одобрила Ставка Верховного Главнокомандования, не учитывала действительного соотношения сил... преувеличивала наши возможности и, самое главное, недооценивала противника».

К сожалению, первый урок никого и ничему не научил. Военный совет Юго-Западного направления утвердил очередную «оперативную директиву о проведении наступательной операции...». Войскам 6-й и 38-й армий ставилась задача освободить Харьков. Но сил для наступления не хватало. Москаленко прямо пишет: «Задача по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки врага с последующим овладением Харьковским промышленным районом не была выполнена». Но и второй звонок не услышали ни в Москве, ни в штабе Юго-Западного направления. Маршал Тимошенко и член Военного совета Хрущев настояли перед Сталиным на новом наступлении. Майском.

12 мая началось наступление на Харьковском направлении. 6-я армия генерал-лейтенанта А. М. Городнянского, в состав которой входила 393-я дивизия, наносила главный удар с Барвенковского выступа. Второй удар из района Волчанска наносила 28-я армия генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева. Направления ударов сходились к Харькову. Но до Харькова наши войска вновь не дошли. А немецкие части прорвались к Северскому Донцу. 19 мая наши войска — 6-я армия, 21-й и 23-й танковые корпуса, 57-я армия были брошены «для ликвидации образовавшегося прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии...». Части 6-й армии вступали в бой «разрозненно, без необходимой авиационной и артиллерийской поддержки. Вследствие этого остановить продвижение врага не удалось».

Из записных книжек Виктора Андриянова

Снова и снова перелистываю выцветшую книжечку Ивана Дмитриевича Зиновьева «Бой в окружении». На второй странице обложки выходные данные: «Отпечатано в 1-й Государственной типолитографии, Иркутск, К. Маркса, 11». В печать книжка подписана 10 апреля 1942 года. Значит, когда дошла она до армии, до бойцов, Зиновьев снова вел бой в окружении. И может, вспоминал о том окружении на финском фронте, у селения Уомас:

«Положение наших частей, окруженных в этом квадрате, было очень тяжелым. Выйти из окружения и пробиться на соединение с нашими частями мы не могли по двум причинам. Во-первых, мы понимали свое значение как отряда, не только окруженного, но и действующего в тылу крупных белофинских частей. Во-вторых, на складе, который мы охраняли, было огромное количество боеприпасов, но не было ни одной бочки с горючим. Танковая рота не могла двинуться с места».

Часть, не только окруженная, но и действующая в тылу. Именно так и только так мог расценивать ситуацию Зиновьев и сейчас, несмотря на изменившиеся масштабы войны, на совсем другое соотношение сил.

Я не знаю, каким был последний бой комдива Зиновьева. Но я знаю: такие, как он, сражаются до последнего.

...На моем рабочем столе в Архиве Министерства обороны — канцелярская красная папка. Обычная папка, каких тысячи и тысячи. На обложке рукописная наклейка: «Боевые приказы 393-й стр. дивизии. Нач. 3.9.41. Оконч. 10.10.41. 15 листов». Рядом — еще одна наклейка, напечатанная на машинке где-то в Германии: «393-я стрелковая дивизия (Южно-Харьковский участок)».

Боевые приказы и сообщения, приказ о повышении в чинах. Поименный список готовности на случай тревоги.

Содержание: в 1-й папке 14 нескрепленных листов.

После сорок пятого эти документы вернулись на Родину.

Жадно перебираю каждый листочек — что добавит он, о ком расскажет?

Наряд от 19 сентября 1941 года. 393-й дивизии отправляются покрышки и камеры. Боевой приказ на выход «в районы своих оборонительных участков» — октябрь сорок первого. Боевое донесение командира 967-го артполка капитана Лысенко, комиссара старшего политрука Мякотина и начальника штаба старшего лейтенанта Платонова о результатах марша. На листке плотной грубой бумаги пересказывается опубликованное в газетах постановление ГКО о преимуществах фронтовиков в присвоении очередных воинских званий. Что еще? Сентябрьский «план проведения занятий с группой командного состава» да «список боевого расчета по тревоге штаба и управления 393-й сд». Все.

В этой папке нет приказов о боях, политдонесений, списков личного состава... Все было сожжено, взорвано или закопано, но не досталось немцам.

...На публикации «Комсомольской правды» о неизвестных страницах войны откликнулся Василий Иванович Азаров. Он

был среди тех, кто выходил из окружения под Харьковом. Вели колонну комдив 393-й Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Зиновьев и комиссар Александр Леонтьевич Езовских.

«Не зашло еще солнце за горизонт, как из соседней балки послышалось русское "ура", — пишет Азаров. — Комдив приказал выпустить все снаряды по Крутоярке, и мы двинулись вперед. Со мной в машине сидела военфельдшер Валя, раненная в грудь при взятии села Картомыш. У Крутоярки нас встретил сильный пулеметный и минометный огонь, но три наших танка и остатки присоединившейся к нам танковой бригады подавили эти огневые точки. Пройдя с боем Крутоярку, мы двигались всю ночь по полю.

Из поселка у дороги Протопоповка — Балаклея били пулеметы. Полуразрушенный мост через Северский Донец охраняли немецкие автоматчики. Мы их сняли и перешли на ту сторону...»

Все дальше к югу катилась война. Фронт отступал. Но, подчеркивает в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, «отходили не группы воинов, а батальоны, полки, дивизии, т. е. армия, управляемая командирами и штабами... Думы жгли душу. Но чувства бессилия или обреченности не было и в помине. Жила, как и прежде, твердая, непоколебимая вера в разгром врага, в нашу победу».

Из автобиографии Б. Е. Щербины:

«В июне 1942 г. был направлен Харьковским обкомом КП(б) Украины для работы в должности секретаря обкома комсомола по военной работе. После эвакуации из области работал в ЦК ВЛКСМ инструктором спецотдела до февраля 1943 г., когда вновь возвратился в Харьковский обком ЛКСМУ на прежнюю работу — секретарем по военной работе».

Признаемся, открывая эту страничку биографии нашего героя, мы не рассчитывали на неожиданные открытия. Недолго, несколько месяцев, работал в ЦК ВЛКСМ. Писал, наверное, справки. Возможно, раз-два слетал куда-нибудь в командировки — все-таки спецотдел. Да, командировок было всего две. Первая — «в г. Елец для выполнения спецзадания», а вторая — в Сталинград. В этой командировке инструктор спецотдела ЦК ВЛКСМ Борис Щербина находился с 26 ноября 1942 года по 8 февраля 1943 года. Два с половиной месяца в сражающемся Сталинграде. Но об этом надо рассказать по порядку.

Командировка в Сталинград

Начнем с анкеты, которую заполнил Борис Евдокимович.

1. Фамилия, имя, отчество (псевдоним). При перемене фамилии или имени и отчества указать старые и причины перемены.

Щербина Борис Евдокимович.

6. Знаете ли какие-нибудь языки, кроме русского, какие именно и в какой степени владеете ими?

Хорошо украинский, слабо немецкий.

9. Состояли ли раньше в каких-либо политических партиях, в каких именно, где, когда и причины выхода?

Не состоял.

10. Принадлежали ли Вы и Ваши родственники к антипартийным группировкам, разделяли ли антипартийные взгляды? Какими парторганизациями вопрос об этом рассматривался, когда и их решения?

Не принадлежали.

14. Служили ли Вы или Ваши родственники в войсках или учреждениях белых правительств (белых армий), в каком чине (должность), где и когда?

Не служили.

16. Служили ли в Красной армии, где и в какой должности (последняя должность и звание)?

С января по март включительно 1940 г. Боец лыжных эскадронов РККА.

18. Привлекались ли Вы к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном или административном порядке, когда, где и за что именно? Если судимость снята, то когда?

Не привлекался.

19. Привлекались ли к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном порядке, когда, где и за что именно Ваши ближайшие родственники?

В 1934 году отец был осужден по закону от 7 (месяц неразборчиво. — *В. А., В. Ч.*) *1933 г., а затем судимость была снята (года не помню точно, 1939 или 1940). В это время он работал председателем профкома депо «Дебальцево-Восток».*

20. Лишались ли Вы или Ваши родственники избирательных прав? Если да, то кто именно, когда и за что?

Не лишались.

26. Имеете ли за границей родственников или близких знакомых, где и чем они занимаются, когда и почему выехали, их фамилия, имя и отчество и адрес.

Не имею.

27. Имеете ли родственников или знакомых в иностранных миссиях, представительствах или среди иноподданных, их фамилия, имя и отчество.

Не имею.

Переведем дыхание. Мы добрались только до середины анкеты. Дальше так же подробно (семь подпунктов) о родителях:

29. е) Чем занимаются и где находятся (точный адрес) в настоящее время?

Эвакуировались в глубь страны. Где находятся, не знаю.

30. Ваше местожительство (точный адрес и № телефона).

г. Москва, гостиница «Националь», общежитие, комн. № 4.

Анкета собеседников Щербины удовлетворила. 24 августа 1942 года секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов подписал выписку из протокола № 428 заседания секретариата ЦК ВЛКСМ: «Утвердить тов. Щербину Б. Е. инструктором ЦК ВЛКСМ, сохранить зарплату —1000 рублей».

Командировка инструктора спецотдела ЦК ВЛКСМ Бориса Щербины в Сталинград продолжалась 74 дня: с 26 ноября 1942-го по 8 февраля 1943-го.

Жаль, конечно, что Борис Евдокимович не оставил воспоминаний об этих днях. Мы попытаемся по документам тех лет, свидетельствам очевидцев реконструировать события, тот участок фронта, который держал героический комсомол Сталинграда. Сразу же поблагодарим за помощь Людмилу Павловну Овчинникову, журналиста и писателя, историка Сталинградской битвы. Она выросла в Сталинграде, пережила там оборону и наступление...

— И как только отбили немцев, нас собрали и отправили в пионерский лагерь. Меня там на ноги поставили. Значит, кто-то думал о нас.

Думал и заботился комсомол. Ребята обходили подвалы, землянки, собирали беспризорников, сирот.

«7 декабря комсомольская организация начала свою работу в освобожденной от немецких захватчиков части города — Рынок, Спартановка, совершенно разрушенных рабочих поселках. Уцелевшее население живет в ямах. Нет ни одной семьи, где бы не было погибших.

Начали с самых простых дел. Собрали и вывезли 47 детей. Отделали медпункты, отстроили баню, пекарню. На Новый год организовали подарки для детей...

Направляли ребят в разведку. Погибли в разведке — были расстреляны Стольников Шура и Иготов Коля.

Сейчас фронт от нас на расстоянии 1 километр. Выбивают остатки немцев с СТЗ. Скоро будем у себя на тракторном» (*Из отчета секретаря Тракторозаводского райкома комсомола Пластиновой. 3 января 1943 г.*).

...5 декабря 1942 года городской комитет обороны Сталинграда утвердил список из 273 добровольцев-комсомольцев и молодых коммунистов. Их направили «в штаб партизанского движения Сталинградского фронта для подготовки и дальнейшего использования по назначению».

...В те же дни знаменитую 62-ю дивизию генерала Родимцева пополнили 2200 добровольцев-комсомольцев. Заявлений было в два раза больше, но и отбор был строгим. «Всех добровольцев, — говорилось в постановлении Сталинградского обкома ВЛКСМ от 27 октября 1942 года, — пропустить через медицинскую и мандатную комиссии. Отобранных направить в г. Камышин, обеспечив их теплой одеждой, питанием, организовав для них товарищеские проводы».

4 февраля на площади Павших борцов собрались сталинградцы — воины и защитники города. Хрущев, Чуйков, Родимцев... Звучат строки письма Сталину: «Наш город ликует. Величайшая битва за Сталинград закончилась. Сталинград выстоял, Сталинград победил!»

Теперь на очереди — Харьков!

Харьков: второе отступление

«В последний час.

6 февраля на Украине наши войска в результате ожесточенных боев овладели городом и железнодорожной станцией Лисичанск, городом и железнодорожной станцией Барвенково, городом и железнодорожной станцией Балаклея» *(«Комсомольская правда» от 7 февраля 1943 г.)*. Следом освобождены Волчанск, Чугуев, Лозовая... И наконец — Харьков!

16 февраля наши войска после решительного штурма, перешедшего потом в ожесточенные уличные бои, овладели городом Харьковом (*«Комсомольская правда» от 17 февраля 1943 г.*).

«Фронт все дальше и дальше отодвигается на запад, — писала «Комсомолка» 25 февраля 1943 года. — Харьков начинает исполинский труд — восстановление мирной жизни в городе...»

Первые комсомольские дела... Подобрать помещения для госпиталей и помочь их оборудовать. Пять комсомольских

госпиталей переданы врачам. Создан комсомольский батальон охраны порядка. Летучий отряд обходит квартал за кварталом, площадь за площадью и срывает таблички с немецкими названиями. Следом за бойцами в Харькове высадилась фронтовая бригада московского театра имени Вахтангова. Секретари обкома комсомола, в их числе и Борис Щербина, принимают участие в совещании партийного и советского актива Харьковской области. Самые неотложные задачи: дать Харькову хлеб, восстановить водопровод, готовиться к севу, поднимать заводы...

8 марта — Международный женский день. В Харькове, как перед войной, торжественное собрание. Президиум, полный начальников, Никита Сергеевич Хрущев... Казалось, мирная жизнь возвращается прочно, впереди — освобождение Донбасса, Киева... Но отчего снова стали ближе залпы орудий и чаще немецкие налеты? Гитлеровские войска вновь окружали Харьков. В ночь на 15 марта части Красной армии получили приказ выходить из окружения и сосредоточиться на левом берегу Северского Донца. В этих боях погиб командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Зайцев. Только месяц назад его дивизия в числе первых ворвалась в Харьков. А теперь — снова отступление. Опять — эвакуация. Неожиданная... На Харьковском тракторном заводе, как отмечается в книге «Харьков — проклятое место Красной армии», фашисты захватили несколько десятков танков Т-34, которые там ремонтировались.

Харьковский обком комсомола, как и все областные власти, снова обосновался в Купянске.

Советские и германские войска готовились к решающим сражениям, которые войдут в историю как битва на Курской дуге. Свой участок обороны держали и харьковские комсомольцы.

В подшивке газеты «Социалистычна Харкивщина» нам удалось найти небольшую статью секретаря Харьковского обкома комсомола Б. Щербины «Девчата! Вас ждут заводы» (*19 июня 1943 г.*). Приведем ее в переводе с украинского:

«Комсомольцы и молодежь освобожденных районов Украины всеми силами помогают восстановить сельское хозяйство, разрушенное немецкими оккупантами. Девушки села Каменки Двуреченского района, отвечая на первомайский приказ товарища Сталина, решили поехать работать на заводах тракторной промышленности Советского Союза. Патриотический почин девушек села Каменки нашел горячую под-

держку среди комсомольцев и молодежи освобожденных районов нашей области. 675 девушек Двуреченского района подали заявления с просьбой направить их на заводы тракторной промышленности.

Из Волчанского района поступило 772 заявления. По неполным данным, в Велико-Бурлуцкий райком ЛКСМУ поступило 618 заявлений от молодых патриоток. Свыше 500 заявлений есть в Шевченковском районе. В райкомы комсомола обращаются даже старики, пожилые женщины и просят: "Направьте нас работать на заводы, мы этим поможем Красной армии".

Нельзя без волнения читать заявления патриотов. Две девушки — сестры Мария и Екатерина Кизим из Велико-Бурлуцкого района пишут: "Наш отец и два брата сражаются с фашистами в рядах Красной армии. Мы также хотим принести еще больше пользы родной Отчизне и поэтому обратились в райком ЛКСМУ с просьбой направить нас на работу в тракторную промышленность".

Принесла заявление Анна Келеберда. До войны она работала токарем на Харьковском тракторном заводе. И теперь с большой охотой хотела бы поехать на один из тракторных заводов.

Много собраний проведено в Волчанском районе. Сотни юношей и девушек приняли участие в этих собраниях. Сердца юных патриотов пылают ненавистью к презренным гитлеровским выродкам. Молодежь Харьковщины, освобожденная Красной армией из фашистского рабства, стремится всеми силами помочь фронту.

На собрании в селе Ново-Александровка комсомолка Костоглова сказала: "Гитлеровские рабовладельцы вызвали у нас великий гнев и ненависть. Ведь они угнали на каторгу в Германию тысячи советских девчат и там издеваются над ними. Фашистских палачей надо беспощадно уничтожать. Мы должны помочь Красной армии, чтобы она скорее очистила всю Советскую землю от фашистской нечисти и освободила наших братьев и сестер, которые страдают на фашистской каторге. Я с радостью поеду на завод, потому что знаю: каждая машина, собранная при моем участии, поможет справедливому делу разгрома фашизма".

Патриотический подъем — результат огромной агитационно-массовой работы.

Однако не во всех районах со стороны райкомов партии и комсомола уделяется достаточное внимание этому важнейшему государственному делу. Например, секретарь Купянского райкома КП(б)У тов. Дедков и секретарь райкома комсомола

тов. Жигилий со дня на день откладывают работу по набору девушек в тракторную промышленность. Кто как не райком партии должен взять в свои руки руководство проведением этих мероприятий, помочь комсомольским организациям провести эту работу?

Набор девушек в тракторную промышленность еще не закончен. Необходимо усилить разъяснительную работу, своевременно разоблачать и разбивать вражескую агитацию. То там, то здесь пособники врага пытаются запугать молодежь, выдумывая различные байки про советский тыл, сочиняя брехню про нашу промышленность.

Наша задача заключается в том, чтобы, популяризуя почин передовиков, разъяснить всей молодежи чрезвычайно важное значение работы на заводах в нынешних условиях. Молодые патриотки должны знать, что, работая на заводе, они помогут своим отцам и братьям скорее изгнать фашистские банды из нашей страны.

Б. Щербина,
секретарь обкома ЛКСМУ».

Это была первая публикация Бориса в областной партийной газете. Немалое событие и для него самого, и для обкома комсомола. А главное — для дела! Секретарь обкома комсомола не засиживается в кабинете. На попутных машинах добирается в прифронтовые города и села. Горячо выступает на собраниях. Выходит с ровесниками на субботники, чтобы собрать металлолом для домен, пополнить фонд помощи детям, которые пострадали от немецких оккупантов. Такой фонд создал Харьковский обком комсомола по инициативе Бориса Щербины.

Святое дело — забота о детях фронтовиков. Но и здесь нашлись люди недобросовестные, очковтиратели. Вот какое ЧП случилось, к примеру, в Рязанской области.

29 декабря 1942 года секретарь Рязанского обкома ВЛКСМ Жильцова отправила «на имя т. Сталина телеграмму о сборе комсомольцами и молодежью Рязанской области 13 млн. руб. и в фонд Красной армии — 7200 пудов хлеба». Еще в телеграмме говорилось о том, что за два дня на строительство танковой колонны «Юный пионер» собрано 850 тысяч рублей. Немалые цифры, видно, сильно удивили кого-то в Кремле. Затеяли проверку.

«При проверке оказалось, что обком ВЛКСМ не имел никаких материалов, подтверждающих эти данные. Тов. Жильцова сообщила произвольные цифры и легкомысленно отнес-

лась к важнейшему политическому документу, посланному на имя тов. Сталина.

В результате проверки Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) и вмешательства обкома ВКП(б) положение со сбором средств значительно исправлено...» (*РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 63. Л. 191*).

Видно, девушка легко отделалась, коль проверка ограничилась таким миролюбивым заключением. А могла и загреметь далеко-далеко, где кочуют туманы и куда увозили без партбилетов.

Кобзарь встретил освободителей

Только с третьей попытки 23 августа 1943 года Красная армия наконец-то освободила Харьков.

«Порою кажется, что это сон, страшный и нелепый, — диктовал в «Комсомолку» специальный корреспондент газеты Юрий Жуков. — Трудно рассказывать о том, что видишь, трудно передать то, что слышишь, обходя руины прославленного завода... Страшнее всего — тишина. Звеняшая, тяжелая, физически ощутимая тишина. И запах гари, неистребимый, всепроникающий, нестерпимо едкий... Под ногами хрустит стекло, раздробленное адской силой взрывов. Испорченный бетон лежит слоями, из-под которых вырисовываются контуры изувеченных станков... Над остовом обгорелого пресса порхает бабочка».

Предстояло дать новую жизнь и этому прессу, и всему заводу, и родному городу...

Всего две недели после освобождения Харькова. Теперь уж точно фронт откатывается на запад и больше сюда не вернется. В сводках Совинформбюро гремит Донбасс — судя по всему, со дня на день будут освобождены Сталино, Дебальцево... В Харьковском обкоме комсомола, горкоме все на ногах — сегодня митинг молодежи города. Всё ли готово? Последнюю планерку, аппаратное совещание на языке комсомольского протокола, ведет первый секретарь ЦК комсомола Украины Василий Костенко. Высокий, ладный парень в гимнастерке дотошен. Выступления? Цветы воинам харьковских дивизий? Приветственное письмо товарищу Сталину и товарищу Хрущеву?

О митинге молодежи Харькова написали все газеты. Подробный отчет — на половину полосы — дала «Радянська Ук-

раина» (*7 сентября 1943 г.*). Борис Евдокимович хранил этот номер в своем архиве.

«Просторный зал театра им. Шевченко переполнен молодежью. На лицах присутствующих сияет радостная улыбка. Молодые жители многострадального Харькова улыбаются долгожданной свободе, которую вернула им славная Красная армия. Девушки пришли с букетами роскошных цветов, школьники надели пионерские галстуки. В зале звучат советские песни. Звучат впервые за два года мук и издевательств.

На сцене появляются заместитель председателя Совета Народных Комиссаров УССР тов. В. Ф. Старченко, заместитель начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Федосеев, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У тов. К. З. Литвин... руководящие работники Харьковского областного и городского комитетов ЛКСМУ, представители харьковских дивизий и комсомольских организаций предприятий и учреждений города».

Секретарь Харьковского обкома комсомола Борис Щербина еще не удостаивается отдельного упоминания в официальной хронике — да разве это главное?! Вот уж чем не будет страдать Щербина — болезненным вниманием к собственной персоне.

Тем временем на трибуне сменяют друг друга молодые харьковчане, воины-освободители. Старшина Александр Козубенко ворвался в Харьков с танковой бригадой имени Челябинского комсомола. Эти танки собрали сверх жесткого военного плана молодые труженики Танкограда, комсомольцы Челябинска, Ленинграда, Харькова. Старшина рассказывает, как провожал воинов Урал, как пробивались они к Харькову.

Борис Щербина конечно же читал об уральских фронтовых вахтах, знает, что в Челябинске, Нижнем Тагиле, Рубцовске работает много молодых харьковчан. Помечает в блокноте: «Попросите "Комсомолку" подробнее написать о них».

Ветераны «Комсомольской правды» рассказали авторам, что именно по инициативе Харьковского обкома комсомола в газете вышла такая полоса.

Сергею Жарикову едва исполнилось 15 лет. На его глазах оккупанты наводили свой *орднунг* — порядок: «Как-то двое ребят опоздали на работу на две минуты. Тут же последовало наказание —25 ударов розгами, а затем — тюрьма!» Выпускница Харьковского университета Клава Загуменная с болью сердечной припомнила, как сумела избежать угона на каторгу: «А свыше ста тысяч молодых наших земляков немцы угнали на каторгу в Германию!»

...На улицах оккупированных городов, поселков, деревень шла, как бахвалились сами гитлеровцы, охота за черепами. Казалось, жизнь вернулась на несколько веков назад, во времена татарских набегов на Русь, когда по пыльным шляхам — Изюмскому, Кальмиусскому, Муравскому — незваные гости уводили свой полон в Азов и Крым. По подсчетам известного русского историка А. Новосельского, за первую половину XVII века крымские татары угнали в полон от 150 до 200 тысяч русских людей, это минимальная цифра. «Лишь в незначительной части татары использовали полоняников в качестве рабочей силы, — отмечает ученый, — а более всего сбывали их на рынках за море». До истребления работой мурзы и ханы недодумались. Это изобретение запатентовали просвещенные немцы в середине XX века.

Сохранилось немало донесений немецких служб о такой охоте. Вот одно из них — рапорт 509-й фельдкомендатуры из Кировограда. На станции Знаменка и в окрестных селах, говорилось в документе, людей хватали, не считаясь с их возрастом, семейным положением. Связанных людей вели через весь город. Матерей отрывали от детей, даже не дав им попрощаться. А знаете, как назывались эти операции-облавы? «Волшебная флейта», «Праздник урожая», «Перелетная птица», «Сияние радуги»... В ходе одной из таких операций немцы расстреляли две тысячи человек и 1308 отправили в Германию. Вот такими были праздники рабовладельцев. «Методы вербовки рабочих становятся невыносимыми», — не выдержал даже командующий оперативным районом группы гитлеровских армий «Юг».

«Вербовка рабочей силы доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию, — отмечалось в докладе начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 года». — Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки. Притворяются больными, бегут в леса, подкупают чиновников и т. п. О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Добровольной отправка выглядела только на страницах фашистских и профашистских листков да в пропагандистских роликах, снимаемых по заказу ведомства Геббельса в кинопавильонах под Прагой. Там «восточных рабочих» провожали и встречали чуть ли не с цветами. Там натянуто улыбались «добровольно записавшиеся» и демонстрировали свидетельства о

допуске «к исполнению почетной обязанности трудовой повинности». На германских заводах, рудниках «добровольцев» называли своим именем: «Славяне — это рабы». Такие плакаты висели в цехах заводов Круппа. И в официальных документах фирмы пушечного короля обычными были выражения: «рабский труд», «рабство», «рынок рабов», «штуки» — это о людях.

Тех, кто пережил фашистскую каторгу, вернули домой после победы. Возвращали и встречали по-разному. Кого-то — не часто — с музыкой. А чаще из одного лагеря отправляли в другой. Горькое эхо каторги преследовало этих людей всю жизнь. Борису Евдокимовичу в разные годы пришлось помогать репатриантам — другого определения для них в словаре эпохи не нашлось. В свое время расскажем и об этой странице в деятельности Щербины, партийного работника. Но пока он — секретарь обкома комсомола, в театре имени Шевченко продолжается митинг молодежи города Харькова.

Первый секретарь ЦК комсомола Украины называет имена «славных молодых сынов и дочерей украинского народа, которые сражаются с немецкими захватчиками на фронтах Отечественной войны, в партизанских отрядах. Это дважды Герой Советского Союза летчик Александр Молодчий, снайпер Людмила Павличенко... В жестоком бою пали разведчики шахтерской дивизии Спартак Железный и Нина Гнилицкая. Посмертно им присвоено звание Героя Советского Союза».

Из записных книжек Виктора Андриянова

Говорят, у каждого журналиста есть своя главная тема. Свою тему я нашел, увидев впервые знамя 383-й шахтерской дивизии в Центральном музее Вооруженных сил СССР в Москве. Это было — страшно сказать — почти полвека назад... Спросил тогда себя: что я знаю о шахтерских полках?..

Очень долгим был этот поиск. Но я не жалею о времени, когда сидел над потертыми дивизионными газетами, политдонесениями, письмами, когда собирал в «Комсомольце Донбасса», моей первой редакции, ветеранов.

Из небытия возвращались имена Спартака и Нины, комсорга Даниила Еретика, журналиста Григория Прохорова... «Пусть не забудут отсекра комсомола Еретика, — писал во фронтовой газете Василий Гроссман. — Умирая от тяжелых ран, окруженный врагами, он слабой рукой не мог уже бросить гранату, он взорвал себя в ту минуту, когда немцы подо-

шли к нему вплотную... Когда земля, очищенная от фашистов, расцветет, когда зажжется свет и ночью сияние поднимется над свободными городами, пусть не забудут тех, кто не пошел назад, кто отдал всю свою кровь до последней капли».

Даниил Еретик сражался у Лозовой. На исходе лета 2008 года там взорвались (или были взорваны?) склады с боеприпасами. Телекартинку страшного пожарища видел весь мир. Поезда пустили по другим маршрутам. К счастью, и город, и станция, и вокзал не пострадали. Мемориальная доска со стороны перрона напоминает о Герое Советского Союза Еретике.

Устанавливали таблички в память о героях по инициативе комсомола — Харьковского обкома, Донецкого, Ворошиловградского... Это и была повседневная забота секретарей по военной работе — Бориса Щербины и его товарищей. Сберечь память...

В Харькове молодым подпольщикам помогал солдат «немецкой армии, чех по национальности Йозеф Трилица». Так писалось в официальной справке. Он слушал тайком Москву и передавал сводки Совинформбюро своим советским друзьям. Полицаи не успевали срывать листовки. Непокоренный Харьков, непокоренный Донбасс... Примечательно назвал свою повесть Борис Горбатов: «Непокоренные. Семья Тараса». Ее из номера в номер печатала республиканская газета «Молодь України».

...Спартака Железного родители назвали Петром. А он, когда вырос, выбрал себе другое имя — Спартак. Был кузнецом, секретарем заводского комитета комсомола, секретарем парткома. В поселке Коломаке на Харьковщине его именем названа улица.

В первый же день войны политрук запаса Спартак Железный пришел в военкомат с просьбой послать его на фронт. Его направили на курсы. После курсов — фронт. Бои в окружении. Спартак возглавил одну из групп прорыва. Группа вышла на участок 383-й дивизии. В этой дивизии Спартак стал комиссаром 465-й разведроты.

Однополчане рассказали мне, как погиб комиссар. В том последнем бою рядом с ним сражались Нина Гнилицкая, дочь шахтера из Красного Луча, 15-летний связной Юра Рязанов. Спартак приказал Юре уйти, решив собой прикрыть его: мальчишка может спастись... Так и вышло.

На военных картах высота, где они приняли свой последний бой, обозначена цифрами — 178,9. По соседству кряж, с которого видна темная лента Миуса. Там, на самой вершине, невесть как пророс между камней дуб. Он расщеплен у осно-

вания прямым попаданием снаряда, наполовину обгорел, но выстоял, выжил, дал новые побеги... Далеко-далеко видно ему с кручи. Ниточка дыма тянется над Штергрэсом. Тени облаков лежат на склонах балок. Где-то считает-считает года кукушка. Обещает мальчишкам долгую жизнь.

Строчки документов, писем, газетных заметок складываются во впечатляющую картину тех дней.

«...Комсомольцы и молодежь Харьковской области своими силами оборудовали 21 госпиталь. Для госпиталей собрано 6650 штук разной посуды, около 400 кроватей, 350 матрацев» (*23 октября 1943 г.*).

«...5 сентября в младших классах средних и неполных средних школ Харькова начинаются занятия. Сейчас педагоги и школьники приводят в порядок школьные здания. Занятия в старших классах начнутся 1 октября. В Чугуевском, Дергачевском, Липецком и других районах, освобожденных от немцев лишь недавно, школьные здания сожжены, многие учителя угнаны в Германию. В этих районах младшие школьники начали учиться в хатах, наскоро приспособленных под классы».

«В Харьковской области полностью уничтожены оккупантами 246 населенных пунктов. Оккупантами оставлено без крова 82 680 семей. За полтора месяца, прошедших с момента освобождения всей Харьковской области от немецких оккупантов, партийные и советские органы области провели огромную работу по устройству семей, оставшихся без крова, и отстройке разрушенных жилых и культурно-бытовых помещений.

Все семьи, оставшиеся без крова, в настоящее время размещены в уцелевших хатах колхозников и построенных землянках. Из 82 680 семей расселено в хатах колхозников 67 945 и в отстроенных уже землянках 11 354 семьи. Остальные живут во временно приспособленных к жилью сараях и бараках, одновременно отстраивая себе землянки и постоянные жилые помещения» (*ноябрь 1943 г.*).

«Комсомольцы и молодежь Москвы собрали и перечислили на счет Харьковского обкома ЛКСМУ один миллион рублей для помощи детям-сиротам Отечественной войны. Из этой суммы обком ЛКСМУ выдал детским домам города и области 335 тыс. рублей, на индивидуальную помощь детям-сиротам в Харькове 300 тыс. рублей и в 14 районах области 180 тыс. рублей. Колхознице Богодуховского района Ганне Гарбуз, усыновившей трех детей-сирот, выдано денежное пособие в сумме 5 тыс. рублей, комсомолке Краснокутского района Вере Фегарде, усыновившей трех детей, выдано 3 тыс. рублей» (*6 января 1944 г.*).

«На заводах области изготовлено 50 тысяч кос, еще заказано 27 тысяч. Косарям предстоит убрать вручную 225 тысяч гектаров — половину всех площадей» (*7 июля 1944 г.*).

27 июня 1944 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины орденом Трудового Красного Знамени. Родина чествовала молодых героев фронта и подполья, отмечала самоотверженный труд фронтовых бригад, братскую заботу о детях фронтовиков... Это была награда и комсомольским секретарям, боевым комиссарам молодежи.

Сорок четвертый — последний год недолгой комсомольской биографии Бориса Щербины. Он не торопился расставаться с комсомолом, но не сложились отношения с первым секретарем. «Мы с ним не сработались, — замечал Борис в одном из писем, — и обком партии забрал меня в аппарат обкома...»

6 ноября 1944 года Борис Евдокимович написал в ЦК ВЛКСМ:

«В 1943 году от комсомольских работников Сталинграда, отозванных на Украину, узнал о том, что якобы решением исполкома меня наградили медалью "За оборону Сталинграда". Два моих письма в Сталинград остались на память бюрократам. Ответа не получил.

Убедительно прошу выслать мне справку о том, что я с ноября 1942 г. по февраль 1943 г. выполнял в Сталинграде задание ЦК ВЛКСМ. Согласно такой справке, медаль можно получить в Харьковском военном округе. Полагаю, что моя просьба может быть Вами удовлетворена.

Мой адрес: УССР, г. Харьков, обком КП(б)У, зав. сектором торговых кадров Щербина Борис Евдокимович.

Простите за беспокойство».

Товарищи из ЦК ВЛКСМ ответили оперативно. Да, Борис Щербина 74 дня выполнял в сражающемся Сталинграде спецзадание ЦК ВЛКСМ. Но медали «За оборону Сталинграда» среди многих его наград нет. Скорее всего, больше он не хлопотал. Рая, жена Щербины, прокомментировала ситуацию по-своему: «Не до ордена, была бы Родина с ежедневными Бородино».

Война жестоко прошлась по семье Щербины. В эвакуации потеряли Лину. В боях — Костю. Капитан Константин Щербина погиб 7 марта 1944 года. Воздушный десант дал в память о боевом товарище прощальный салют. Отец ненадолго пережил дочь и сына. Евдокима Григорьевича Щербину похоронили под гудки паровозов — так машинистов провожают в последний путь...

Отца Раисы Павловны, командира партизанского отряда Мисюру, выдал предатель. Но от расплаты иуда не ушел. Нашла мерзавца партизанская пуля. Братья Раи вернулись с фронта искалеченными. По какому-то странному стечению обстоятельств с одинаковыми ранениями. Одному ногу отняли, другому хотя и оставили, но ступать на нее не мог — незаживающая рана.

Юру отправляли к ним на каникулы позагорать на Днепре, подкрепиться в саду-огороде. Помнится картинка: дядя Шура катит на мотоколяске, дядя Боря — на газике с ручным управлением, а Переяславль уступает им, фронтовикам, инвалидам Великой Отечественной, дорогу.

Что помнится сыну

Борису Щербине шел только 25-й год, когда ему предложили перейти на партийную работу. В автобиографии, датированной декабрем 1949 года, он пишет:

«В марте 1944 г. бюро обкома КП(б) Украины был утвержден инструктором, а позже завсектором отдела кадров обкома партии.

С ноября 1946 г. по сентябрь 1948 г. учился и окончил республиканскую партийную школу при ЦК партии. В 1948 г. при Киевском пединституте заочно сдал экзамен на кандидатский минимум по основам марксизма-ленинизма. После окончания учебы по настоящее время работаю секретарем Орджоникидзевского райкома КП(б)У...

Жена, Щербина Раиса Павловна, член ВКП(б). Работает начальником городского управления сберегательных касс. Сын Юрий — ученик. Отец жены, Мисюра Павел Григорьевич, погиб в Отечественную войну, выполняя задания партии в тылу врага на территории Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Мать жены — пенсионерка, проживает в г. Переяслав-Хмельницкий. Два брата жены — инвалиды Отечественной войны.

Из родных никто на оккупированной территории не находился. За границей никто не живет.

15.XII. 49 г.».

Ему предстояло еще работать секретарем Харьковского горкома партии, а затем — секретарем Иркутского обкома. Иркутянам (подробнее об этом позже) Борис Евдокимович в его 32 года показался не по летам умудренным, опытным и

умелым партийным работником. Из числа тех, кого уважительно и любовно называли комиссарами.

Вправе задаться вопросом: что же вместили эти семь лет? Какие университеты прошел Щербина, пока люди стали говорить о школе Щербины? Один из многих ее выпускников, Леонард Григорьевич Ширяевский, признается: «Школа Щербины дала мне куда больше, чем ВПШ».

Внешняя канва событий кажется совсем обычной; дни секретаря райкома партии похожи один на другой, как листки календаря. Совещания, бюро, пленумы, активы... Визиты на заводы — а в этом районе знаменитый ХТЗ, другой такой же гигант — Харьковский завод транспортного машиностроения... На «Трансмаше» Борис Евдокимович познакомится и подружится с директором — Сергеем Ивановичем Махониным. Всю войну Махонин был главным инженером прославленного Кировского завода в Челябинске — Танкограда!

К этим людям, командармам индустрии и великим конструкторам, бригадирам и мастерам, секретарь райкома приходит как товарищ, а не как партийный вельможа, который считает, что вместе с должностью ему даруется власть над людьми. (Такие партчины, уверенные в своей непогрешимости, со временем погубили и себя, и партию, которая их проглядела.)

Из рассказов сына Бориса Евдокимовича, Юрия Борисовича, которые записала журналистка Лидия Шмаль:

«Запомнилась весна — то оттепель, то холод. Мокрые воробьи сели вечером на ветки деревьев, а утром не могли взлететь — примерзли. Я взял коробку и стал их собирать. Принес их домой, поставил в угол. Воробьи оттаяли и начали летать по квартире, радостно "метя" все вокруг. Отец бегал с сачком по квартире и ловил ошалевших птиц.

Однажды у меня болели уши, я несколько ночей не спал и рыдал со страшной силой. Отец взял меня на руки и всю ночь носил, ласково баюкая».

Отец перенимал боль сына. Чувства, понятные каждому, кому посчастливилось быть отцом, кому приходилось бежать с малышом — малышкой на руках в больницу... А кому не приходилось, можно только посочувствовать. Какое же это счастье — возвращаться со спасенной кровинкой обратно!

Трогательная семейная сценка так бы и осталась достоянием семейной хроники, проявлением отцовских чувств. Но суть Бориса Евдокимовича была значительно шире этих качеств, прекрасных и сами по себе. Его иркутские, тюменские, московские годы памятны многими, большими и малыми

примерами такого же отношения к чужой боли, как к страданиям собственного ребенка. Самые яркие из них, вершина человеческого и гражданского подвига Бориса Щербины, — Чернобыль и Спитак. (Об этом позже.)

Западная Украина: второй фронт

Однажды летом Борис Евдокимович оставил жену с сыном у родных, а сам отправился дальше — в командировку на Западную Украину, в Станиславскую (ныне Ивано-Франковскую) область. В Станиславской области, как и во Львовской, Тернопольской, Ровенской, по всему западу Украины шла жестокая необъявленная война. Ее вела Организация украинских националистов, выпестованная в свое время гитлеровской Германией. Еще до Второй мировой войны Бандера, которому в нынешней Украине ставят памятники, доверительно докладывал митрополиту Шептицкому:

«Немецкие государственные деятели дали нам указания всевозможно усилить нашу антибольшевистскую деятельность на Великой Украине, усиливая одновременно с этим и антипольскую акцию в крае. На нас возложено задание расставить в Советчине своих людей так, чтобы все видеть и все знать, и с таким расчетом, чтобы наши люди в канун решающих событий, получив приказ, были в состоянии дезорганизовать нормальную жизнь в стране, деморализовать население, устранить местных руководителей и организовать сопротивление мероприятиям центрального правительства».

Задолго до 22 июня 1941 года гитлеровские офицеры муштровали батальоны украинских националистов. Один из руководителей германской контрразведки, Эрвин Штольц, лично дал указание лидерам «украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка Консул-1) и Бандере, организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла».

В гитлеровском строю против Красной армии воевала дивизия СС «Галичина», сформированная украинскими националистами.

24 марта 1944 года во Львове бандеровцы провели тайные переговоры с начальником гестапо дистрикта «Галичина», старшим имперским советником Витиской. В записи переговоров, в частности, говорилось: «ОУН готова сотрудничать с

немцами против большевизма на всех участках борьбы. ОУН хочет, чтобы немцы конспиративным путем поставляли им боеприпасы, оружие, взрывчатку... чтобы все делалось по всем правилам конспирации, чтобы не дать в руки большевикам козырь, что украинские националисты в их тылу — это немецкие сообщники и агенты».

В этих прикарпатских краях война продолжалась и после войны. О ней тогда писали совсем мало. Но партийные работники на Восточной Украине знали, как опасна командировка на Западную: можно вернуться домой в цинковом гробу. Или совсем не вернуться. Иные товарищи под различными предлогами от командировок на Запад отказывались. Борис Евдокимович так поступить не мог. Ему предложили возглавить группу партийных работников, которую ЦК Компартии Украины направил в Жовтневый район Станиславской области «для оказания помощи по политическому и организационно-хозяйственному укреплению колхозов». В группе было двенадцать человек, все, как и Щербина, свободно говорили по-украински. Жаль, не сохранились письма Бориса Евдокимовича — он писал в Переяславль, где в эти месяцы были его жена и сын. Единственный документ тех лет, которым мы пока располагаем, это характеристика, подписанная 23 июня 1950 года секретарем Жовтневого райкома КП(б)У Лысяком:

«Тов. Щербина, работая с 29.IV по 20.VI 50 года, руководя группой коммунистов в количестве 12 человек, проделал большую организационно-партийную и организационно-политическую работу. Под руководством тов. Щербины группа оказала практическую помощь районной партийной организации в политическом и организационном укреплении молодых колхозов в районе.

Группой было проведено в колхозах 97 лекций и докладов на политические и научные темы, сам тов. Щербина, кроме чтения лекций и докладов в колхозах, проводил семинары с руководителями агитколлективов, читал доклады для районного партийно-советского актива на темы: о международном положении, о силе и могуществе нашей Советской Родины... Тов. Щербина завоевал заслуженный авторитет среди группы прикомандированных товарищей и районного советского и партийного актива».

Язык, конечно, еще тот — суконно-партийный... Можно только представить сельскую школу или районный клуб, где собирается районный актив: председатели первых колхозов, секретари партийных комитетов, учителя, агрономы... Днем власть толкует им одно, а ночью правит другая власть, лесная... На чьей стороне правда, на чьей стороне сила?

Перед отправлением по областям командированных товарищей собрали в ЦК Компартии Украины. Завы и замы говорили, какая ответственная миссия им предстоит, советовали обратить особое внимание на недавнее постановление ЦК КП(б)У «О десятилетии восстановления украинского народа в едином советском государстве».

Да, событие это в самом деле историческое. 1 ноября 1939 года Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Советской Украиной». Затем в августе 1940 года с Советской Украиной были также воссоединены Северная Буковина (ныне Черновицкая область) и Измаильская область (ныне часть Одесской).

Глава четвертая

ВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА

Только тогда станешь человеком, когда научишься видеть человека в другом.

А. Радищев

Партийный десант

В самом начале 1951 года ЦК ВКП(б) выдал указание: укрепить кадрами Иркутскую областную партийную организацию. Подпись: секретарь ЦК И. Сталин... В Восточной Сибири уже просматривались крупные, общесоюзного масштаба стройки. Московские изыскатели, среди которых был и отец будущего писателя Марка Сергеева, выбирали место для новой электростанции на Ангаре. «Где она будет, Братская ГЭС? Конечно, заманчиво сужение между Пурсеем и Журавлиной Грудью: русло само создает естественный клинообразный барьер воде, берега мощно вздымаются. А вдруг ненадежно дно? Вдруг трещина залегла в коренной породе, и тогда нужно менять все планы, искать другой створ: гидростанция должна стоять надежно, вечно».

Стоять надежно — это ведь относится и к человеку, может быть, даже в первую очередь к человеку. И к кадрам, которые решают все. Далеко вперед смотрел товарищ Сталин. Знал: партийные работники, которых испытает Сибирь, вырастут в настоящих большевистских руководителей.

Город Сталино, так тогда назывался Донецк, командировал на укрепление Иркутской партийной организации секретаря Сталинского обкома партии Семена Николаевича Щетинина, Харьков — секретаря горкома партии Бориса Евдокимовича Щербину.

Щетинин постарше, еще до войны был парторгом ЦК на шахте № 5—6 имени Димитрова в Красноармейске. Во время оккупации Донбасса руководил Горловским подпольным горкомом партии, Сталинским обкомом. О том, что пришлось пережить в войну, рассказывать не любил, вообще бахвалить-

ся не в характере этого человека. Но своих боевых побратимов непокоренный Донбасс всегда защищал. После освобождения — восстановление промышленности, взорванных заводов, затопленных шахт. Заказы Донбасса по всей стране были под строжайшим контролем, а в соседнем Харькове — особенно. Партийные комитеты, директора предприятий, инженерные службы многое делали сообща. Совместная работа еще раньше сдружила Щетинина и Щербину. Семену Николаевичу предстояло стать вторым секретарем Иркутского обкома партии, Борису Евдокимовичу — секретарем по пропаганде. Новые товарищи возглавили Черемховский горком партии, Усольский, ряд райкомов.

«Характеристику на члена ВКП(б) тов. Щербину Б. Е.» подписал секретарь Харьковского обкома партии Н. Подгорный, в будущем — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС. Николай Викторович считал несомненным достоинством Щербины «опыт организационно-партийной и партийно-политической работы». Но этой общей безликой фразой он не ограничился. Дальше — лаконичная, но емкая рекомендация: «...обладает организаторскими способностями, инициативный, умеет находить в работе главное, самостоятельно решает вопросы» (*Харьковский областной госархив. ФП2. Оп. 152. Д. 1605. Л. 23*).

Забегая вперед скажем, что ЦК не ошибся в подборе партийных «десантников». Щетинин через пять лет возглавит Иркутский обком КПСС, затем его ждет дипломатическая служба — послом Советского Союза в Монголии. Щербина, как знает читатель, станет первым секретарем Тюменского обкома партии, министром, заместителем председателя правительства Союза.

Мария Ивановна Щетинина, на много лет пережившая мужа, как-то рассказала иркутским журналистам о своих первых сибирских впечатлениях. Их Леночке было два года. В гастрономе, куда Мария Ивановна прибежала за молоком для дочурки, продавали только крабов, кофе и красную икру. Выручил базар. Бойкие торговки наперебой предлагали молоко... замороженное на палочке. Когда молоко растаяло, в миску накрошили хлеб — таким был их первый семейный обед в Иркутске.

Те иркутские деликатесы помнятся и Юре Щербине. Здесь он пошел в пятый класс. Одноклассники из семей коренных иркутян, как отцы и деды, еще говаривали: мы приехали в Сибирь из России, собираемся поехать в Россию.

Иркутск. 27 октября 1951 года

В этот день газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовала отчет об очередном пленуме Иркутского обкома партии. «Большие задачи, стоящие перед Иркутской областной партийной организацией, требуют всемерного улучшения работы по подбору, выдвижению и идейному воспитанию кадров, — говорил первый секретарь обкома А. И. Хворостухин. — Аппарат обкома, райкомов партии должен быть укомплектован квалифицированными партийными работниками, знающими дело, способными оказать помощь партийным, советским, хозяйственным кадрам». Заканчивался отчет такой информацией:

«Пленум обсудил организационные вопросы. В связи с выбытием на учебу второго секретаря обкома ВКП(б) тов. Б. П. Кобелева пленум освободил его от обязанностей секретаря и члена бюро. Пленум избрал вторым секретарем и ввел в состав бюро тов. С. Н. Щетинина. В связи с отзывом в распоряжение ЦК ВКП(б) секретаря обкома ВКП(б) тов. М. М. Смирнова пленум освободил его от обязанностей секретаря и члена бюро. Секретарем обкома ВКП(б) избран и введен в состав бюро тов. Б. Е. Щербина».

Восточную Сибирь тех лет нередко называли промышленной целиной. И для этого были все основания. На пороге первой пятилетки «Известия Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества» писали: «В Иркутске и других промышленных городах и поселках округа расположены значительные государственные и кооперативные заводы: клееварочный, стекольный, кожевенный, дрожжевой, пивоваренный, соляной, фабрики — спичечная, обувная, фарфоровая, конфетная, суконная, лимонадная...» (*Иркутск, 1929. Т. LV*). Предвоенные пятилетки, война и эвакуация не слишком пополнили список «гигантов» индустрии. Ждали своего часа наметки ленинского плана ГОЭЛРО: «Бассейн Ангары богат золотом, разными рудами и всякими вообще полезными ископаемыми и по своим богатствам принадлежит к наиболее ценным районам Сибири... Не подлежит сомнению, что в будущем Ангара и весь приангарский район займут соответствующее место в Сибири...» Но попробуй доберись до таежных кладов без дорог, когда огромный край (от Иркутска до золотого Бодайбо 1100 километров) связывают только реки да ниточка Транссиба.

В 1907—1908 годах инженер В. П. Половников провел рекогносцировочные изыскания железной дороги Иркутск — Бодайбо и затем в Петербурге издал отчет об этих изысканиях.

Городская дума Иркутска ассигновала «для немедленного начала работ» восемь тысяч рублей. Еще на две тысячи расщедрились купцы. Технические изыскания продолжились в 1914 году. Министерство путей сообщения обязало исследователей «собрать также матерьял для суждения о том, не представляется ли более выгодным построить дорогу по направлению от одной из станций Сибирской магистрали, лежащей в западной части Иркутской губернии, например Тулун, через Усть-Кут на Бодайбо» (*Район железной дороги Иркутск (Тулун) — Бодайбо в экономическом отношении. Пг., 1915*).

До Усть-Кута железную дорогу тянули еще десятилетия. А из Бодайбо в большой мир и сейчас, спустя век после первых изысканий, можно добраться лишь по рекам (пристань на Витиме, притоке Лены) или по воздуху. Ближайшая железнодорожная станция все еще в Усть-Куте, где берет начало западный участок Байкало-Амурской магистрали.

В разные годы о своих встречах со Щербиной в Иркутске нам рассказывали Александр Васильевич Власов, председатель Совета министров РСФСР, Михаил Иванович Щадов, министр угольной промышленности СССР, Степан Васильевич Карнаухов, Леонард Григорьевич Ширяевский — крупные партийные работники...

Леонард Ширяевский, как все мальчишки его поколения (1925 года рождения), рвался на фронт. Но получил направление на авиазавод: «Там тоже фронт. Штурмовики будешь делать!»

В 1951 году, закончив институт, Леонард стал инженером. Свою судьбу он связывал с индустрией. Но в один прекрасный день молодого технолога Иркутского завода тяжелого машиностроения имени Куйбышева пригласили в обком комсомола: «Товарищ Ширяевский, предлагаем вам перейти на комсомольскую работу».

Завотделом рабочей молодежи Иркутского обкома комсомола Леонард Ширяевский впервые увидел Щербину на одном из совещаний в обкоме партии в начале 1952 года. Мягкие и сдержанные манеры нового секретаря обкома партии, столь непохожего на своих предшественников в «сталинках» — полувоенных френчах, сразу привлекали внимание. Круглое лицо с большим лбом, острый взгляд производили впечатление человека большой силы и энергии, с властным характером. Одет Борис Евдокимович был безупречно: хорошо сшитый костюм, светлая сорочка, модный галстук.

— Скажу прямо, для нас, комсомольских активистов, общение с Борисом Евдокимовичем было настоящей школой, — замечает Леонард Григорьевич. — Мы подражали даже

его манере говорить. Старались, как он, избегать громких слов, трескучих фраз, связывать идеологию с жизнью, со всем, что волнует людей. Признаюсь, я многому учился у Щербины...

Машина времени

А Борис Евдокимович тем временем учился у Сибири. Какая она вблизи, эта легендарная земля? Чем прирастит могущество России? Когда? Щербина старательно знакомится с Иркутском, с его не очень долгой, но такой увлекательной историей. Всего три с половиной века назад срубили на Ангаре «против Иркута-реки на Верхоленской стороне новый государев острог». Город немало пострадал в новейшие времена от скорых и неумелых «пластических операций», от бездумных сносов и перестроек, однако сумел сохранить свое лицо. Больше того: Иркутску повезло остаться с именем своим, а были, говорят, иные намерения. Пронесло. И стоит теперь Иркутск, зная себе цену, умудренный историей.

Есть особенный час, когда словно отзывается душа города. Приходится этот час, как выяснил для себя привыкший вставать чуть свет Щербина, на раннюю пору летнего рассвета. Еще не взошло солнце, а редкую и недолгую тишину не губит машинный гул. Лучше всего очутиться в такую пору в старом Иркутске, в одном из тех уголков, где сохранились одной общиной деревянные дома. Стоит лишь вступить в их порядок, сделать первые шаги по низкой и теплой улице, как очень скоро теряется ощущение времени. Оказываешься в удивительном, сказочном мире, сотворенном безвестными зодчими. В этом искусстве если и был кто равен сибиряку по всей России, так разве лишь мужик с его прародины — Архангельска, Вологды, Великого Устюга... Оттуда и вынесли первые поселенцы свое ремесло. Вынесли и развили до удивительного совершенства и бесконечно причудливой, навеянной новой жизнью и новыми просторами фантазии. Изукрашенные резьбой дома, созданные на радость людям, до сих пор, несмотря на долгий свой век, эту радость приносят. Даже самый невеликий из них, с самой незатейливой отделкой сохраняет привлекательность, достоинство и навеки оставшуюся в нем благородную душу мастера. Такой деревянной архитектуры, такой изумительной резьбы, как в Иркутске, пожалуй, нигде больше не встретишь.

В таких уголках Иркутска Щербина чувствовал себя словно в машине времени. Казалось, вот за этим переулком встре-

тит купца Григория Шелихова, который только что вернулся после своего долгого странствия из Охотска по Восточному океану к американским берегам... А за тем оконцем, быть может, ссыльный Александр Радищев ждет, пока замерзнет Ангара и дорога сделается проезжей. Ему, писателю и ученому, автору «Путешествия из Петербурга в Москву», предстоит новое путешествие: из Иркутска в Илимский острог вдоль Лены — 900 верст...

По воскресеньям Борис Евдокимович и Раиса Павловна выходили прогуляться на Большую улицу. По табличкам — и в прежние времена, и в нынешние — это улица Карла Маркса. Но для иркутян, несмотря на все революции, она остается Большой. Со старым университетом, потерявшим на сломе эпох имя Жданова, с драмтеатром, со своим «Белым домом» — бывшим особняком Сибирякова...

Для Иркутска тех лет появление секретаря обкома партии, да еще под ручку с супругой, в толпе горожан — нечто невиданное. Секретарей привыкли видеть на трибунах, в президиумах, а не так — запросто!

Раиса Павловна любила вспоминать те прогулки до самых последних дней. Много лет спустя, уже в Москве, Антонина Михайловна Перекальская пригласила ее на встречу иркутского землячества.

— Тонечка, милая, куда же я пойду?! Посмотри на мои ноги, туфли не могу надеть...

— А я помню, как вы красиво вышагивали в своих синих туфельках.

— Была такая пара. Привезла из Харькова... Берегла для прогулок с Борисом Евдокимовичем...

Свои утренние маршруты Борис Евдокимович выбирал с таким расчетом, чтобы за 30—40 минут до начала рабочего дня быть в обкоме. Что сегодня? Областной семинар о работе партийных организаций с научно-технической интеллигенцией. Открывая встречу, Борис Евдокимович к месту вспомнит лозунг, который поразил его на одной из станций Транссиба. Через семь лет после Великой Отечественной войны выгоревший на солнце, избитый ветрами щит призывал: «Вперед, на Запад!» Это не просто чья-то забывчивость или головотяпство, рассуждал секретарь обкома, это непонимание перемен, которые происходят в стране. Сибирь, в том числе и Восточная, становится индустриальным бастионом Союза. На глазах вырастают новые города — Ангарск с нефтехимическим комплексом, в проектах — новые электростанции, железорудные

комбинаты, алюминиевые заводы. Сегодня главный лозунг: «Вперед, на Восток!» Это программа многих десятилетий.

На том семинаре выступал и молодой директор шахты из Черемхова Степан Васильевич Карнаухов. Щербина уже приметил его — фронтовик, рядовым стал комсоргом полка, расписался на рейхстаге! В обкоме партии Карнаухову довелось выступать впервые. Но он не тушевался. Пожалуй, не все в его речи было доказательно, но секретарь обкома уловил рациональное зерно. И, подводя итоги семинара, поддержал предложения Карнаухова. Степан Васильевич вспоминает: возвращался в родной город окрыленным.

«Борису Евдокимовичу было свойственно улавливать полезный опыт, — продолжает Карнаухов. — Однажды, будучи в обкоме, я рассказал ему, как мы в Черемхове абсолютно все предприятия подключили к решению жилищной проблемы. Самая маленькая артель инвалидов и та строила квартиры». По поручению Щербины об опыте черемховичан оперативно рассказала областная газета «Восточно-Сибирская правда».

Со Щербиной работать было интересно, но и сложно, вспоминают сибиряки. Вот он приглашает секретаря горкома комсомола Леонарда Ширяевского. Долго и, пожалуй, даже въедливо расспрашивает о делах в городской комсомольской организации. Судя по всему, эти дела его не устраивают.

— Давайте-ка я выступлю на собрании комсомольского актива.

Кстати, ни до Щербины, ни после ни один партийный лидер в Иркутске такой инициативой себя не обременял. Первый секретарь горкома партии ни разу (!) не позвонил первому секретарю горкома комсомола Ширяевскому. А Щербина звонил. Причем сам. Без секретарш.

На комсомольском активе он выступил так, что иркутский комсомол стал инициатором ряда добрых дел. Одно из них — Всесоюзный геологический поход. Об этом надо рассказать подробнее.

«Без геологии нам шагу не ступить...»

Геология в Советском Союзе была на особом счету. Одно время она входила даже в программу средней школы. Когда геологию из школы вытеснили, на ее защиту поднялись выдающиеся ученые. И в их числе академик Обручев, один из крупнейших исследователей Сибири, Центральной Азии, автор многих замечательных книг, которыми зачитывалось поколение Щербины. На улице Гагарина в Иркутске бережно

сохраняется мемориальный дом ученого. В 1954 году альманах «Новая Сибирь» опубликовал очерк А. Граниной «Обручев в Иркутске». «Последний раз Владимир Афанасьевич был в Иркутске полвека назад, — говорилось в нем, — но многие иркутяне, особенно геологи, при встречах говорят о нем так, как говорят о друзьях, с которыми расстались совсем недавно». Так сильно обаяние этого великого человека, мыслителя.

Сохранилась обширная переписка Владимира Афанасьевича с коллегами, властями, читателями. Приведем лишь несколько выдержек из его писем Вере Александровне Варсанофьевой, такому же рыцарю геологии. Они публикуются впервые.

«25.V.51.

Многоуважаемая Вера Александровна!

Могу порадоваться вместе с Вами, что эпопея с восстановлением геологии в средней школе наконец близится к окончанию, если географам не удастся оторвать себе часть геологии. Желаю комиссии под Вашим председательством наибольшего успеха в этой, надеюсь последней, борьбе...»

12 июня того же 1951 года Владимир Афанасьевич Обручев пишет Варсанофьевой о том, что и в Отделении геолого-географических наук академии признали восстановление преподавания геологии в средних школах срочным. «И послали в министерство народного образования РСФСР письмо от президиума Отделения о совершенной необходимости этого восстановления».

Разумеется, в своих письмах академик Обручев не ограничивается проблемой преподавания геологии. Он рассказывает и о простых домашних заботах: «Идет ремонт дачи, на которой полы были положены почти прямо на сырую землю и, конечно, поражены грибком», и о самом наболевшем: «Наши умники — так ученый называет цензуру — хотели бы засекретить все и превратить сводки в труднодоступные для нас самих, включая авторов сводок, издания, мало кому и нужные. Поэтому и я продолжаю сводку данных о горной системе Наньшаня* без особого удовольствия. Сомневаюсь в том, что через 2 года, когда я надеюсь ее закончить, ее в открытую печать все еще не пустят и я сам не получу даже одного экземпляра для личного пользования, как не получил до сих пор "Истории геологического исследования Сибири"... Оглупение почти всех геологов, полная потеря их осведомленности о результатах всех исследований, о развитии науки, очевидно, не тревожит

* Горы в Китае.

Главлит или тех, кто стоит во главе этой цензуры; и это будет продолжаться до тех пор, пока в США не произойдет социалистической революции и полной смены капитализма социализмом? Но мы-то до этого уже не доживем!»

«8.IV.53.

Многоуважаемая Вера Александровна!

Получил Ваше письмо и хорошо представил себе Вашу занятость обязанностями депутата Верховного Совета, лекциями и руководством педагогическим институтом при современных требованиях от профессора и заведующего кафедрой и делами Общества испытателей природы. Вполне понятно, что не остается времени на личную научную работу...»

До 1929 года Обручев читал лекции в Московской горной академии, освободившись от них, сумел много написать. «Жаль, конечно, отказываться от работы, приносящей пользу своему любимому делу, другим людям и Родине, но на это нужно решиться, если времени и сил не хватает на добросовестное исполнение взятых на себя обязанностей».

Тематика писем широка, мы сейчас выделяем лишь один аспект: забота о будущем геологии. Эта забота объединяла усилия ученых, педагогов, партийных и комсомольских работников... Вот на какую почву пали зерна иркутских комсомольцев. Вот как зародился в 1958 году Всесоюзный геологический поход. В Иркутске областную комиссию геологического похода возглавил секретарь обкома партии Б. Е. Щербина. Сам этот факт говорит о многом. Борис Евдокимович считал своей обязанностью лично встречаться с ребятами.

В просторном зале Иркутского театра юного зрителя собрались свыше 600 участников геологического похода со всей области. Им предстоит подвести итоги сделанного, наметить задачи на 1959 год. С докладом выступает секретарь Иркутского обкома партии Щербина. Он рассказывает о развитии восточных районов, о новых отраслях индустрии, которые будут созданы в Сибири:

«Нам выпало счастье жить и трудиться в такое время, когда сбылась и сбывается мечта передовых людей России, нашего вождя и учителя В. И. Ленина, великой силой гениальности, прозорливости через годы и разруху видевшего преобразованную Сибирь, которой суждено играть выдающуюся роль в судьбах человечества.

За годы Советской власти, особенно в послевоенный период и последнее пятилетие, Сибирь и наша область сделали могучий рывок вперед в своем развитии. Иркутская область является теперь одной из крупных промышленных областей Российской Федерации и всей страны».

«Восточно-Сибирская правда» опубликовала подробный отчет об этой встрече.

«Мы глубоко убеждены в том, — говорил Борис Евдокимович, — что залежи недр, всю тайну которых еще не постигнуть, в недалеком будущем, когда они будут более широко открыты и изучены, вызовут к жизни новые производства, а может быть, и новые отрасли промышленности.

Дело изучения природных богатств — не удел лишь профессионалов-геологов. Это такое же всенародное дело, как освоение целины, создание химической промышленности, строительство новых электрических станций, домен, заводов. Истории известны многочисленные факты открытия крупных месторождений охотниками, лесниками, туристами. Из этих народных, глубоко патриотических традиций как выражение возросшей активности молодежи и организаторской роли комсомольских организаций в 1958 году в нашей области родилось замечательное начинание — геологический поход за выявление полезных ископаемых. Обком партии высоко оценил эту инициативу областной комсомольской организации и геологов. С большим вниманием отнеслись к почину молодежи Министерство геологии и охраны недр СССР и Главк геологии Российской Федерации, оказавшие конкретную помощь походу выделением приборов, инструментов, палаток.

Геологический поход сочетает в себе силу массового энтузиазма молодежи, помноженную на современную вооруженность геологических организаций, призванных открывать новые богатства и ставить их на службу советскому народу...»

Областные и центральные газеты опубликовали «Обращение юных разведчиков недр Иркутской области к комсомольцам и молодежи Сибири и Дальнего Востока». Сегодня эти строки кажутся немного выспренними, но тогда такой тон считался обязательным:

«Решением XXI съезда партии в предстоящей семилетке взят курс на рост выплавки стали и чугуна, увеличение добычи нефти и газа, развитие химической промышленности. В недрах Сибири и Дальнего Востока, в таежных сибирских лесах хранятся несметные богатства. Открыть эти обильные кладовые природы, помочь геологам в их благородном и нелегком труде — почетная, ответственная и увлекательная задача комсомольцев и молодежи. В 1958 году десятки отрядов юных разведчиков недр Иркутской области отправились в увлекательные геологические походы...»

А вместе с ними — ровесники на Урале, в Казахстане, Западной Сибири, Красноярском крае... Инициативу комсомола поддержали выдающиеся производственники, командиры

советской индустрии. И среди них Андрей Ефимович Бочкин, знаменитый гидростроитель. Через все стройки — от Днепрогэса, Каховской ГЭС до Ангары и Енисея — он пронес заповедь своего учителя, профессора Василия Васильевича Подарева: «Без геологии нам шагу не ступить. Ошибка геолога может большое дело загубить. Может жизни стоить».

Люди, причастные к истории юношеского геологического движения, и сейчас гордятся тем, что лично занимались «воспитанием геологией». На счету молодых поисковиков сотни месторождений, больших и малых, открытых по всей стране. А главное — тысячи и тысячи ребят выбрали профессию на всю жизнь.

На исходе лета 2008 года «Правда» опубликовала диалог писателя Владимира Губарева и академика Феликса Летникова, директора Института земной коры Сибирского отделения РАН. С именем Феликса Артемьевича связан «бунт академиков». Случилось это событие на общем собрании Академии наук. Иркутский ученый предложил коллегам подписать коллективное письмо на имя В. В. Путина — тогда он был президентом. Речь шла о геологоразведке.

Факты, которые привел своим коллегам академик Феликс Артемьевич Летников, у многих вызвали шок. Ученые давно уже догадывались, что положение с геологоразведкой неблагополучное — сигналов о том поступало множество! — но свидетельства известного в стране академика требовали немедленного принятия мер. А что могут сделать члены Российской академии наук? У них осталось последнее «оружие» — обращение к президенту страны за помощью.

«Мы обращаемся к Вам как к гаранту безопасности России с просьбой принять быстрые и эффективные меры по нормализации обстановки в сфере изучения геологического строения территории страны и прилегающих морских и океанических пространств, расширения фронта работ по восполнению минерально-сырьевой базы России, — писали академики и члены-корреспонденты РАН. — Со своей стороны мы готовы принять участие в работе любых государственных комиссий, которые, возможно, должны быть созданы для оптимального решения проблемы обеспечения стратегической сырьевой безопасности России».

Что же вызвало такое беспокойство ученых?

Академик Ф. А. Летников вернулся из экспедиции на север Иркутской области. То, что он увидел там, продолжает Губарев, буквально потрясло его: ликвидируются поселки экспе-

диций, финансирование геологических партий прекращено, разведка месторождений не ведется.

Вместе с коллегами он подготовил аналитическую записку, специально предназначенную для государственных чиновников, в которой подробно определены все этапы работ по освоению природных ресурсов России. В частности, там подчеркивается, что «в 90-х годах прирост промышленных запасов стал стремительно снижаться в результате резкого сокращения поисково-разведочного бурения. После 1992 года, впервые за послевоенный период, прирост запасов не компенсировал объемов добычи нефти даже при ее снижении».

За последние двадцать лет дебит новых нефтяных скважин уменьшился более чем в пять раз, в том числе по Западной Сибири — более чем в десять раз. Средний размер запасов новых месторождений снизился в семь раз. И все это — результаты ошибочной политики в использовании природных ресурсов России.

Письмо было опубликовано. Но, к сожалению, ответа так и не последовало — обращение ученых РАН затерялось в кабинетах чиновников.

Академик Летников убежден: надо начинать с минерально-сырьевой безопасности страны. Вторая проблема — охрана недр в условиях рыночной экономики. И третья — пересчет запасов.

«Помню, свою карьеру в геологии в 1956 году я начинал как раз с пересчета запасов. Это аксиома для геологии, для работы с природными ресурсами. У нас же в России в последние десятилетия такая работа не проводится вообще! Да, известны некоторые крупные месторождения, но что толку, если они находятся в глубине тайги и взять их трудно?! А у нас сейчас только о них и говорят: мол, вот какая богатая Россия... Тут недавно слышал я доклад министра, в котором говорилось, что у нас много танталовых руд. А горно-обогатительные комбинаты один за другим закрываются, в том числе и те, где тот же тантал добывался. Да, геологи давно открыли ряд месторождений тантала, но осваивать их пока невозможно: нет транспортных коммуникаций, людей, социальных условий и так далее. Слова вроде бы звучат громко, а за ними пустота. В последнее время цены на тантал подскочили в мире почти в десять раз! Я был на Ульбинском комбинате, который мы отдали Казахстану, и его директор сказал, что получил только что шесть тонн танталовых руд из Колумбии на переработку. А ведь в Казахстане были открыты свои месторождения, и сейчас они переживают второе рождение... Кстати, в том же Усть-Каменогорске живет человек, к которому я с удовольст-

вием поехал в гости. Он еле-еле сводит концы с концами, той пенсии, что получает, хватает только на оплату жилья и электроэнергии. А ведь именно он открыл три танталовых месторождения! Они приносят Казахстану миллионы долларов, а геолог мыкается в нужде. В общем, такая же ситуация и в России. Я знаю геологов за рубежом, которые открывали какие-то месторождения и с тех пор живут безбедно. У нас же люди, подарившие стране алмазы и тантал, уникальные природные кладовые, сегодня никому не нужны. А месторождения достались уголовным авторитетам, жуликам, олигархам. Думаю, что теперь открывать месторождения в России будут не скоро. Подорвана и интеллектуальная, и материальная база геологии.

— Можно ли этот вывод подтвердить конкретным примером? — спросил Владимир Губарев своего собеседника.

— В Иркутской области было больше сотни буровых бригад. Это была та техническая база, которая обеспечивала перспективу. Теперь бригад нет, оборудование все растащили. Горнопроходческие бригады расформированы. А ведь там работали первоклассные мастера. Где они теперь?! На протяжении многих десятилетий создавался комплекс, который в одночасье был разрушен. Геологи работали непрерывно: открывали, разведывали, вновь открывали... А теперь все выставлено на продажу» (*«Правда» от 15—18 августа 2008 г.*).

«Вокруг свечки людей не соберешь»

— Не всегда получалось, как задумывали, — вспоминал об иркутских годах Александр Власов. — Бывало, дело замирало из-за бюрократической волокиты. Сразу же обращаешься к Щербине. Он выслушает, вникнет. Не припомнится такого, чтобы хоть раз ушел от него, не разрешив сомнений, не найдя сообща с ним оптимального варианта.

На рубеже 50—60-х годов прошлого века в Советском Союзе развернулось движение за коммунистический труд. Как современники и участники этого движения можем подтвердить: многие рабочие коллективы, особенно молодежные, с пылкой верой юности в светлое будущее участвовали в соревновании за присвоение бригаде, цеху, фабрике, заводу почетного звания. Борис Евдокимович предложил комсомольцам провести конференцию по этой теме. Мол, разъясните, братцы, молодым товарищам суть движения. Те резво взялись за дело. Подготовили доклад, передали Щербине. Никакой реакции! Наконец, секретарь обкома ВЛКСМ Власов, встретив его, спрашивает:

— Борис Евдокимович, ну как наш доклад?

— Да никак. Не пойдет.

— Давайте, — говорит Власов, — доработаем.

— Ну что ж, подумайте, поработайте... Только торопиться не надо. Так легко можно скомпрометировать дело.

В обкоме критически просмотрели доклад, стало ясно: слабоват, много пустых слов. Как быть? К тому времени вышел очередной номер журнала «Вопросы истории». Полистали, нашли статью известного ученого: академик философски обобщал опыт движения, размышлял о перспективах. Словом, хорошая, глубокая была статья. Естественно, обкомовцы ею воспользовались, и доклад вторично был передан Борису Евдокимовичу «на просмотр».

Прошло какое-то время. Щербина собирает совещание и начинает комсомольцев «чистить». Обращаясь к Власову, говорит:

— Ну вот, комсомол, молодцы, нечего сказать — переписали полстатьи из «Партийной жизни» и довольны. Дело, мол, сделано.

Власов сгоряча выпалил:

— Нет, Борис Евдокимович, не из «Партийной жизни», из «Вопросов истории».

Посмотрел тот на Власова укоризненно, явно не одобряя такой «творческий» подход. Пришлось обкомовцам браться за работу заново и уже без халтуры, обложившись журналами и книгами, углубляться в проблему, пытаясь осмыслить практику тех дней.

— Мы вечно диву давались: о чем ни спроси Щербину, он всегда в курсе, — вспоминает Карнаухов. — Отчасти понял секрет, сопровождая как-то Бориса Евдокимовича в Черемхово. Ехали в его служебной машине. Сколько же я там увидел различных журналов! «Вопросы истории», «Вопросы экономики», «Вопросы философии», «Новое время», «Плановое хозяйство», «Мировая экономика и международные отношения»... Ворох! Шофер мне шепнул, что в дороге с Борисом Евдокимовичем особенно не разговоришься. Он и в пути работает: читает журналы, просматривает письма.

Впрочем, сам по себе список периодики мало о чем говорит. Известны десятки, если не сотни примеров, когда помощники больших начальников, просматривая кипы газет и журналов, отмечали интересные, на их взгляд, места и к приходу шефа выкладывали подборку прессы на стол. Были, понятно, помощники и у Щербины — секретаря обкома партии, министра, зампреда правительства. Они подбирали для него литературу по тому или иному вопросу, составляли справки,

записки. И сами удивлялись кругу интересов шефа. В той памятной для Карнаухова поездке он мог заметить среди столичных журналов и «Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР». Аккуратные томики рассказывали о природе Восточной Сибири, ее флоре и фауне, истории и экономике...

В 1958 году в Иркутске проводилась научная конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири. Ученые долго вспоминали, каким вниманием окружил их Борис Евдокимович, как умно строил беседы с каждым. Многим казалось, что они имеют дело с профессионалом из их «цеха». А это были и экономисты, и химики, и аграрии, и медики, да еще какие маститые! По единодушному мнению, Борис Евдокимович показал высший класс партийного работника — никакого намека на дилетантизм, никаких «кавалерийских наскоков», общих призывов. Конкретность, конкретность и еще раз конкретность!

Когда вдруг забуксовало строительство иркутского телецентра, пуска которого и старожилы, и новоселы ждали с нетерпением, Борис Евдокимович без промедления вмешался. На совещание в обком были приглашены строители, в их числе легендарный начальник управления Иркутскгэсстроя Андрей Бочкин, который, собственно, и осуществлял работы. Завотделом горкома партии Ширяевского секретарь обкома Мельников попросил выступить поострее, порезче: мол, обстановку там знаешь, надо поправить руководителей строительства.

Да, Ширяевский знал причину срыва: нет металлоконструкций, бригады отвлекают на другие объекты. И критиковал, что называется, невзирая на лица. После таких обличительных тирад Щербина, как подметил Леонард Григорьевич, осуждающе посмотрел на него. Но дискуссию развивать не стал. Кратко подвел итоги, определил, что надо делать, а затем ошарашил Ширяевского:

— Заведующий отделом горкома партии должен отвечать за дела, устранять недостатки, а не только критиковать и краснобайствовать. Этим дела не поправишь. Давайте назначим его от горкома ответственным за ввод телецентра.

Батенчук и другие

В это время Щербина — уже второй секретарь обкома партии. На его плечах набирающая мощь индустрия области, под его приглядом кадры индустрии. На строительстве Иркутской ГЭС заметно выделяется Евгений Батенчук. У молодого меха-

ника несомненные организаторские способности, ему расти и расти, но по тем временам, хотя и твердили о единстве коммунистов и беспартийных, беспартийному инженеру большое продвижение не светило. О редких исключениях не говорим. Батенчук ушел на фронт добровольцем, попал в плен... Кто же даст человеку, прошедшему плен, рекомендацию в партию? Андрей Ефимович Бочкин, коммунист с большой буквы. Мало того. При одной из встреч со Щербиной он просит секретаря обкома партии обратить внимание на Батенчука. Евгений Никанорович стал главным механиком Иркутскгэсстроя, прошел северные стройки, а впереди его ждали Набережные Челны, где предстояло подняться Камскому автозаводу.

Только тридцать с хвостиком было Михаилу Щадову. Шахту вел умело. Щербина на месте убедился в этом. Спустя несколько месяцев разговор продолжился в обкоме партии.

— Есть предложение, — сказал Щербина, — направить вас управляющим трестом «Мамслюда».

Щадов от неожиданности оторопел. К слюде-то он никакого отношения не имел. Уголек — это пожалуйста.

— Борис Евдокимович, не знаю я слюдяной промышленности.

— Ничего, поможем.

Назавтра собралось бюро обкома, совет совнархоза и М. Щадова утвердили управляющим.

Кстати, Борис Евдокимович не забыл своего обещания. В обкоме знали: он сам попросил директора областной библиотеки подобрать литературу по слюде: добыча, переработка, месторождения. Он считал, что книга — это альфа и омега всякого знания, начало начал каждой науки. Все, что подобрали, отправили Щадову в трест на Маму, где тот уже приступил к своим обязанностям управляющего трестом.

Не прошло и пяти месяцев, как Щадов начал работать на новом месте. Прилетел он в Иркутск на пленум обкома партии. Встретился с Борисом Евдокимовичем. Тот и говорит:

— Мы с председателем совнархоза через неделю прилетим к тебе посмотреть, как удалось развернуться.

Прилетели. В целом одобрили. Сняли у Михаила Ивановича камень с души: сомневался он, что справится. Улетая, секретарь обкома сказал Михаилу Ивановичу:

— Вот видишь, всякая работа трудна до времени, пока ее не полюбишь, а потом — она возбуждает и становится легче.

И крепко пожал руку.

У Щербины была врожденная интуиция на ухватистых, толковых людей. Как правило, удачно выбирая очередного кандидата, он потом индивидуально работал с каждым, учи-

тывал особенности характера. К Власову Борис Евдокимович чаще обращался по фамилии. Нередко по-отечески говорил:

— Власов, вокруг свечки людей не соберешь. Надо гореть, гореть костром!

По сути, вспоминал Власов, Щербина сам был таким костром. И свою энергетику передавал другим, учил по принципу «делай как я». У него было чему учиться — преданности делу, логике действий, требовательности к себе и другим, политическому чутью, высокой культуре. Он не просто опекал или придирчиво докучал — он защищал и наставлял.

За острый язык, бескомпромиссность многие любили его, другие — наоборот. Однако все без исключения Бориса Евдокимовича уважали.

Были о нем разные суждения. Но хотелось бы особо подчеркнуть, что Борис Евдокимович с партийным активом не был запанибрата, держал дистанцию, вел себя строго и сдержанно и потому кое-кому казался высокомерным. Это, конечно, не всем нравилось. Что и говорить, его отличала требовательность. Он не был добряком, но и не был несправедлив.

«Как хорошо, что у нас есть Байкал!»

В Иркутске на высоком берегу, у первой плотины, перегородившей Ангару, возвышается обращенный на север по течению реки монумент В. И. Ленину, который широким жестом правой руки как бы раскрывает каскад ангарских гидроэлектростанций. Строительство каскада ГЭС началось в 1950 году с сооружения Иркутской гидроэлектростанции, первые агрегаты которой в 1956 году дали ток. В 1958 году в строй вошли все восемь агрегатов и гидроэлектростанция достигла проектной мощности 660 тысяч киловатт с годовой выработкой 4,1 миллиарда киловатт.

Иркутская ГЭС вписалась в природный ландшафт объемами своих сооружений и водохранилищем, ставшим обширным заливом Байкала. Озеро как бы приблизилось к городу. Его воды, берега, покрытые лесом, и песчаные пляжи вошли в современную городскую застройку. Гребень плотины стал транспортной магистралью, соединившей обе части города.

Борис Евдокимович конечно же много читал о Байкале. Потом много раз бывал на берегах славного моря — и по делам, и с семьей в часы отдыха. В минуты откровенности признавался: покорил его Байкал своей красотой и мощью. Покорил и — возвысил. Его самого над ним же самим. Кто-то может усмехнуться: так не бывает. Как сказать...

Один из первых восхищенных отзывов о Байкале оставил протопоп Аввакум. При возвращении из даурской ссылки «неистовому» протопопу пришлось летом 1662 года переправляться с восточного берега моря-озера на западный. И он пишет о Байкале:

«...Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — двадцать тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок — больше романовского луковицы, и сладок зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — и осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане — море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа товосвета наделано для человека, чтоб, успокояся, хвалу Богу воздавал».

«Святое море», «святое озеро», «святая вода» — так называли Байкал с незапамятных времен и коренные жители, и русские, пришедшие на его берега уже в XVII веке, и путешествующие иноземцы, преклоняясь пред его величественной, неземной тайной и красотой. Это поклонение Байкалу людей, для своего времени просвещенных, было одинаково полным, захватывающим несмотря на то, что у одних возникало прежде всего под влиянием мистических чувств, у других — эстетических, а у третьих — вследствие научных интересов.

Человека всякий раз брала оторопь при виде Байкала, потому что он не вмещался ни в духовные, ни в материалистические его представления. Байкал лежал не там, где что-то подобное могло бы находиться, был не тем, что могло бы в этом и любом другом месте быть, и действовал на душу не так, как действует обычно «равнодушная» природа. Это было нечто особое, необыкновенное и «богоделанное».

Со временем Байкал обмерили и изучили. Он обрел определенные размеры и по ним стал сравним. Его сравнивают то с Каспием, то с Танганьикой. Вычислили, что он вмещает в себя пятую часть всей пресной воды на нашей планете, объяснили его происхождение, предположили, как могли зародиться в нем нигде больше не существующие виды животных, рыб и растений и как сумели попасть в него виды, существующие за многие тысячи километров в других частях света.

Борис Евдокимович был уверен, что у природы как целого, единого творца есть свои любимцы, в которых она при создании вкладывает особенное старание, отделывает с особенным тщанием и наделяет особенной властью. Таков, вне всякого сомнения, и Байкал.

Как-то Щербина и его столичный товарищ, приехавший в гости, далеко ушли по берегу старой Кругобайкальской дорогой, одним из самых красивых и ярких мест южного Байкала. Был август. Лучшее, благодатное время, когда прогревается вода и сопки бушуют разноцветьем. Кажется, даже камень цветет, полыхая красками, а солнце до блеска высвечивает вновь выпавший снег на дальних гольцах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности. Байкал уже впрок запасся водой из тающих ледников и лежит, набираясь сил для осенних штормов. Играет подле берега под крики чаек рыба, на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — малина, смородина красная и черная, жимолость... А тут еще и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит, Байкал чист и удивительно тих. Далеко в воде взблескивают и переливаются красками камни, воздух полон горьковатым ароматом поспевающего разнотравья, а то неожиданно доносится прохладное и резкое дыхание водной глади.

Часа через два гость уже был ошеломлен обрушившейся на него со всех сторон дикой и буйной красотой, дотоле им не только не виданной, но даже и не представляемой.

— Все, что отпущено человеку для впечатлений, в товарище моем было очень скоро переполнено, — с жаром, вдохновенно, забыв про остывший чай, вспоминал Борис Евдокимович тот байкальский поход. — И он, не в состоянии уже больше удивляться и восхищаться, замолчал. Я продолжал говорить. Я рассказывал, как, впервые попав на озеро, обманулся прозрачностью воды и пытался рукой достать с лодки камешек, до которого затем, при замере, оказалось больше четырех метров. Товарищ принял этот случай безучастно. Несколько уязвленный, — продолжал Щербина, — я сообщил, что в Байкале удается видеть и за сорок метров, и, кажется, прибавил, но он и этого не заметил, точно в Москве-реке, мимо которой он ездит в машине, такое возможно сплошь и рядом. Только тогда я догадался, что с ним: скажи ему, что мы за двести — триста метров в глубину на двухкопеечной монете читаем в Байкале год чеканки, — больше, чем удивлен, он уже не удивится. Он был полон, как говорится, с крышкой.

Борис Евдокимович надолго замолк, ушел в себя. Перед глазами у него привольно плескался Байкал...

— После общения с Байкалом силы прибавились. Это ладно, это бывало и раньше, — тихо произнес он. — Но я тогда духом наполнился, который оттуда, с Байкала. Я почувствовал, что могу немало сделать, и, кажется, понял, что нужно делать и чего не нужно. Как хорошо, что у нас есть Байкал! — И после паузы: — Сумеем ли защитить Байкал?

...Иркутские ветераны помнят, как отстаивали Байкал Щетинин и Щербина. Рассказывает Антонина Михайловна Перекальская:

— Прилетел к нам Хрущев с огромной свитой. Совещание в обкоме партии... По столу как бахнет, наседает на Щетинина: «Почему не строишь целлюлозно-бумажный комбинат?» Наш первый секретарь объясняет, что в проекте многое надо уточнить... Никита Сергеевич перебивает: «Не полетишь с нами в Братск!» И подался к дверям, не подав руки...

За ним покатилась вся команда. По примеру босса с хозяином не прощались, полагая, что его судьба решена.

— Но Щетинин был не робкого десятка, — продолжает Антонина Михайловна. — Он сражался в немецком тылу, каждый день смотрел смерти в глаза. И в мирной жизни был человеком решительным, не сгибался ни перед первым секретарем, ни перед Генеральным. И в этот раз поступил так же. Попросил военных срочно перебросить его в Братск.

Семен Николаевич оказался в Братске даже раньше, чем столичные гости. Хрущев находчивость Щетинина оценил...

Леонард Григорьевич Ширяевский вспоминает другой эпизод.

...Идет большая научно-практическая конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири. Один из ораторов рисует светлое будущее края: одна ГЭС, вторая, третья... И затем «в целях ускорения заполнения водохранилищ» предлагает взорвать Шаман-камень, который стоит у истока Ангары. Случайно или нет, но это дикое предложение поддержал с трибуны один оратор, второй... Зал, в котором было большинство иркутян, загудел. В то время такая дурь проходила на ура! Покорили, мол, Волгу, покорим и Ангару, и Енисей... И саму Природу! Страсти остудил Щербина, председатель оргкомитета конференции. Да, мы будем планомерно развивать гидроэнергетику, сказал он, но ускорять заполнение водохранилищ вовсе не требуется. Шаман-камень не мы ставили, и не нам его рушить.

Первая конференция по изучению производительных сил Восточной Сибири прошла всего лишь через два года после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. За минувшие годы многие проекты стали реальностью. Теперь

был нужен новый взгляд за горизонт. Над программами развития производительных сил Востока работали крупнейшие ученые страны — Бардин и Немчинов, Лаврентьев и Некрасов, министры, хозяйственники...

Со временем Иркутский промышленный обком КПСС возглавил Кацуба. Пустили Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат.

— Я был свидетелем острейшей перепалки, — рассказывает Леонард Григорьевич Ширяевский. — Ехали в машине с авиазавода Кириленко, секретарь ЦК КПСС, Кацуба и я. Кириленко начал задавать вопросы о Байкале, об угрозе загрязнения озера. Кацуба отвечает: ничего, мол, страшного, вода останется чистой, он, как химик по образованию, уверен: Байкал все очистит. Кириленко прямо взорвался: «Товарищ Кацуба, что вы говорите?! Что вы ссылаетесь на свое образование? Какой вы химик! Вы понимаете, что это Байкал...»

Словом, при двух свидетелях — первом секретаре горкома партии и водителе — отчитал хозяина области как мальчишку. Андрей Павлович переключается на Ширяевского: «А почему первый секретарь горкома партии молчит?» Ширяевский оказался между двух огней. Предпочел ответить дипломатично: я, мол, пока в этом вопросе не компетентен. Кириленко, конечно, понял его положение, заключил решительно:

— Байкал мы будем защищать!

Защищают по сей день. Лишь недавно на Байкальском комбинате построили замкнутый цикл очистки. В свое время, уже работая в Совмине, проблемами этого комбината занимался Борис Евдокимович Щербина. Принималось решение построить трубопровод от комбината до реки Иркут. Стройку поручили Миннефтегазстрою. Но скоро не стало и самого нефтегазстроя...

Приведем строки из книги писателя, журналиста Анатолия Юркова «Безумная любовь, или Зонтики для лягушек». Анатолий Петрович известен своими острыми публикациями в защиту Байкала.

«...Шаман-Камень в незамерзающем протоке Ангары как бы стоит первым верстовым столбом, обозначающим ее начало. (А может, и сторожем Байкала: как оголится Шаман-камень ниже пояса, значит, больше из озера воду брать нельзя, как бы ни нуждались в ней гидроэлектростанции.) А чуть наискосок на юго-запад, на противоположном (южном) берегу моря, дымит круглосуточно во все трубы Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Между ними шесть сантиметров

по карте Байкальской природной территории. Значит, реальных шестьдесят километров по воде. Расстояния по сибирским меркам смешные. А для академика М. Грачёва их как бы и не существует. Лимнологический (по-русски — озерный) институт, академический по своему статусу, для того и создан, чтобы изучать Байкал со всеми его богатствами и бедами. Изучать — чтобы знать суперсложный механизм уникальной байкальской живой системы, нигде в мире больше не существующей, как только во глубине сибирских пространств. Знать, чтобы понять многое и самое сокровенное в жизни земли и человека: зачем, с какой целью Природа создавала этот сибирский уникум на протяжении двадцати миллионов лет?

Неужели исключительно для того, чтобы ЛПК "Континенталь Менеджмент" ради увеличения своих прибылей увеличивала и увеличивала производство целлюлозы на БЦБК, увеличивая и увеличивая при этом риск погубить созданное Творцом первое чудо света, каковым является Байкал?»

Быть ли городу Братску?

О Братске сложены песни, написаны книги, сняты фильмы... Он давно уже стал городом — красивым и сильным. Но в самом начале ему, как и многим другим стройкам тех лет, грозила иная судьба. Велика была сила привычки, директивного мышления: вначале поднимать электростанцию, завод, шахту, лепить под боком времянки, а когда-нибудь в светлом будущем обещать и голубой город.

В защиту нового Братска взыскательно выступила «Комсомольская правда». Критическая статья так и называлась: «Быть ли городу Братску?». Но обо всем — по порядку.

1956 год... Газеты публикуют «Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи»: для работы на стройках Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и Донбасса требуется 400—500 тысяч юношей и девушек. Отозвалось значительно больше. Тысячи молодых новоселов встречала Иркутская область. На Ангаре разворачивалось строительство Братской ГЭС.

Величествен вид Падунского сужения. В широкие просторы Ангары с обилием света, перспектив, разнообразием пейзажей вклинивается суровый гранитный коридор. На протяжении четырехкилометрового Падунского каньона поднимаются мощные стены из темно-серых диабазов. Колоссальные пилоны, столбы причудливых форм и очертаний громоздятся один

на другом. Несмотря на беспорядочное нагромождение скал, выступает цельная картина единого эпического ландшафта.

Еще и поныне на левом берегу, у окончания Падунского сужения, возвышаются скалы, напоминающие двух богатырей-дозорных, сторожащих вход в каньон.

В этом героическом ландшафте возведена Братская гидроэлектростанция. Гидроузел расположен в начале каньона, где на левом берегу возвышалась скала Пурсей с одинокой сосной на вершине, а на правом — скала с поэтическим названием Журавлиная Грудь.

С высоты птичьего полета вид впечатляющий. Борис Евдокимович любил иногда облетать стройку Братской ГЭС на вертолете. А иначе как с высоты взглядом ее не охватить. Размеры сооружения грандиозны. Плотина длиной 5140 метров поднимается в русле реки на 126 метров. Вода гигантского хранилища длиной 600 и высотой 106 метров с огромной силой давит на бетонную преграду, стремясь сдвинуть, опрокинуть ее или пробиться под основание, пройти в обход с боковых сторон и, постепенно подтачивая грунт, низвергнуться всей своей массой.

В истории гидростроительства бывали и трагичные примеры. Так, в 1959 году во Франции смыло крупную плотину. Хлынувший из водохранилища поток разметал город Фрюжес, в котором погибло много людей. В 1956 году гигантским оползнем была сметена гидроэлектростанция на Ниагарском водопаде. Еще раньше, в 1928 году, в США была разрушена плотина Се-Франсис. Причиной катастроф явилось проникновение воды под сооружения.

Вот почему ученые и инженеры так тщательно выбирали место строительства, так называемый створ, Братской гидроэлектростанции. Гранитный Падунский каньон, где река зажата мощными диабазовыми берегами, давно привлекал внимание гидростроителей. Нужны были участки, основание которых в состоянии было бы выдержать тяжесть бетонного массива стометровой плотины, и крепкие берега, на которые могла бы опереться эта громада.

После всестороннего изучения инженерно-геологических условий Падунского каньона, а это тысячи пробуренных шурфов в русле реки и пробитых в берегах штолен, был определен створ в начале каньона, напротив скал Пурсей и Журавлиная Грудь, сразу же за непроходимыми Падунскими порогами, в 700 километрах от Байкала. Теперь пороги погребены под толщей Братского моря.

В Падунском сужении природа создала исключительно благоприятные условия для возведения крупнейшей гидро-

электростанции с высоконапорной плотиной. С одной стороны — глубокий гранитный каньон, в котором протекает многоводная река, с другой — обширная пойма, как бы предназначенная для создания большого регулирующего водохранилища. Здесь в эпоху формирования земной коры под действием тектонических сил огромные массы расплавленной магмы, изливаясь из глубин, образовали мощную гряду, которая преградила путь многоводной реке. Заслон казался непреодолимым. Миллионы лет понадобилось Ангаре, чтобы пробить в этой гранитной преграде русло длиной четыре километра и шириной 900 метров. Возможно, в те доисторические времена Ангара низвергалась здесь могучим водопадом, который, постепенно разрушая сброс и отступая вверх по реке, пробил этот протяженный глубокий каньон примерно так же, как Ниагарский водопад в Северной Америке постепенно отступает к озеру Эри, из которого вытекает река Ниагара.

В конце 1954 года первые строители высадились у Падунских порогов и развернули подготовительные работы. Вместе с ними пришел и Щербина.

К этому времени была проложена железнодорожная магистраль от Тайшета до реки Лена. Железнодорожные строители соединили стальной лентой индустриальные районы Центральной России с Ангарой, Коршуновским рудным бассейном.

Строила гидроэлектростанцию, а затем и весь энергопромышленный территориальный комплекс специально созданная организация — Братскгэсстрой. Ее возглавляли начальник управления И. И. Наймушин и главный инженер А. М. Гиндин. Иркутский обком партии стал настоящим штабом стройки.

15 июня 1955 года секретарь Иркутского обкома КПСС Б. Щербина подписал постановление бюро обкома о подборе и направлении коммунистов и комсомольцев на строительство Братской ГЭС. Приведем этот примечательный документ полностью.

«Учитывая особо важное народно-хозяйственное значение строительства Братской гидроэлектростанции и в целях усиления партийного влияния на стройке, бюро обкома КПСС постановляет:

1. Обязать горкомы, райкомы КПСС направить в срок до 1 августа 1955 г. на постоянную работу по строительству Братской ГЭС 500 коммунистов.

2. Обязать бюро обкома ВЛКСМ в срок до 1 августа 1955 г. направить на строительство Братской ГЭС 1000 комсомоль-

цев из городов и районов области. Предложить горкомам и райкомам КПСС оказать необходимую помощь райкомам ВЛКСМ в выполнении настоящего постановления.

3. Обязать начальника строительства Братской ГЭС т. Наймушина обеспечить всех направляемых на строительство коммунистов и комсомольцев жилой площадью и создать им необходимые бытовые условия.

Для организации работы по подбору коммунистов и комсомольцев на строительство Братской ГЭС создать комиссию в составе т. Щетинина — секретаря обкома КПСС, т. Журавлева — секретаря обкома КПСС, т. Прихотько — зав. промышленно-транспортным отделом обкома КПСС, т. Мельникова — секретаря обкома ВЛКСМ, т. Антипова — секретаря горкома КПСС».

Многое удавалось сделать на месте. Но главные решения принимались в Москве. Вчитаемся в письмо, которое Иркутский обком партии 26 апреля 1956 года направил в Бюро ЦК КПСС по РСФСР:

«В соответствии с Директивами XX съезда КПСС первая очередь Братской гидроэлектростанции должна вступить в эксплуатацию в 1960 году.

С начала строительства уже прошло более года, а стройка не только не набрала нужные темпы, но и не подготовилась к развороту работ.

Проектное задание гидроузла до сих пор не утверждено. Нет крайне нужной технической документации — стройгенпланов, проектов на подсобные предприятия, дороги, подземные коммуникации, линию электропередачи Иркутск — Братск.

Имеющаяся на площадке группа рабочего проектирования МОСГИДЭПа малочисленна и вести проектные работы в нужном объеме не может. Проектирование ведется в отрыве от стройки многочисленными организациями, расположенными в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах. Нередко чертежи разрабатываются без учета местных условий и возможностей стройки.

70 процентов жилого фонда запроектировано в виде деревянных одно- и двухэтажных зданий, в том числе сотни домов временных — щитовых, что явно противоречит современным требованиям жилищного строительства. Малоэтажная деревянная застройка недолговечна, в столь крупных масштабах она вызывает большие удорожания по инженерному оборудованию и благоустройству. В суровых климатических условиях Братска брусчатые и сборно-щитовые дома не выдерживают необходимого для проживания теплового режима.

Восемь месяцев решается вопрос в Министерстве строительства электростанций об индустриальной базе Братской ГЭС, и до сих пор неизвестно, какие подсобные заводы и цехи следует строить. В результате на втором году стройка не имеет ни одного даже самого простого полигона сборного железобетона, стеновых блоков, панелей, бетонных узлов, столярных мастерских и т. д.

Уровень организации производства крайне низок, особенно на строительстве жилья и линии электропередачи Иркутск — Братск. Удорожание работ в первом квартале 1956 года составило 26 процентов.

Стройка не укомплектована ведущими инженерно-техническими кадрами — начальниками управлений и участков, главными инженерами управлений, прорабами.

Не налажено материально-техническое снабжение стройки стеновыми материалами, механизированным инструментом, буровым и ремонтным оборудованием, деревообрабатывающими станками, землеройными и строительными механизмами.

Одной из основных причин создавшегося положения является многоступенчатая структура управления строительством Братской ГЭС, которая не способствует оперативности руководства, а усложняет его.

Иркутский обком партии считает, что для успешного развития строительства Братской ГЭС необходимо решить принципиальные вопросы этой стройки в ближайшее время. В этих целях вносит на рассмотрение Бюро Центрального Комитета КПСС по РСФСР прилагаемый проект постановления.

Секретарь Иркутского обкома КПСС
Б. Кобелев»

(*РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 58. Л. 50, 51*).

И само письмо, и проект постановления в Иркутском обкоме партии обсуждали скрупулезно и обстоятельно. По сути это программа действий, выработанная коллективом партийных работников, ученых, хозяйственников...

«...Считать неправильным застройку нового города Братска деревянными и сборно-щитовыми домами... Установить коэффициент сменности для этого района — 2 и расчетную норму жилой площади 9 квадратных метров на человека.

Предусмотреть строительство зданий и сооружений культурно-бытового назначения для строителей Братской ГЭС на обоих берегах Ангары по нормам городов областного значения.

В целях обеспечения строительства Братской ГЭС квалифицированными рабочими, закрепления их до конца строительства и создания необходимых бытовых условий:

отнести строительство Братской ГЭС к четвертому тарифному поясу (коэффициент 1) и установить этот коэффициент к окладам и ставкам всех работников строительства Братской ГЭС;

обязать Министерство торговли СССР и Совет министров РСФСР снабжать строительство Братской ГЭС продовольственными и промышленными товарами по нормам города Москвы;

обязать Министерство строительства электростанций организовать в 1956 году в Братском районе подсобное хозяйство строительства Братской ГЭС...

обязать Министерство высшего образования СССР открыть на строительстве Братской ГЭС в 1956—1957 гг. вечерние строительные институт и техникум, а также филиалы заочного строительного института и техникума для обучения в них работников строительства Братской ГЭС» (*там же. Л. 52—58*).

Мы выбрали лишь часть предложений Иркутского обкома партии, касающихся обустройства новоселов, добровольцев. За ними — мысль и воля Бориса Щербины. Он персонально занимался Братском, вначале рабочим поселком, а с 12 декабря 1955 года — городом.

19 февраля 1955 года в клубе Братского строительно-монтажного управления состоялась 1-я городская партийная конференция. Газета «Огни Ангары» подробно рассказала о ней:

«С докладом "О задачах Братской городской партийной организации" выступил секретарь Иркутского областного комитета партии т. Щербина Б. Е.

— Первая Братская городская партийная конференция, — говорит он, — проходит в одно время с работой XX съезда партии. Трудящиеся Иркутской области, как и все советские люди, с огромным воодушевлением и горячим одобрением встретили отчетный доклад Центрального Комитета КПСС, в котором подведены итоги работы нашей партии и советского народа, определена программа дальнейшего движения нашей Родины по пути к коммунизму. Особенное удовлетворение и радость у всех нас вызвали указания Центрального Комитета партии о новом крутом подъеме и дальнейшем развитии производительных сил Восточной Сибири. Важнейшим из них является указание о строительстве крупнейшей в мире Братской гидроэлектростанции.

Затем докладчик говорит о проделанной коллективом строительства Братской ГЭС работе, отмечает серьезные недостатки в деятельности руководителей, парткома и объединенного постройкома строительства. Тов. Щербина подверг острой критике начальника УРСа т. Васильева, начальника Осиновского СМУ т. Саркисяна и других хозяйственных, а

также профсоюзных руководителей за невнимание к бытовым нуждам строителей.

Докладчик подробно остановился на неотложных задачах городской партийной организации. Городской комитет партии, коммунисты и все строители Братской ГЭС, указывает он, должны обратить в этом году особое внимание на повышение темпов и качества строительства жилья и культурно-бытовых объектов, сооружение линии электропередачи Иркутск — Братск, всемерное развертывание работ по быстрейшему созданию базы подсобных производственных предприятий» (*«Огни Ангары» от 21 февраля 1956 г.*).

Выступали рабочие, инженеры, руководители стройки... Острые, дельные выступления, пронизанные тревогой за общее дело, за судьбу крупнейшей в мире гидроэлектростанции, молодого города.

Апрель 1960 года... Торжественная закладка здания Братской ГЭС. Большое, примечательное событие... В том же 1960-м, в конце года, в Иркутске проходит областное совещание работников торговли и общественного питания. Обсуждается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению торговли». С докладом выступает Борис Евдокимович Щербина. Право, его доклад интересно перечитать и сейчас, спустя полвека.

«...Говоря о наших делах в торговле и общественном питании, определяя задачи, надо всегда учитывать особенности развития Иркутской области и той обстановки, в которой нам приходится решать эти задачи. Одна из таких особенностей состоит в том, что у нас ведется большое строительство, растут новые предприятия, сооружаются новые города. Формируются производственные коллективы, и все люди — новоселы. А новоселы — это, как правило, молодежь, холостяки.

В этой обстановке нужны особая гибкость и разнообразие форм торговли и общественного питания, большая предусмотрительность в развитии торговой сети, особая забота о нуждах каждого человека.

Отличительной особенностью области является и большая территориальная разбросанность населенных пунктов, значительная часть из которых мелкие. Это особенно надо принимать во внимание торговым организациям при обеспечении северных горнодобывающих районов, геологических экспедиций, партий и лесных предприятий.

Для правильного подхода к решению любой задачи надо прежде всего уметь выработать общий взгляд на предметы и явления жизни, чтобы затем с этих позиций осуществлять конкретные меры действий.

Вот, например, образец двух разных подходов к делу и двух их итогов в Ангарске и Братске. Руководители партийных, советских организаций, хозяйственники этих городов по-разному подошли к оценке задач их строительства. В Ангарске наряду с промышленным строительством много внимания уделялось вопросам градостроительства, развития социально-культурных и бытовых учреждений. В результате с самого начала здесь неплохо развивались и торговля, и общественное питание.

А в Братске "нажимают" на плотину и бетон, и удивительную беззаботность проявляли руководители города и стройки к бытовым нуждам людей, хотя возможности Братска никак не меньше Ангарска. В результате в Братске на одно посадочное место в столовых приходится 42 человека, а в Ангарске — 27. Соответственно распределяется и нагрузка на рабочее место в магазинах: 420 и 230 жителей!

...За последние пять лет население области увеличилось на 23 процента, товарооборот возрос на 50 процентов, а розничная сеть за это время увеличилась всего лишь на 18 процентов.

Положение усугубляется еще и тем, что торговая сеть в большинстве своем размещается в центрах, а на окраинах городов и в отдаленных населенных пунктах, где проживает значительное количество населения, она развивается очень слабо.

Плохо развита сеть и на селе. Например, в Черемховском районе райпотребсоюз не имеет магазинов в 20 населенных пунктах, в каждом из которых проживает от 20 до 250 человек населения. Причем 12 населенных пунктов, которые находятся от ближайшей торговой точки на расстоянии до 8 километров, даже периодически не обслуживаются розничной торговлей.

...Наши люди сейчас хотят большего выбора товаров, на любой вкус, возраст, сезон и случай жизни. Для промышленности и торговли на первый план выступают ассортимент, фасон и качество.

Между тем многие директора обувных и швейных фабрик, мебельных предприятий, пищевых предприятий и торгующих организаций этих новых сдвигов в жизни советских людей не учитывают, выводов для себя не делают и рискуют безнадежно отстать, а предприятия завести в тупик.

В самом деле, понадобилось три года, чтобы освоиться с мыслью о необходимости шить узкие, а не широкие брюки. Обувные фабрики до сих пор не изготовляют женские туфли на "гвоздиках". Мало новых фасонов платья, костюмов, пальто. Товары часто опаздывают к сезону.

...В работе с кадрами много недостатков и даже запущенности. Очень робко и несмело выдвигают на руководящие

должности женщин и молодежь. На предприятиях торговли и заготовок работают 64 процента женщин, а в общественном питании — 88 процентов. На руководящей же работе женщины составляют всего лишь 0,5 процента» (*«Восточно-Сибирская правда» от 6 октября 1960 г.*).

Борис Щербина любит живое слово, охотно выступает и в больших аудиториях, и в тесноватых цехах. Разумеется, ему приходится считаться с нормами времени — не будем лукавить, что этого не было.

Тот же октябрь, областное собрание инженерно-технических работников. Доклад Б. Е. Щербины. «Докладчик говорит о миролюбивой внешней политике Советского Союза, о ярком, смелом выступлении великого борца за мир тов. Н. С. Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Его слова о том, что все советские люди одобряют внешнюю политику Коммунистической партии и желают успеха советской делегации в борьбе за мир, участники собрания встречают бурными аплодисментами» (*«Восточно-Сибирская правда» от 8 октября 1960 г.*).

Дальше — по делу. О месте инженеров и техников — их в области 28 тысяч, «о решении задач технического прогресса».

Годом раньше Иркутская область удивила Москву большим урожаем. ЦК КПСС и Совет Министров СССР прислали иркутянам приветственную телеграмму. По такому случаю в областном драмтеатре собрали митинг.

«Трудящиеся нашей области, — говорит тов. Щербина, — могут гордиться успехами в подъеме сельского хозяйства. Осуществляя исторические решения XXI съезда партии, труженики села вносят достойный вклад в борьбу за досрочное выполнение семилетки.

Трудящиеся области обещали Центральному Комитету и лично Н. С. Хрущеву сдать в этом году сверх плана более трех миллионов пудов хлеба и с честью сдержали свое слово, засыпав в закрома Родины свыше четырех миллионов пудов сверхпланового хлеба. Всего колхозы и совхозы продали государству 30 миллионов 290 тысяч пудов зерна, более чем на 10 миллионов пудов превысив заготовки 1958 года.

Особенно подробно тов. Щербина осветил успехи тружеников сельского хозяйства области в выращивании кукурузы и получении высокого урожая. Опыт выращивания кукурузы в нашей области дает все основания заявить, что она стала решающим фактором в создании кормовой базы для животноводства. Именно на этой базе растет общественное животноводство: увеличивается поголовье скота, повышается его продуктивность»...

Что было, то было...

Первый ток Братская ГЭС дала в конце 1961 года. Щербина уже работал в Тюмени. Поздравить иркутян, конечно, не забыл.

Первым почетным гражданином Братска этот славный город назвал Ивана Ивановича Наймушина, создателя легендарного Братскгэсстроя. Иван Иванович трагически погиб в авиакатастрофе. Его похоронили у плотины Братской ГЭС.

Щербина дает урок «великому кормчему»

Иркутск — перекресток больших дорог. Здесь по дороге в Москву и обратно устраивали передышку лидеры многих государств и партий. Высоких гостей привечали руководители области, а к самым сановитым — по протоколу — прилетали и крупные начальники из Москвы.

Газеты тех дней давали только хронику. «Иркутск принимает делегации наших соседей, спешащих в Москву на празднование 40-й годовщины Октября, — писала «Восточно-Сибирская правда». — Вечером 1 ноября (1957 года. — *В. А., В. Ч.*) бетонной дорожки аэродрома коснулись колеса стремительного Ту-104. Прибыла вьетнамская правительственная делегация.

2 ноября приземляется самолет из Пекина. В нем — делегация Китайской Народной Республики, возглавляемая товарищем Мао Цзэдуном. Встретить посланцев китайского народа собрались представители общественности города, ответственные работники ЦК КПСС и Министерства иностранных дел СССР, специально прибывшие в Иркутск.

Товарищ Мао Цзэдун выходит из самолета. Гремят аплодисменты. Гостя приветствуют собравшиеся, к нему бегут дети. Мао Цзэдун беседует с детьми и руководителями областной партийной организации, представителями ЦК КПСС, работниками МИДа. Десятки корреспондентов газет, операторы кинохроники стремятся запечатлеть волнующий момент. Вскоре китайская делегация покидает гостеприимный Иркутск.

Прилетает самолет из Улан-Батора. Снова приветствия, дружеские рукопожатия — и монгольская партийно-правительственная делегация, которую возглавляет председатель Совета министров МНР тов. Ю. Цеденбал, следует дальше, в Москву».

Спустя три недели гости проследовали обратно. «21 ноября... Девять часов сорок пять минут. На аэродром приземляется Ту-104. Из самолета выходят товарищ Мао Цзэдун, члены правительственной делегации и сопровождающие их секре-

тарь ЦК КПСС, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС тов. Поспелов Л. Н., заместитель министра иностранных дел СССР тов. Захаров А. В., заведующий Дальневосточным отделом Министерства иностранных дел СССР тов. Курдюков И. В., ответственный работник ЦК КПСС тов. Щербаков И. С., генерал армии тов. Курасов В. В., посол СССР в Китайской Народной Республике тов. Юдин П. Ф., посол КНР в СССР тов. Лю Сяо и другие сопровождающие лица.

Дорогих гостей встречают секретари Иркутского областного комитета партии тт. Щербина Б. Е., Меркурьев С. А., Журавлев М. Ф., командующий Забайкальским военным округом генерал-полковник Лелюшенко Д. Д., секретарь Иркутского горкома КПСС тов. Гайчман М. Ф., заместитель председателя облисполкома тов. Рудаков А. В., председатель Иркутского горисполкома тов. Патров Н. С., представители центральной и местной печати, радио и телевидения.

Товарищ Мао Цзэдун направляется к зданию аэропорта. Он здоровается с рабочими, служащими, всеми, кто пришел встретить правительственную делегацию Китайской Народной Республики.

За завтраком, устроенным в честь правительственной делегации Китайской Народной Республики, секретарь Центрального комитета партии тов. Поспелов П. Н. и глава делегации Мао Цзэдун обменялись речами.

Товарищ Мао Цзэдун предлагает тост за вечную дружбу китайского и советского народов.

После непродолжительного отдыха правительственная делегация Китайской Народной Республики из гостиницы аэропорта направляется вновь к самолету, чтобы продолжить свой путь на Родину. Сотни трудящихся приветствуют дорогих гостей. Раздаются возгласы: "Да здравствует китайский народ!", "Да здравствует вечная дружба китайского и советского народов!".

Около самолета гостей приветствуют пионеры школы № 11 гор. Иркутска. Ученица Таня Шатрова просит разрешения у товарища Мао Цзэдуна принять его в пионеры. Он дает согласие, и Таня повязывает на шею Мао Цзэдуна пионерский галстук. Глава делегации берет на руки юную пионерку и благодарит.

Последние прощания. Члены делегации садятся в самолет Ту-104, и в десять часов пятьдесят минут он поднимается в воздух.

Счастливого пути, дорогие гости!»

Такова газетная хроника. Официоз, говорят газетчики. А что было на самом деле?

Магнитная пленка — спасибо тем, кто изобрел это чудо, — сохранила до наших дней запись Бориса Евдокимовича о двух встречах с Мао Цзэдуном. Примечательно — это не хроникальное повествование, а свидетельства наблюдательного человека, размышления серьезного политика.

Крутится кассета. Звучит чуть приглушенный голос Щербины.

— Положение Иркутска делало этот город особым в связях Запада и Востока. Через Иркутск следовали делегации разных стран и народов. Встречи с ними позволяли наблюдать вблизи лидеров международного коммунистического движения, представлять эволюцию не только событий, но и поведения, поступков людей. Встречи с людьми всегда интересны, всегда поучительны. Особый смысл имели встречи с руководителями коммунистических партий европейских стран, Востока.

Мне трудно даже перечислить, кто побывал за эти годы в Иркутске. Особенно после победы китайской революции.

Конечно, особое внимание привлекали китайские делегации. В те годы многие из них следовали через Иркутск. Партийные работники области, выполняя поручения Центрального комитета, старались сделать все необходимое для плодотворного пребывания делегаций в городе. В известном смысле это была психологическая подготовка к деловым встречам на высоком уровне в Москве.

Шел 1957 год. Наша страна отмечала 40-летие Октябрьской революции. Этой дате придавалось большое значение. Как известно, незадолго до этого произошли события в Венгрии. На XX съезде КПСС с докладом, в котором разоблачался культ личности И. В. Сталина, выступил Н. С. Хрущев. Шумная кампания велась, мягко говоря, не совсем продуманно. В разговорах, в зарубежных изданиях муссировался доклад Хрущева. При этом все грехи, все недостатки, все пороки руководителя страны Сталина, реальные или придуманные, проецировались на Советский Союз, нашу партию, на наш общественный строй. В мировом коммунистическом движении назревали серьезные проблемы. В том числе и в Китае. Мы в Иркутске, разумеется, не знали обо всех подводных камнях, на которые они наталкивались, были далеки от тонкостей большой политики. Но даже в ходе коротких встреч, отвечая на вопросы, с которыми обращались к нам руководители делегаций, мы чувствовали противоречия, разделяющие стороны, улавливали настроение. И надо сказать, не всегда оно было в пользу единства, сплоченности и объединения.

Пользуясь юбилейной датой, в Москве намечалось провести корректировку совместных действий в международном

коммунистическом движении. Ведь многие делегации возглавляли лидеры партий и государств. Китайскую, к примеру, Мао Цзэдун.

Тогда я работал вторым секретарем обкома партии. Нам было поручено встретить и проводить китайскую делегацию. Естественно, мы хотели увидеть руководителя дружественной страны, познакомиться с ним. С юношеских лет его имя вызывало большое уважение.

Предполагалось, что во время заправки самолета мы накормим наших гостей в ресторане аэропорта, к тому времени комфортабельно обустроенном. Из Москвы встречать китайских товарищей прилетел секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов.

Но произошло то, чего никто не ожидал. Мао Цзэдун вышел из самолета, своеобразным жестом поприветствовал собравшихся на поле аэродрома, а затем, уклонившись от группы, которая в свою очередь приветствовала его, подошел к какому-то парнишке. Любознательные граждане всегда прорываются, куда их не просят, такова жизнь. Мао похлопал этого парня по плечу, помахал ему рукой...

Сотрудник МИДа товарищ Панюшкин, прилетевший в Иркутск с Поспеловым, представил китайским друзьям нас, местных руководителей. Мы пригласили гостей на обед. Но Мао Цзэдун от обеда отказался. Подожду, мол, в самолете. За ним сразу же расхотели обедать и все его спутники.

Видя такую ситуацию, я взял инициативу на себя и распорядился, чтобы обед доставили на борт самолета Ту-104. Попутно замечу, что эти лайнеры сняли крупнейшую проблему расстояний.

Каким был этот импровизированный обед? Супница, полная черной икры, рыбные деликатесы, напитки, фруктовые соки. Когда все передали в салон самолета, поднялся на борт и я. Картину увидел такую. Мао Цзэдун полулежал на кушетке, опираясь на подушки, и слушал Семена Николаевича Щетинина, который рассказывал о нашей области, о строительстве Братской ГЭС, о Байкале. Мао задавал вопросы, касающиеся области, урожаев, строительства на Ангаре. Семен Николаевич дело знал очень хорошо и ответил на все интересующие Мао Цзэдуна вопросы. Пригласил его на обратном пути, если он сочтет возможным, посетить строительство Братской гидроэлектростанции. Тогда эта стройка была в разгаре. Неожиданно Мао Цзэдун спросил Щетинина, сколько ему лет. Семен Николаевич ответил: сорок восемь. Мао посмотрел на него странным, пронзительным взглядом и заявил, что жить ему предстоит до 84 лет. Увы, пророчество китайского лидера не сбылось. Семен Николаевич скончался довольно рано от тяжелой болезни.

Исчерпав местные темы, Мао, ни к кому конкретно не обращаясь, вдруг задался глобальным вопросом:

— Почему отстали революции на Западе?

Сам и ответил, привожу его слова с точной достоверностью:

— Ожирел рабочий класс.

Замечу, что эту фразу он изрек, аппетитно уплетая черную икру большой ложкой. Запомнилась такая деталь: ложка изо рта возвращалась чистейшей. Я подумал: как сочетается революционный дух с таким завидным аппетитом?

Время стоянки заканчивалось. Летчики доложили о готовности. Мы распрощались с китайскими товарищами и, пожелав им хорошего полета до Москвы, вышли из самолета.

Что произвело самое сильное впечатление при близком знакомстве с Мао? Его глаза. Размытые, вроде тины болотной, ничего не выражающие. Не знаю, то ли в силу природной интуиции, то ли житейской мудрости, но Семен Николаевич, глядя вслед улетающему самолету, сказал: «Он безумец!»

Спустя десяток дней, уже на обратном пути, китайская делегация вновь остановилась в Иркутске. На сей раз Мао Цзэдун принял наше приглашение на обед, который устраивал обком партии. Такое было нам поручение.

Щетинин в это время был в отпуске. Поэтому мне, второму секретарю обкома, пришлось быть за хозяина. Все было подготовлено в лучшем виде. Байкальские, ангарские, северные деликатесы: омуль, хариус, осетровые, икра, мясо диких зверей и диких птиц.

Я пригласил сесть в центре стола Мао Цзэдуна, справа от него сел Петр Николаевич Поспелов, с левой стороны — я.

Мао поинтересовался, что у нас нового, не болеет ли народ. Так мы узнали, почему в прошлый раз он не пошел в аэропорт. Оказывается, ему кто-то из своих сказал, что в Иркутске свирепствует грипп, вот он и боялся заразиться. Никакого гриппа в то время не было. Как и при нашей новой встрече. Так мы и ответили: все нормально, у нас никаких нет эпидемий, гриппа нет. Это был конец ноября, уже и морозы в Иркутске стояли приличные. Хорошая наступала пора, красивая сибирская зима.

Большая китайская делегация еще рассаживалась.

— Знаешь ли ты, кто эти товарищи? — спросил меня Мао, указывая в сторону своих спутников.

Почуяв какой-то подвох в его словах, я не нашелся сразу, что ответить, и счел наиболее правильным сказать, что мы знаем этих товарищей как его ближайших соратников, помощников и наших добрых друзей. Мао полушутя, полусерьезно произнес:

— Еще неизвестно, кто кому помогает. Да я не об этом. Это — потомки Чингисхана.

Немного помедлив и повернувшись ко мне вполоборота, спросил:

— Ты знаешь, кто такой Чингисхан?

Я посмотрел на Петра Николаевича Поспелова, он ничем не выразил своего отношения к нашему историческому диалогу. Я сказал, что и мы, советские люди, и многие народы мира знают этого завоевателя, жесточайшего деспота и разорителя цивилизаций. А Россия — так, видимо, на роду ей было написано — спасла Запад от варварских налетов и погромов, ответил я, немного волнуясь.

— О походах знаменитого монгола Чингисхана, его матери и ближайших сподвижниках-полководцах я кое-что знал, — скромно замечает Борис Евдокимович. — Вот и развил эту тему, хотя и не очень понимал, к чему все клонилось.

(На самом деле секретарь Иркутского обкома, не историк по образованию, о чем товарищу Мао, бесспорно, доложили, дал гостям урок истории, корректный, точный, убедительный. За несколько минут Щербина напомнил, где именно русские князья Данила и Роман Галицкие остановили орды чингизидов. О том, что после трагического рязанского погрома от нашествия отбились Новгород, Смоленск и некоторые другие города срединной части России.)

Позже Петр Николаевич Поспелов спросил меня, помню ли разговор с Мао. «Конечно». — «Ты ходил по лезвию ножа».

(Откуда было знать секретарю Иркутского обкома, что уже в ту пору у Мао Цзэдуна созрела идея объявить Чингисхана китайцем? Мао видел себя наследником великого завоевателя. Мировое господство манило, магнитом притягивало его.

Так наступала вначале скрытая, а затем открытая вражда, разрыв экономических отношений, конфликты на границе...)

Нам часто приходилось встречаться с китайскими лидерами. Всех старались принять радушно. Конечно, приглядывались к гостям: какие они, лидеры великой страны? Нас, например, удивляло стремление Дэн Сяопина уединиться, уйти от бесед. Бросалась в глаза радушность Чжоу Эньлая, его европейская воспитанность. Ценили мудрость Лю Шаоци. Чжу Дэ — человек военного характера, открытый и довольно резкий. Кто-то из наших товарищей, сопровождавших его в поездке в Ангарск, спросил, действенны ли меры, которые принимаются в КНР по сокращению рождаемости. Он махнул рукой, засмеялся весело и сказал, что из этого ничего не получится.

Трагична судьба Лю Шаоци. Он, безусловно, останется не только в китайской истории, но и в международном коммунистическом движении человеком выдающихся дарований, революционной стойкости, человеком, достойным большого уважения.

Последний раз мы встречали его в 1960 году во время совещания руководителей коммунистических и рабочих партий, на котором была сделана еще одна попытка не допустить разлада, сохранить единство и сплоченность в международном коммунистическом движении. Из Москвы с товарищем Лю в Иркутск прилетел Леонид Ильич Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Мы пригласили китайских товарищей отдохнуть до перелета в Пекин на Байкале. Приглашение они приняли с удовольствием, было видно, как все устали. Кстати, и Леонид Ильич впервые побывал на берегу славного моря. В молодые годы он видел Байкал только из вагона поезда, когда ехал служить в Забайкалье.

На берегу Байкала Лю очень искренне говорил о том, что его тревожило. Мне казалось, что для него это своего рода завещание. Цементирующим началом, основой сплоченности, говорил он, должны быть нерушимость дружбы народов Китая и Советского Союза, единство КПК и КПСС. И с особой силой подчеркнул:

— Мы (на этом он сделал ударение) сделаем все возможное, чтобы эту дружбу никому не удалось разрушить. Мы будем работать над тем, чтобы она крепла, чтобы эта дружба была вечной.

Самолет улетел в Пекин, а мы, члены бюро обкома партии, вечером встретились у Леонида Ильича. Говорили о прощальных словах Лю Шаоци. Впечатление было такое, будто он хочет сказать о каких-то надвигающихся грозных событиях, а может, уже наступивших. Леонид Ильич конечно же обратил самое пристальное внимание на диалог с товарищем Лю, даже на его интонацию, настроение, на то, что происходит в Китае.

Позже я не раз возвращался к разговорам с Мао Цзэдуном и его заявлениям по поводу Чингисхана. Как мне представляется, Мао Цзэдун не был марксистом-ленинцем, последовательным сторонником этого учения. Руководители ряда стран используют лозунги социализма, может быть, даже паразитируют на идеях, которые приняты народами, воспринимаются как знамя борьбы, знамя надежды. Наверное, и Мао Цзэдун стремился декорировать социалистическими, марксистскими лозунгами древнюю, может, и обновленную местами конфуцианскую философию, традиции Срединного государства, которое, кстати, было одним из первых разрушено Чингисха-

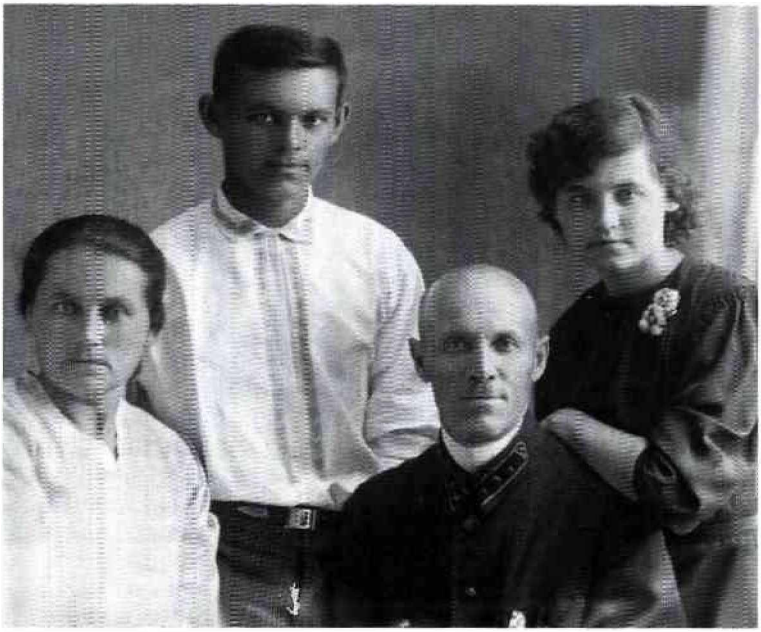

Вся жизнь впереди.
Борис Щербина —
выпускник средней школы.
Дебальцево, 1936 г.

Борис и его сестра Ангелина
с родителями
Евдокимом Григорьевичем
и Марией Артемьевной.
Дебальцево, 1938 г.

Будущие инженеры — Борис Щербина, Николай Ковалев и Сергей Брус. *Харьков, май 1941 г.*

ВЧИТИСЬ І ПРАЦЮВАТИ ПО-СТ

НАШІ СТУДЕНТИ-ВІДМІННИКИ СТАЛІНСЬКІ СТИПЕНДІАТИ

Тов. Щербина Б. С.

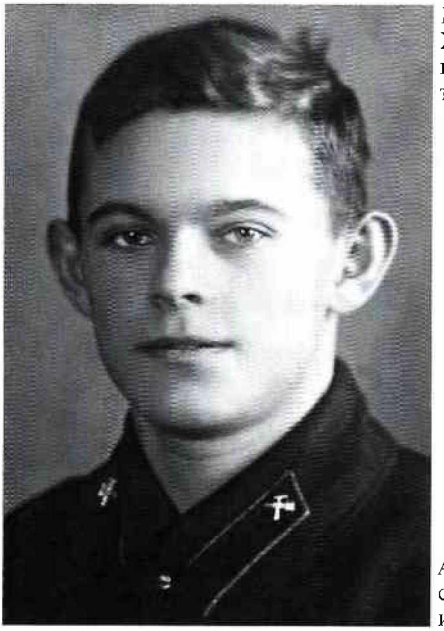
Тов. Романовський В. І.

Кировець

№ 3(

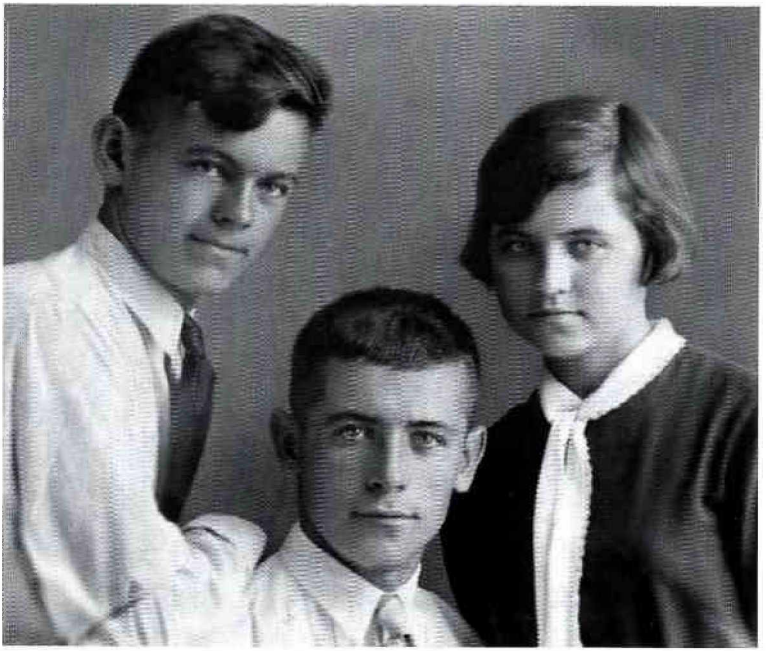
ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ СТИПЕНДІЙ імені СТА
СТУДЕНТАМ ІНСТИТУТІВ ЗАЛІЗНИЧНОГО ТРАН

Інституская многотиражка представила студентов — сталинских стипендиатов. Среди них — Борис Щербина

Борис Щербина — студент Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта

А на этом снимке он с братом Константином и сестрой Ангелиной

Предвоенный Харьков

Последний снимок с братом. *1942 г.*

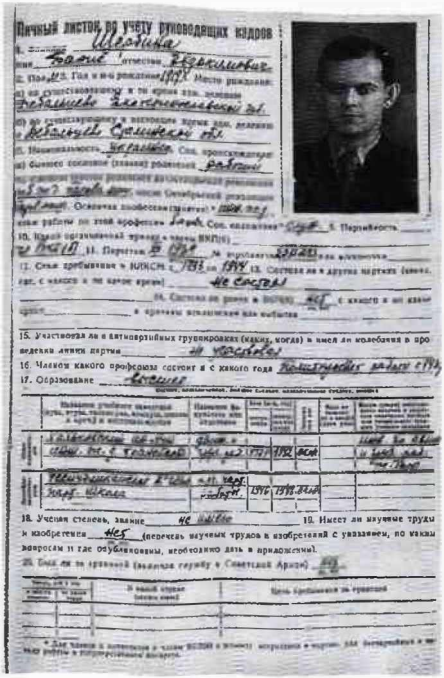

Казацкому роду нет переводу.
Евдоким Григорьевич
Щербина дождался внука
Юрочку

В Союзе умели подбирать кадры

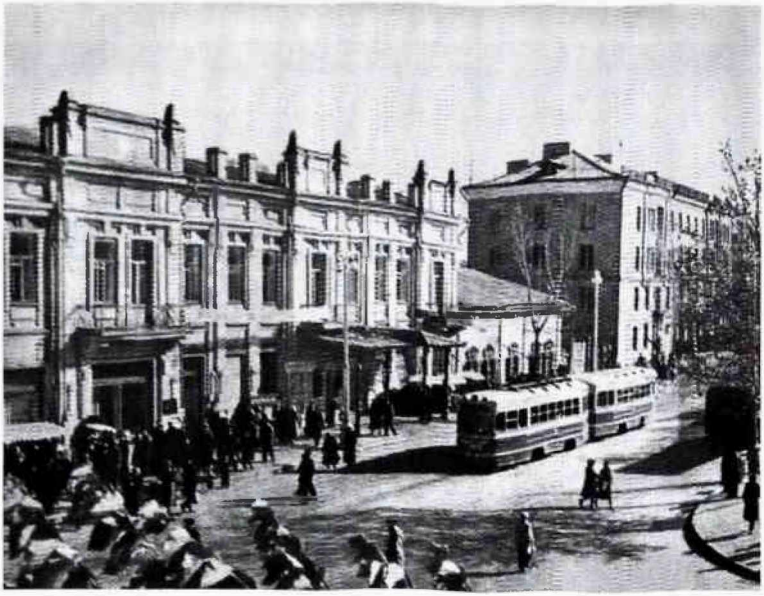

Личный листок по учету руководящих кадров

Щербина

Таким увидел Иркутск Борис Евдокимович Щербина. *1951 г.*

Б. Е. Щербина и первый секретарь Иркутского обкома КПСС С. Н. Щетинин в Канаде. *Ниагара, 1959 г.*

В Иркутск прилетел Климент Ефремович Ворошилов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. *1956 г.*

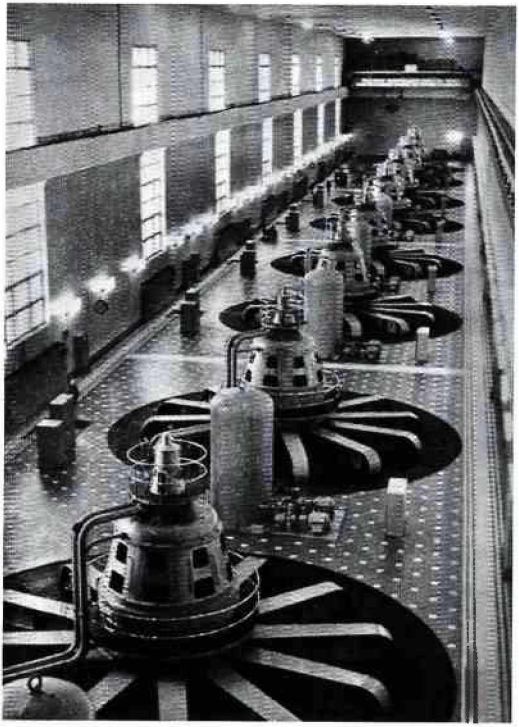

Сибиряки встречают председателя ЦК компартии Китая Мао Цзэдуна...

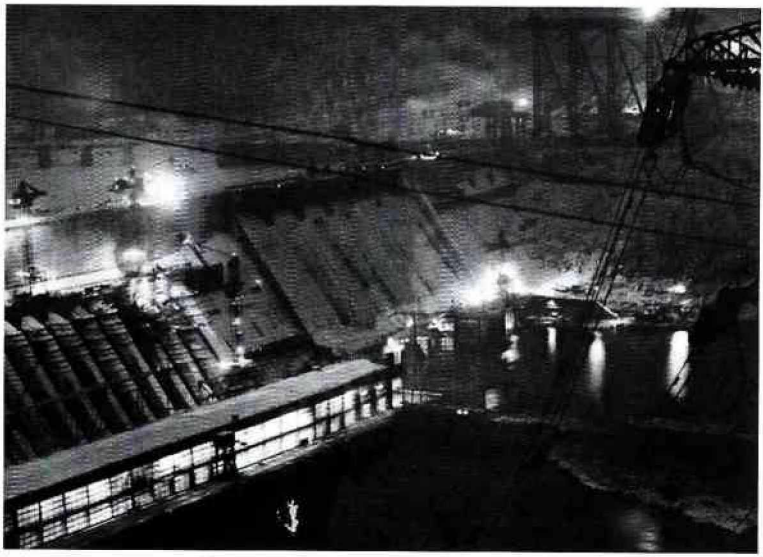
...и председателя ЦК Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мина. *1954 г.*

Машинный зал Иркутской ГЭС

Следом за Иркутской поднималась легендарная Братская ГЭС

На Иркутскую ГЭС наведались Н. С. Хрущев...

...и председатель Совета министров МНР Ю. Цеденбал. *1959 г.*

Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР на Братской ГЭС. *1960 г.*

Тюмень. *1961 г.*

В Западную Сибирь, где создавалась новая энергетическая база страны, постоянно прилетали А. Н. Косыгин, его заместители, министры Союза

В роду Щербины пополнение — внука в честь деда назвали Борей. Слева — жена Бориса Евдокимовича Раиса Павловна, в центре — его мама Мария Артемьевна. *Тюмень, 1963 г.*

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина вручает орден Ленина объединению «Главтюменьгеология». *Тюмень, 1966 г.*

Деловой разговор с председателем Госплана СССР Николаем Константиновичем Байбаковым (слева). *1973 г.*

Тюменский обком КПСС. *1965 г.*

ном. Завоеватель сжег дотла, уничтожил его столицу Каракорум. Чингисхан понадобился Мао для того, чтобы обрести национально завещанный символ в стремлении Китая быть властелином и господином мира.

Теперь и сами китайцы говорят о «культурной революции»: десять потерянных лет. Шутка ли, десять выжженных лет для такой страны.

Напомним: эти строки Борис Евдокимович Щербина надиктовал в 1983 году. Канун перестройки... Кто мог тогда подумать, что у Советского Союза впереди своя «культурная революция», распад великого государства, потерянные годы?!

Леонард Григорьевич помнит, как на строительстве Иркутской ГЭС встретился с поэтом Юрием Левитанским. Поэт ходил в своей фронтовой шинели, другой одеждой не успел обзавестись. Собирался написать, какой увидел бы стройку Маяковский. И написал. «Встреча с Маяковским» — так и назвал эти стихи. Владимир Владимирович (по замыслу коллеги) упрекает товарищей:

Вы что же,
сибирские други-поэты?
Никак ваша муза спала?
Где звонкие главы,
в которых воспеты
Прекрасные эти дела?

Нет, муза сибирских поэтов, писателей, публицистов не спала. О строителях гидростанций, железных дорог, новых городов писали Александр Вампилов, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев — называем имена, хорошо известные российскому читателю. В послесловии к сборнику рассказов и публицистики А. Вампилова «Белые города», увы, посмертному, В. Распутин писал: «Кажется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно стали различимы даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение...»

Борис Евдокимович внимательно следил за творчеством молодых авторов, помогал иркутским литераторам вырваться из тесных рамок «Новой Сибири» — хорош альманах, но все-

го два номера в год. При его непосредственном участии — без обкома партии это было невозможно — создавались журналы «Ангара» и «Сибирь».

Лишь спустя много лет увидели свет «Записные книжки» Александра Вампилова. Цитируем по иркутскому изданию 1997 года:

«В Грузии. В книжном магазине.

— Нет у вас абхазских сказок?

Грузин-продавец:

— А разве абхазцы могут что-нибудь написать?»

«Черёмушки — каменный колхоз».

«В 25 лет еще рано оглядываться, но уже поздно нестись сломя голову.

— Чепуха».

«Чрезмерная святость, как и фанатизм, всегда ведут к изуверству».

«Человечество родит примерно одинаковое количество гениев и знаменитых убийц. Последние века эта пропорция нарушена и появляются гениальные убийцы».

И еще один штрих из биографии будущего писателя и драматурга, так горько и рано ушедшего из жизни. Валентин Никитич Вампилов писал жене, Анастасии Прокопьевне, в роддом: «Я уверен, что все будет хорошо. И вероятно, будет работник — сын, и боюсь, как бы он не был писателем, так как во сне я все вижу писателей. Со Львом Николаевичем Толстым искал дроби, во сне пил водку с Максимом Горьким и целовал его в щетинистую щеку... У меня, знаешь, вещие сны».

По Союзу шел тридцать седьмой год. Газеты тех дней называли его «пушкинским». А учителя Вампиловы своего мальчика назвали Александром.

Годы больших строек, советские годы изменили облик Восточной Сибири. Многое вобрали в себя десять щербиновских лет, две пятилетки... Иркутская ГЭС, первенец Ангарского каскада. Расправил плечи Братск. Заложены корпуса Иркутского алюминиевого завода. Начал действовать Ангарский нефтехимический комбинат, тогда он назывался «комбинат № 16», вошли в строй первые гидролизные заводы. Мощнейшие линии электропередачи, новые железные дороги, в том числе головной участок БАМа, тысячи новых жилых домов, школ, клубов, кинотеатров, дворцов культуры. Появились новые города, среди них гордость всей страны — Ангарск, где, пожалуй, впервые в отечественном градостроении застройка шла по единому генплану с полным набором ин-

фраструктуры. Иркутская энергосистема по установленной мощности вышла в то время на второе место в стране (после Донбасской). По объему осваиваемых капиталовложений область утвердилась в первой пятерке. Вместе с экономистами Борис Евдокимович предложил концепцию развития территориально-промышленного комплекса. Это было выдающееся дело, считает академик Г. И. Марчук.

Именно при активном участии Щербины в Иркутске был создан Восточно-Сибирский научный центр более чем с десятью научными институтами и учреждениями.

Характерным, в чем-то символическим показателем деятельности Щербины в здешних краях стал следующий факт. При нем были созданы специализированные управления по разведке нефти и газа, мощное геодезическое предприятие, научно-исследовательские институты геологического профиля. И вот вскоре после его отъезда в Тюмень возле деревни Марково на Лене весной 1961 года ударил мощный фонтан нефти.

Это было первое солидное подтверждение прогнозов академика Трофимука о больших перспективах на нефть и газ в междуречье Енисея и Лены. Марковская нефть стала напутствием иркутян Борису Евдокимовичу в его масштабной деятельности уже в Тюменской области.

Глава пятая

ТЮМЕНЬ БЕЗ ЭМОЦИЙ

Служить другим и делать добро.
Аристотель

«Избрать первым секретарем»

Над утренней Тюменью моросил ленивый дождик. Одинокий человек топтался у огромной лужи, выбирая, с какой стороны лучше подойти к обкому партии.

Щербина отошел от окна. Начинался первый рабочий день первого секретаря Тюменского обкома партии. Точнее сказать: нового первого секретаря.

От него многого ждали в Москве, в ЦК КПСС. Ждали перемен и сами тюменцы. Приведем несколько документов, которые точно характеризуют положение, сложившееся к тому времени в Тюменской области.

«Товарищу Воронову Г. И.*

В поступившем в Комитет партийного контроля заявлении члена КПСС т. Борцова В. П. сообщалось о фактах приписок и очковтирательства в Тюменской области, незаконном строительстве Дворца спорта и неправильном поведении первого секретаря обкома КПСС т. Косова В. В.

Проверкой, проведенной на месте ответ. контролером КПК т. Вологжаниным С. А., факты, изложенные в заявлении т. Борцова, нашли свое полное подтверждение. Тов. Косов во многих вопросах ведет себя неправильно.

Прошу Вас рассмотреть результаты проверки. (Записка прилагается.)

---

* *Воронов Геннадий Иванович* — председатель Бюро ЦК партии по РСФСР, позже — председатель Совета министров РСФСР.

Со своей стороны считал бы необходимым высказать следующее мнение: после столь многочисленных ошибок, допущенных т. Косовым, вряд ли целесообразно оставлять его на посту первого секретаря обкома КПСС.

Н. Шверник.

31/III-1961 г.».

Николай Михайлович Шверник, один из старейших членов партии, в ту пору, о которой идет речь, возглавлял Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Авторитет КПК был не просто высок, он был незыблем и грозен. Для многих и многих порядочных людей Комитет партийного контроля оставался последней надеждой в их противостоянии хапугам при партии, в бескомпромиссной борьбе за справедливость.

«В Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС

В Комитет Партийного Контроля обратился член КПСС (член Тюменского обкома партии) т. Борцов В. П. с заявлением, в котором сообщает о фактах приписок и очковтирательства в Тюменской области, незаконном строительстве Дворца спорта и неправильном поведении первого секретаря обкома партии т. Косова. В заявлении, в частности, говорится, что т. Косов, злоупотребляя служебным положением, заставил переоборудовать пассажирский вагон, которым он пользуется, хотя никакой необходимости в этом не было, т. к. вагон только что вышел из ремонта. Далее отмечается, что по указанию т. Косова необоснованно был осужден на 15 суток рабочий-железнодорожник т. Мосенков.

Проведенной проверкой на месте изложенные факты в заявлении т. Борцова нашли свое подтверждение.

Приписки и очковтирательство в Тюменской области приобрели весьма широкие размеры как в сельскохозяйственном производстве, так и в промышленности. В период закупок хлеба в 1960 г., например, во многих районах области с целью создания показного благополучия сотни тонн зерна авансом оформлялись под сохранные расписки, когда зерновые культуры стояли еще на корню... Такая порочная практика привела к тому, что колхозы и совхозы не смогли покрыть все количество зерна, оформленного под сохранные расписки, и на глубинных пунктах выявлена недостача 639 тысяч пудов хлеба.

Многочисленные факты приписок имели место в Тюменской области при закупке животноводческих продуктов. По данным Облстатуправления и следственных органов, была вскрыта приписка за первое полугодие 1960 г. по мясу по семи районам более 4000 центнеров, в том числе по Казанскому

району 881, по Абатскому — 688, Голышмановскому — 1206, Ишимскому — 731, Дубровинскому — 377, Упоровскому — 299 и Нижне-Тавдинскому району — 90 центнеров.

По Голышмановскому району 30 июня 1960 г. по указанию второго секретаря райкома партии т. Михайлова было приписано по 4 колхозам и 4 совхозам 4050 центнеров молока, за что было перечислено колхозам и совхозам 419 тыс. руб. государственных средств.

Армизонская инкубаторно-птицеводческая станция в мае 1960 г. получила от совхоза Краснодарского края 38 тыс. штук утиных яиц. При этом выписала приемные квитанции совхозам Краснодарского края и одновременно Красноорловскому совхозу Тюменской области. Таким образом одна и та же продукция в государственной отчетности прошла дважды.

К сожалению, немало фактов приписок и очковтирательства имели место и в промышленности Тюменской области. Например, по предприятиям совнархоза за 1960 год вскрыта приписка по выпуску валовой продукции на 24 млн. руб. (в масштабе старых денег). Более чем на 16 млн. рублей приписано только по одному комбинату "Тюменьлес". Завышение объема по валовой продукции по комбинату произведено леспромхозами и лесобазами по прямому указанию начальника этого комбината т. Тетерина...

Всевозможными махинациями "выполнение" плана по комбинату "Тюменьлес" искусственно было поднято до 102,5 процента, хотя фактически заготовка деловой древесины провалена и народное хозяйство недополучит на миллионы рублей столь необходимого строительного материала.

Обнаружены приписки по мясной промышленности, "Древхимлесу", комбинату производственных предприятий и другим предприятиям.

Многочисленные факты приписок и очковтирательства в Тюменской области стали возможны потому, что обком партии и облисполком не вели с этим злом должной борьбы, а в отдельных случаях старались просто не замечать. Например, в первой декаде октября 1960 г. в Сорокинском и Викуловском районах было обнаружено, что большое количество хлеба оформлено авансом под сохранные расписки, когда зерновые стояли еще на корню и находились в валках.

Эти факты были обнаружены т. Пономаревым (облпрокурор) и т. Афанасьевым (облвоенком), оба члены обкома КПСС. И когда они попытались об этом проинформировать т. Косова, как указывает в своем объяснении т. Пономарев, "он, будучи в вагоне на ст. Ишим, нас не принял, заявил по телефону: уезжайте в Тюмень".

Вот другой пример. В августе 1960 года поступило письмо от работника управления мясо-молочной продукции совнархоза т. Вараксина о фактах приписок по мясу и молоку за первое полугодие 1960 года. Обком ограничился созданием комиссии по расследованию этих фактов, но указанная комиссия до ноября не нашла времени даже ни разу собраться. Облпрокурор т. Пономарев, будучи членом этой комиссии и видя, что указанная комиссия никакой работы не ведет, в порядке исполнения решения обкома силами работников аппарата облпрокуратуры провел расследование и 15 сентября написал докладную записку по результатам проверки в обком КПСС. Эта записка была рассмотрена на бюро обкома только 4 ноября 1960 года, и было принято решение довольно общего характера. Зато т. Пономарев в этот же день на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов был подвергнут острой критике со стороны второго секретаря т. Щурова, который обвинил его, что он организовал следствие по фактам приписок. Когда же стал выступать т. Пономарев, то его, как он указывает в своем объяснении, "оборвали и приняли решение создать комиссию по проверке правомерности действий облпрокурора; т. Косов заявил, что в работе комиссии надо взять за основу решение ЦК по Берия". Тов. Косов объясняет свое заявление тем, что он считал необходимым напомнить т. Пономареву, что тот допустил нарушение норм партийной жизни.

10 ноября т. Пономарев вторично доложил т. Косову по фактам очковтирательства, и тот заявил: "Судить по фактам приписок никого не нужно", а мне заявил: "Имей в виду, что мы можем в отношении тебя принять такое решение, что ходи потом и жалуйся".

Ошибка т. Пономарева есть, и она состоит в том, что он произвел допросы партийных и советских работников, не имея на то санкции обкома партии, а руководствовался только указаниями прокурора республики т. Круглова. Но при всем этом следует сказать, что к нему со стороны обкома партии и т. Косова была проявлена тенденциозность.

Следует отметить, что факты приписок и очковтирательства по заготовкам сельскохозяйственной продукции в Тюменской области имели место и в предыдущие годы... Тогда по результатам нашей проверки обком КПСС принял решение, которым осудил антигосударственную практику приписок в деле хлебозаготовок. Первому секретарю Ишимского райкома партии т. Реброву и зональному секретарю т. Беликову были даже объявлены взыскания. Но буквально через три месяца после наказания за очковтирательство т. Реброва выдвинули

на пост зам. председателя облисполкома, а т. Беликова — первым секретарем Нижне-Тавдинского райкома КПСС. Как и следовало ожидать, после такого решения в области ничего не изменилось и приписки за все эти годы по-прежнему продолжались. Например, по данным облстатуправления видно, что совхозами Ишимского, Голышмановского, Бердюжского и Ялуторовского районов за 1959 г. было приписано 458 тонн мяса, а колхозами Дубровинского, Юргинского и других районов 823 цнт. молока.

О многочисленных фактах приписок сообщает в своем объяснении в КПК бывший начальник облстатуправления т. Пивень П. К. Он указывает, что о приписках по мясу и молоку за 1959 г. неоднократно докладывал секретарям обкома тт. Косову и Щурову, но с их стороны никаких мер не принималось, тогда он в конце 1959 г. написал об этих фактах в ЦК КПСС. Когда стало известно о его письме обкому партии, то "т. Щуров в течение 5 дней уговаривал меня, — указывает т. Пивень, — отозвать свое письмо, написать, что якобы я в своем письме оклеветал тт. Косова и Щурова". При этом т. Щуров заявил т. Пивеню, "что вопрос об освобождении его от обязанностей начальника статуправления предрешен и если он не откажется от письма, то никуда не устроится, так как без согласия обкома никто не решится взять его на работу".

Тов. Щуров в своем объяснении в КПК отрицает, что он понуждал т. Пивень отозвать письмо из ЦК. Насколько правдоподобно обвинение, предъявленное т. Пивнем т. Щурову, и объяснение т. Щурова по этому вопросу, трудно судить, ибо весь разговор происходил между ними. Однако одно совершенно ясно, что факты приписок по многим районам области имели место в 1959 году и т. Пивень о них неоднократно ставил вопросы, но должных мер со стороны обкома партии и облисполкома принято не было. И как вынужден был признать т. Щуров, это вело к тому, что "руководители отдельных хозяйств в погоне за ложным благополучием становились на преступный путь очковтирательства и обмана государства".

Подтвердился факт и о незаконном строительстве Дворца спорта. По решению обкома КПСС и облисполкома от 10 января 1960 года в г. Тюмени без разрешения правительственных органов было начато строительство комплекса спортивных сооружений с большими излишествами...

Увлекшись строительством спортивных сооружений, областные и городские организации забыли о более насущных нуждах трудящихся г. Тюмени. Например, план ввода жилья в эксплуатацию в целом по городу выполнен за 1960 год всего лишь на 68 процентов. В 14 школах из 35 занятия проводятся

в три смены, но из 3-х школ ни одна в 1960 году не была введена в число действующих, из 8 детских садов сдано в эксплуатацию 6. В то же время на указанное строительство всего лишь за 6 месяцев (июнь — ноябрь) было затрачено более 2 млн. руб. и отвлечено с других строек 325 тыс. штук кирпича, 536 тонн цемента...

Нашли свое подтверждение также и факты неправильного поведения т. Косова. По его указанию, например, совершенно без всякой необходимости был переоборудован четырехосный пассажирский вагон, только что вышедший из текущего ремонта. Указанный вагон по положению предназначен для начальника отделения дороги. Но при выезде в районы области т. Косов пользовался этим вагоном и в погоне за комфортабельностью заставил переоборудовать его по своему вкусу, на что было затрачено 32 тыс. руб. государственных средств. Вся обстановка в салоне вагона: мягкий диван, кресла, стол, а также постельная принадлежность на 4 купе была закуплена за счет средств обкома партии.

Следует отметить, что до этого случая, как указывает бывший начальник отделения дороги т. Борцов, по указанию т. Косова было заменено еще 3 вагона, и все только по той причине, что они не устраивали т. Косова.

Полностью подтвердился факт неправильного поведения т. Косова к рабочему-железнодорожнику Мосенкову. Вопрос этот рассмотрен на Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Учитывая, что факты приписок и очковтирательства в Тюменской области приобрели довольно широкие размеры, а секретари обкома тт. Косов и Щуров ведут себя в этих и других вопросах неправильно, полагал бы необходимым о результатах проверки информировать ЦК КПСС.

Ответ. контролер КПК при ЦК КПСС
Вологжанин»

(*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 17. Д. 1. Л. 7—13*).

6 мая 1961 года в Тюмени собрался пленум обкома. Обсуждается организационный вопрос: о первом секретаре обкома партии.

«**Тов. Полехин** (заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР). В ЦК КПСС и сегодня на бюро обкома партии рассмотрен вопрос о первом секретаре Тюменского обкома партии. На этот пост рекомендуется т. Щербина Б. Е. Он здесь присутствует. Тов. Щербина имеет опыт руководящей партийной работы: был секретарем райкома, вторым секретарем Харьковского горкома партии и 10 лет работает сек-

ретарем Иркутского обкома партии, с 1956 года работает вторым секретарем Иркутского обкома партии. На работе проявил себя хорошо, условия работы в Сибири знает. Более подробно о себе расскажет сам.

Тов. Щуров (секретарь Тюменского обкома КПСС, председательствующий). Есть предложение послушать т. Щербину.

Тов. Щербина. Родился в 1919 году, член партии с 1939 года, закончил Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта, непродолжительное время работал по специальности, затем секретарем Харьковского обкома комсомола и позднее на партийной работе: инструктором обкома партии, заведующим сектором, после окончания партийной школы в Киеве — вторым секретарем Орджоникидзевского райкома КПУ и позже секретарем Харьковского горкома партии. С 1951 года в Иркутской области секретарем обкома и вторым секретарем обкома партии.

Тов. Щуров. Есть ли вопросы?

Голоса. Нет.

Тов. Щуров. Есть ли другие кандидатуры?

Голоса. Нет.

Тов. Щуров. Кто за то, чтобы избрать первым секретарем и членом бюро обкома КПСС т. Щербину Бориса Евдокимовича и просить ЦК КПСС утвердить настоящее постановление, — прошу поднять руки. Кто против? Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно. (*Аплодисменты.*)

Тов. Щуров. Разрешите работу пленума на этом закончить» (*Госархив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 151. Д. 13. Л. 1—73*).

Ученый дурак — бедствие цивилизации

Что знал тогда Борис Евдокимович о Тюмени? И много и мало. Конечно, по давней привычке он порылся в литературе, исторических источниках. Эти записи позже пригодились в работе над книгой «Тюменский меридиан». Ее открывает небольшая, весьма содержательная глава о русских землепроходцах, добравшихся до Югры, к востоку от Урала, еще в XI веке. Тюмень же основана в 1586 году. Об этом в Сибирской (Кунгурской) летописи сказано так: «Лета 7093 посланы воеводы с Москвы Василий Борисович Сукин да Иван Мясной, да письменный голова Данило Чулков с тремя сты человек, поставивши град Тюмень июля в 29 день».

Город поднялся на месте старинного татарского селения Чимги-Тура, основанного в XIII веке. Считают, что слово

«Тюмень» происходит от тюркского «тумен» — десять тысяч. Так называли татары отдельные административные единицы или районы своей территории. Есть и другие толкования: «нижний, низовой», то есть находящийся в низовьях реки, или «окраина, отдаленное место».

Вначале Тюмень отражала вражеские набеги, а когда граница отодвинулась к востоку, стала торговым и ремесленным центром. Ее по праву называют матерью сибирских городов. Отсюда на север и восток Сибири уходили отряды, заложившие новые города — Тобольск, Тару, Сургут, Березово, Томск...

Через Тюмень пролегал Сибирский тракт. Тянулись в поисках счастливой доли переселенцы... Деревянная Тюмень мало менялась с годами, ее даже называли столицей деревень.

Однажды по весне, миновав рынок, Борис Евдокимович неторопливо дошел до городской окраины. Там был пустырь, рядом с железной дорогой, скрывающейся за защитной полосой начинающих зеленеть берез и тополей. Среди прошлогодних засохших будыльев вздымалась широкая труба, порядком изъеденная ржавчиной.

— Лет десять назад здесь буровая стояла, — пояснил словоохотливый абориген. — Нефть искали.

— Ну и как — нашли?

— Ищут, — усмехнулся старожил и махнул рукой куда-то в сторону севера.

Нефтяную Тюмень Щербине еще предстояло узнавать и открывать вместе с геологами, нефтяниками, строителями.

Нефть в этих краях искали давно, поначалу в Восточной Сибири. Западная Сибирь у ряда спецов считалась бесперспективной. В споре о возможных районах поисков нефти сталкивались две школы геологов. Они представляли прямо противоположные теории происхождения нефти: неорганического и органического.

«Неорганики» утверждали, что нефтяные месторождения строго фиксируются в местах их происхождения. Следовательно, поиск нефти необходимо вести в местах с ее обильными и ярко выраженными поверхностными проявлениями. Если там не удается обнаружить промышленную нефть, то вести ее поиски бесполезно — это бесперспективные районы. «Органики» считали, что нефть обладает высокими миграционными свойствами и наиболее богатые месторождения должны находиться в местах вторичных отложений.

Школу «неоргаников» возглавлял профессор К. П. Калицкий, школу «органиков» — академик И. М. Губкин. Первое

крупное сражение между этими школами разыгралось, образно говоря, на картах Волжско-Уральской провинции. Сторонники профессора Калицкого утверждали, что промышленной нефти на равнине быть не может. Молодые геологи во главе с Иваном Губкиным доказывали обратное. Их называли авантюристами.

Ну и кто в конечном итоге оказался прав? То же происходило и в отношении перспектив нефтегазоносности Западной Сибири.

«Нефть и уголь — члены одного генетического ряда битумов, которые начинаются на одном конце графитом и антрацитом, на другом идут до жидкой нефти и газообразных углеводородов, — писал Губкин. — Генетическая причина возникновения этого ряда, в сущности, одна и та же». Он считал необходимым использовать для разведки нефти геофизику и сейсмографию. «Перспективы и значение разработки нефти в этих районах огромны, — не уставал повторять ученый. — Добыча нефти может обеспечить потребности не только Урало-Кузнецкого комбината, но и всего народного хозяйства СССР».

Первые экспедиции нефть не нашли... В 1945 году на сессии только что созданного Западно-Сибирского филиала АН СССР выступил профессор Томского университета М. Коровин. Он говорил о необходимости «снять с Западно-Сибирской равнины маскирующий ее плащ новейших отложений и решить вопрос о природе скрытых в ее глубине геологических структур».

Профессор Коровин предположил наличие нефти в глубоких слоях. Он также сформулировал блестяще подтвердившееся впоследствии предположение, что «нефтеперспективные районы Западной Сибири нарастают по числу и площади к северу, а к югу, наоборот, они уменьшаются».

Снаряжаются экспедиции на Крайний Север. Начальник одного из отрядов докладывал руководству: «К берегам Ныды подходы очень трудные из-за отмелей. Иногда приходится отдаляться от берега на 4—5 километров и к обнажениям высаживать десанты, добираясь вброд. А отдел снабжения выдал нам всего две пары резиновых сапог, поэтому приходится бродить по холодной воде босиком. Да и эти сапоги, хотя и новые, уже расклеились. Сейчас еще терпимо, но как мы будем выходить из положения в сентябре, когда появится снег и лед у берегов? Если будет возможность, то срочно посылкой по почте пришлите 2—3 пары резиновых сапог с длинными голяшками, так как достать их здесь не представляется возможным, и резинового клея».

Между тем «неорганики» требовали прекратить бессмысленную трату народных средств на поиски нефти и газа там, где их быть не может. Они выдвинули планетарно-космическую теорию происхождения нефти. Опираясь на нее, саратовский ученый Н. Назаркин разработал «экваториальный вариант». Он утверждал, что залежи нефти тяготеют к южным экваториальным районам. Добыча и потенциальные запасы сосредоточены в южных широтах, утверждал он. Его позицию укрепляло бурное развитие добычи нефти на Ближнем Востоке. Профессор настаивал: надо усилить поиски нефти в южных районах Союза и свернуть поиски на Севере. Своих оппонентов он называл противниками советской власти.

Фарман Курбанович Салманов, один из первооткрывателей сибирской нефти, немало натерпевшийся от нападок Назаркина, однажды высказался в его адрес так: «Одно из величайших бедствий цивилизации — ученый дурак. Здравым разумом от него не отобьешься...»

Случай подтвердил известную истину об ограниченности теории. На севере Тюменской области, в районе села Березова, некогда приютившего опального Меншикова, ударил мощный газовый фонтан. Шел сентябрь 1953 года. В Москве принимают решение активизировать поиски нефти и газа... Сентябрь, наверное, удачный месяц для геологов. В сентябре 59-го ожила нефтяная скважина у поселка Шаим. И хотя она давала всего тонну нефти в сутки, этот аргумент перевешивал выкладки оппонентов.

Из записных книжек Владимира Чирскова

В редкие минуты откровения Борис Евдокимович, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, рассказывал мне, своему заместителю, как непросто входила в его жизнь Тюмень. Он принял свое новое назначение со смешанным чувством. Радовала возможность развернуться на земле, на которой постепенно становилось все меньше «белых пятен». В 1960 году на берегу речки Мулымьи близ таежного поселка Шаим из скважины № 6 был получен первый в Сибири фонтан нефти с суточным дебитом около 300 тонн. Затем у поселка Мега на Средней Оби начала бурно фонтанировать нефтяная скважина. За ней последовали впечатляющие фонтаны на Усть-Балыке и на Красноленинском своде. Все это убедительно доказывало, что в этих труднодоступных землях большая нефть есть...

Порой он как-то стеснительно сознавался, что им овладевала робость: слишком уж нереальной, запредельной казалась задача промышленного освоения громаднейшего региона. Случалось, наталкиваясь на холодную стену непонимания, а то и равнодушия, опускал руки. Бывало, сомневался: «Совладать ли мне с этой громадой?» На короткий миг, в редкие моменты отчаяния, терял веру в себя. Он гнал сомнения прочь, не позволяя им овладеть собою. Он знал: с этого рубежа отступать нельзя. Как под Москвой в сорок первом. Он привык бороться, преодолевая яростное сопротивление, физическую и душевную боль. До конца, до победы. Как бы не было трудно!

— И по сей день захватывает дух, когда, стоя у карты области, переводишь взгляд с юга, где находится Тюмень, на север к оконечности Ямала, — однажды признался мне Борис Евдокимович, потирая руками виски, словно головную боль успокаивал.

Область, которую принял Щербина, занимает около полутора миллионов квадратных километров — это Франция, Испания, Италия и Австрия вместе взятые. Расстояние с юга до севера области больше двух тысяч километров. Западную границу от восточной отделяет такое же расстояние, как от Москвы до Уфы. На рабочем столе первого секретаря обкома партии (и дома!) книги с пометками, закладками, выписками.

«Арктическая тундра Крайнего Севера — зона, непригодная для житья, — переходит к югу в лесотундру, которая сменяется поясом могучих таежных лесов. А еще южнее раскинулась лесостепь с черноземными почвами, превращающаяся на границе с Казахстаном в степь без конца и края».

«Колоссальны гидроэнергетические ресурсы области. Тысячи больших и малых рек, 300 тысяч озер! Обь ежегодно сбрасывает в Северный Ледовитый океан 394 кубических километра воды. Это в полтора раза превышает сброс Волги и в 7,5 раза — Днепра. Озера и реки изобилуют рыбой. Однако поражает безлюдье...»

Может показаться странным, что в этих отрывках ни слова не говорится о нефтегазовых запасах и перспективных районах. Однако все это не прямо, не в лоб, но подразумевается. Здесь, возможно, пульсирующая мысль Щербины, на какое-то мгновение остановившись, но не споткнувшись на расстояниях, водных преградах, природно-климатических зонах, чрезвычайно слабой населенности, шла дальше и глубже. Бориса Евдокимовича волновало, как подступиться не только к

уже открытым природным богатствам, но и к тому, что пока было скрыто от людей за семью печатями.

Ведь если здраво поразмыслить, то водные пути — это транспорт, климатические условия — возможность проживания, безлюдье — это слабые местные трудовые ресурсы, сброс вод — перспективы гидроэнергетики, обилие рыбы — это обеспечение питанием... Щербина явно прикидывал в уме здешние возможности, выстраивая стратегию освоения громаднейшего региона. Однако как руководитель, выдержавший иркутский экзамен, он не ограничивался информацией из вторых рук. Приступая к делу большой государственной важности, он стремился увидеть все своими глазами. И смотрел, прощупывал, взвешивал...

В области ведущими отраслями промышленности в то время были лесная и рыбная. Машиностроение и легкая промышленность развивались слабо. Лесная промышленность выдавала до десяти миллионов кубометров древесины в год. Ее эшелонами поставляли по железной дороге шахтерам Кузбасса, строителям России, Украины, Казахстана и других республик. На лесозаготовках и в деревообработке было занято более сорока тысяч человек. Свое знакомство с экономикой области Щербина и начал с лесной отрасли.

По распределению обязанностей в обкоме партии лесников курировал А. И. Пелымский. Совместно с главным инженером комбината «Тюменьлес» Василием Филипповичем Дзюбанчуком они познакомили нового секретаря обкома с работой леспромхозов, расположенных вдоль железной дороги Ивдель — Обь, посетили Кондинский лесокомбинат и леспромхозы юга области.

Оказалось, что Борис Евдокимович хорошо разбирался в технологических тонкостях отрасли. Он знал, когда и какие лесные породы готовы к рубке, какая продукция из них выпускается, владел технологией лесозаготовок.

Бригадир комплексной бригады Кондинского лесокомбината Николай Коуров выступил с инициативой заготовить со своими ребятами 100 тысяч кубометров леса в год. В среднем на комплексную бригаду выработка в области составляла наполовину меньше.

Узнав об этой инициативе, Щербина встретился с бригадой. Поручил распространить опыт ее работы во всех леспромхозах. Научно-исследовательскому и проектному институту лесной и деревообрабатывающей промышленности было предложено разработать техническую документацию ведения

лесозаготовок по этому методу. Внедрение метода Николая Коурова позволило резко повысить производительность труда и снизить себестоимость лесозаготовок. Николай Коуров стал первым в лесной промышленности Героем Социалистического Труда.

Щербина убедил ЦК КПСС, министра лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности В. Тимофеева обсудить передовой метод лесозаготовок в масштабе Союза. В Тюмени в обкоме партии провели собрание актива работников леса всей страны.

Комсомольский бунт

В одну из первых своих командировок по области Щербина вылетел в затерянный среди болотистой тайги Кондинский район. Там, в верховьях извилистой речки Конды, на которой стоял райцентр, нашли первую тюменскую нефть.

Петру Максимовичу Телепневу, первому секретарю райкома партии, позвонили из обкома поздно вечером: завтра к вам прилетает товарищ Щербина. Раньше о таких визитах, кстати редких, сообщали заранее, утрясали программу. А тут — полная свобода, что хочешь, то и показывай, о чем хочешь, о том и рассказывай. Непривычно...

Все уж по домам собирались расходиться. Пришлось трубить общий сбор.

Петр Максимович, тридцатилетний жилистый крепыш, родился и вырос в Белоруссии. Учился в Архангельском лесотехническом институте. Считал себя сибиряком с того дня, как летом 1950 года приехал в эти таежные края. Инженером он оказался знающим. Многие лесные массивы начали развиваться с его легкой руки. Позже выбрали его первым секретарем Кондинского райкома партии.

В Кондинском был небольшой аэропорт с грунтовой взлетно-посадочной полосой, который принимал самолеты Ан-2. Располагался он на окраине села, недалеко от райкома партии. Телепнев с председателем райисполкома пошли встречать высокого гостя пешком — благо день был теплым, солнечным. Откровенно говоря, и ехать-то было не на чем. В райцентре в ту пору не было ни одной легковой машины. Выручали лошади.

В назначенное время, покачивая крыльями на неровностях посадочной полосы, приземлился рейсовый Ан-2. Вышел улыбающийся Борис Евдокимович. Встречавших сильно удивило, как он был одет. Они — в костюмах, белых рубашках, при

галстуках, в начищенных ботинках. А он — в сапогах, брюках-галифе защитного цвета, короткой, военного покроя рубашке и галстуке такого же цвета. В руке — светло-коричневый «тощий» портфель.

Поздоровались. Телепнев сказал, что райком партии рядом, можно дойти пешком. Борис Евдокимович весело улыбнулся:

— Ну что ж, после самолета такая разминка даже полезна...

Немного отвлечемся от встречи на кондинской земле. Щербину нельзя было узнать. По крайней мере, внешне. В Иркутске Борис Евдокимович одевался во все «цивильное» — пиджак, белая рубашка, непременно при галстуке. Форма одежды тоже имеет значение.

Побывали на рыбозаводе и пищекомбинате — главных объектах местной промышленности. У пищевиков Щербина признался в любви к клюквенному соку, рассказал о его достоинствах и необходимости расширять производство этого продукта.

— В скором времени может понадобиться, — на ходу бросил он.

Затем обошли райцентр. Первый секретарь дотошно допытывался, сколько здесь сможет разместиться людей, если возникнет такая необходимость. Назавтра попросил Телепнева собрать членов бюро райкома, райисполкома и других ответственных работников. Щербина выступил перед активом с коротким сообщением о перспективах области, отметил слабые и сильные стороны районной организации. Предложение задержаться, выехать на природу не принял, сославшись на неотложные дела в Тюмени.

С первых же дней в адрес Щербины посыпались письма. К нему стремились попасть на личную встречу, приглашали в свои коллективы. Люди обращались с просьбами, жалобами и, конечно, с предложениями об улучшении работы обкома и облисполкома, местных партийных и советских органов.

Сергей Дмитриевич Великопольский, один из вожаков тюменской молодежи, рассказывал: «Для нас, комсомольских работников, было вдвойне привлекательно, что до большой партийной работы Борис Евдокимович прошел школу комсомола в Харькове. Мы всегда с нетерпением ждали его выступления. Он говорил без заранее заготовленного текста при полной тишине, говорил ярко, понятно, и мы осмысливали задачи, которые чередой выстраивались перед комсомолом области в связи с большими делами геологов, нефтяников, газовиков и строителей на огромных территориях двух национальных округов».

Запала в память Великопольского оценка Щербиной текущего момента. «Значение тюменских открытий трудно переоценить. Даже люди, говорившие об отсутствии в западносибирских недрах нефти и газа, выступавшие против их поисков, теперь утверждают, что, отрицая, якобы понуждали противоположную сторону активизироваться, и таким образом они способствовали успеху, — с жаром выступал Щербина. — Это они сейчас так говорят. А еще недавно энтузиастам, нашим ведущим геологам, приходилось вести жесткий бескомпромиссный бой с маловерами и противниками разведки и освоения недр Западно-Сибирской низменности».

Безусловно, Борис Евдокимович крепко приложил руку к победе оптимистов. Это признают все. Но как ему удалось сделать верный выбор? Сказалась, наверное, незаурядная эрудиция Щербины. Вера в перспективы Западной Сибири, умение точно и ясно формулировать мысль, его страстный эмоциональный накал притягивали и покоряли. Едва уловимая шепелявость не портила его речи, лишь смягчала ее. Он легко и мастерски перевоплощался. В разговоре с доярками это был зоотехник, с сейсмиками — геолог, с каменщиками — строитель, с преподавателями вуза — ученый... Он любил размышлять вслух, неприметно втягивая в свои рассуждения собеседника. Свое мнение отстаивал упорно и непоколебимо. Отступал редко, но порой все-таки отступал... Он чутко улавливал различные течения мнений, сил и действий, угадывал среди них более мощные и безошибочно оказывался сторонником побеждающих течений. Исходя из складывающихся обстоятельств, умел изменить свое мнение в каком-либо вопросе иногда даже на противоположное.

— В те годы это меня очень удивило, а сейчас я понимаю, что без этого политик — не политик, тем более крупный политик, — вспоминает Шаген Саакович Донгарян, известный строитель, а тогда — заместитель министра нефтяной промышленности.

Действительно, Щербина прибыл в Тюмень, имея репутацию человека с опытом возведения крупной гидроэлектростанции в сложных климатических и природных условиях. В то время в области тоже готовились к возведению ГЭС в нижнем течении Оби. Вывод напрашивался, казалось бы, сам собой: появление Щербины означало, что начало строительства станции не за горами. Но случилось так, что Борис Евдокимович спустя какое то время стал, пожалуй, самым ярым противником этого проекта.

Конечно, такая позиция родилась не на пустом месте, она опиралась на реальные факты, вновь открывшиеся, неизвестные ранее и убедительные обстоятельства. Но чтобы понять и принять новое, отказаться от, казалось бы, уже решенного и утвержденного, нужна определенная личная позиция, в какой-то мере и личное мужество.

Вот не столь уж значительный на общем фоне, но довольно характерный пример.

Завершилась отчетно-выборная областная комсомольская конференция. На организационном пленуме, который по традиции вел первый секретарь обкома партии, Борис Евдокимович предложил избрать вожаком тюменского комсомола Анатолия Старцева. В области Анатолия хорошо знали. Он до этого возглавлял сельский обком комсомола. Его избрали единогласно.

«А вот с другим предложением Щербины мы не могли согласиться, — вспоминает Сергей Дмитриевич Великопольский. — На должность "второго" предлагалась кандидатура секретаря Юргинского райкома Валентины Перевозкиной. Как ни пытались нас убедить кураторы из ЦК ВЛКСМ, ничего не вышло. Тем более что активно возражали вожаки многих сельских райкомов комсомола, знавшие Валентину лучше нас.

В перерыве в зале оставили только членов партии. Борис Евдокимович взял слово и попросил поддержать названную кандидатуру, предлагал еще раз вернуться к голосованию. Вернулись, проголосовали, однако результат остался прежним — не избрали.

Видя такую обстановку и настрой членов обкома, Борис Евдокимович предложил им самим решать, кого они считают наиболее достойным. Избрали "вторым" Владимира Пульникова, возглавлявшего до этого промышленный обком ВЛКСМ».

Вот так новый состав обкома комсомола посмел ослушаться первого секретаря обкома партии. Случись подобное в другом месте, я уверен, скандала с последствиями было бы не избежать. Борис Евдокимович проявил такт, выдержку и поразительное спокойствие. Коллективное мнение молодежи он воспринял как должное. Никого из инициаторов неповиновения не тронул, но растерянную, какую-то оглушенную Валю Перевозкину в Юрге все же не оставил, взял ее инструктором в аппарат обкома партии. А как же иначе? После такого провала на пленуме не всякий и более тертый жизнью человек выстоит, может и сломаться. Тем более — молодая девушка. Так надо ли толкового специалиста терять?

Борис Евдокимович, имевший право в духе времени настоять, а то и приказать, принудить, не случайно пошел навстречу молодежи. В этом случае, безусловно, проявилась его мудрость и свойственный ему, но до поры до времени зажатый обстоятельствами демократизм. Может быть, одним из первых руководителей такого высокого уровня он понял, что управлять процессом крупномасштабного освоения региона по-старому невозможно. Нужные другие подходы.

Надо полагать, Щербина отступил от железных правил, годами обкатанных, именно поэтому. Он уже в ту пору хорошо осознавал, что на такой огромной территории при неразвитой системе транспорта и связи, суровых климатических условиях и примитивном жизнеустройстве привычная административно-командная система не только не будет работать на успех, она станет тормозом. Это было так. Не раз приходилось наблюдать, как менялась психология людей, почувствовавших некую «отвязанность», непривычную степень свободы.

В те времена совсем не в пропагандистских целях и не ради красного словца говорилось о рождении на сибирских стройках нового человеческого типа, который и придал освоению невиданные темпы. Жаль, что ему не пришлось состояться в масштабах страны.

Создание в столь короткие сроки гигантского Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса не имело, не имеет и, видимо, не будет иметь аналогов в мире. Чтобы не вступать в бессмысленную полемику с нынешними оппонентами, заметим, что время создания этого комплекса совпало со временем необычайного подъема массового энтузиазма, которое почему-то и кому-то пришло в голову назвать «застойным». Нет, никто из миллионов людей, имевших отношение к Западно-Сибирскому топливно-энергетическому комплексу, не согласится с тем, что этот период их жизни был застойным и прожитым впустую.

Напомним: создавался комплекс не на каком-то ограниченном пространстве, а на огромной, к тому же весьма труднопроходимой, неблагоприятной и почти незаселенной территории. Это если не считать земель, по которым прошли связанные с комплексом магистральные газопроводы, нефтепроводы, линии электропередачи и связи, железные и автомобильные дороги. Разве это не впечатляет?

Создание комплекса началось тогда, когда были открыты всего около десяти процентов запасов нефти и газа. Хотя тог-

да никто не взялся бы сказать, какая часть запасов уже открыта. Цифра могла быть и меньшей. И очевидно, следовало бы повременить, чтобы действовать наверняка. Но не стали ждать — рискнули...

Обком просит ЦК КПСС

Это был не безоглядный, а, как показало время, разумный риск. Помимо веры в умопомрачительные прогнозы запасов углеводородного сырья был еще и трезвый, «приземленный» расчет. Параллельно с включением в оборот уже открытых и оконтуренных месторождений должен был продолжаться поиск новых нефтяных и газовых залежей...

Приведем документ, который в определенном смысле можно назвать историческим. Он датирован 9 декабря 1961 года.

«Записка
Тюменского обкома КПСС
Центральному комитету КПСС
об усилении нефтепоисковых работ
и организации нефтегазодобывающей
промышленности в Тюменской области

В результате геолого-разведочных работ в Тюменской области открыто 12 газовых и 5 нефтяных месторождений. Эти открытия подтвердили научную гипотезу академика И. М. Губкина о большой перспективности на нефтегазоносность Западно-Сибирской низменности. Нефть открытых месторождений отличается высоким качеством: выход светлых компонентов достигает 52 процентов, содержание серы не превышает 1, снижаясь в отдельных залежах до 0,4 процента.

Исключительно важным является то, что залежи приурочены не к одному, а к различным горизонтам, что должно привести к открытию многопластовых месторождений нефти.

Коллегия Министерства геологии и охраны недр СССР рассмотрела материалы по подсчету прогнозных запасов нефти и газа Западно-Сибирской низменности, отметив, что в этом районе созданы реальные предпосылки для открытия уникальной нефтегазоносной провинции не только СССР, но и мира.

Открытие в Тюменской области нефтегазоносной провинции с большими потенциальными запасами нефти и газа выдвигает вопрос о значительном увеличении объемов геолого-разведочных работ для организации в ближайшие годы нефтедобывающей и газовой промышленности.

Использование газа решено постановлением правительства о строительстве газопровода Игрим — Серов.

Первоочередное использование нефти может быть осуществлено путем строительства нефтепровода до Омского нефтеперерабатывающего завода, а также организации переработки нефти на месте как сырья для предприятий тонкой химии.

Обком КПСС просит ЦК КПСС поручить Госплану СССР, Госэкономсовету рассмотреть затронутые вопросы и разработать мероприятия по усилению нефтепоисковых работ в Западно-Сибирской низменности и организации в ближайшее время нефтегазодобывающей и химической промышленности в Тюменской области.

Секретарь обкома КПСС
Б. Щербина».

Окончательное решение о направлении этой записки в Москву Борис Евдокимович принял после поездки в Сургут.

Два крупных фонтана нефти на Мегионской и Усть-Балыкской площадях подтвердили высокую перспективность всего Среднего Приобья. Это поставило перед нефтеразведчиками новые задачи и новые проблемы. В слабо освоенном районе двумя открытыми месторождениями доказать целесообразность создания новой нефтяной базы страны — нереально. Надо было в кратчайшие сроки осваивать новые площади и параллельно подтверждать крупные запасы уже открытых месторождений. Если исходить из опыта старых нефтеносных районов, то на это уходит семь-восемь лет. Кого могли устроить такие сроки?

Через два месяца после избрания Щербины Тюменский обком партии проводит собрание партийно-хозяйственного актива области. Среди других на собрании выступил и начальник геологической экспедиции из Сургута Фарман Салманов, будущий лауреат Ленинской премии. Эмоционально, с сильным азербайджанским акцентом он рассказал о геолого-разведочных работах, проведенных экспедицией. Его слова о том, что Усть-Балыкское и Мегионское месторождения входят в число десяти крупнейших месторождений страны и хранят в недрах несколько сот миллионов тонн нефти, были встречены аплодисментами. Салманов высказался за строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск и железной дороги до Средней Оби.

Вел собрание Б. Е. Щербина. В перерыве он пригласил молодого геолога к себе в кабинет. Встречая Салманова, Борис Евдокимович вышел из-за стола.

— Хорошо выступили. Так и надо, — приветливо, будто они были давно знакомы, начал разговор Щербина.

Его интересовало все: и положение дел в нефтеразведке, и условия жизни геологов Среднего Приобья...

— Только открывайте месторождений больше и качественнее готовьте запасы к промышленной разработке, а то некоторые специалисты из Гидропроекта хотят затопить эти богатые земли, — попросил Борис Евдокимович. И закончил разговор обещанием скоро приехать к геологам.

Разговор с первым секретарем обрадовал Салманова. Все говорило о том, что Средним Приобьем начинают заниматься серьезно. На это ясно указывало и желание Бориса Евдокимовича Щербины приехать в Сургут. Вначале до Салманова не дошел смысл его слов о затоплении. Но потом он понял, что речь шла о строительстве Нижне-Обской ГЭС.

История эта давняя. Еще в начале 1957 года в Тюмени побывали представители Гидропроекта во главе с П. А. Осмер — заместителем главного инженера проекта Нижне-Обской ГЭС. Областные газеты восторженно писали о строительстве в районе Салехарда крупнейшей в мире гидроэлектростанции мощностью 7,5 миллиона киловатт с годовой выработкой 56 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Видимо, грандиозные цифры, недостаточная геологическая изученность Севера заставили тогда руководителей области, и прежде всего первого секретаря обкома партии В. В. Косова, согласиться с проектом строительства ГЭС. При этом не учитывалось то, что плотина высотой более сорока метров значительно поднимет уровень воды в реках и затопит более ста тысяч квадратных километров площади. В районе Сургута вода, осуществись этот проект, поднялась бы на 10—12 метров и затопила все поселки и открытые к тому времени месторождения.

Только в ходе жесткой полемики удалось доказать нецелесообразность строительства этой ГЭС. Споров было много. Их вели, с одной стороны, специалисты Гидропроекта, а с другой — секретари обкома Б. Е. Щербина, А. К. Протазанов, Е. А. Огороднов, геологи Ю. Г. Эрвье, Ф. К. Салманов, Г. П. Богомяков, Н. М. Морозов, рыбак П. Н Загваздин, лесник М. И. Адров...

Споры то затихали, то вспыхивали вновь и прекратились только в 1966 году, когда в зонах предполагаемого затопления было открыто более двадцати месторождений нефти, поставивших точку в затянувшейся дискуссии. Но тогда, в начале шестидесятых годов, только о предстоящем строительстве гидроэлектростанции и говорили.

Б. Е. Щербина сдержал обещание: в начале зимы того же шестьдесят первого побывал в Сургуте. Просторный зал районного Дома культуры был забит до отказа. Встречу открыл первый секретарь райкома партии В. В. Бахилов. Затем на трибуну почти взбежал плотный, спортивного склада, казалось, совсем еще молодой человек с небольшими залысинами. Внимательно оглядел зал. И в первых же словах с едва заметным украинским акцентом поздравил сургутян, чьи открытия привлекли внимание всей страны. Высоко оценил труд геологов, успехи рыбаков, лесников, отметил положительные стороны в работе тружеников сельского хозяйства.

— Но, как говорили древние, — продолжил Борис Евдокимович, —Платон мне друг, но истина дороже.

И проанализировал недостатки и упущения в работе района. А главное — нарисовал широкую картину задач, которые предстояло выполнить.

— При этом самое важное, — говорил Щербина, — проявить заботу о людях, создать им необходимые условия для выполнения серьезнейших задач, максимально использовать ту помощь, которую оказывает нам вся страна.

Без надрыва, спокойно, размеренно, как бы доверительно и в то же время веско и убежденно звучала речь первого секретаря. Сразу же после совещания он решил побывать на скважине — первооткрывательнице Усть-Балыкского нефтяного месторождения, расположенной на обском острове. Ф. К. Салманов и В. В. Бахилов чувствовали себя неловко: у них был только артиллерийский тягач.

Но добираться на нем — сущая мука: грохот и тряска были невероятные. Однако Борис Евдокимович не слушал осторожных доводов: мол, лучше отказаться от поездки, не испытывать судьбу.

— Артиллерийский, говорите? Годится... — сказал он как отрезал.

И первым забрался в грохочущую машину... Легкий артиллерийский тягач пробирался к «нефтяному острову» по крепкому обскому льду. Щербина глядел на скованные морозом деревья, морщась от изматывающей тряски и грохота...

Механик-водитель ловко манипулировал рычагами. Скрежет переключаемых шестерней, соляровый угар порядком поднадоели. Когда открылся изгиб протоки, на льду которой виднелась группа людей, все с удовольствием покинули вездеход. Спрыгнув на снег, подошли к колхозным рыбакам. На льду чернело полукружие пробитых пешнями лунок. Возле квадратной полыньи пяток мужчин в покрытых ледяной коркой ватниках готовились вытягивать сеть. Звеньевой сразу признал Бахилова.

Василий Васильевич представил гостей рыбакам. Вопреки давней традиции не хвалить добычу они не таясь показали улов. Среди изогнутых, уже схваченных морозом мелких сырков виднелись и бледно-зеленоватые от старости щуки. Одна из них еще подрагивала хвостом.

— Полпуда тянет, — сказал звеньевой, — а вкуса никакого. Вот молодые щурята на сковороде — хороши!

И он горячо стал расписывать щедрость реки и земли вокруг своей деревушки.

— Затопить нас вроде хотят? Так или не так? — пытливо взглянул звеньевой на секретаря обкома.

Борис Евдокимович положил руку на плечо рыбака:

— Лукавить не буду: хотят. Только я вас обнадежу! Слышали: нефть здесь нашли?

— Как не слышали, в тайге секретов нету.

— Вот и подумайте! Разве позволим затапливать такие богатые земли?

Звеньевой облегченно вздохнул. Пришла пора выметывать сеть. Скоро все рыбаки подтягивали ее, замелькали круглые деревянные поплавки и в кошеле-ловушке, раздувая жабры, забили хвостами рыбины.

А тягач уже спешил на «нефтяной остров» — будущий Нефтеюганск. Низкое солнце наполовину скрылось за краем леса, свинцом отливали неторопливые извивы протоки. Борис Евдокимович сидел молча. В тайге и впрямь ничего не утаишь, звеньевой, бесхитростно превозносивший достоинства родной земли, словно спорил с теми, кто собирался возвести гидроэлектростанцию в устье Оби.

Плотину наметили ставить на полярном круге, за сотни верст севернее этих мест, но подъем воды в Оби вызвал бы затопление поймы на всем протяжении. Замысел этот казался делом отдаленного будущего. Правда, инструкции уже теперь запрещали располагать новые поселения геологов в местах, абсолютные высоты которых были ниже определенной отметки. Но это было единственное ограничение.

Осыпанная огнями буровая вышка издалека казалась невысокой.

— Сколько в ней росту? — спросил Борис Евдокимович.

— Сорок метров, — ответил Салманов. — Точнее — сорок два без флага!

— Совсем как в проекте плотины, — заметил секретарь. — Вообще-то дерзкая это мысль — перегородить дельту Оби столь высокой стеной. Еще недавно такое только фантастам-утопистам могло прийти в голову.

Он неожиданно сделал паузу.

— Вот именно «утопистам», — улыбнулся Щербина невольному своему каламбуру.

На буровой в эту смену работал мастер Жумажанов. За годы скитаний по нефтеразведкам Нажмитден привык к русскому варианту своего имени. Но Щербина обратился к нему по-другому:

— Нажмитден Уакпаевич, хочу посмотреть на Усть-Балыкский фонтан во всей красе.

Глаза мастера полыхнули радостью.

— Скоро начнем отработку на новом штуцере и скважина заговорит, — напевно сказал он. — А пока подождите в вагончике.

Испытатели, туго перетянутые в поясе, чтобы не студил жесткий ветер, напоминали солдат.

Мастер посматривал в окно, стараясь угадать момент, когда можно пригласить на буровую гостей. Наконец все было готово. Все вышли из вагончика. Нажмитден Уакпаевич шел впереди в сапогах, поблескивающих гранитовой смазкой. Вот он ловко открыл задвижку — и сразу «запел» газ, вырвавшийся из горловины трубы. Сила звучания все нарастала. Мерзлые доски стеллажей ходили ходуном — это передалась им дрожь земли.

Вибрация становилась все ощутимее. Когда нагрузка показалась предельной, один из рабочих поджег пропитанную соляром ветошь, укрепленную на проволоке, и, раскрутив несколько раз огненный круг, выпустил свою «пращу». Прорезав густую синеву, уже на излете она соприкоснулась с напорной струей. Мгновенная пробежка огня, звучный взрыв, жаркая волна...

Борис Евдокимович видел нефтяной выброс такой силы впервые. Его впечатление было куда острее, чем у остальных. Он долго смотрел в расцвеченный заревом полукруг, бегущие нескладные, причудливо переплетающиеся и расходящиеся тени. Потом перевел взгляд на Бахилова, в стеклах очков которого трепетали отблески, и, напрягая голос, чтобы перекрыть гул недр, прокричал:

— Перед такой силищей не стыдно и шапку снять!

И действительно снял шапку, как бы показывая всем, что в словах его не было и доли преувеличения.

Несколько энергичных поворотов штурвала — и на их глазах огненное облако стало сначала меньше, ужалось совсем и вдруг нырнуло в горло трубы. Темень сразу навалилась на берег. Борис Евдокимович спросил у Салманова нарочито будничным тоном (вряд ли он сразу остыл от пережитого):

— Не снижается ли суточный дебит скважины после каждого такого запуска?

Это опасение часто высказывали противники тюменской нефти, чтобы укрепить свои расшатанные позиции. Мол, при таких запусках вся нефть в факел уйдет.

— Существенного уменьшения не наблюдалось, — заметил Фарман. — Впрочем, для полной гарантии требуется три месяца беспрерывной отработки. Но жалко сжигать такое количество нефти. Вот и «будим» скважину только на полчаса.

— Нам бы еще получить фонтан тонн этак на тысячу в сутки. Такой дебит вразумил бы противников нашей нефти, — задумчиво сказал Щербина.

Как потом не раз вспоминал Салманов, они встретились с обаятельным человеком и требовательным руководителем. Геологи привыкли к энергичным, но крайне шумливым партийным секретарям. Они, как правило, отдавали указания в резкой, порой даже грубой форме. Это казалось тогда вполне естественным.

— Не скрою, многие из нас начали считать и для себя такое обращение начальника с подчиненными обычной нормой поведения, — признается Салманов. — И вдруг мы увидели спокойного, выдержанного, но тем не менее очень строгого партийного руководителя. Он вел себя просто, собеседника выслушивал внимательно, не перебивая. Указания отдавал, не повышая голоса, иногда в форме совета, а иногда в форме просьбы, но всегда так, что не выполнить поручения было просто нельзя. В конце концов, дело не в слове, а в тоне, каким это слово произносится.

Позже Салманову много раз приходилось встречаться с Борисом Евдокимовичем по служебным делам. Тот, как специалист, знакомый с нефтяной геологией, беседовал с ним на равных. Когда Щербине, например, докладывали о результатах испытания, он спрашивал:

— Какой газовый фактор? Давление на буфере и пластовое?

Поначалу такие вопросы от инженера-железнодорожника слышать было удивительно.

Помнится, однажды речь зашла о высоких дебитах скважин. Главный геолог экспедиции Савельев, особо не задумываясь, вмешался:

— Зачем нам, геологоразведчикам, дебиты? Для нас имеют значение площадь распространения залежи, мощность пласта и запасы!

— А разве коэффициент нефтеотдачи не является основным параметром? — спросил его Борис Евдокимович.

Главный геолог смутился и покраснел, поняв, что не прав и что перед ним — человек с высокой эрудицией в области геологии.

Щербина обращал внимание на быстрейшее завершение работ по подтверждению прогнозных запасов хотя бы в двух-трех месторождениях и переводу их в промышленную категорию.

— У тюменской нефти есть много друзей, но не меньше и противников, — сказал он однажды.

— Не верят нашим перспективам? — спросил присутствующий при разговоре первый секретарь райкома партии Бахилов.

— Не совсем так. Есть еще специалисты, считающие нерентабельной эксплуатацию тюменских месторождений из-за их отдаленности от потребителей.

— Разве так уж далеко от Омска? — спросил кто-то.

— Это мне понятно. Докажите им, — вздохнул Борис Евдокимович, устало махнув рукой куда-то вверх и в сторону.

В тот первый свой зимний приезд на буровую нефтеразведчиков Щербина попросил мастера собрать бригаду.

— Уже собрались, — отрапортовал вынырнувший из темноты Жумажанов.

В вагончике на гвоздях висели каски и брезентовые плащ-накидки, изъеденные раствором. На самодельном столе — рация. Рабочие сидели на длинных скамьях. Два порядком расшатанных стула и табурет предназначались для гостей.

— Небогато живете, — укорил Салманова Борис Евдокимович. — Пора уже устраиваться основательней.

Сев так, чтобы ему было видно всех, обвел глазами испытателей:

— Правильно говорят: лучше один раз увидеть, чем сто — услышать! Спасибо вам за прекрасные смотрины! Партийные работники, хозяйственники области обобщают все возражения против строительства плотины в устье Оби. Но нужны добавочные, что называется, разящие наповал аргументы. Фонтаны и еще раз фонтаны!

Борис Евдокимович обращался к геологам не как к сторонним людям, волею случая оказавшимся в Приобье. Они уже вовлечены в спор за будущее этих пространств. Именно «пришлые» геологи призваны отстаивать теперь интересы коренных обитателей древней Югры: рыбаков, охотников, лесору-

бов, оленеводов — всех, кто с возведением плотины на Оби неминуемо должен был оставить родную землю, изменить жизненный уклад.

Секретарь обкома говорил о Сибири, но это было не сказание о земле Сибирской, а скорее размышления вслух. Да, веками Сибирь была крепостью, которая могла защитить. И кладовой, которая полна запасов. И силой, которую можно призвать в час испытаний... Одним словом, в массовом сознании Сибирь долго оставалась неким плацдармом для будущего, в которое человек смотрел с уверенностью: то, что истратит, выработает, не пожалеет в своем хозяйстве он сегодня, завтра добудет в Сибири. Там всего вдоволь, там — целина, которую только еще предстоит разрабатывать. Но как разрабатывать? Этим вопросом задавались пытливые умы многих поколений. Подбрасывали идейки зарубежные «благожелатели», вроде сдачи в аренду земли вдоль железной дороги от Байкала до Чукотки. Присоединить Сибирь оказалось проще, чем умно освоить эти огромные пространства. В первую волну «освоения» после Ермака выбили песца и соболя, выбрали мамонтову кость, кинулись за драгоценными металлами, наскоро беря то, что лежит поближе и дается полегче. Вели себя так, будто край вот-вот отойдет врагу и необходимо выбрать все, чем можно воспользоваться.

Затем опамятовались: огромная, большая, как материк, Сибирь становится, оказывается, не столь уж большой и бездонной, если из нее только черпать и черпать. Вообще надо признать, что в освоении Сибири периоды отрезвления и попыток изучить и облагородить ее постоянно сменялись новыми приступами опьянения и лихорадочного опустошения после новых открытий. Будучи давно родной землей, землей своей, она тем не менее продолжала оставаться землей как бы приданной, взятой внаем — чтобы обеспечивать первоочередные прихоти и нужды. Одно слово — Сибирь: богатая бедность, широкая узость, ликующая неприютность...

Но будь у Сибири голос, которым можно было бы сказать о собственном отношении к своей судьбе, она бы сказала: «Не надо по старинке смотреть на меня как на непригодную для жизни сторону, а пора принять меня как Родину, без коей вся остальная Родина не существует, и, как к Родине, относиться ко мне с любовью и заботой. С тем и приходите ко мне — с верой, с любовью и оберегом».

Рациональное использование, комплексное освоение, хозяйское отношение к сибирским кладам — самое время, чтобы из понятий экономики это окончательно перешло в закон жизни и действия...

Это почти дословный пересказ тревог Щербины, мыслей, которыми он делился и с хозяйственниками, и со студентами, и с читателями.

Возвращаясь в Тюмень из командировок по области, он любил сидеть у иллюминатора самолета или вертолета, глядеть на проплывающие внизу извивы рек, темные полосы редких дорог, густую щетину лесов... Пройдет совсем немного времени, и там протянутся нити нефте- и газопроводов. Кто же мог додуматься сделать эту землю дном водохранилищ? Сама идея строительства Нижне-Обской ГЭС и каскада электростанций на Оби не появилась, если бы в правительстве верили: здесь есть крупные нефтяные и газовые месторождения. Открытие Шаимского, Усть-Балыкского, Мегионского, Западно-Сургутского месторождений в 1960—1961 годах вовсе не означало, что все силы будут брошены на их освоение. Судя по документам тех лет, никаких значимых решений на правительственном уровне не принималось до тех пор, пока в декабре 1961 года первый секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина не обратился с уже известной читателю докладной запиской в Центральный комитет КПСС. Но и записка Щербины не сразу нашла поддержку. Только в мае 1962 года после долгих споров и экспертиз было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению геолого-разведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». В документе говорилось не только о расширении геолого-разведочных работ, но и о строительстве дорог, пристаней, взлетно-посадочных полос, создании новых образцов техники. Была поставлена конкретная задача: довести к 1970 году добычу нефти до пяти миллионов тонн в год, газа — до десяти миллиардов кубометров. Пока не было принято предложение Щербины о создании в Тюменской области предприятий нефтеперерабатывающей и химической промышленности. Но и в таком, усеченном виде оно окрылило сибиряков. Борис Евдокимович потом не раз об этом говорил, досадуя, что комплексного развития региона этим решением не предусматривалось — терялись темпы...

Но тем не менее главное было достигнуто. Дело завернулось круто — открытия нефтяных и газовых месторождений посыпались как из рога изобилия. Год 1962-й — два нефтяных и два газовых. Год 1963-й — четыре нефтяных и три газовых. Год 1964-й — восемь нефтяных и два газовых.

В конце 1964 года на XXII Международном геологическом конгрессе в Дели советские делегаты сообщили об «открытии века» — огромных месторождениях нефти и газа в Западной Сибири. Сообщение вызвало значительный интерес, но одно-

временно и сомнения: можно ли добывать «черное» и «голубое» золото в чрезвычайно неблагоприятных по своим условиям районах Тюменской области?

«Высокоурожайным» стал и 1965 год. Тогда было открыто двенадцать кладовых «черного» и «голубого» золота, в том числе известный ныне во всем мире Самотлор. Зарубежные газеты тогда писали: «Новые открытия делают Советский Союз нацией № 1 по разведанным запасам природного газа и, возможно, первой также по запасам нефти. Эти богатства погребены в одном из самых суровых мест на земле. Основа новых нефтяных и газовых месторождений — клин в 25 тысяч квадратных миль, охватывающий пространство на север от Тюмени, на восток от Урала и далее до Арктики. Унылый и безлюдный край покрыт замороженной тундрой на севере, болотистыми местами и бесплодными степями на юге. Летом оттаявшая пустыня становится непроходимой трясиной».

Западные специалисты считали, что богатства действительно огромны, но Советам не взять их до 2000 года.

Просчитались господа! Уже через 15—20 лет на древней югорской земле появились десятки новых городов, рабочих поселков, было проложено более 150 тысяч километров трубопроводов, построены автомагистрали и железные дороги, авиационные и речные порты... Год от года росла добыча нефти и природного газа.

Тюмень охватила лихорадка. Но не заразная. Геологическая. Бюро обкома партии приняло решение организовать «массовый геологический поход за полезными ископаемыми». Энергично отозвался комсомол. Многие молодые люди подались в геологоразведку и добычу нефти.

В октябре 1962 года в область прибыла большая комиссия из Москвы, чтобы проверить на месте, как выполняется правительственное постановление. Члены комиссии в сопровождении руководителей области и Ханты-Мансийского округа побывали на месторождениях. Само их присутствие было симптоматично: все указывало на то, что союзный центр намерен решать проблемы северян, но вряд ли представлял, какими путями надо идти. Их, эти пути, подсказал Б. Е. Щербина в декабре 1962 года на сессии Верховного Совета СССР.

В зале, как было принято тогда, находилась вся верхушка: секретари ЦК КПСС, заместители Председателя Совета Министров СССР (Н. С. Хрущева), министры, председатели госкомитетов... Просматриваем стенограмму... Депутат Щербина предложил подать газ Тазовского месторождения, открытого на Ямале, на Норильский горно-металлургический комбинат; пересмотреть проект строительства газопровода Игрим — Се-

ров... Природный газ на Урал, считал Щербина, надо передавать в таких количествах, чтобы его хватало не только в качестве топлива, но и в качестве сырья для химического производства. Это позволило бы производить аммиачные удобрения, выпускать различную химическую продукцию, так необходимую стране.

С горечью говорил депутат Щербина о том, что, «если бы планирующие органы в свое время прислушались к голосу специалистов... смело пошли на освоение нового газоносного района страны, Урал уже сейчас получал бы березовский газ. Теперь надо наверстывать упущенное». С трибуны сессии Верховного Совета СССР он предложил руководству страны «в самое ближайшее время разработать генеральный план развития нефтяной и газовой промышленности... Это важно сделать для того, чтобы наиболее разумно распорядиться открытыми богатствами».

В марте 1963 года в Тюмени на пленуме обкома партии выступил начальник Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье. На данном этапе главное, говорил он, быстрее подготовить и утвердить запасы нефти и газа, с тем чтобы не задерживать проектирование и начать добычу. Пленум скорректировал контрольные цифры. В отличие от тех, что были названы в майском, 1962 года, постановлении Совмина, в 1970 году уже предполагалось добывать не 5, а 10 миллионов тонн нефти и 14 миллиардов кубометров газа вместо 10 миллиардов. Секретарь обкома Щербина считал необходимым направить в ЦК КПСС и в правительство предложения «об ускорении промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений».

Вдумаемся в названные в решении пленума цифры. Что это — авантюра, предвидение или точный расчет? В 1963 году, когда они были озвучены, область не получила промышленным способом еще ни одной тонны нефти. Можно предположить, что в основе решения лежали приблизительно подсчитанные запасы сырья на ранее открытых месторождениях. Но скорее всего, это был стратегический шаг: веско заявить о возможностях края, чтобы заставить центральные планирующие органы адекватно отреагировать.

Расчет оказался верным. 4 декабря 1963 года Совет Министров СССР принял новое постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геолого-разведочных работ в Тюменской области».

К этому времени уже было открыто 18 газовых и 9 нефтяных подземных кладовых.

Кстати, в этом постановлении упоминалась и Нижне-Обская ГЭС, к счастью, оставшаяся только в проекте. Стройплощадки городов и предприятий в районе среднего течения Оби, связанные с нефтедобычей, следовало «располагать не ниже отметки 30 метров, до которой может подняться уровень реки Оби при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС». Министерствам и ведомствам предписывалось организовать в 1964—1965 годах пробную эксплуатацию месторождений, с тем чтобы уже в 1964 году довести добычу нефти до 100 тысяч тонн, в 1965-м — до 200 тысяч тонн.

Как видим, цифры, заявленные тюменцами, вошли в постановление Совета Министров. Было принято и другое предложение Щербины: для транспортировки нефти построить в 1964—1966 годах нефтепровод на Омский нефтеперерабатывающий завод. Впервые в документе, принятом на союзном уровне, речь шла о проектировании и строительстве железной и автомобильной дорог Тюмень — Тобольск — Сургут. Впервые центральная власть повернулась лицом к проблемам Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Это стало возможным и благодаря титаническим усилиям Бориса Евдокимовича Щербины и его соратников.

Если Тюменский обком КПСС можно условно назвать штабом нефтегазового комплекса, так как именно здесь принимались стратегические решения, то область напоминала «большой промысел», где эти решения становились реальностью. В январе 1964 года в Тюмень приехала большая группа ответственных работников ЦК КПСС и правительства во главе с председателем Государственного комитета СССР по нефтедобывающей промышленности Николаем Константиновичем Байбаковым. Высокому начальству предстояло проверить, как выполняется постановление правительства от 4 декабря 1963 года.

Оценивая свои впечатления, Н. К. Байбаков тогда сказал: «По очередности этот нефтеносный район образно называют "третьим Баку", но по значимости район является "первым Баку"». Николай Константинович, один из крупнейших нефтяников страны, был так поражен увиденным, что высказал то ли в шутку, то ли всерьез предложение дать стране в 1964 году не 100 тысяч тонн нефти, как предусмотрено решением правительства, а миллион тонн... Он ошибся в одном: в 1964 году с тюменских промыслов было отправлено не 100 тысяч тонн

нефти, как предписывалось решением Совмина, и не миллион, как ему самому хотелось, а 200 тысяч тонн — именно столько успели перевезти на нефтеналивных судах за навигацию. Зато в следующем, 1965 году нефть пошла по трубе, соединившей Шаим с Тюменью. Здесь ее загрузили в железнодорожные цистерны, и состав отправился в европейскую часть страны.

В 1964 году на пленуме обкома вновь были скорректированы контрольные цифры. В 1970 году предполагалось довести добычу не до 10 миллионов тонн, как планировалось ранее, а уже до 23—25 миллионов тонн. Обкомовских мечтателей поддержали московские фантазеры. И ведь надо же — сбылось намеченное! Удивительно, невероятно, но факт: добыча составила 31,4 миллиона тонн. Борис Евдокимович любил ставить перед собой и людьми, которыми руководил, задачи напряженные, на грани возможного — такова черта его характера. Он сам очень много работал и требовал этого от других.

В стране и партии, тогда единственной, руководящей и направляющей, шла очередная реорганизация. Внедрялся территориальный принцип управления, создавались совнархозы — советы народного хозяйства. Партийные комитеты с подачи Хрущева поделились на промышленные и сельские. Щербина возглавил Тюменский сельский обком КПСС, Протазанов, прежний председатель облисполкома, — Тюменский промышленный обком КПСС.

В навигацию 1964 года пришла в Тюмень большая баржа с автомобилями ЗИС-157. Полтораста новеньких машин для усть-балыкских промысловиков. Когда разгрузили чуть больше половины, в кабинете Филимонова, управляющего трестом «Юганскнефтеспецстрой», раздался звонок из приемной непрофильного сельского обкома партии.

— Будете говорить с Борисом Евдокимовичем!

— Александр Николаевич! Здравствуйте! Сколько автомобилей вы разгрузили?

— Восемьдесят семь!

— А сколько необходимо вам для работы? Этих машин, надеюсь, будет пока достаточно?

Филимонов ответил, что вполне достаточно до следующей навигации.

— У меня к вам просьба: не разгружайте пару дней остальные.

— Борис Евдокимович! Я человек подневольный, с меня могут потребовать немедленной разгрузки хотя бы во избежание простоя барж.

— Вы знаете, чем вызвана просьба?

— Нет.

— У нас тяжелейшее положение с транспортом в южных районах области. Если им не помочь, то часть урожая пропадет. Надеюсь, вы понимаете?

— Да, понимаю, два дня разгружать не будем!

Но уже через сутки баржу угнали. Документы же, технические и сопроводительные, служба главного механика успела получить, груз раскредитовать. Потом почти три года нефтяники искали эти автомобили по всему югу области, когда составляли годовые отчеты. И узнали подробности этой истории.

Дело в том, что Б. Е. Щербина с просьбой о помощи сначала обратился к Арону Марковичу Слепяну, тогдашнему начальнику объединения «Тюменьнефтегаз». Но тот, видимо с подачи А. К. Протазанова, отказал. Надо было знать настырность и пробивную способность Щербины. Через ЦК вопрос был решен.

Одни считали Щербину слишком жестким, упрямым и бескомпромиссным, другие — человеком, умеющим слушать и уважительно относиться к своим партнерам. Но, пожалуй, все сходились в одном: это был умный, дальновидный человек, политик государственного масштаба.

В 1965 году он выступает на VI сессии Верховного Совета СССР. Напоминает: в результате научных открытий и геологоразведочных работ последних лет на нефть и газ, изучения лесных и других ресурсов Западная Сибирь, и прежде всего Тюменская область, стала одним из новых важных сырьевых центров страны. На территории области открыто 27 нефтяных и 24 газовых месторождения.

Не будем пересказывать это выступление, а приведем по стенограмме заседаний Верховного Совета почти полностью, чтобы читатель сам мог оценить стиль Щербины, масштабы его предложений.

«...Сделаны первые шаги к освоению этих богатств, заложены основы нефтяной и газовой промышленности Сибири. Тюменские нефтяники уже выполнили годовой план добычи нефти. К концу года они обещают добыть 200—300 тысяч тонн нефти сверх плана.

Досрочно заканчиваются работы по сооружению нефтепровода Шаим — Тюмень. На днях начнется закачка нефти в трубу. Развернулись работы на нефтетрассе Усть-Балык — Омск. Протяженность трубопровода более тысячи километров...

Открытие нефти и газа в Сибири — крупнейшее событие нашего времени. Это требует по-новому ставить и решать проблемы территориального размещения производительных

сил в стране, топливно-энергетических схем и всей нефтехимии. Как раз этого вовремя и не оценил Госплан.

Слабо поставлено у нас научное и проектное обеспечение промышленного освоения новых районов. Силы проектных организаций разобщены. Для области, например, более 40 проектных организаций страны решают те или иные вопросы, зачастую не увязывая их между собой.

Требуют научного разрешения вопросы районных планировок, эксплуатации многопластовых месторождений, кустового, наклонно-направленного бурения, поддержания пластового давления при помощи газа, передачи на большое расстояние одной трубой одновременно нефти и газа и многие другие.

Некоторые говорят, что осваивать новый район дорого, много трудностей. Но ведь тут не страх тайги и болот должен определять отношение к проблеме, а экономика. Сложности, конечно, есть, и немалые, но они явно преувеличиваются.

Но главное — надо быстрее строить железные дороги, и прежде всего от Тюмени через Тобольск до Сургута. Пришло время вернуться к строительству железной дороги Салехард — Игарка, законсервированной в 1953 году.

Серьезного внимания требует проблема создания в области на нефтяном сырье современной химической промышленности.

И пожалуй, самая первоочередная необходимость — создать мощные строительные базы и предприятия строительных материалов. Пока даже нет генеральной схемы их размещения...

Намечаемая перестройка управления промышленностью должна дать простор развитию и быстрому освоению новых районов, которые призваны сыграть большую роль в развитии производительных сил страны. Чтобы правильно развивать новые районы, где выявляются уникальные сырьевые запасы, на наш взгляд, следует разрешить Госплану СССР создавать комиссии или советы по комплексному развитию этих районов, наделив комиссии соответствующими правами координации деятельности министерств и ведомств, а на местах — управления или комбинаты по создаваемой отрасли.

В новой обстановке требуется еще больше расширять права Советов при решении финансовых вопросов, вопросов развития местной промышленности, выбора проектов жилья, учреждений культуры и так далее, пересмотреть и отменить законы, регламентирующие строительство спортивных сооружений, запретить изымать сверхплановые накопления местной промышленности в республиканские бюджеты, как это делается сейчас, и расходовать их там, где получены эти накопления».

Б. Е. Щербина не боялся испортить отношения с руководителями высокого ранга. К его слову прислушивались, с ним считались в верхних эшелонах власти.

А характер у первого секретаря действительно был далеко «не ватным». В бытность свою заместителем заведующего отделом обкома М. Афанасенкова как-то с вызовом сказала Борису Евдокимовичу:

— К вам боятся прийти на прием работники аппарата.

— Не съем, — лукаво пошутил он, — уж больно они для закуски неподходящие, потому скажите таким трусишкам: двери моего кабинета для всех открыты.

Да, они были открыты, но все знали, что «с пустой головой» к первому лучше не заходить. Когда, например, готовили материалы на бюро, пленумы, конференции или служебные документы в Москву, Борис Евдокимович всегда требовал безукоризненного знания дела, умелого обоснования, четкой постановки вопроса, грамотных формулировок. Он был скуп на похвалы, но если видел, что работники отдела продуманно готовили документы, изучали проблему, неизменно их поддерживал.

— Если человек заслуживает похвалы, старайтесь не отказать ему в ней, — нередко говорил он своим собеседникам, — иначе вы не только лишаете его поддержки и одобрения, в которых он нуждается, но и сами лишитесь лучшего преимущества — воздать человеку должное за его труд.

Вскоре после объединения обкомов Щербина прилетел в Нефтеюганск с небольшой свитой. А. Н. Филимонов вместе с Иваном Григорьевичем Шаповаловым, начальником нефтеразведочной экспедиции, ломали голову, где разместить на ночь гостей. Потом догадались отослать в Тюмень экипаж Ми-6. Пилоты улетели, освободив самое приличное помещение по тем временам.

Прошло совещание, потом ужин. Уже в полночь, проводив гостей на ночлег, Филимонов хотел уйти, но Щербина попросил его остаться:

— Александр Николаевич, просветите меня в бурении.

Филимонов спросил, каким временем он располагает.

— Четырех часов хватит?

Филимонов взял со шкафа лист ватмана с пилотскими глиссадами, нарисовал точку, отбитую геологами как будущую скважину, и начал свой рассказ со сборки вышки подъемником, а закончил вызовом притока нефти компрессором. «Лекцию» завершил точно к четырем часам утра.

Щербина задал всего один вопрос:

— Насосы развивают давление до двухсот атмосфер, а буровой инструмент (трубы) вращаются. Где же сочленение, как оно происходит?

Александру Николаевичу пришлось нарисовать вертлюг в разрезе с показом «грибка» и шарикоподшипников с набитыми сальниками... Борис Евдокимович сказал Филимонову, что в нем пропадает блестящий преподаватель.

Однажды Щербина на собрании областного актива (пришлось к слову) бросил в зал фразу:

— Вы думаете, что я ничего не понимаю в бурении? Ошибаетесь! В этом зале сидит мой учитель. Александр Николаевич! Вы здесь? Встаньте, пожалуйста!

Переправа, переправа...

Весна шестьдесят четвертого года... В южных районах области большой паводок. Многие села отрезаны наводнением. Первый секретарь обкома партии мог оценить ситуацию, пролетев над поймой Ишима, выслушав объяснения в райцентре. Мог бы — только кто-то иной, а не Щербина. Он предложил переправиться на другой берег Ишима, чтобы побывать в двух заречных совхозах. Хозяева заметили: под затопленной поймой сплошной ивняк, коряги — это опасно! Щербина все же настоял на своем. Переправились в моторке, без происшествий добрались до села Шевырина. На месте Щербина убедился: паники нет, район, хозяйства хорошо подготовились к паводку, завезли товары первой необходимости, топливно-смазочные материалы.

Между тем похолодало, поднялся ветер — пора поскорее возвращаться. О том, что было дальше, рассказывает помощник первого секретаря Игорь Маров:

«На обратном пути винт мотора все-таки накрутил ивняк или зацепил корягу. Раскачиваем лодку, пытаясь вырваться из плена. Безуспешно. Один из наших товарищей, Николай Чернухин, приготовился нырнуть в холодную быструю воду, по которой еще неслись льдины. Борис Евдокимович остановил его:

— Николай, этого нельзя делать. До дна ни ты, ни кто другой из нас не достанет, и помочь лодке сдвинуться с места ты не сможешь.

В это время в воздухе послышался гул мотора. Появился вертолет, спустился и начал делать круги — это побеспокоился оставшийся в Абатске председатель райисполкома. Но

чем он мог нам помочь? Рассчитывать приходилось только на свои силы и на удачу. Щербина вместе со всеми раскачивал лодку, загребал веслами, помогая мотору. Наконец невидимый "якорь" сорвался, и вскоре моторка причалила к берегу.

В районе потом говорили, что ради интересов дела, ради людей первый секретарь не остановится и перед опасностями. Это действительно так. Щербину отличало мужество — и военное, и гражданское, которое иной раз требует не меньшей отваги. Но была ли позарез необходимой та ледяная переправа через Ишим, когда первый секретарь обкома партии рисковал и своей жизнью, и жизнями пятерки спутников? Не уверен. Впрочем, в Абатском районе, в селе Шевырино, до сих пор считают иначе. Может быть, им виднее...»

День ото дня росло население области. Возникали новые рабочие поселки и разрастались в города... И день ото дня становилось яснее: продуктов с Большой земли для всех не завезешь. Тем более что и там то и дело случались, как говаривали прежде, перебои. То с мясом и молоком. То с хлебом.

Основательно изучив ситуацию в сельскохозяйственном производстве области, Щербина направляет письма председателю Совета министров РСФСР Г. И. Воронову — о проблемах молочной промышленности области (в феврале 1964 г.), затем — о мясоперерабатывающей промышленности (8 февраля 1964 г.):

«Из пяти действующих мясокомбинатов четыре (на них перерабатывается 62 процента всего скота) размещены в деревянных, ветхих зданиях, не имеющих минимальных условий для работы: не обеспечены паром, электроэнергией, холодом, водой, отсутствует канализация. Эти предприятия не подлежат восстановлению.

Тяжелое положение сложилось с холодильным хозяйством. Емкость холодильников соответствует 55 процентам мощности по переработке скота. Из-за недостатка холодильных площадей в период сезона массовой переработки скота значительная часть его вывозится из области, на чем хозяйства несут большие потери, а летом для снабжения городов мясо завозится из Свердловской области».

Пока Москва рассматривала просьбы, первый секретарь не сидел сложа руки. В Тюмени и сейчас называют Боровскую птицефабрику, крупнейшую в стране, детищем Щербины.

— Задача перед нами была поставлена так: обеспечить постоянно прирастающее в связи с развитием нефтегазового

комплекса население Тюменской области яйцом и мясом птицы, — вспоминает генеральный директор птицефабрики, Герой Социалистического Труда А. Созонов. — За пятилетку вошли в число лидеров среди птицеводов Советского Союза.

Именно в «щербиновский» период началось строительство бройлерной птицефабрики в Каскаре и крупных свинокомплексов в Новой Заимке и Карасуле. Тогда же была создана мощная база сельхозтехники, проходила испытание сельскохозяйственная технология, приемлемая для условий Тюмени.

Именно в эти годы появились на юге области крупные животноводческие комплексы: Шороховский, Карасульский, Новозаимский, крупнейшие в стране птицефабрики: Боровская и Тюменская, мясокомбинаты и молочные заводы. И зерна здесь собирали больше, и удои на фуражную корову были выше, чем у соседей. Были приняты конкретные меры по развитию воспроизводства рыбных запасов Обь-Иртышского бассейна, прудового и озерного хозяйства.

Вокруг первого секретаря обкома сложилась знающая агрокоманда. Выработали программу развития села, строительства социальных объектов, подготовки кадров. Все это делалось для решения генеральной задачи — обеспечить быстрорастущее население области продуктами питания собственного производства. Основной упор в производственной части программы делался на создание специализированных крупных животноводческих комплексов, мелиорацию земель, химизацию и внедрение прогрессивных технологий в производство.

В апреле 1973 года Борис Евдокимович решил осмотреть свежую трассу только-только построенного нефтепровода. Когда пролетали на вертолете над Уватским районом, он обратил внимание на то, что трасса местами проходит по пахотным землям, несмотря на то что местность без дополнительных затрат позволяла этого избежать. Он возмутился до глубины души. Стал выговаривать главному инженеру проекта, что подобное недопустимо, непозволительно. Что они не ценят труд других людей.

— Да знаете ли вы, чего стоит освоение, использование и содержание среди тайги каждого гектара земли?! — горячился Щербина.

Его спутники заметно смутились. Особенно нефтяники. Они, понурившись, молчали, не зная, куда деваться. Ну прямо хоть приземляйся и перекладывай трубопровод...

«Звезду мне вручил Щербина»

В 1965 году нефтяники, газовики, нефтегазостроители впервые отмечали свой профессиональный праздник — День работников нефтяной и газовой промышленности. Борис Евдокимович был одним из «крестных» этого праздника, который словно принимает эстафету у Дня шахтера. Горняки празднуют в последнее воскресенье августа, а в первое воскресенье сентября страна чествует нефтяников и газовиков.

В 1964 году накануне введения профессионального праздника — Дня работников нефтяной и газовой промышленности — общественность Союза широко отметила 100-летний юбилей образования отечественной нефтяной и газовой промышленности. За этот период из недр было извлечено 2,3 миллиарда тонн нефти, созданы крупные нефтегазодобывающие и нефтегазоперерабатывающие центры в районах Урало-Поволжья, Средней Азии и Украины. Издавна добывалась нефть на Северном Кавказе и в Азербайджане.

Уже тогда нефтяная и газовая промышленность представляла собой надежную энергетическую базу. Нефтяники и газовики всегда пользовались заслуженным уважением народа. Но и ответственность их перед страной была велика. На первый план выдвинулась проблема создания в необжитых районах Западной Сибири новой крупнейшей базы по добыче нефти и газа с разветвленной производственной и бытовой инфраструктурой.

Десять лет спустя, в семьдесят четвертом, СССР превзошел Соединенные Штаты по ежегодной добыче нефти и вышел на первое место в мире. В конце 80-х Советский Союз достиг самого высокого уровня годовой добычи — 624 миллиона тонн, в том числе 569 миллионов тонн по России. В 1970-х годах в стране был создан такой потенциал, который обеспечивал нам лидирующее положение в нефтедобыче. СССР был единственной страной в мире, способной полностью обеспечить себя топливно-энергетическими ресурсами. Страна ценила тружеников.

...Однажды на одном из профессиональных праздников коллеги спросили бригадира буровиков Геннадия Михайловича Левина: где он был, когда узнал, что ему присвоено звание Героя Социалистического Труда?

— Как где? На буровой был, на Самотлоре, — улыбнулся своей доброй улыбкой Левин. — Такой солнечный денек стоял, помню. Мне по рации передали: подъезжай в управление. В самой конторе толком никто ничего не знал. Оказывается, пришла поздравительная телеграмма из обкома от Щербины,

а через два дня по радио передали указ. Звезду через месяц в Тюмени вручил мне первый секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина: «За большой личный вклад в выполнение пятилетнего плана по добыче нефти...»

— А другие награды до этого были?

— Две медали были: «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие», их получил еще в Куйбышевской области.

— Кто, по-вашему, внес наибольший вклад в становление и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири?

— Виктор Иванович Муравленко. Ну и, конечно, Борис Евдокимович Щербина. Это были настоящие люди, люди с большой буквы!

Все нижневартовские герои, кавалеры орденов, получили высокие награды с легкой руки Бориса Евдокимовича. Причем делал он это в каждом случае индивидуально и продуманно.

Как-то в те годы в зимний холодный вечер секретарь Нижневартовского горкома партии С. Великопольский встретил в аэропорту делегацию из Тюмени: Б. Е. Щербину, Е. М. Тяжельникова — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, В. И. Муравленко. Намечалось, что на следующий день на встрече с молодыми нефтяниками Е. М. Тяжельников объявит освоение Самотлора Всесоюзной ударной стройкой. Гостям предложили отдохнуть, но вместо гостиницы они сразу же полетели вертолетом на буровую к мастеру Григорию Кузьмичу Петрову.

Назавтра вся страна узнает о новом герое Самотлора. А тогда вертолет сел рядом с буровой вышкой. Гостей встретил Григорий Кузьмич и сразу же попал в крепкие объятия Бориса Евдокимовича. Все поздравили Петрова, пожелали бригаде новых скоростных проходок и рекордов.

Шаг за шагом развивалась нефтяная промышленность Западной Сибири, и в ее достижениях были воля и груд партийных работников — таких как Щербина; инженеров и организаторов производства — таких как Баталин, Муравленко; геологов — таких как Эрвье, Салманов; буровиков, строителей нефтепроводов... В Западной Сибири развернулись работы по развитию нефтедобычи на базе новейших достижений науки и техники с применением современных методов разработки месторождений, бурения скважин с широким использованием автоматизированного высокопроизводительного оборудования.

Началось строительство городов и поселков, автомобильных и железных дорог, линий электропередачи и связи, магистральных нефтепроводов, аэродромов и других объектов производственного и социального назначения. Особое внимание уделялось сооружению в сжатые сроки объектов стройиндустрии и строительных материалов.

На смену традиционным методам строительства стали приходить блочно-комплектные автоматизированные установки заводской готовности, налаживалось индустриальное строительство. Сроки сооружения производственно-технологических объектов различного назначения сократились в 2,5—10 раз, капитальные вложения — на 30—40 процентов. Значительно ускорился ввод в эксплуатацию новых нефтяных месторождений.

Революционные изменения происходили в организации бурения, техническом перевооружении буровых работ, модернизировался парк буровых установок и оборудования. Широкое развитие получило кустовое бурение скважин.

28 июля 1978 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Вспомним: такие медали, словно вехи, обозначали стройки, регионы, на которых на том или ином временном отрезке сходились направления главного удара... Медали «За восстановление угольных шахт Донбасса» и «За восстановление черной металлургии Юга», «За освоение целинных и залежных земель». И вот — «За освоение недр...». Жаль, что в нынешней России насаждается культ рубля и почти совсем забыто то, что признано и ценится во всем мире: уважение мастерства, моральные стимулы.

В 1972 году Борис Евдокимович пригласил к себе Фармана Курбановича Салманова, попросил рассказать о перспективах добычи нефти в области. Б. Е. Щербину особенно заинтересовал салмановский прогноз — довести добычу нефти к 1980 году до 300 миллионов тонн. Темпы, надо сказать, предлагались ошеломляющие! Ведь в то время в области добывалось менее трети от намечаемого. И это не давало Борису Евдокимовичу покоя. Много раз во время беседы Борис Евдокимович прощупывал Салманова, чтобы выяснить, а вернее, самому твердо убедиться, что главный геолог полностью отвечает за заявленные цифры. Наконец решение было принято.

— Подготовьте письмо в правительство за подписями Эрвье и Муравленко, — дал Борис Евдокимович задание Ф. К. Салманову.

Фарман Курбанович добросовестно доложил о партийном поручении Ю. Г. Эрвье — начальнику главка. Тот категорически отказался подписывать такое письмо. Пришлось Салманову звонить Щербине: что делать? Тот реагировал сразу:

— Тогда вместо Эрвье сам подпиши!

Так на свет появился уникальный документ, в котором нефтедобытчик В. И. Муравленко и геолог Ф. К. Салманов вносили на рассмотрение правительства согласованную цифру объема будущей добычи. Ни до, ни после этого история развития и освоения нефтегазовой Тюмени не знала подобного единодушия.

Щербина ценил в руководителях принципиальность и деловитость. Поддерживал тех, кто сражался вместе с ним за подъем экономики и комплексное развитие области, брал под защиту тех руководителей, которые порой шли на риск, но риск оправданный, осознанный, продиктованный интересами общего дела. Он высоко ценил порядочность, дисциплину и требовательность к себе и другим.

С большим уважением и тактом относился Борис Евдокимович к Виктору Ивановичу Муравленко, человеку огромного таланта и организаторских способностей, на плечи которого легло руководство развитием нефтяной промышленности в Западной Сибири. По-дружески тепло Борис Евдокимович называл его иногда, когда позволяла обстановка, просто Виктором. У многих сложилось твердое убеждение, что они не могли жить друг без друга, а отсюда — успехи в нефтяных делах региона. Так, по крайней мере, со стороны казалось.

А что случилось с запиской, которую по совету Щербины направили в Москву Муравленко и Салманов? Поднялась настоящая буря! Так вздувать объемы! Министерству нефтяной промышленности надо было реализовывать предлагаемое. И кем предлагаемое? Своим же начальником основного главка, который пошел на поводу у первого секретаря обкома. А ведь руководители отрасли не раз упрекали Щербину за то, что требует с нефтяников слишком много. Как говорили знающие люди, министр Шашин, казалось, был готов живьем проглотить Муравленко. Потом и Мальцев, сменивший Шашина на посту министра, долго не мог простить этого письма строптивому тюменцу. Досталось и Салманову от своего руководства. И Щербину цековское начальство стороной не обошло. Короче, всем досталось по первое число.

До сих пор поражаешься гражданскому мужеству этих людей, честно и бескомпромиссно отстаивавших свою позицию несмотря на колоссальное давление. Тюмень все-таки вышла на уровень годовой добычи 405 миллионов тонн!

К сожалению, до этих радостных событий Виктор Иванович Муравленко не дожил: в 1977 году после встречи с «любимым министром» в Москве этот выдающийся нефтяник скончался.

Выдающийся нефтяник... Вот такие мы все. Вспоминаем друг о друге к концу жизни, когда кто-то тяжело заболеет или умрет. Вот тогда вдруг становится всем нам ясно, кого потеряли, каким он был, чем славен, какие дела совершил.

После В. И. Муравленко было еще много начальников этого важнейшего для страны главка, но ни один из них, как убеждены профессионалы, не приблизился к тому образцу, что являл собой уже легендарный нефтяник. Только появление во главе Главтюменьнефтегаза Валерия Исааковича Грайфера, высокоэрудированного специалиста и грамотного организатора, вернуло фирме муравленковские традиции. Кстати, сейчас Валерий Исаакович успешно трудится в ЛУКОЙЛе.

Глава шестая

СОЗИДАТЕЛИ

Один созидает,
Другой зорит, разрушает...

В. И. Даль

Пятнадцать этажей Уренгоя

Привычное дело: повернул рычажок — и над газовой плитой вспыхнул голубой костерок. Маленькое пламя несет в себе огромную энергию. Чтобы вскипятить чайник, сварить кастрюлю супа, требуется пара охапок дров или ведро угля. Причем их энергия уйдет сначала на разогрев печи. Требует времени для разогрева и электроплитка. А голубой костерок, едва вспыхнув, тотчас кипятит, жарит, варит, он сделает это в два-три раза быстрее и исчезнет, погашенный поворотом того же рычажка.

Большинство людей именно с этим связывают свое представление о газе, волшебном даре природы. Между тем на «кухонные» расходы идет лишь малая часть из сотен миллиардов кубометров «голубого топлива». Львиная же его доля, 93—95 процентов, идет на заводы — металлургические, химические, преображаясь в продукцию, востребованную и на производстве, и в быту.

XX век называли и химическим, и атомным, и космическим. Но он, несомненно, еще и век газовый. Как и XXI век...

В 1955 году Советский Союз добыл около 9 миллиардов кубометров газа, в 1960-м — 45, в 1980-м — уже 435 миллиардов. Итак, всего за четверть века — рост почти в пятьдесят раз! Качественный рывок, перевернувший представления о возможности газификации, связан с 1966 годом, когда был открыт Уренгой, а вслед за ним и другие месторождения природного газа на севере Тюменской области.

Может возникнуть вопрос: а разве до этого Советский Союз не был могучей газовой державой? Был. Люди средних лет хорошо помнят такие громкие в свое время стройки, как газо-

проводы Саратов — Москва и Ставрополь — Москва, а затем могучие газовые артерии, пришедшие в центр страны с украинской Шебелинки и узбекского Газли. К началу восьмой пятилетки, к 1966 году, в Союзе действовало более 500 месторождений природного газа, от которых в индустриальные центры тянулись нити трубопроводов.

...На Уренгойское месторождение десант нефтеразведчиков перебросили по воздуху. Следом тяжелые транспортные вертолеты доставили оборудование. И пока Нарыкарская экспедиция перебралась в Уренгой, бригада «десантников» уже получила мощный газовый фонтан. Этим коллективом руководил буровой мастер Николай Глебов. Буровики искали нефть, а открыли несметные запасы природного газа.

Вначале геологи Нарыкарской нефтеразведочной экспедиции, переименованной через два года в Уренгойскую, блестяще провели рискованную операцию: впервые доставили на точку в Заполярье сорокаметровую буровую вышку. Махину весом более 20 тонн отправили не по частям, а в собранном виде. От поселка Хе на берегу Обской губы ее тащили мощными тракторами до Ныды. Полтора дня затратили на 120 ледовых километров. Потом еще 50 километров, но уже по реке, туда, где намечалось смонтировать буровую Р-2.

Буровую поставили в 70 километрах от поселка геологоразведчиков Уренгой, раскинувшегося на берегу извилистого Пура. Командовал на точке начальник участка глубокого бурения Л. Горновидов.

Честно сказать, геологи и сами не представляли, какие богатства открыли. Первый вскрытый пласт оказался газовым. За ним — конденсат. Еще ниже — нефть! У геологов есть термин — этажи газоности. Так вот, на Уренгое, нефтегазоконденсатном месторождении, таких этажей — пятнадцать.

В союзе с Кортуновым

Борису Евдокимовичу было в ту пору за сорок — время зрелости. В его «копилке» — иркутский опыт, способность впитывать все новое, умение определять направление главного удара, дарованное далеко не каждому управленцу.

Разумеется, Щербина понимал, что открыть нефть и газ — это только начало. Главное — как можно быстрее пустить эти богатства в оборот. Значит, нужно создавать в области крупные строительные организации с мощной промышленной базой. Но профильные, строительные министры один за другим отказываются от непосильной, на их взгляд, ноши. Страшно

рисковать карьерой в гиблых хлябях. И только Алексей Кириллович Кортунов, министр газовой промышленности, выслушав геологов, нефтяников и газовиков, партийных работников и строителей, говорит, указывая на карту:

— Я это беру!

Сегодня слово «беру» воспринимается иначе. Беру — значит прихватываю, набиваю мошну. Алексей Кириллович Кортунов брал, чтобы взвалить на себя еще одну ношу. Так он брал и защищал плацдарм, переправившись с первыми ротами своего 629-го полка через Вислу. И тогда, в сорок четвертом, и сейчас вызывал огонь на себя. Таким он, Герой Советского Союза, был по жизни. Мингазпром стал генеральной организацией по строительству в Тюменской области. Это и есть государственный подход.

Работники Газпрома конечно же в полной мере оценили огромные перспективы, которые открывала перед отраслью Тюмень. Но знали они и то, что велики и во многом непредсказуемы трудности, с которыми придется здесь столкнуться. Конечно, опыт строительства, в том числе и в сложных природных условиях, был уже накоплен. И немалый. Подразделения Газпрома преодолевали раскаленные пески Средней Азии, крутогорья Кавказа и Карпат, болотистые низины северо-западных областей страны. Многие из будущих новоселов Западной Сибири кочевали по стройкам с первых послевоенных лет, когда жильем для нефтегазостроителей нередко служили землянки, а траншеи для трубопроводов копали лопатами, когда на пути попадались минные поля, затаившиеся со времен войны.

Вот только северные края были для них загадкой. Не было готовых ответов и на многие другие вопросы, волновавшие будущих северян. Взять хотя бы сварку труб. Запретной чертой для нее на прежних стройках считался 25-градусный мороз. Как же вести ее в сибирские холода? Как тянуть нитки — так называют трубопроводы — через многокилометровые топи? Как снабжать стройки при полном бездорожье?

В одном из первых приказов Газпрома СССР, посвященных освоению Западной Сибири, говорилось о *государственной* важности обустройства нефтяных месторождений и строительства трубопроводов. Такую позицию штаба отрасли определили личные качества министра Кортунова.

Алексей Кириллович родился в Новочеркасске, столице Войска Донского, весной 1907 года. Как и Щербина, был сыном железнодорожника. С мальчишеских лет работал кочегаром, помощником машиниста паровоза. Тех, кто хотел бы подробнее узнать об Алексее Кирилловиче, адресуем к книге

«Кортунов», изданной в молодогвардейской серии «ЖЗЛ». Здесь же напомним любопытный факт: молодому помощнику машиниста паровоза частенько приходилось бывать в Дебальцеве, на родине Бориса Евдокимовича. Там Алеша в семье знакомого машиниста встретил свою судьбу — певунью Аню.

Кортунов считал своим долгом постоянно встречаться с рабочими, инженерами, всегда был готов принять дельный совет. Но и сам смело шел на эксперимент, ломал привычные организационные схемы, если они тормозили дело.

Когда строили первые магистральные трубопроводы в Тюменской области, проектные институты не успели подготовить техническую документацию на отдельные участки трасс. Руководитель Газпрома принял решение: стройки начинать, недостающую документацию разрабатывать полевым методом. Группы проектировщиков работали на трассах одновременно с изыскателями и, получая от них материалы, тут же готовили чертежи.

В Тюменской области формируются структуры Газпрома, которые занимаются рабочим снабжением, организацией труда, подготовкой кадров. В Сургуте, Усть-Балыке, Урае, Нижневартовске и Тюмени создаются производственные базы. Выступая на сессии Верховного Совета СССР в октябре 1965 года, Борис Евдокимович Щербина отмечает организаторскую роль Газпрома. Руководители отрасли и областного комитета партии действовали слаженно и дружно.

В начале марта 1964 года начальника Тюменского линейного речного пароходства А. Ботоногова и секретаря парткома И. Чиркова пригласили на совещание в обком партии. Перед речниками первый секретарь поставил задачу: подготовить суда для транспортировки сибирской нефти в Омск. Тогда в пароходстве не было специальных судов-нефтевозов. Решением этой проблемы по настоянию Н. К. Байбакова и министра речного флота РСФСР С. А. Кучкина занялся Тюменский судостроительный завод. На базе барж по перевозке леса в кратчайшие сроки начали производство наливных. Таких барж для перевозки первой тюменской нефти требовалось пятьдесят.

Ранним утром в кабинете начальника пароходства раздался звонок из обкома. Инструктор промышленно-транспортного отдела Е. П. Сартанова сказала, что должна ежедневно до восьми часов утра иметь данные о ходе подготовки нефтеналивного флота и о загрузке судов для геологов, строителей, нефтяников. На просьбу перенести срок информации хотя бы

часов на десять, так как в это время идет уточнение плана работы на сутки, переговоры с судами, портами и пристанями, управлением Иртышского пароходства в Омске, она заохала:

— Да меня Борис Евдокимович живой не выпустит из кабинета!

В мае первая баржа с сибирской нефтью взяла курс на Омск.

Радостный гудок буксира с нефтеналивной баржей над обскими просторами возвестил о том, что время разговоров о громких геологических открытиях осталось позади. Начиналось освоение разведанных месторождений, обустройство территории, создание промышленной базы...

Специальным уполномоченным Газпрома в Тюменской области Кортунов назначил Алексея Сергеевича Барсукова. Это был снайперски точный выбор. За плечами Барсукова были десятки крупнейших строек, которые в основном проходили под названием «почтовых ящиков». Опыт ударного строительства в военные и послевоенные годы удачно сочетался с душевной расположенностью к людям и даром большого организатора.

Щербина и Барсуков с первой же встречи прониклись взаимным уважением. Протокольная поначалу встреча, когда Барсуков пришел представляться первому секретарю обкома партии, продолжалась два часа.

Барсуков, оценив положение дел, предложил создать в области крупную, мощную нефтегазстроевскую структуру, способную обеспечить быстрый рост объемов строительства. Такой структурой и стал Главтюменьнефтегазстрой. В главке формировался энергичный, деловой аппарат. Среди перспективных управленцев выделился талантливый инженер, организатор Юрий Петрович Баталин. Он прошел отличную школу на угольных и нефтяных стройках Башкирии, получил солидный опыт по обустройству нефтяных промыслов, строительству новых поселков и городов... Начальник главка Барсуков и главный инженер Баталин прекрасно дополняли друг друга.

Юрий Петрович вспоминает: «Мы были горячими ребятами и сломя голову бросались внедрять новшества. А Алексей Сергеевич был очень аккуратен и очень осторожен. Он не мешал нам проводить эксперименты, но внимательно присматривался сначала, как бы со стороны, к тому, что мы изобретаем. И только убедившись в том, что новинка действительно дает эффект, подставлял свое сильное плечо.

Так было, в частности, с внедрением блочно-комплектного метода строительства объектов нефтегазового назначения. Барсуков не сразу одобрил этот эксперимент, но, убедившись в его высокой эффективности, очень много сделал для того, чтобы новинка быстро получила путевку в жизнь».

С созданием Главтюменьнефтегазстроя резко возросли объемы работ на строительстве как производственных, так и гражданских объектов — жилья, учреждений соцкультбыта. При Барсукове была заложена база строительной индустрии в области, при нем приобрели зримые контуры современных городов Сургут, Нижневартовск, Урай, Надым. Может быть, самое ценное, что оставил после себя на Тюменской земле этот замечательный человек, — выпестованная им плеяда учеников и традиции, на которых выросло целое поколение тюменских строителей.

Здесь тоже, как и в строительстве, надо было начинать с нуля. Ю. П. Баталин приводит цифры: к моменту образования Главтюменьнефтегазстроя в 1965 году в главке работало 1400 человек и среди них 250 управленцев. В 1980 году коллектив главка насчитывал уже 26 800 человек, а управленцев стало 4,5 тысячи. Для того чтобы за 15 лет сформировать этот высококвалифицированный управленческий состав, через «сито» кадрового отбора было пропущено 18 тысяч специалистов. Требования к командному составу были жесткими: высокая профессиональная компетентность, инициативность, порядочность, умение работать в самых сложных условиях.

С первых шагов по тюменской «целине» было ясно, что традиционные методы строительства здесь непригодны, нужны иные инженерные решения. Одно из них — масштабное, прорывное — комплектно-блочный метод строительства. За городом, в поселке Букино, отвели площадку под строительство завода блочных устройств. Там изготовили первые блочные объекты.

Забегая немного вперед скажем: в 1981 году группа новаторов блочного строительства во главе с Ю. П. Баталиным была удостоена Ленинской премии. Среди лауреатов — И. А. Шаповалов, В. А. Аронов, В. Г. Жевтун, М. С. Ройтер, А. Ф. Шевкопляс. Это были первые лауреаты Миннефтегазстроя. Надо было видеть, как радовался министр Щербина, хотя всем казалось, что в жизни он суховатый, в какой-то мере даже аскет. А сейчас распорядился провести чествование лауреатов в зале коллегии министерства.

Бережное отношение к прошлому, трезвый анализ сделанного — основа новых успехов, достижений. Нельзя недооценивать опыт предшественников. В мировой практике тех лет нет аналогов по созданию в кратчайшие исторические сроки такого мощного индустриального потенциала, как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. В жесточайших природно-климатических условиях сибиряки сотворили это чудо. Советское чудо!

Коллектив Главтюменьнефтегазстроя стал крупнейшей строительной организацией области. Он ежегодно выполнял планы, сдавал стройки в эксплуатацию в срок и досрочно. Указом Президиума Верховного Совета СССР коллектив главка был награжден орденом Ленина.

Награждать достойных — это, разумеется, очень важное, справедливое дело. Но вот сохранился такой документ. В июне 1969 года за подписью секретаря Тюменского обкома КПСС в комиссию по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР было отправлено письмо с просьбой «увеличить размер персональной пенсии союзного значения Барсукову А. С.». Последний абзац этого письма звучит так: «В настоящее время по состоянию здоровья т. Барсуков оставляет работу. Учитывая его заслуги в создании в стране нового топливно-энергетического района, а также то, что на его иждивении находится больная жена, а сибирские условия требуют дополнительных затрат на жизнь, обком КПСС просит увеличить т. Барсукову А. С. размер персональной пенсии до 170—180 рублей...» Такое было время. Всесильный обком партии не мог на месте выкроить лишних полсотни рублей в месяц, чтобы поддержать легендарного человека...

Несколько лет назад новое месторождение нефти, открытое в Ямало-Ненецком округе, по праву назвали Барсуковским. На здании Главтюменьнефтегазстроя в Тюмени открыта памятная доска А. С. Барсукову.

Трудно переоценить заслуги Главтюменьнефтегазстроя в становлении и развитии нефтегазовой Сибири. С 1965 по 1990 год при участии подразделений главка было обустроено более ста нефтяных и газовых месторождений. Собственными силами строители ввели в действие мощности по добыче и подготовке нефти на 314 миллионов тонн в год, 100 миллиардов кубометров газа в год, около 70 газокомпрессорных и нефтеперекачивающих станций на магистральных трубопроводах, 15 газоперерабатывающих заводов, нефтяные емкости на 2,8 миллиона кубометров. Введено 5,5 миллиона квадратных метров жилой площади, школ на 100 тысяч мест, детских до-

школьных учреждений на 44 тысячи мест, больниц на пять тысяч мест и многие другие объекты.

Но и этими цифрами сказано далеко не все. Коллектив Главтюменьнефтегазстроя стал родоначальником многочисленной армии строителей северного края. Они явились ядром многих мощных специализированных организаций. Этот коллектив стал и кузницей руководящих кадров не только тюменских строек, но и всего Миннефтегазстроя СССР. Достаточно сказать, что министр, четыре заместителя министра и пять членов коллегии министерства ранее трудились в Главтюменьнефтегазстрое.

В конце восьмидесятых годов XX века на территории Тюменской области работало 68 строительных трестов министерства. В них трудились 234 тысячи человек. В год выполнялось строительно-монтажных работ на сумму более семи миллиардов долларов. Заслуга в этом и авангарда нефтегазостроителей в Тюменской области, и их первого руководителя Алексея Сергеевича Барсукова.

«...Останутся наши следы»

«Наступление на Север разворачивалось на моих глазах, — вспоминает Геннадий Михайлович Мясников, в те дни инструктор обкома партии, позже — заместитель начальника Главсибтрубопроводстроя. — Я в то время работал в отделе нефтяной, газовой промышленности и геологии обкома. Мы контролировали поступление труб, их разгрузку, ход сварки и изоляции, организацию быта и питания трассовиков».

Тогда область строила первый нефтепровод Шаим — Тюмень. Длина по нынешним меркам скромная — всего 400 с лишним километров. Да и диаметром не поражал — всего-навсего 530 миллиметров. Но это были первые километры подземной артерии на Тюменской земле! Это была своеобразная разведка боем. И для достижения цели от строителей, как и от разведчиков, на каждом шагу требовались изобретательность и отвага.

Шаимская группа месторождений сравнительно невелика по запасам. К началу прокладки трубопровода были открыты и более мощные залежи. Но Шаим давал возможность пробиться к тюменской нефти в кратчайший срок. Он находился значительно ближе к Транссибирской железной дороге, по которой легко доставлять нефть на перерабатывающие заводы. Кроме того, для обеспечения трассы материалами и оборудованием можно было использовать действующий участок железной дороги Тавда — Сотник.

Стройка трубопровода сталкивалась с комплексом сложнейших проблем. Как возить трубы без железных и шоссейных дорог? Как вести магистраль по многокилометровым топям, не замерзающим даже зимой? Как поставлять трассовикам продукты питания, если тайга в период распутицы на многие месяцы становится непроходимой?

Между тем ставилась задача — завершить все работы на магистрали досрочно. И потому к стройке было привлечено внимание всех коммунистов области. Не хватает транспорта? Партийцы на страже. Областное автоуправление выделяет колонну самосвалов. Задержка с вертолетами? По заданию обкома вертолеты посылаются на трассу Шаим — Тюмень. С началом работ по освоению нефтяных и газовых месторождений обком партии установил постоянный контроль за их ходом. Члены бюро распределились по важнейшим объектам строительства.

Сооружая первый нефтепровод, доставку труб на трассу осуществляли речным транспортом. Однако из-за мелководья речники не обеспечили один из участков трассы трубами. Сроки строительства могли быть сорваны. Одна надежда — на авиаторов. Борис Евдокимович поручил работникам обкома «решить для вертолетчиков вопросы жилья, питания, отдыха, заправки вертолетов...». «А остальное, — добавил первый секретарь, — они сами сделают».

Управление гражданской авиации выделило для перевозки труб звено вертолетов, которое возглавлял Иван Тихонович Хохлов. Этот опытный пилот имел право личного выбора площадок для посадки — знак высочайшего мастерства.

Хохлов решил первым вылететь в рейс, загрузил на подвеску две трубы. Но в полете случилось непредвиденное — трубы пошли на перекос. Катастрофа казалась неминуемой, но опытный авиатор успел сбросить трубы в тайгу. Как говорят, первый блин — комом. В следующих рейсах на подвеску вертолета грузили уже по одной трубе. Пошло. Но уже на другой день экипажи Ю. Южакова, В. Смирнова и Ю. Глухих брали на подвеску две плети. За несколько дней перевезли 12 километров труб!

Юрий Александрович Южаков — Герой Социалистического Труда. Его воздушные трассы еще не раз совпадали с маршрутами трубостроителей. Несколько лет, управляя мощным Ми-10, он участвовал в сооружении первого магистрального газопровода с заполярного Ямбурга.

Словом, немало мужества потребовала транспортировка труб на вертолетах. Желанным на трассе был летающий «геркулес» с двумя плетями на подвеске. Поначалу строители ди-

ву давались: риск немалый! Каждая плеть весила около трех тонн. Но не рисковать нельзя: на некоторые участки трубу можно забросить только по воздуху. В конечном итоге трубы на трассу доставили и нефтепровод Шаим — Тюмень сдали в установленные сроки.

Иван Тихонович Хохлов по представлению Тюменского обкома партии был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Позже он возглавлял Тюменское управление гражданской авиации.

Геннадий Михайлович Мясников вспоминает, что последний «красный стык» на трассе варили лучшие мастера — Юрий Беляев и Валерий Каленов: «Юра и сейчас стоит у меня перед глазами. Рослый парень, всегда подтянут, чисто выбрит. На стройке, где быт на первых порах кое-как налажен, многие перестают следить за собой, а то и опускаются. И работать начинают спустя рукава. Юрий не таков. И потому, что он железно противостоял неустроенности, люди к нему тянулись. Он всегда был стержнем коллектива. Кстати, жена его, Валентина, была единственной женщиной-прорабом на этой стройке...»

Профессиональная судьба самого Геннадия Михайловича во многом типична для «птенцов гнезда Щербины» — его аппаратного окружения в бытность первым секретарем Тюменского обкома партии. Борис Евдокимович охотно брал в аппарат специалистов самых разных отраслей и, дав время оперяться, развить общественное чувство на партийном поприще, отправлял, как правило с повышением, в рабочий коллектив.

А вот к чему Борис Евдокимович относился безо всякого энтузиазма — так это к работе на трассе женщин, в том числе и в качестве инструктора или ответственного организатора. Благо если человек занят в столовой или магазине, но мотаться по трассе, будучи обремененной семьей, — женское ли это дело?

С подобным его настроем все были хорошо знакомы. Так, он не переставал удивляться, когда слышал имя жены Юрия Беляева — Валентины.

— Что она там делает на трассе? — сурово вопрошал он.

Со временем Щербина признал ее право быть там, где все. Но после шаимской встречи с Беляевой, вспоминал Борис Евдокимович, он был изрядно сконфужен. А дело было так...

«С Борисом Евдокимовичем я впервые познакомилась, когда мы строили нефтепровод Шаим — Тюмень, — вспоминает Валентина Яковлевна Беляева, в те дни мастер участка, потом прораб и, наконец, руководитель крупнейшего строи-

тельно-монтажного треста. — Я работала мастером, у меня там было несколько стеллажей для сварки труб. Вертолетом возили трубу, вертолетом возили и продукты. Самый северный нефтепровод в мире был. Многие сомневались, что мы его вообще построим. Опыта строительства нефтепроводов в северных условиях в тот момент не было».

На энтузиазме построили этот нефтепровод. Борис Евдокимович прилетал на трассу не раз. Самые последние стыки варили в октябре. Эти завершающие несколько сот метров строителям очень тяжело достались. Сварщики во время работы стояли почти по пояс в студеной жиже. Борис Евдокимович сразу же поспешил к ним с восклицанием:

— Ребята, вы же настоящие герои! Да за такой труд — просите, что хотите! Что смогу — сделаю...

Ребята попросили непромокаемые костюмы на меху — такие были у летчиков, — чтобы можно было продолжать работу. Через пару дней вертолет доставил обещанный груз для всех сварщиков. Как же приятно было рабочим, что слова секретаря обкома не разошлись с делом, что порой случалось при посещении трассы некоторыми другими руководителями: похвалят, пообещают и забудут.

Трудностей добавляло и то, что пришлось почти за 250 километров возить трубы трактором — никакой другой вид транспорта туда пройти не мог. Люди жили прямо на трассе больше месяца.

«И вот на последний стык — помнится, в тот день немного подморозило, но было все равно очень грязно, — мы все и собрались, — продолжает В. Я. Беляева. — Я добиралась туда со своего участка на трубовозе. Вертолетом прилетел Борис Евдокимович. Он наблюдал, как работают наши сварщики. Они были в болотных сапогах, варили стыки в грязи, которая была выше колен, — того и гляди оступишься и захлебнешься, да еще холод. А ведь представьте: никто не жаловался! В таких невыносимых условиях никто не стал бы работать. Наверное, с тех пор у него зародилась мысль сделать и из меня героя. И звезду Героя Социалистического Труда я получила в 1983 году вместе с Борисом Евдокимовичем за трассу Уренгой — Помары — Ужгород. После шаимской трассы мы с ним встречались еще не раз...»

Старые газеты хранят выступление Бориса Евдокимовича на митинге, посвященном встрече шаимской нефти в Тюмени. Вот отрывок — почувствуйте едва сдерживаемое волнение и гордость, которые переполняли первого секретаря обкома.

«Сегодня мы собрались здесь, — сказал он, — по случаю одного из выдающихся событий на Тюменской земле: сдается в эксплуатацию первый сибирский нефтепровод Шаим — Тюмень.

Родилась новая нефтяная река! Шаимская нефть, пройдя более чем четырехсоткилометровую трассу, достигла Транссибирской железнодорожной магистрали. Началась круглогодичная эксплуатация первых нефтяных месторождений области.

В Западной Сибири, и прежде всего в Тюменской и Томской областях, происходят события, которым суждено сыграть выдающуюся роль в развитии экономики всей страны. Центр нефтяной и газовой промышленности перемещается в наши края. И наша главная задача: в самые короткие сроки поставить нефть и газ — богатства области — на службу Родине, советскому народу.

Геологи и нефтяники, строители и речники, люди самых разных профессий, не считаясь со временем, преодолели сибирские топи и болота, реки, морозы, непроходимые таежные дебри и совершили за пятьсот дней в рекордно короткие сроки подвиг — проложили первую тюменскую артерию, — усиленный динамиками, гремел на студеном ветру голос Щербины. — Сегодня мы выражаем им чувство особой признательности и славим тех, кто своим самоотверженным трудом ковал эту победу».

26 декабря 1965 года первые 1980 тонн тюменской нефти, поступившей по стальному руслу, были отправлены эшелоном на перерабатывающий завод. За несколько дней до этого события была введена в действие нефтеперекачивающая станция в Тюмени. Пуск трубопровода Шаим — Тюмень положил начало круглогодичной эксплуатации нефтяных месторождений области.

Родина высоко оценила труд строителей. Около ста из них были награждены орденами и медалями, а бригадир электросварщиков-потолочников Я. А. Полторацкий удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Трассовики преодолели сотни километров тайги и болот, сделали 47 переходов через реки и топи, переработали более полутора миллионов кубометров грунта, вывезли на трассу 42,6 тысячи тонн труб, сварили 52 тысячи стыков. Позднее на этой магистрали вступили в строй Шаимская и Куминская нефтеперекачивающие станции. При монтаже последней впервые в наземном строительстве на Тюменском Севере были применены блочно-комплектные устройства, о чем мы уже говорили.

Шаимская нитка, безусловно, была событием стартовым. И если хотите, открытием целой трубопроводной эпохи на Тюменской земле.

В еще более суровых условиях сооружался первый в Сибири магистральный газопровод Игрим — Серов. Эта энергетическая артерия протяженностью 528 километров и диаметром 1020 миллиметров прокладывалась к промышленному Уралу от ближайшего к нему Березовского газоносного района, расположенного в северо-западной части Ханты-Мансийского автономного округа. Здесь начиная с 1953 года тюменские геологи открыли группу месторождений, центром освоения которых стал поселок Игрим. Наиболее крупное из месторождений — Пунгинское — расположено между реками Пунга и Малая Сосьва, в 60 километрах от Игрима. Оно и стало истоком первой «реки» тюменского «голубого» топлива, вышедшей за пределы области. В те годы это был самый северный газопровод в стране.

Перед участниками этой стройки стояли в основном те же трудности и проблемы, что и на шаимской трассе. Но в одном отношении их задача была значительно сложнее. Впервые в отечественной и мировой практике этот газопровод сооружался из труб диаметром 1020 миллиметров. Естественно, такая труба намного тяжелее «пятисотки». И чтобы пройти с ней по болотам, нужно вложить гораздо больше труда в устройство дорог, подготовку монтажной зоны. Более трудоемкими становились все виды работ.

3 февраля 1966 года газ Игрима пришел на Урал. Металлургические заводы и другие предприятия высвобождали сорок тысяч тонн угля в сутки. Увеличился выпуск стали, цемента и электроэнергии — без ввода в строй новых производственных мощностей.

Основную часть тюменской нефти в начальный период должно было дать крупное Усть-Балыкское месторождение. Его начали разрабатывать в 1964 году. Сырье танкерами доставлялось на Омский нефтеперерабатывающий завод. Однако объемы поставок были невелики. Теперь предстояло намного увеличить мощности нефтедобычи на Усть-Балыке и соединить его с Омском подземным стальным руслом.

Трассе Усть-Балык — Омск, протянувшейся почти на тысячу километров, предстояло форсировать 85 водных преград, в том числе Юганскую Обь и Иртыш. Нефтяная магистраль, как и газопровод Игрим — Серов, сооружалась из труб диаметром 1020 миллиметров. В то время только 10 процентов общего километража трубопроводов страны имело диаметр свыше 800 миллиметров. А в США, например, не было ни одной магистрали с такой пропускной способностью.

К сооружению нефтепровода-гиганта были привлечены силы шести крупнейших трубопроводных трестов страны.

Большинство подразделений сконцентрировалось вначале на сравнительно небольшом северном участке протяженностью 284 километра. Ставилась задача: в первую же зиму 1966 года довести стальное русло от Усть-Балыка до Иртыша. И задействовать на реке в навигацию новый нефтеналивной причал. Это давало возможность более чем на 600 километров сократить путь танкеров в Омск и почти на треть снизить стоимость перевозок. Однако нефть к Иртышу пришла лишь весной 1967 года.

Темп сооружения этого участка в немалой степени сдерживали трудности перебазировки, недостаток опыта работы в столь сложных условиях. Сказались и организационные промахи. Многочисленные генподрядные и субподрядные коллективы нередко действовали разобщенно, хотя должны были составить вместе неразрывный технологический поток.

Придавая важное значение вводу в эксплуатацию нефтепровода, Щербина вынес этот вопрос на заседание пленума обкома партии. В его решении говорилось: «Считать важнейшей задачей Главтюменьнефтегаза, Главтюменьнефтегазстроя, Главтюменьгеологии, всей областной партийной организации ускорение окончания строительства нефтепровода Усть-Балык — Омск. А также — резкое увеличение добычи нефти на месторождениях, тяготеющих к нефтепроводу, с таким расчетом, чтобы обеспечить к 1970 году безусловное перевыполнение плана ее максимальной добычи, предусмотренное Директивами XXIII съезда КПСС, и в 1971—1972 годах загрузить нефтепровод на полную мощность. Ускорить наращивание мощностей по добыче нефти на Шаимских нефтепромыслах и довести к концу пятилетки до 5 миллионов тонн».

«Мы ощущали повседневную заботу и внимание Тюменского областного комитета КПСС, — вспоминал Отто Яковлевич Блеч, известный строитель трубопроводов, работавший на Усть-Балыкской трассе. — Здесь чувствовалась твердая рука Щербины. Не раз выручали нас транспортные предприятия, заводы, научно-исследовательские и проектные институты Тюмени. Всегда навстречу шел и простой народ, ничем, казалось бы, нам не обязанный — жители деревень, соседствующих с трассой. Как родных сыновей, принимали они трассовиков в свои дома и, как говорится, ставили на полное довольствие».

Пуск нефтепровода совпал еще с одним событием. «Тюменская правда» 26 октября 1967 года сообщала:

«Солнечное октябрьское утро надолго запомнится тем, кто пришел проводить в путь первый рабочий поезд до Тобольска. Именно здесь, под Тарманами, 21 месяц назад были отсыпаны

первые кубометры грунта в земляное полотно. Отсюда в августе прошлого года машинист Михаил Майоров впервые вывел тепловоз на строящуюся трассу.

А сейчас, 25 октября 1967 года, первый рабочий поезд отправляется к берегам седого Иртыша... 9 часов утра. Митинг, посвященный этим важным событиям, открывает первый секретарь Тюменского горкома КПСС тов. Меркулов Ю. К.

Слово предоставляется первому секретарю Тюменского обкома КПСС тов. Щербине Б. Е.

Отметив, что рост экономики требует всемерного развития транспорта, Б. Е. Щербина сказал: "В области растет сеть железных дорог, увеличиваются грузоперевозки. Мы приветствовали в этом году завершение укладки пути до станции Сергино на дороге Ивдель — Обь. Крайне необходимо быстро завершить работы на железной дороге Тавда — Сотник. Нет сомнения, что вторую жизнь обретет дорога Заполярья — от Салехарда до Надыма. Но особая роль отводится строящейся железнодорожной магистрали Тюмень — Сургут. Первый ее участок до Тобольска построен, и сегодня по нему открывается рабочее движение"».

Признанием больших заслуг всех тюменцев стало награждение области орденом Ленина. В Указе Президиума Верховного Совета СССР, подписанном 9 июня 1967 года, говорилось: «За успехи, достигнутые трудящимися области в хозяйственном и культурном строительстве, освоении нефтяных и газовых месторождений». Это был год 50-летия Октябрьской революции, середина 8-й пятилетки, самой эффективной за всю эпоху социалистического строительства.

А какой будет 9-я пятилетка? 4 марта 1971 года Щербина направляет в Госплан Союза записку о развитии магистрального транспорта нефти:

«В связи с открытием новых нефтяных месторождений в Нижневартовском районе возникают возможности значительно превысить намеченные на пятилетку уровни добычи нефти. Главным условием решения этой задачи является развитие мощностей по перекачке нефти до потребителей. Целесообразно уже в 1975 году довести мощности трубопроводного транспорта до 400—420 тысяч тонн в сутки.

Возникает необходимость ускоренными темпами строить нефтепровод Усть-Балык — Альметьевск, ввести его на полную мощность в 1975 году, а также построить в девятой пятилетке новый нефтепровод в европейские районы страны с вводом не позднее 1976 года.

Обком партии просит Госплан СССР рассмотреть и решить вопросы транспортировки нефти Западной Сибири до потребителей».

В результате принимается решение о строительстве нефтепровода на Альметьевск. Общая его протяженность — 2119 километров, а продолжительность строительства —18 месяцев вместо 48, предусмотренных нормативами. Мировая практика трубопроводного строительства не знала ни таких масштабов, ни таких темпов. Трасса пересекает 900 километров болот и обводненных участков, 120 железных и шоссейных дорог. В суровых природных и климатических условиях сделано 200 тысяч швов, уложено свыше 760 тысяч тонн труб, выполнено около 12 миллионов кубометров земляных работ.

Объединял и направлял работу всех подразделений штаб строительства во главе с Героем Социалистического Труда Н. А. Воробьевым, фронтовиком Великой Отечественной. Плечом к плечу с ним трудился парторг стройки Ю. П. Старцев — такую должность по инициативе Бориса Евдокимовича учредил Тюменский обком партии.

В год пуска трубопровода Самотлор — Альметьевск Западная Сибирь по объему суточной добычи нефти вышла на первое место в стране. Опыт, полученный при строительстве этих первых трубопроводов, был использован при создании Главсибтрубопроводстроя и приумножен на более сложных магистралях.

Всесоюзная ударная комсомольская

Шефство над освоением нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири взял комсомол. Тюменская область стала Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Эффективно действовал штаб ЦК ВЛКСМ. Комсомольские организации страны направляли сюда студенческие строительные отряды (ССО). Летом 1965 года на сооружении жилья, объектов социально-бытового назначения, производственных помещений в северных городах и поселках трудились 1600 бойцов ССО из десяти вузов страны. Только за два месяца они выполнили работ почти на четыре миллиона рублей. Добровольческое движение с годами обрело большой размах. Многие участники трудовых семестров вернулись в Сибирь с дипломами — на постоянную работу.

Среди них, к примеру, был и Леонид Юлианович Рокецкий, боец и комиссар стройотряда из Львовского политехнического института. Со временем он стал крупным производст-

венником, губернатором Тюменской области, а ныне — член Совета Федерации.

...26 октября 2008 года, Государственный Кремлевский дворец (прежде — Кремлевский дворец съездов). В переполненный праздничный зал вносят знамена — Российской Федерации, Ленинского комсомола, Всесоюзного штаба студенческих строительных отрядов. Участникам встречи, посвященной 90-летию ВЛКСМ, направил приветствие президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Звучат слова о традициях, опыте, который может и должен быть востребован и сегодня... Комсомольским песням подпевает весь зал. Смахивает слезу Игорь Александрович Шаповалов, заслуженный строитель РСФСР, лауреат Ленинской премии, начальник Главямбургнефтегазстроя (1984—1991). Комсомол и ему дал путевку в большую жизнь.

Первое в Тюменской области комсомольско-молодежное СМУ было создано при непосредственной поддержке Щербины в марте 1967 года в поселке Светлом. Костяк его составили бывшие студотрядовцы, уже получившие тюменскую закалку. В первый же год управление выполнило все производственные задания. Обустроенный поселок тепло привечал новоселов.

Понятно, почему Борис Евдокимович любил здесь бывать. В Светлом он, по сути своей забегающий вперед романтик, более всего ощущал некое приближение к мечте. Во всяком случае, давний разговор Щербины с Владимиром Михайловичем Игольниковым, одним из пионеров студенческого и комсомольско-молодежного движения в Тюмени, свидетельствует об этом.

В 1967 году Щербина в очередной раз прилетел в Светлый. Обойдя поселок, выслушав доклады Анатолия Мандриченко и Владимира Игольникова, Борис Евдокимович подчеркнул, что они с В. Игольниковым выходцы с Украины. Затем обрисовал значимость Западно-Сибирского нефтегазового комплекса для Советского Союза и многотрудность предстоящего большого дела, которое становится кровным делом лучших представителей всех республик и городов страны.

Борис Евдокимович тогда сказал: «Вы — профессионалы-строители. И я не сомневаюсь, что вы сумеете грамотно и качественно строить. Но помните — для нас важно, какой человеческий климат и духовное начало вы привнесете в эти необжитые пока края. Со временем, я уверен, вы станете руководителями крупных коллективов. Никогда не забывайте, что успех в большом деле зависит от духовной и нравственной красоты его исполнителей. Не забывайте об этом, комсомольцы...»

Романтики летели и ехали за туманом, как пелось в хорошей песне, и за запахом тайги. Суровая реальность спускала мечтателей на землю. Стужа, ветры, снежные заносы зимой; липкая жара, полчища гнуса в короткое лето; болота — шагу некуда ступить... И удручающее однообразие, скученность палаточного житья, вечно опаздывающая почта... Фронтовая обстановка, если вспомнить, что человек приехал в эти места не на экскурсию, а работать, работать и работать... Немудрено, что многие привыкшие к обустроенной жизни «делали ноги», увеличивая статистику текучести.

Да бог с ней, с этой статистикой. Вовсе не в этом дело. Свято место пусто не бывает. Уезжали одни — приезжали новые. В итоге внакладе оставались все: и стройка, которую от текучки изрядно лихорадило, и люди — тюменская проба чаще всего разочаровывала, нравственно травмировала человека.

Могло ли быть по-иному? Конечно, мировой опыт знал не раз опробованные, цивилизованные варианты освоения. Скажем, американцы на Аляске прежде всего строили классные бетонки, так называемые «дороги в никуда», удобные городки на колесах.

У нас же все получалось наоборот. Получалось так потому, что каждый отложенный день масштабной добычи нефти грозил потерей миллионов «нефтедолларов». И потому, что на «севера́», да и в районы Среднего Приобья, нужно было завозить буквально все: от мобильного жилья до последнего гвоздя...

По воспоминаниям очевидцев, Бориса Евдокимовича не просто дежурно волновали все эти проблемы. Они, казалось, не оставляли его ни на час. Человек достаточно замкнутый, знающий цену слову, Щербина не жалел времени на обсуждение вопроса оптимального обустройства «социалки». И тем, кто относился к жизнеустройству спустя рукава, влетало по первое число. Приходилось слышать, как после очередной выволочки начальники разных мастей недовольно бурчали: «Чего суетиться, метать гром и молнии... Люди сюда не на курорт ехали...»

Как-то на бюро обкома партии отчаянно распекали за текучесть кадров заслуженного строителя, Героя Социалистического Труда Дмитрия Ивановича Коротчаева, возглавлявшего управление, которое прокладывало железную дорогу Тюмень — Сургут. Дмитрий Иванович, известный стране еще по строительству дороги Абакан — Тайшет, комсомолец двадцатых годов, прошедший суровую школу сталинских строек, мрачно отбивался: «А как нам приходилось? И ничего, выжили да еще сделать для страны кое-что успели!»

Конечно, такой «естественный» отбор не просто накладен. Люди получили подъемные, приехали на стройку, покрутились месяц-другой и уехали. Все это государству влетало в копеечку! Да и не в одну. Было и другое.

Молодые люди, особенно неопытные, что называется необстрелянные, попадая в первопроходческие условия, ломались, возвращались домой разочарованными. И наконец, не менее существенное: о тяжелейших условиях на стройке ходило много слухов. И если сначала от энтузиастов-романтиков не было отбоя, то потом приходилось прибегать к разнарядке.

В города и веси, в так называемые трудоизбыточные районы страны отправлялись гонцы и набирали тех, кого, как говорится, бог пошлет. А найдется ли такой руководитель предприятия, который, несмотря ни на какие строгие указания, отпустил бы хорошего рабочего, профессионала, передовика? Ясное дело, направляли опять-таки зеленую молодежь.

Строители не могли бесконечно эксплуатировать романтику. В прошлом оставалась и опора на «спецконтингент».

Из записных книжек Владимира Чирскова

Заключенные ни шатко ни валко работали на Сургутском и Тюменском домостроительных комбинатах. Я как заместитель министра Нефтегазстроя курировал Западную Сибирь и весьма настороженно относился к плодам их труда. Масла в огонь подлил Илья Павлович Варшавский, начальник Главсибжилстроя. Прекрасный организатор, инженер от Бога, он заряжал своей энергией всех вокруг и был горазд на неожиданные инициативы. Однажды пришел ко мне, положил на стол какие-то расчеты и стал говорить о последствиях принудительного труда: «Домостроительный завод — не лесоповал. Если не уберем заключенных, забудьте о качественном жилищном строительстве».

Я его понял, но, если их убрать, кого взять взамен? Завод не может остановиться. Его продукция с колес идет в дело. Спрашиваю Илью Павловича: как он все это себе представляет? А он, оказывается, уже все обдумал. Более того, успел организовать у себя на родине — он был родом из Ивано-Франковска — специальные курсы на местном заводе железобетонных изделий. И выпускники этих курсов в случае нашего согласия готовы были хоть завтра прибыть на работу в Сургут.

Аргумент оказался весомым и для меня, и для Бориса Евдокимовича Щербины, всегда остро чувствовавшего новое. Он

Первый секретарь Тюменского обкома партии Б. Е. Щербина во время выступления на партийно-хозяйственном активе области.
Тюмень, 1971 г.

Б. Е. Щербина прилетел к геологам в Нефтеюганск.
На переднем плане — Ф. К. Салманов, будущий Герой Социалистического Труда, будущий лауреат Ленинской премии. *1967 г.*

Первый секретарь обкома партии Б. Е. Щербина и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников среди бойцов студенческого строительного отряда. *Тюменская область, 1969 г.*

Борис Евдокимович с коллегами. *Самотлор, 1969 г.*

Сургут. *1965 г.*

Б. Е. Щербина и А. К. Кортунов (справа) летят на Тюменский Север. *1968 г.*

Борис Евдокимович Щербина знакомит столичных гостей с Тобольском. *1979 г.*

На головных сооружениях нефтепровода Усть-Балык — Омск. *1967 г.*

Борис Евдокимович с мамой Марией Артемьевной. *Тюмень, 1963 г.*

Коллеги поздравляют с юбилеем министра газовой промышленности СССР Алексея Кирилловича Кортунова. *1967 г.*

Борис Евдокимович трогательно заботился о внуке Борисе

По железной дороге Тюмень — Сургут в Тобольск пришел первый поезд

Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. *Москва, ул. Житная, 14*

Сибирский газ пришел в Москву. На митинге выступает Б. Е. Щербина. *Подмосковье, поселок Коммунарка, 1974 г.*

Селекторное совещание в Тюмени. *1978 г.*

Б. Е. Щербину чаще, чем в Москве можно было встретить на трассах нефте- и газопроводов. Этот снимок сделан на трассе газопровода Уренгой — Челябинск. *1978 г.*

Б. Е. Щербина среди ученых. *1980 г.*

Вступает в строй очередной участок газопровода «Союз». *1977 г.*

Как дела на строительстве нефтепровода Самотлор — Куйбышев? Строители отвечают А. Н. Косыгину. *Тюмень, 1975 г.*

На выставке Миннефтегазстроя в Раменском. *1980 г.*

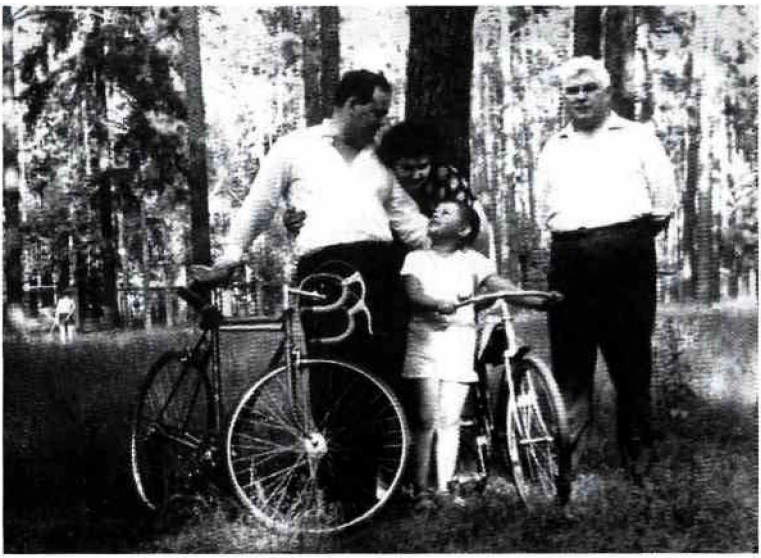
Борис Евдокимович в кругу семьи

Дачам советских министров олигархи не позавидуют

Борис Евдокимович с внуком Борей, женой Раисой Павловной, сватом Андреем Васильевичем Поповым. *Успенское, 1972 г.*

Рабочий диалог министра с бригадиром сварщиков Виктором Благодацким

Знакомство с новой техникой

Коллектив Главсибтрубопроводстроя награжден орденом Ленина. *Тюмень, 1981 г.*

В минуты отдыха с внуком Борей. *Успенское, 1970 г.*

Б. Е. Щербина в Польше. *1982 г.*

без колебаний дал «добро» замыслу Варшавского. Мы вывели эти заводы из-под опеки «зоны». А вместе с тем окончательно остановились на варианте подготовки нужных нам специалистов по методу Варшавского, как мы тогда шутили, в условиях Большой земли. Причем в основу подготовки был положен отрядный принцип. Молодые люди, помимо того что получали прямо на месте специальность по профилю стройки, успевали за время учебы еще и хорошенько узнать друг друга. По прибытии к нам уже не тратилось, как бывало раньше, время на адаптацию, а согласно расписанным еще на Большой земле ролям молодые люди в привычном составе включались в работу.

В начале января 1968 года Щербина посетил Нефтеюганск. Побывал на объектах Юганского нефтепромыслового управления, на головных сооружениях нефтепровода Усть-Балык — Омск, в рабочих общежитиях треста «Нефтеюганскгазстрой». Из всего увиденного он особо остался недоволен состоянием быта в общежитиях.

И действительно, в комнатах было холодно, неуютно, всей мебели — разномастные койки и табуретки. Управляющий трестом «Нефтеюганскгазстрой» Иван Ионович Тригубенко выслушал много нелестных слов. Борис Евдокимович поручил ему лично взять под контроль состояние бытовых условий не только в общежитиях, но и на трассовых участках, на всех рабочих местах. Но в то же время обещал оказать помощь тресту в приобретении необходимой мебели, мягкого инвентаря.

Помощь была оказана оперативно, и в течение двух месяцев общежития были приведены в образцовое состояние. Позже Борис Евдокимович неоднократно приезжал в Нефтеюганск, заходил в общежития и всегда оставался доволен.

Относя эту постоянную озабоченность судьбой человека на стройке к бесспорным урокам Щербины, замечу, что далеко не все зависело от его воли или его нравственных установок. Где найти материалы подешевле? Возможно ли использовать местные материалы? Как ускорить строительство в условиях хронического бездорожья? Имеются ли проекты, учитывающие капризный тюменский климат, и, если нет, как быстро разработать соответствующий и внедрить его прямо «с колес»? Какие строить дома с учетом природно-климатических условий Среднего Приобья? Аналогов в стране не было. Был заказан проект одному из ведущих институтов страны, имеющему большой опыт проектирования для Севера, — институту ЛенЗНИЭП. Готовый проект направили на согласование заинтересованным организациям и для сведения — в Тюменский обком КПСС.

Вскоре проектировщиков пригласил к себе Б. Е. Щербина. Он, что называется, камня на камне не оставил от проекта. Борис Евдокимович сказал, что в нем не заложена идея закрепления человека на Севере. А идея заключается в том, чтобы этот дом во всех отношениях был лучше тех, которые строятся в обычных районах страны. Чтобы человеку, живущему в таком доме, не хотелось бы его покидать.

— Архитектор-градостроитель призван создавать наилучшие условия для жизни не только современников, но и будущих поколений — так ставил задачу Борис Евдокимович. — Росту человеческих потребностей нет предела. Человек никогда не будет доволен, никогда. И это его лучшее качество.

Далее он детализировал свои предложения.

Сохранился документ, в котором были зафиксированы требования Бориса Евдокимовича к северному жилищу. Вот наиболее показательный фрагмент:

«1. Ввиду недостатка кислорода в воздухе объем квартир надо увеличить, поэтому высоту комнат надо принять 3, а не 2,5 метра.

2. Исключить однокомнатные квартиры — одинокий человек должен жить в общежитии, а для семьи из двух человек однокомнатная квартира не годится.

3. Учитывая состав приезжающих семей и высокий уровень рождаемости, предусмотреть в доме следующие квартиры: 4-комнатные — 40%, 3-комнатные — 40%, 2-комнатные — 20%.

4. Учитывая сырой климат и условия работы добытчиков, буровиков и строителей на открытом воздухе — в каждой квартире предусмотреть сушилку для одежды, чтобы, вернувшись с работы, можно было просушить одежду и обувь.

5. На первом этаже каждого подъезда предусмотреть колясочную, чтобы там оставлять детские коляски и велосипеды.

6. На первом этаже каждого дома предусмотреть просторное помещение с кухней для проведения торжественных встреч — дней рождения, свадеб, юбилеев, поминок и т. п.

7. В четырех- и трехкомнатных квартирах предусмотреть по 2 санузла.

8. В каждой квартире должен быть хороший холл».

Все эти предложения один к одному были приняты, и проект в корне был переделан. Он получил название «Сургутский дом», потому что реализовали его в этом городе. Затем по этому проекту долго строили и в других местах. Потом, правда, перешли на новый тип, во многом уступающий сургутскому. И это тоже произошло не без участия Б. Е. Щербины, а точнее будет сказать, по его воле, когда он стал министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Конечно, в иных случаях положение обязывает. Став министром и неся теперь ответственность не за одну только Тюмень — жесткий спрос был и за десятки других объектов, — Борис Евдокимович мог, что называется, понизить тюменскую планку. Впрочем, переход на более скромные проекты Щербина мотивировал так: министерство вводит в Сургуте в строй много квадратных метров жилья, а квартир — наперечет. И все это потому, что на каждого работающего приходится — шутка ли! — 70—100 квадратных метров. С такими хоромами никогда не решить жилищной проблемы.

Щербина-реалист наступал на горло собственной песне. Вынуждали обстоятельства. Газовики и нефтяники продвигались все дальше на север, и детище Бориса Евдокимовича — «Сургутский дом», штука затратная, — косвенным образом могло сдерживать это продвижение. К тому же как раз в этот период все чаще и чаще стали говорить о вахтовом методе освоения, который позволял людям по установленному графику прилетать на работу из базовых городов. Сомнительно, чтобы при этом нужны были хоромы, а не просто приличное мобильное жилье. Словом, роскошествовать не приходилось. Более того, нужно было проявлять чудеса изворотливости, чтобы восполнять просчеты, допускаемые иными московскими стратегами то ли по недосмотру, то ли в силу откровенной глупости. Уже в те годы наметилась диспропорция в развитии производственной и социальной сфер в северных районах.

С поправкой на Ямал

Ускорение... Это слово вошло в политический лексикон Щербины задолго до того, как его попытался «приватизировать» генсек Горбачев. Перечитаем статью Бориса Евдокимовича, опубликованную в «Правде» 27 мая 1966 года под заголовком «Интенсивно осваивать новый регион».

«Есть возможность сократить на несколько лет сроки ввода новых месторождений в разработку, — писал первый секретарь Тюменского обкома партии о Самотлоре и Уренгое. — Тюменские газовые месторождения по своему значению не уступают нефтяным. Уже в 1975 году открывается возможность добывать здесь газа столько, сколько его было добыто в стране в 1965 году! На наш взгляд, надо безотлагательно принять программу ускоренного развития газодобывающей промышленности в Тюменской области, что может коренным образом изменить энергетический баланс страны».

В 1967 году Б. Е. Щербина и А. К. Кортунов обратились с письмом в ЦК КПСС. В нем они высказали просьбу, чтобы соответствующие организации всесторонне изучили и наметили пути использования крупных газовых и газоконденсатных месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа, открытых тюменскими геологами. Выступая 20 мая 1969 года на научной конференции Сибирского отделения АН СССР по развитию производительных сил Сибири, Щербина вновь убедительно обосновывал необходимость развивать экономику области: «В короткий срок, по существу за три года, в районах Ямало-Ненецкого округа выявлены залежи природного газа, каких не знала мировая практика. В числе их самое крупное — Уренгойское. Запасы этого месторождения только по одной залежи газа в верхнемеловых отложениях оцениваются в 6 триллионов кубометров. В нижних горизонтах, пока очень слабо изученных, открыта крупная газоконденсатная залежь.

Более двух триллионов кубометров содержит Заполярное, около полутора триллионов — Медвежье. Сотни миллиардов кубометров газа содержатся в Губкинском, Комсомольском, Вэнгопуровском и других месторождениях. В связи с этими открытиями Советский Союз по запасам природного газа вышел на первое место в мире. Принципиальное значение имеет открытие нефтяных залежей в пределах газоносных территорий.

Сейчас мы не можем назвать объемы добычи газа не только на отдаленную перспективу, но даже и на ближайшую. Должной ясности здесь нет. Средства на развитие этой отрасли распыляются. Кратковременный эффект от ввода близлежащих к потребителям месторождений не перекроет ущерба от того, что оттягиваются сроки интенсивного использования тюменского газа».

В феврале 1970 года, выступая со статьей в «Экономической газете», Щербина снова бил тревогу по поводу задержки с освоением газовых месторождений: «Миллионы кубометров ямальского газа готовы к старту, однако сложный комплекс газовых проблем нашего Севера все не решается. Народное хозяйство терпит весьма серьезный ущерб из-за задержек с освоением месторождений тюменского газа. Он способен в районах Урала, Центра и Северо-Запада европейской части СССР, областях Западной Сибири успешно конкурировать с другими видами топлива».

И все же общие усилия Щербины, Кортунова, Байбакова, их соратников в Москве и Тюмени проломили стену равнодушия и непонимания. Первым в ряду гигантов осваивалось газовое месторождение Медвежье. Назвали его по реке Воркуу-

те — в переводе с ненецкого — Медвежья река. Эта же река, напомним, дала название и городу шахтеров — Воркута.

Общая площадь месторождения — более двух тысяч квадратных километров. В его недрах, по оценке геологов, содержалось 1,7 триллиона кубических метров газа. Продуктивность каждой пробуренной скважины составляла несколько миллионов кубометров голубого топлива, тогда как в среднем по стране этот показатель не превышал в то время 200 тысяч кубометров.

Привлекали и другие особенности полярной кладовой. Газоносный пласт толщиной до 140 метров залегал на сравнительно небольшой глубине —1250 метров. Газ на 98 процентов состоит из метана, содержит мало вредных примесей, которые разрушают трубы. Все это облегчало его добычу и транспортировку.

В каких условиях предстояло создавать крупнейшие в мире промыслы?

Ямало-Ненецкий округ — побережье Северного Ледовитого океана; больше половины территории — тундра и лесотундра. Среднегодовая температура воздуха в районах Медвежьего, Уренгоя и Ямбурга ниже минус 10 градусов. Зимой очень часты метели и бураны. Снегопадов не бывает только в июле и августе. Широко распространена многолетняя мерзлота.

До начала освоения на огромных пространствах, в том числе и в районе Медвежьего, не было ни населенных пунктов, ни транспортных коммуникаций, за исключением водных. На местных авиалиниях курсировали лишь самолетики Ан-2.

Представьте же, сколько труда надо было вложить, чтобы построить на этих суровых и безлюдных просторах мощные промышленные комплексы, города, поселки и дороги.

Прежде всего, конечно, возник вопрос: как завозить материалы и оборудование для строек? Базой снабжения вначале был избран поселок Лабытнанги — конечная станция Северной железной дороги и речной порт. Но от Лабытнанги до Медвежьего 600 километров бездорожья... Много преград и на реках. В устье Надыма, на Ивлевских песках, приходилось все перегружать на суда с меньшей осадкой.

Спасением для строителей стали могучие грузовые самолеты Ан-22, созданные в КБ Олега Константиновича Антонова в Киеве. В 1970 году «Антей» совершил первые пробные рейсы из Тюмени в Надым, а позднее доставлял оборудование и строительную технику прямо на Медвежье.

С высоты пилоты видели печально известную «мертвую дорогу». Так назвали брошенную «железку» Салехард — Игарка. Ее строили в 1949—1953 годах по указанию И. В. Сталина.

Строили заключенные. А после смерти Сталина строительство было остановлено.

Вспомнить о незавершенной трассе заставили открытия тюменских геологов. Оказалось, что трасса пересекает крупнейшие газовые месторождения — далеко глядел, выходит, «отец народов, вождь и учитель». Специалисты пришли к выводу, что дорогу необходимо расконсервировать. Это позволит ускорить освоение газового Севера. Впервые вопрос о восстановлении одного из участков «мертвой дороги», от Салехарда до Пура, Щербина поставил в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР в октябре 1965 года. Затем в 1967 году он написал записку в Совет Министров СССР. В феврале 1970 года Борис Евдокимович снова поднимает этот вопрос в статье в «Экономической газете». Наконец, в марте 1971 года пишет обстоятельную записку председателю Госплана СССР Н. К. Байбакову.

В то время эти предложения не были приняты. И скорее всего, напрасно. Конечно, реконструкция железной дороги от Салехарда к Медвежьему потребовала бы немалых средств. Но кто может сказать, в какую сумму обошлась доставка в эти районы колоссального количества грузов авиацией и автотранспортом?

Со временем дошла очередь до Уренгоя. Щербина уже министр. И пробивает решение восстановить участок дороги от Надыма до Уренгоя. В итоге — огромная экономия средств, как и доказывал Борис Евдокимович. Участок этой дороги был на балансе и обслуживался организациями Миннефтегазстроя СССР и, кстати, до сих пор исправно работает.

Из записных книжек Владимира Чирскова

В начале апреля 1968 года на самолете Ан-2 с начальником главка Алексеем Сергеевичем Барсуковым, Асфаном Мухаметзяновым и Борисом Сугаком я прилетел из Лабытнангов в поселок Надым. Это была первая группа строителей на Надымской земле. Так называемый поселок состоял из семи-восьми дощатых домиков, которые остались от 501-й стройки — той самой железной дороги.

Ан-2 сел у дороги. А. С. Барсуков, человек грузный и уже немолодой, сказал мне: «Снега много, идти тяжело, видишь, над домиком дымит труба, значит, есть люди. Может быть, у них и лошадь найдется».

У домика стоял вездеход ГАЗ-71, а в доме были три геолога. Быстро завели вездеход и привезли Барсукова. Оказалось, что

в домике — пост проводной связи Норильск — Москва. Связист, молодой парень, с одной ногой на протезе, соединил Барсукова с Москвой. Алексей Сергеевич доложил министру Кортунову, что звонит из Надыма.

Из Надыма мы полетели в Тарко-Сале, где было строительное управление Главтюменнефтегазстроя. Начальником там был Александр Сергеевич Балашев, которому Барсуков дал команду вылететь в Надым и начать перебазировку туда управления. Я, как управляющий трестом механизации, также получил команду немедленно организовать в Надыме участок от Лабытнангского управления.

Уже через год нам пришлось на базе этого участка создать управление механизации. Возглавили его Сергей Ларин и Николай Плиткин. В задачи управления входило выполнение на промысле Медвежьем и в поселках Надым и Пангоды всех земляных и свайных работ. Это две несложные операции в обычных условиях. Но как разрабатывать вечную мерзлоту и как забивать в нее сваи? В те годы не было в наших руках тяжелой импортной техники, не было опыта и наука молчала. Тяжело давались первые сваи под жилые дома Надыма и под газосборный пункт № 2 Медвежьего.

Надым начинали с балков, а Пангоды — с палаток. На всю жизнь в моей памяти осталась зима 1971/72 года.

Наступил период освоения Медвежьего месторождения. Был создан штаб стройки в Надыме. Руководил им заместитель министра газовой промышленности Юрий Петрович Баталин. В состав штаба также вошел второй секретарь Тюменского обкома КПСС Геннадий Павлович Богомяков. Как было принято в те времена, да по-другому и нельзя было, на стройке неотлучно находились управляющие всех трестов, имеющих отношение к обустройству промысла.

Оставалось приступить к главному — монтажу цехов ГП-2. Но еще почти два месяца пришлось ждать морозов, чтобы привезти на площадку оборудование и материалы. Зимник появился в декабре, когда до пуска ГП-2 оставалось меньше четырех месяцев.

Задача казалась невыполнимой. Пришлось организовывать двухсменный режим работы. Жилья нет. В Пангодах было построено овощехранилище, углубление в земле и перекрытие сверху, но овощи еще не завезли. Принимается решение сделать в нем общежитие. А чтобы не капал с потолка водяной конденсат, внутри хранилища поставили палатки.

Несмотря на все сложности, меньше чем за полгода построили газовый промысел, которому в Союзе не было равных по мощности. «Построили» не то слово. Собрали. Потому что строители активно внедряли блочно-комплектный метод. Блоки с технологической начинкой собирали в Тюмени на заводе и на мощных Ан-10 и Ан-12 доставляли на Медвежье. Воздушный мост действовал четко. Сроки подпирали, нужно было пустить промысел и магистральный трубопровод до начала распутицы. Упусти даже не дни, а часы — сроки пуска переносятся на полгода.

...При освоении Медвежьего месторождения первый газосборный пункт, а это целый завод из трех десятков основных и производственных объектов, был перепрофилирован на новую технологию — комплектно-блочную. Блоки со строительных площадок в Тюмени свозили на аэродром и затем транспортными самолетами Ан-12 и Ан-22 «Антей» отправляли на временный аэродром в вахтовый поселок Пангоды. (По предложению Мингазпрома А. Н. Косыгин подписал распоряжение: разрешить «перевозки самолетами Ан-22 крупногабаритных грузов в северные районы Тюменской области по заявкам Главтюменьнефтегазстроя».)

— Я в тот период работал главным инженером газопромыслового управления «Игримгаз», — вспоминает Иван Спиридонович Никоненко, — и с группой опытных специалистов был командирован на Медвежье для оказания помощи коллегам из Надымгазпрома. Эта стройка поражала воображение, хотя себя-то я уже считал бывалым северянином. Монтаж комплектно-блочных устройств осуществлялся прямо «с крыла». Из готовых, смонтированных на металлических рамах блочных устройств, как будто из кубиков, быстро собиралось основное производственное здание, монтировались вспомогательные объекты, котельная.

В сутки принимали десятки рейсов. Работы велись днем и ночью. Но беспорядка, разгильдяйства и прочей авральной «атрибутики» не наблюдалось. Наоборот: высокая организованность, четкая координация действий всех строителей, совместная работа монтажников и будущих эксплуатационников...

Как мне представляется, основой слаженных действий стал метод комплектно-блочного строительства, который требовал отменной инженерной подготовки и высокого уровня культуры производства, тесного взаимодействия всех служб.

Мы, газовики-эксплуатационники, даже забыли о своей роли заказчика и, в определенной мере, «погонялы» для стро-

ителей. Засучив рукава впряглись со строителями, что называется, в одну упряжку.

11 апреля 1972 года Государственная комиссия приняла установку в эксплуатацию с оценкой «отлично». На объект впервые в министерстве был оформлен гарантийный паспорт. Практически одновременно, 27 апреля, был испытан газопровод Медвежье — Надым, кстати, впервые в стране построенный из труб диаметром 1420 миллиметров, затем газопровод Надым — Пунга. А из Пунги дальше — в промышленные районы Советского Союза — газ Медвежьего пошел по знаменитой магистрали Игрим — Серов, построенной, как говорилось раньше, по инициативе Алексея Кирилловича Кортунова.

По нормам на сооружение такой мощной установки комплексной подготовки газа отводилось 22 месяца. Комплектно-блочный метод позволил сжать сроки почти в пять раз — до четырех с половиной месяцев.

Душой этого нового дела, организатором и вдохновителем комплектно-блочного метода строительства был Юрий Петрович Баталин, в тот период заместитель министра газовой промышленности, руководитель всего комплекса работ по освоению месторождения Медвежье и сооружению магистрального газопровода. Помню, насколько четко и по-инженерному грамотно проводил он оперативные совещания. Дело знал до тонкостей, умел не только требовать — заражал энтузиазмом, своей уверенностью в том, что и установку построим, и газовые скважины подключим, и сложнейшие газопроводы закончим до весенней распутицы...

31 марта 1972 года за пятнадцать минут до полуночи газовики, строители зажгли факел самого крупного по тем временам газового месторождения Советского Союза — комплекса Медвежье. Зажечь факел доверили капитану Березину. Он командовал в то время пожарным ведомством Надымгазпрома.

Огромное пламя факела взметнулось вверх. Пошел газ Медвежьего! Строители и газовики взорвались восторженным криком. Многие умудренные жизненным опытом люди плакали, как дети. Да и вправду сказать — святое дело свершили.

Как было принято тогда, строителей поздравил генсек. Лучшим — обещали награды. Мне на трест выделили 7 (повторяю прописью: семь) орденов и медалей. Попробуй определи, кто из достойных самый достойный. На мой взгляд, награды достоин каждый, кто был причастен к великой стройке. Как в Отечественную войну, когда награждали всех, кто оборонял

Москву, Ленинград, Сталинград... До сих пор помню фамилии механизаторов, которые забили первые сваи и прокопали первые километры траншей под трубопроводы на Медвежьем. Это — В. А. Ярына, А. А. Гоман, Н. В. Шерстнев, Н. О. Карпов, Б. Я. Слободянюк. В их лице — низкий поклон всем рабочим на этой стройке. Здесь тогда работали и командовали люди, которые не знали такого понятия, как «невозможно».

Вот какой эпизод запомнился одному из авторов этой книги, последнему министру строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Союза. Этому министерству было отмерено всего 18 лет — от начала 9-й пятилетки до конца перестройки. Всего 18 лет, но сколько же было сделано за эти годы!

Из записных книжек Владимира Чирскова

В начале марта 1975 года Алексей Николаевич Косыгин в третий раз за последние семь лет прилетел в Тюменскую область. Причем прилетел не из Москвы, а из Воркуты. В программе визита было посещение компрессорной станции Лонг-Юган на трассе газопроводов Медвежье — Урал — Центр. Чтобы принять Як-40 премьера, подготовили вблизи посадочную полосу. Встречать председателя правительства прилетели министры Б. Е. Щербина и С. А. Оруджев, первый секретарь обкома партии Г. П. Богомяков.

Мне, как начальнику главка, который строил эту станцию, поручили давать пояснения главе правительства. Мы поднялись на отметку второго этажа компрессорной станции. Со смотровой площадки открывался хороший обзор уже работающей первой очереди и строящейся второй очереди станции.

Алексей Николаевич долго расспрашивал меня: сколько стоит такая станция, в какие сроки была построена? Когда я назвал стоимость сооружения и отметил, что половину этой суммы составляет оплата за использование вертолетов для перевозки оборудования, продуктов, людей, он сказал, что нам нужно подумать о капитальных дорогах в этом крае.

А потом как-то задумчиво добавил:

— Пройдут годы, и человечество будет анализировать, как мы при данной оснащенности могли создавать такие объекты. Целые заводы! В такие сроки! В тундре!

Могли. Потому что их объединяла большая цель, и слова о Родине, патриотизме для них не были пустой фразой. 72-й

год — Медвежье, 78-й год — Уренгой, 86-й — Ямбург — крупнейшие в мире газовые месторождения. А нефтяные гиганты! Самотлор, Федоровка, Холмогоры —15—20 нефтяных месторождений вводили за год.

Свою газовую индустрию, трубопроводный транспорт наша страна создала за считаные годы. У других государств на это ушли многие десятилетия. Только жаль, что подвиг людей, которые спрессовали время, не оценили по достоинству ни современники, ни потомки. А зачем нефтяным магнатам помнить о своих песенных, романтических предшественниках?

На КС Лонг-Юган Алексей Николаевич беседовал с рабочими и специалистами, не для проформы — это было видно со стороны — интересовался условиями труда и быта.

В Тюмени на заводе блочно-комплектных устройств я вручил председателю правительства памятную медаль строителя газопровода Медвежье — Центр, который был введен в 1974 году. Такие знаки наши умельцы изготавливали по случаю пуска каждого значительного сибирского трубопровода.

Момент вручения мне особенно памятен, и прежде всего словами Алексея Николаевича. Я ему сказал:

— Позвольте мне по поручению рабочих — строителей газопровода вручить вам памятную медаль как одному из активных участников этой стройки.

Он, принимая ее, негромко ответил, как мне показалось, немного смущаясь:

— Это впервые рабочие меня награждают. Передайте им мою благодарность. Буду хранить ее вечно.

Затем А. Н. Косыгин побывал на камвольно-суконном комбинате. Он интересовался условиями труда и быта коллектива, осмотрел ткани, выпускаемые предприятием. В обкоме партии Алексей Николаевич провел совещание партийных и хозяйственных руководителей, специалистов предприятий и строек. В своем выступлении он выделил необходимость более полного и эффективного использования природных ресурсов области, ускоренного создания здесь мощной топливно-энергетической базы.

Как обычно бывало, не обошлось на совещании без споров. Жизнь без споров была бы скучна. Известно, что все, что живет, взывает к обсуждению. Вот и на этот раз каждый отстаивал свою точку зрения. В том числе и по такому вопросу: после завершения строительства первой нитки газопровода Уренгой — Челябинск сразу приступать здесь же к прокладке второй или переходить на новую трассу Уренгой — Грязевец, а потом вновь возвращаться на челябинское направление? На

первом варианте настаивали мы, поскольку он был удобнее и дешевле, на втором — газовики.

Выслушав все это, Алексей Николаевич предложил ровным голосом:

— Давайте мы спросим начальника главка: где он быстрее построит трубопровод?

Я, естественно, твердо ответил, что по уже проложенному коридору. То есть надо тянуть вторую нитку на Челябинск.

— Ну что ж, примем этот вариант, — подвел итог нашему спору Алексей Николаевич.

Во время двух последних посещений области А. Н. Косыгиным я впервые с очень близкого расстояния видел, слушал и слышал руководителя такого ранга. Главу правительства СССР и члена Политбюро ЦК КПСС. Причем не эпизодически, а почти непрерывно на протяжении всего его пребывания в области. Поразило то, что он разговаривал совсем по-домашнему, то есть простым человеческим языком, а не как в кинохронике. Алексей Николаевич показал себя живым, умным, цепким, даже немного въедливым, строгим и в то же время чутким собеседником, умеющим ценить юмор. Он проявлял действительный интерес и к тому, с кем беседовал, и к обсуждаемой теме, какой бы на первый взгляд мелкой она ни казалась. В каждом эпизоде, в каждой фазе общения он безошибочно определял ее психологическую подоснову, настрой собеседника. Его реплики и жесты были безукоризненно выверены и точны. Может, и потому его собеседник как бы забывал, с кем он говорит, в какой обстановке. Несмотря на то что в этих моментах общения — а это не только речь, но и мимика, и жест, и поза, и взгляд, да мало ли чего! — участвовало много народу, у собеседника Косыгина, казалось, была полная уверенность, что они разговаривают наедине.

Что же в этих контактах искал сам Косыгин? Как я понял гораздо позднее, он по разрозненным ответам, по реакции собеседников пытался выискать явление. Его интересовал текущий настрой людей на предстоящую ударную работу.

Безусловно, сказывался авторитет Косыгина. Но главной все же была сила его внутренней убежденности в своей правоте. Чтобы убеждать других, надо сначала быть самому убежденным.

Интеллект Косыгина проявлялся открыто и доверительно, сильно и мощно, но не громко. Алексей Николаевич собеседника не подавлял. Он как бы приглашал на свой уровень общения и пытался помочь подняться на этот уровень. Я, пожалуй, впервые понял, *как* важна для людей правда. Как важно ее услышать именно от такого человека.

Естественно и как бы само собой становилось ясно: наше будущее надежно, пока руль в таких умных и уверенных руках.

И еще меня поразило то, что Алексей Николаевич и Борис Евдокимович очень похожи своим поведением в обществе, в обращении с людьми, в достижении поставленной перед ними цели. Какие они разные внешне и какие могучие и несгибаемые внутри!

Смотреть в будущее

Гармония развития — вот один из краеугольных вопросов успеха. Об этом Б. Н. Щербина заговорил сразу же, буквально с первых дней своей работы в области. Он прекрасно понимал всю важность комплексного развития региона. И не уставая, всеми доступными средствами боролся за разработку перспективы. Отсутствие генерального плана создания производительных сил области тормозило поступательное движение. Да что греха таить, и дороже обходилось государству. Но сдвинуть этот вопрос с мертвой точки оказалось невероятно тяжело. Впервые на всю страну об этой острейшей проблеме Борис Евдокимович заявил 12 декабря 1962 года на второй сессии Верховного Совета СССР: «Следует в самое ближайшее время разработать генеральный план развития нефтяной и газовой промышленности в Тюменской области, что даст возможность определить главное направление в использовании уникальных запасов нефти и газа, развития здесь химической промышленности. Это важно сделать для того, чтобы наиболее разумно распорядиться открытыми богатствами».

Однако надо признать, взволнованный голос посланца Западной Сибири тогда не был услышан. А насущные каждодневные проблемы не давали покоя. То, что не удавалось решить в комплексе, Борис Евдокимович пытался выполнить отдельно. Об этом свидетельствуют его письма на имя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Вот одно из них, отправленное в сентябре 1965 года:

«На территории областей, входящих в состав Средне-Уральского экономического района, в настоящее время отсутствуют предприятия по переработке нефти, что приводит к значительным ежегодным затратам на транспортировку нефтепродуктов из других районов страны.

Институт "Гипрокаучук", изучив на месте сырьевые ресурсы области, счел целесообразным строительство в районе города Тюмени нефтеперерабатывающего завода в комплексе с нефтехимическим производством, выработкой синтетическо-

го каучука, фенолфурфуроловых смол, волокнита, фенола, формалина, полипропилена, полистирола...

Неоднократные обращения в центральные планирующие органы по вопросу проектирования и строительства в городе Тюмени нефтеперерабатывающего завода остались безрезультатными.

Обком КПСС считал бы целесообразным поручить соответствующим организациям рассмотреть вопрос о строительстве в 1966—1970 годах в городе Тюмени нефтеперерабатывающего завода с комплексом нефтехимических производств и решить его положительно».

Резолюция А. Н. Косыгина: «Госплану СССР (т. Ломако), Совету Министров РСФСР (т. Воронову) рассмотреть с проектом пятилетнего плана на 1966—1970 гг.». Рассмотреть — рассмотрели, но положительного решения тогда не приняли.

А вот еще одно обращение к А. Н. Косыгину, тоже датированное сентябрем 1965 года. Тема — актуальнейшая:

«В Тюменской области, занимающей полтора миллиона квадратных километров, основным средством сообщения с северными районами Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в течение восьми месяцев в году является авиационный транспорт.

Для обеспечения воздушных авиаперевозок в области создана авиагруппа Уральского управления Министерства гражданской авиации СССР, в составе которой имеется шесть авиаотрядов и две отдельные эскадрильи.

В последнее время авиагруппа осуществляет воздушное сообщение с 14 городами, 50 рабочими поселками и населенными пунктами. Общая протяженность авиалиний составляет 24 тысячи километров, на перевозках занято более 300 единиц самолетно-вертолетного парка с количеством работающих четыре тысячи человек.

В связи с проведением в больших масштабах геолого-разведочных работ, развитием нефтегазодобывающей, лесной, рыбной и других отраслей промышленности объем грузоперевозок авиационным транспортом в области только за последние три года увеличился в два раза.

В 1965 году авиагруппой будет перевезено около 40 тысяч тонн грузов и почты, 600 тысяч пассажиров, что составит 50 процентов общего грузооборота Уральского управления гражданской авиации, а к концу предстоящего пятилетия перевозки пассажиров возрастут до 1,5 миллиона человек, грузов и почты — до 80 тысяч тонн в год.

В Тюмени ведется строительство аэропорта для приема тяжелых самолетов. Кроме того, в 1966 году начнется сооруже-

ние аэропортов в городах — Сургуте, Ханты-Мансийске, Урае, Салехарде, населенных пунктах — Игриме, Тазовске, Нижневартовске.

В этих условиях Уральское управление гражданской авиации, обслуживающее сейчас Свердловскую, Пермскую, Челябинскую, Курганскую и Тюменскую области, не в состоянии обеспечить оперативного руководства подразделениями Тюменской авиагруппы, а тем более повседневно заниматься дальнейшим развитием авиационного транспорта.

Обком КПСС просит Совет Министров СССР решить вопрос об организации в области самостоятельного управления гражданской авиации».

И после этого отчаянного письма — тишина, никаких положительных решений. Будто одному Щербине все это надо было.

Но Борис Евдокимович не унимается. И уже на шестой сессии Верховного Совета СССР 1 октября 1965 года снова обращается к теме комплексного развития региона: «Министерства и Госпланы РСФСР и СССР должны особое внимание уделить наиболее разумному комплексному развитию новых районов, разработке единых схем развития их производительных сил. К сожалению, нельзя назвать такие районы, где бы в полной мере было осуществлено комплексно-хозяйственное развитие.

Планирующие органы допускают серьезные упущения в использовании лесных богатств, развитии лесохимической промышленности. В 1960—1963 годах была выдвинута и обоснована необходимость создания в бассейне Средней Оби и низовьях Иртыша крупного центра лесозаготовительной и лесообрабатывающей промышленности в составе трех основных лесопромышленных комплексов: Верхне-Кондинского, Нижне-Обского и Тобольского. На предприятиях этих комплексов предусматривается выпуск 2,5—3 миллионов тонн целлюлозы, такого же количества бумаги и картона, большого количества пиломатериалов, фанеры, кормовых дрожжей, этилового спирта и других продуктов лесохимии.

Эти предложения, разработанные в увязке с развитием в районе нефтяной, газовой, химической, рыбной промышленности и энергетики, были рассмотрены специальной комиссией совета по науке при Совете Министров СССР и одобрены в качестве основы для хозяйственного освоения ресурсов области.

Предложения были также одобрены Государственным комитетом по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане

СССР. Однако эта совершенно правильная линия не проводится в жизнь».

По инициативе Б. Е. Щербины и при его активном участии в апреле 1969 года в Тюмени прошла крупная научно-практическая конференция по проблемам развития и размещения производительных сил области — о развитии геолого-разведочных работ, нефтедобывающей, газовой, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. На конференции было принято такое постановление:

«Тюменская область располагает основными ресурсами нефти, газа, леса Западной Сибири.

Прогнозные запасы позволяют довести уровень добычи нефти в области до 400—500 миллионов тонн и газа — до 600—700 миллиардов кубометров в год. Около 40 процентов этой потенциальной добычи может быть обеспечено за счет разработки уже открытых месторождений. Стоимость подготовки запасов нефти и газа в Тюменской области в 10 раз ниже, чем в других районах страны.

Утилизация попутных нефтяных газов позволяет иметь миллионы тонн в год углеводородного сырья, что может быть крупнейшей базой нефтехимической промышленности.

Запасы леса составляют 4,8 миллиарда кубометров и позволяют заготавливать до 50 миллионов кубометров древесины в год.

Подземные воды дают возможность организовать добычу йода.

В северо-западной части, на территории Приполярного и Полярного Урала, выявлены месторождения цветных, черных, редких металлов. Северо-Сосьвинский бассейн имеет более 15 миллиардов тонн бурого угля. Запасы торфа превышают 60 миллиардов тонн. Велики запасы нерудных ископаемых и многих видов строительных материалов.

Более 90 процентов территории области, в том числе все перспективные на нефть и газ площади, расположены в районах с крупными водными ресурсами, обеспечивающими возможности размещения предприятий с большим потреблением воды.

Обско-Иртышский бассейн и многочисленные озера имеют благоприятные условия для создания крупной базы развития рыбного хозяйства.

Область имеет 1,7 миллиона гектаров пашни, 3,5 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий и большие возможности их расширения за счет осушения и освоения пойменных и заболоченных территорий.

Уникальные природно-сырьевые ресурсы области создают большие возможности развития производительных сил, по-

зволяют решить крупные экономические проблемы общесоюзного значения».

Конференция была проведена в Тюмени 15—18 апреля 1969 года. В работе конференции принимали участие руководящие работники Госпланов СССР, РСФСР, представители министерств и ведомств, ученые Академии наук СССР, ученые и специалисты плановых, хозяйственных и проектных организаций Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Баку, Свердловска, Уфы, Казани, Тюмени, Омска, представители партийных и советских органов — всего свыше 1200 человек.

На пленарных и секционных заседаниях конференции было заслушано 237 докладов и сообщений по проблемам развития производительных сил области, размещения основных отраслей хозяйства, формирования и использования трудовых ресурсов, о роли и месте Тюменской области в общесоюзном разделении труда.

В генеральной перспективе на основе «Схемы развития и размещения производительных сил Западно-Сибирской низменности на 1971—1980 годы», разработанной в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР, а также докладов и предложений, сделанных на пленарных и секционных заседаниях, конференция рекомендует определить следующие основные направления развития и размещения производительных сил области:

«Дальнейшее усиление геолого-разведочных работ на нефть и газ, рудные и нерудные ископаемые, подземные воды, повышение степени изученности территории, выявление и подготовка к освоению новых, экономически более эффективных месторождений;

форсированное развитие нефте- и газодобывающей промышленности;

создание крупного нефтехимического комплекса;

ускоренное развитие лесозаготовительной промышленности, ликвидация диспропорций в объемах заготовки и переподготовки древесины, организация глубокой химико-механической переработки леса;

опережающее развитие предприятий промышленности строительных материалов и строительной индустрии;

ускоренное строительство трубопроводного транспорта, железных и автомобильных дорог, аэродромов и речных портов, линий связи;

повышение темпов развития энергетических мощностей и линий электропередачи;

наращивание мощностей машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, специализация ее на вы-

пуск машин, механизмов, оборудования, транспортных средств и аппаратуры для обеспечения основных отраслей хозяйства области;

развитие сельского хозяйства с учетом все увеличивающейся численности населения и роста потребностей в сельскохозяйственной продукции;

наращивание мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции, увеличение выпуска товаров народного потребления, расширение ассортимента и улучшение качества изделий.

Главным, определяющим направлением территориальной специализации для Тюменской области конференция считает ускоренное развитие нефтегазодобывающей промышленности на базе имеющихся природных ресурсов нефти и газа, технического прогресса и автоматизации, технологических процессов с комплексным развитием сопутствующих отраслей народного хозяйства; в соответствии с этим определяются первоочередные задачи».

Уже 20 мая того же года Б. Е. Щербина выступил в Новосибирске на научной конференции Сибирского отделения АН СССР по развитию производительных сил Сибири. Он говорил о развитии экономики своей области. Борис Евдокимович обратился к ученым: «Состоявшаяся в апреле Тюменская научно-практическая конференция определила специализацию области, масштабы, темпы и пути развития экономики. Эти выводы и предложения мы вносим на настоящую конференцию и просим поддержать.

Следует подчеркнуть, что имеющиеся технико-экономические варианты развития области на предстоящую перспективу рассчитаны на использование лишь незначительной части ее потенциальных возможностей. В ключевой район энергетики предусматриваются явно недостаточные задельные капитальные вложения. Некоторые научно-исследовательские и проектные институты по-прежнему отдают предпочтение развитию добычи энергетического угля, не конкурентного по сравнению с газом и нефтью, намечают дальнейшее развитие в центральных районах страны энерготопливоемких производств, тогда как главным поставщиком топлива для них будет Западная Сибирь.

Эти факты свидетельствуют об отсутствии правильной оценки нового района и требуют серьезных поправок исходных положений нового пятилетнего плана и планов более отдаленной перспективы.

Оценивая значение нефти и газа в топливно-энергетическом балансе страны, следует скорее говорить не о народно-хо-

зяйственной эффективности их применения, а об ущербе, наносимом народному хозяйству в связи с недостаточно интенсивным их вовлечением в оборот.

Экономика не терпит традиционализма; нельзя поддаваться соблазну идти проторенной тропой. Наука тогда отвечает своему назначению, когда она революционно ломает традиции, которые в связи с новыми открытиями мешают добиться наибольшей эффективности производства.

Важной проблемой, требующей немедленного разрешения, является использование попутного газа, запасы которого огромны. Коренным решением этой проблемы было бы ускоренное строительство газобензиновых заводов и создание на этой базе, а также на сырье от нефтестабилизационного завода крупного нефтехимического комплекса в городе Тобольске.

Разработка технико-экономического доклада о размещении нефтехимического комплекса чрезвычайно затягивается. В качестве одной из причин оттягивания сроков создания этого комплекса выдвигается то, что район Тобольска не обеспечен энергетическим топливом. По-видимому, это происходит из-за отставания проектных организаций в изучении фактических материалов.

Намечаемое развитие нефтедобывающей, газовой и лесной промышленности, сельского хозяйства немыслимо без создания широких и устойчивых транспортных связей. Поэтому дальнейшее развертывание транспортного строительства, коренное улучшение существующей транспортной сети являются вопросами, требующими разрешения в ближайшей перспективе. Из-за слабого транспортного развития уже сейчас сдерживается освоение района. Необходимость усиления внутрирайонных и межрайонных транспортно-экономических связей требует создания единого плана транспортного освоения области.

В новом регионе науке предстоит ответить на многие вопросы, найти оригинальные, наиболее эффективные технические и экономические решения, создать свой перспективный план исследований.

Разработки ждет комплексная схема развития Западно-Сибирского нефтегазодобывающего бассейна на перспективу до 2000 года, выбор оптимального размещения и очередности строительства, создания экономической модели нового энергетического района.

Развитие производительных сил области — это большая социальная проблема. Особенность ее в том, что районы освоения нефтяных и газовых богатств являются национальными. Интересы развития экономики и культуры национального на-

селения должны обязательно учитываться при решении всех вопросов.

Надо также иметь в виду, что это и молодежная проблема. На освоение новых районов едут в основном молодые люди. Поэтому одним из важнейших вопросов обустройства быта является строительство учреждений культуры, спортивных сооружений, развитие индустрии туризма и т. д.

Разработка основных путей развития экономики области на длительный период — сложная и ответственная задача, требующая коллективных усилий и всестороннего обсуждения.

Мы уверены, что с помощью участников настоящей конференции будут найдены наиболее рациональные решения актуальных проблем, а это создаст благоприятные условия для ускоренного развития производительных сил области, сделает еще более весомым ее вклад в народное хозяйство страны».

Летом 1969 года Б. Е. Щербина вновь обращается к Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину по вопросу строительства теперь уже Тобольского нефтехимического комплекса. Обращается вместе с министром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности В. С. Федоровым. В письме говорилось: «Необходимость и технико-экономическая целесообразность создания Тобольского нефтехимического комплекса обосновывается следующими соображениями: благодаря открытию крупных месторождений нефти и газа Тюменская область становится одним из ведущих центров нефтегазодобывающей промышленности страны. Ресурсы нефти и попутного газа полностью обеспечивают создание крупного нефтехимического комплекса в Тюменской области.

Важным условием эффективности создания нефтехимического комплекса в Тюменской области является наличие энергетической базы и топливных ресурсов в виде природного газа, что позволяет снизить себестоимость производства конечных продуктов на 8 процентов (согласно данным Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР).

Создание нефтехимического комплекса в Тюменской области будет способствовать решению общей народно-хозяйственной задачи страны — размещению энергоемких производств вне европейской части СССР, где складывается острый дефицит в энергетическом топливе.

Факторами, благоприятными для строительства нефтехимического комплекса в районе Тобольска, являются наличие мощной водной артерии — реки Иртыш, железной дороги, линии электропередачи Тюмень — Тобольск, нефтепроводов

и площадки строительства, благоприятной для дальнейшего расширения.

Министерство и обком КПСС просят Совет Министров СССР включить строительство Тобольского нефтехимического комплекса в проект пятилетнего плана страны на 1971—1975 годы в объеме 400 миллионов рублей».

Планомерная и настойчивая работа по привлечению внимания к вопросам комплексного развития региона в конце концов начала приносить плоды. Конечно, не в полной мере, не в том объеме, в каком хотелось, но в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» от 11 декабря 1969 года многое было учтено.

Глава седьмая

«ПОСЕЙТЕ ПОСТУПОК...»

Посейте поступок — пожнете привычку,
посейте привычку — пожнете характер,
посейте характер — и вы пожнете судьбу.

У. Теккерей

«Речники нас выручили»

Однажды утром в Омске, в кабинете начальника Иртышского речного пароходства Николая Иосифовича Животкевича, раздался звонок из Тюмени. Звонил Борис Евдокимович Щербина:

— Николай Иосифович, вчера, будучи в Тюменской области, Алексей Николаевич Косыгин просил рассмотреть возможность доставки горючего из Омска в район Дудинки для строительства газопровода Мессояха — Норильск с учетом оставить флот с горючим на зимовку. Как мы можем решить эту задачу?

— Борис Евдокимович, это не наши границы. Я обязан переговорить с министерством и начальником Енисейского пароходства.

— Пожалуйста, только нужно поторопиться.

Вечером Животкевич передал Борису Евдокимовичу, что разрешение на эту перевозку не дано.

— Что будем делать? — задал Щербина вопрос как бы не столько Животкевичу, сколько себе.

— Борис Евдокимович, мы с вами транспортники.

— Да, но мы же с вами коммунисты.

— Борис Евдокимович, разрешите посоветоваться со своими помощниками и специалистами. Я вам завтра позвоню.

Вечером собрался большой консилиум. Приняли решение: перевозку осуществить, сформировать караван из трех танкеров, четырех нефтеналивных речных барж и судов сопровождения. Об этом начальник пароходства утром информировал Бориса Евдокимовича, попросив его не афишировать акцию. Щербина пожелал успеха.

На счастье речников, при переходе судов в Обской губе и в море на участке до захода в Енисей погода была относительно

спокойной. Суда прибыли в район Игарки. Танкеры перекачали горючее в баржи. Баржи были поставлены в безопасное для отстоя место и переданы в аренду строителям. Флот вернулся в Салехард.

О завершении операции Животкевич информировал Бориса Евдокимовича. В ответ услышал:

— Речники, как всегда, нас выручили. Большое спасибо. Пусть проделывают дырочки.

Благодаря этой операции газопровод Мессояха — Норильск сдали в эксплуатацию на год раньше срока. Пять человек командного состава судов за успешную операцию были награждены орденами. Не зря делали дырки.

С теплотой и благодарностью Животкевич вспоминает свое постоянное общение с Борисом Евдокимовичем Щербиной. Его умение находить общий язык объяснялось высокой культурой. Зачастую он был строг, но эта строгость никогда не переходила в грубость. Его не боялись, а уважали. Он не требовал, а просил. Николаю Иосифовичу кажется, что вера в силу слова, в силу убеждения была его характерной чертой.

— Помню один мелкий, но примечательный случай, — говорит Животкевич. — Я находился в Тюмени, и у меня возникла срочная необходимость посоветоваться со Щербиной. Я приехал в обком и попросил его помощницу доложить о себе. Она ответила, что Борис Евдокимович занят, но все же пошла доложить. Через пять минут из кабинета вышли несколько товарищей, а меня пригласили войти. Как всегда, Щербина поднялся навстречу, поздоровался, предложил сесть. Но вместо традиционного приветствия сказал:

— Николай Иосифович, прошу вас больше так не делать. Чтобы переговорить с вами, я вынужден был сделать перерыв. Разве вам трудно было позвонить и условиться, когда удобнее встретиться? Не злоупотребляйте, пожалуйста, моим хорошим отношением к вам.

Я готов был провалиться сквозь землю. Извинения здесь были излишни. Вопрос, который мы обсудили, для него был очень важным, но занял не больше пяти минут. Из этого случая я сделал вывод на всю жизнь.

«Как вы сегодня похожи друг на друга»

Людей инициативных, как мы уже писали, Борис Евдокимович непременно брал на заметку. И собственно, они и составляли его главный кадровый резерв. Он искренне радовался, когда слышал об успехах своих избранников, и огорчался,

если у кого-то случался прокол. Не отвергал сразу, терпеливо выжидая, когда дела у человека пойдут на лад.

Однако терпеть не мог надувательства, обмана со стороны тех, на кого глаз положил, — тут гнев его был бессрочным. Он считал, что хороша только полная правда. Полуправда ничего не стоит. Тогда недавний «любимчик» становился «отрезанным ломтем».

Щербина редко подолгу думал, кого бы найти и определить на открывшуюся вакансию. И даже не заглядывал в пресловутый листок по учету кадров претендента. Впечатление о кандидате, как правило, было вполне сложившимся. Вместе с тем Борис Евдокимович не упускал случая проверить образ его мыслей, широту взглядов, уровень осведомленности.

Борис Евдокимович обладал огромной эрудицией, умел подниматься над повседневной рутиной до принципиальных обобщений, а потому, руководя огромным многоотраслевым хозяйством области, мог точно сформулировать и поставить ближайшие и перспективные задачи перед партийными, советскими, хозяйственными руководителями. Он не раз говорил, что каждый руководитель обязан за мелочами и деталями повседневности видеть процессы окружающей жизни в комплексе и подниматься до уровня обобщения. А иначе он не может быть лидером.

Щербина был прирожденным оратором, мог выступать перед любой аудиторией без всякой бумажки. В те годы это было редким явлением. Его живая речь запоминалась надолго, а отдельные фразы становились крылатыми. Например, он говорил, что настоящим политиком может быть только тот, кто обладает терпением и умением сдерживать гнев, владеть своими чувствами. Собственный гнев или досада причиняют больше вреда, чем причины, вызвавшие гнев, считал Борис Евдокимович.

Сам он был примером именно такого руководителя.

Щербина не устраивал публичных разносов, граничащих с унижением человеческого достоинства. Он не был злопамятным. Всегда внешне спокойный, высказывал свое неудовольствие ровным голосом, но так, что человек эти слова запоминал надолго и делал все, чтобы не совершать больше подобных поступков.

Однажды, в самые горячие дни на группе Усть-Балыкских нефтяных месторождений, в поселок Усть-Балык (ныне город Нефтеюганск) прилетела большая группа руководителей и специалистов во главе с одним из секретарей обкома КПСС. Весь день командированные мотались по буровым, стройкам и трассам. Многие вопросы решили или предрешили, а поздним зимним вечером, вернувшись наконец под теп-

лую крышу, хорошо поели, совместив обед и ужин, и, разумеется, с мороза выпили, расслабились. Возможно, и пошутили, что завтра первый поглядит на них с высоты — они знали о командировке Щербины в другой район.

Но утром разыгралась непогода. Вертолет Щербины посадили в Усть-Балыке. Группа командированных отправилась, как положено, в аэропорт. Борис Евдокимович, как всегда, подтянутый, спокойный, со всеми поздоровался, каждому пожал руку. Затем немного отступил, внимательно обвел взглядом всех, стоящих полукругом, улыбнулся иронично и, непривычно растягивая слова, негромко произнес:

— Как же вы все удивительно сегодня похожи друг на друга...

Те, кто работал со Щербиной, знали, как нетерпим он бывал к людям недисциплинированным, разболтанным, нарушающим нормы поведения. Особенно беспощадно он относился к пьяницам. Но тут Борис Евдокимович вдруг стал непривычно снисходительным, уступчивым. Всего несколько слов он произнес, но они каждого заставили испытать смешанное чувство неловкости и благодарности за человеческое понимание. Он ведь знал, что люди, стоящие перед ним, мотались по трассам и буровым в лютую стужу, не жалея сил и здоровья. Они делали всё, чтобы здесь, в тайге и болотах, как можно быстрее поднялись промыслы, выросли города. Им достаточно нескольких спокойных, необидных слов...

Другой пример. Борис Евдокимович с группой начальников главков прилетел в Урай. Первым секретарем горкома там был недавно избранный молодой талантливый нефтяник Наиль Габдрахимович Салихов.

Пошли по городу, который еще только начинали благоустраивать. Повсюду — сломанный штакетник, посреди улиц там и тут торчат канализационные и тепловые колодцы, возвышающиеся над землей на 50—80 сантиметров. Борис Евдокимович, естественно, стал критиковать Салихова. Тот вскипел, не выдержал — сказался башкирский характер — и заявил, что он не дворник и заниматься уборкой не будет.

Первый промолчал, пошли дальше. Затем, уловив момент, приотстал немного от группы, придержал Наиля Габдрахимовича и тихо сказал:

— Не принимай все так близко к сердцу. Все это я говорю не столько тебе, сколько тем, кто прибыл со мной: ведь они фактически здесь хозяева, их люди живут в Урае. Руководители главков должны понять, как много еще надо сделать для молодого города.

Наиль Габдрахимович понял, остыл. И до сих пор с благодарностью вспоминает встречи с Борисом Евдокимовичем.

...Когда С. Д. Великопольскому пришел срок расставаться с работой в комсомоле, Борис Евдокимович пригласил его к себе.

— Поговорим о тебе, о твоей работе, — начал он беседу. — Поедешь в Нижневартовский район Ханты-Мансийского округа? Район, не скрою, трудный, необычный, но от него будет зависеть судьба всей страны на многие годы. Там предполагается основная добыча нефти. Этот район осваивают молодые люди, у тебя с ними полный контакт. Решайся, там твое место... Начнешь работу с секретаря райкома партии по идеологии.

Сделав паузу, Борис Евдокимович деловито спросил:

— Слышал о Самотлоре? — А потом добавил: — Ты туда и отправляешься!

Сергея Дмитриевича Великопольского Щербина давно взял на заметку. Человеком он был и впрямь неординарным. Молодежь к нему так и тянулась. И впрочем, было отчего. Интеллигентен, собран, слов на ветер не бросает, в трудную минуту всегда в первых рядах, по углам не отсиживается. Щербина берег его для многотрудного, перспективного дела. Начальник на необустроенном Севере — это вам не начальник на Большой земле, отработавший свое с девяти до пяти и — прощай, коллектив.

«Любимчиками» Щербины были люди подобного склада, выросшие в экстремальных ситуациях, способные взаимодействовать без лишних разговоров и проволочек, поддерживать среди отчаявшихся и разочарованных боевой дух, смело принимать нетрадиционные решения, проявлять находчивость и смекалку.

...1971 год, в Тюмени готовится большой партийный актив. Борис Евдокимович позвонил Шмалю, в то время первому секретарю обкома комсомола:

— Генадий*, надо тебе выступить.

Генадий Иосифович выступил. Очень резко — о проблемах трудового воспитания. «Доброжелатели» потом просветили: «Борис Евдокимович тебе не аплодировал».

Через пару месяцев в разговоре с первым секретарем Шмаль заметил:

— Мне уже, наверное, надо думать о переходе на другую работу, пять лет прошло на комсомоле.

— Да, я это понял по твоему последнему выступлению.

По рекомендации Щербины Генадия Иосифовича Шмаля избрали первым секретарем Тобольского горкома партии, го-

---

* Именно так в соответствии с паспортом пишется его имя. — *Прим. ред.*

рода старинного, губернского, но очень неустроенного. В Тобольске Шмаль проработал чуть больше двух лет, но сделать успел много. Борис Евдокимович был рад, что не ошибся в своем выдвиженце, и опять же по рекомендации Щербины Шмаля избрали вторым секретарем Тюменского обкома партии.

Строители, которыми командовал Самуил Моисеевич Крайзельман, с Медвежьего прокладывали первый газопровод диаметром 1220 миллиметров. Весь северный участок предстояло пройти за один зимний сезон. В январе начать и по весне, пока не вскрылись болота, закончить.

Однако произошло непредвиденное. В апреле, когда здесь обычно еще держатся холода, случилась оттепель. Что делать? Не успели строители до таяния вывезти трубы с баз и раскидать их вдоль трассы. Как ни ломали голову, ничего придумать не могли. И тут как раз к ним прилетел Борис Евдокимович.

Крайзельман доложил обстановку:

— Не иначе как придется застрять здесь до следующих холодов.

А Щербина даже бровью не повел.

— Без паники, — спокойно сказал он. — Заморозки непременно будут. Только не проспите — они обычно случаются ночью. Готовьте технику, чтобы в одну из морозных ночей покончить с делом...

Борис Евдокимович хорошо знал эти края. Так и случилось — ударил хороший морозец и строители все подчистую вывезли на трассу... Опыт — великое дело!

Во всех действиях Щербины чувствовались основательность, системный подход. Принимая решение, он продумывал все последствия. Так хороший шахматист смотрит на много ходов вперед. Он постоянно поддерживал высокую ответственность кадров за порученное дело. Мог быть жестким, но никогда — жестоким. И всегда собранным, организованным.

В конце лета 1969 года Борис Евдокимович позвонил в Нефтеюганск секретарю горкома партии Москаленко:

— Завтра прилечу. Со мной первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Михайлович Тяжельников, первый секретарь обкома комсомола Генадий Иосифович Шмаль, летчик-космонавт Борис Волынов и чемпион мира по боксу Валерий Попенченко. Организуйте встречи с молодежью.

На следующий день в нефтеюганском аэропорту приземлился вертолет с гостями. Пока комсомольцы их приветствовали, вручали цветы, знакомились, Борис Евдокимович спросил Москаленко, когда состоится встреча с молодежью, что

им предлагается посмотреть. Москаленко объяснил маршрут, сказал, что встреча в клубе «Строитель» в 14.00.

— Успеем ли? — спросил Щербина.

— Успеем! — беспечно ответил тот. — Ну, если на 10—15 минут задержимся, молодежь подождет...

— Во сколько все же встреча? — сухо переспросил Борис Евдокимович, не принимая беспечного тона.

— В 14.00.

— Без десяти минут все мы должны быть в клубе. Никаких задержек! Понятно?

— Понятно.

Приезжая в районы новостроек, Щербина всегда старался встретиться с молодежью. Этому правилу он не изменил, став министром, заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Разные люди встречались среди партийных работников. Немало было и верноподданных службистов, ловких приспособленцев. Ради того, чтобы сохранить кресло, они легко поступались честью, достоинством, совестью. Это ярко проявилось на рубеже 80—90-х годов, и особенно после августовского путча 91-го. Но основное ядро партийных работников составляли не разменявшие идеалы на рубли преемники «комиссаров в пыльных шлемах». Иным из них заметно недоставало образования, мудрости и культуры. К счастью, Борис Евдокимович не испытывал недостатка ни в одном, ни в другом, ни в третьем... Может быть, потому к нему тянулась молодежь.

...Первый секретарь одного из сельских районов допустил серьезный по тем временам проступок: завел новую семью. Наказание последовало незамедлительно. На заседании бюро обкома Щербина первым потребовал освободить его от работы и исключить из партии. А затем... виновнику дали работу в Тюмени; заведующему отделом строительства обкома партии первый секретарь поручил «решить вопрос с квартирой для N. и устроить его ребенка в ясли, желательно рядом с домом».

Как-то в воскресенье М. Афанасенковой позвонил Щербина: «Вы бы не могли зайти ко мне?»

— Когда звонит первый секретарь, да еще в воскресенье, да еще домой, — рассказывает наша собеседница, — значит, какое-то ЧП. — Жила я через дорогу, быстро пришла. Вижу, сидит усталый, на столе кипа доку: ентов — готовился к докладу на пленуме. Подумала: нужна какая-то дополнительная информация, так

нередко бывало. Борис Евдокимович требовал подтверждения фактов, статистических данных, с которыми всегда была путаница. Но он отложил бумаги в сторону и сказал сурово:

— Звонили из приемной ЦК партии. Была у них одна учительница из школы Ханты-Мансийского округа, оставила сверток, сама ушла в неизвестном направлении. Сверток оказался живым, зашевелился, заплакал. Непутевая мамаша оставила ребенка.

Я стою, бледнею и краснею, не могу слова вымолвить: с подобными фактами не приходилось сталкиваться. Думаю, сейчас будет выволочка. Борис Евдокимович почувствовал мое смятение и, смягчившись, сказал:

— Вы успокойтесь. Наверное, мамаша так не убивается, как вы. Ребенка отправили в Дом малютки. Поставьте в известность о случившемся окружком партии. Позвоните в окроно, а еще лучше найдите директора школы, узнайте все подробности об учительнице, ее семейном положении...

Видя, что М. Афанасенкова никак не может прийти в себя, он спокойно перевел разговор в другое русло:

— Знаю по себе, как нелегко учителям и родителям воспитывать ребятишек. Вот у меня внук Борис, способный парнишка, а нахватал двоек. Бабушка плачет, а ему хоть бы что. Стал его воспитывать, а он выпалил: «Командуй своим обкомом!» Вот как бы вы поступили в таком случае?..

В Тюмени все друг у друга на виду. Все знали, что Борис Евдокимович был хорошим семьянином. На протяжении всей жизни у него были самые добрые отношения с женой Раисой Павловной. Раиса Павловна так сумела организовать семейный быт, что избавила Бориса Евдокимовича от повседневных хозяйственных забот, создавала ему в доме условия для творческой работы. Борис Евдокимович много читал и всю жизнь работал над собой.

Простая человеческая беседа отвлекла Афанасенкову от тяжких дум, она успокоилась и стала разбираться с непутевой учительницей. Выяснилось, что молодая мамаша в школе работала совсем недавно, плохо учила детей истории, они сбегали с ее уроков. В быту вела себя недостойно. Возмущенные родители требовали уволить такую учительницу. Ее уволили. А она отправилась за правдой в Москву...

На одном из аппаратных совещаний Борис Евдокимович с горечью говорил об инструкторе отдела, который имел привычку поучать руководителей предприятий, при этом каждый раз подчеркивая, что он — работник обкома партии.

— Это же полнейшее невежество, — возмущался Щербина, — считать себя умнее и мудрее всех в вопросах, в которых ты не компетентен... Высокая должность сама по себе не создает человеку авторитета. Люди судят о работниках обкома партии по их поступкам, конкретным делам, по тому, насколько они честны, принципиальны, компетентны, скромны... Руководитель, который дает установки «нижестоящим», кичась своим высоким положением, никогда не заслужит уважения людей.

Его слабостью были сухарики

Все годы в Тюмени Борис Евдокимович и Раиса Павловна жили в одном и том же доме возле обкома партии, на улице Володарского, 47. Мебель самая обычная. По своему положению первый секретарь мог пользоваться услугами повара, но Щербине это было не нужно: для семьи, гостей готовила Раиса Павловна.

— Борис Евдокимович был уникальным человеком, — убеждена его невестка Людмила Щербина.

Мы попросили Людмилу Васильевну вспомнить тот памятный день, когда Юра представил отцу и матери ее, свою невесту... Трогательно, наверное, было? Цветы, шампанское...

Люда улыбнулась своим воспоминаниям:

— Все было совсем по-другому... Любовь закрутилась в Тюмени во время каникул. Я была на практике в «Тюменской правде», писала очерки о буровиках, сценарии для телевидения. А Юра приехал из Иркутского университета на практику в прокуратуру... В общем, закрутилась любовь-морковь... В Иркутск мы покатили вдвоем, даже не спросив родителей. Юре надо было доучиваться, а я поехала за ним, как декабристка.

— Почти классический сюжет. Неужели и погоня была?

— Просили: «Ребята, да вы подумайте!» Вот уже и думаем больше сорока лет.

Раиса Павловна очень хотела подарить невестке к свадьбе кольцо. И полетела с Борисом Евдокимовичем в Москву — у него командировка, у нее билет за свой счет. В гостинице «Москва» депутатам Верховного Совета продавали украшения.

— Там она с Борисом Евдокимовичем выбрала для меня кольцо. Примеряла на свой мизинец. А как переслать кольцо

в Иркутск? Ждать, пока мы приедем в гости, не хотелось. Раиса Павловна, как опытный конспиратор, упрятала колечко в детскую игрушку. Резиновый мишка со свадебным подарком счастливо добрался до Иркутска.

Раиса Павловна бдительно, как пограничник, берегла репутацию мужа. Ни шага в сторону, чтобы не дай бог его не обвинили в нескромности. Она не боялась каких-то упреков, нет. Для нее репутация семьи, Бориса Евдокимовича была главной ценностью.

— Когда Юра заканчивал минскую школу КГБ, — вспоминает Людмила Васильевна Щербина, — и можно было решить вопрос о его работе за рубежом, родители опять в силу своей необыкновенной скромности спросили, заранее не сомневаясь в ответе: «Юра, может, это и не нужно?» В результате мы поехали в Киев, несколько лет жили в коммуналке, пока не получили «хрущевку». И были ей несказанно рады, хотя с детства привыкли к хорошим условиям.

Борис Евдокимович очень любил внука, тоже Бориса. Однако, когда у Бориса-младшего случились неприятности в институте и он сказал, что пойдет в армию, дед ни минуты не уговаривал: «В армию? Ну что ж, значит, пойдешь в армию».

И Борька с четвертого курса МГИМО загремел в солдаты. С больной печенью после гепатита через восемь месяцев он попал в госпиталь.

За ужином Борис Евдокимович мог с нами и побалагурить, но душа его стремилась в библиотеку, к книгам, к статьям и докладам. С десяти вечера до двух ночи — время его «домашнего задания». Он и в отпуск-то ездил только ради Раисы Павловны и только на те курорты, которые были ей показаны. Практически он не посмотрел мир, не любил зарубежные командировки: «Столько дел здесь, куда мне ехать?»

Такие люди, как Щербина, со стороны кажутся не совсем понятными. Представьте, собираются на даче у Бориса Евдокимовича и Раисы Павловны родные и близкие. Застолье, шутки, песни... А хозяин, — замечает наблюдательная невестка, — не то чтобы тяготится компанией, но занят чем-то своим... И точно. Отдаст должное семейному общению, извинится: «Я пойду поработаю». Это был настоящий трудоголик. Стремление вперед — вот цель его жизни. Вся его жизнь была одним стремлением достичь новых высот, и в ней было много прекрасных часов. Зная его, любя, будучи привязанными к нему, испытывая огромное уважение, мы не могли обижаться, что он мало мог общаться с нами, — он весь был предан своей

работе. Рад был поделиться своими планами, задумками. Но как только мы налетали на него со своими вопросами и просьбами, на страже строго стояла Раиса Павловна: «Да дайте вы деду отдохнуть!» А «вы» — это Юра, я и Бориска. Главным правилом в нашей семье было: «Нельзя. Не положено».

Нельзя купить дорогую вещь, съездить за границу. Ничто не должно было бросить тень на авторитет Бориса Евдокимовича, помешать его работе. Нельзя всё, что, по мнению Раисы Павловны, было нескромно, отличалось от того, как жили большинство людей. Мы жили в семье первого секретаря обкома, министра, зампреда Совмина СССР. И не только что-то особенное, но часто и обыденное было для нас под запретом.

Он великолепно играл в шахматы. Но совершенно не выносил проигрывать. Никогда не показывал этого партнеру, но мы знали, что настроение у него испорчено. Был очень честолюбив. Любил играть в бильярд. В преферанс составлял компанию только ради Раисы Павловны. Она была заядлой преферансисткой.

Его слабостью были сухарики. Ему всегда их сушили из обычного батона. Везде стояли вазочки с этими сухариками. Не позволял себе разъедаться. Чуть только прибавлял в весе, начинал заниматься на всевозможных спортивных снарядах. Всю жизнь, до самого конца, он занимался гимнастикой.

Он никогда не мог позволить себе распуститься, расслабиться. Это меня потрясало. Он не тратил свою жизнь на пьянство и мелочи — он весь был устремлен на созидание. Отдых для него — это лишь перемена занятий.

Образованным и интеллигентным можно назвать лишь такого человека, кто насквозь таков и проявляет свою образованность и интеллигентность и в крупном, и в мелочах, и в обыденности, и в течение всей своей жизни. Это целиком и полностью относится к Борису Евдокимовичу.

О нравственных качествах человека нужно судить не по отдельным его поступкам, а по его повседневной жизни. Как зампред Совмина СССР Борис Евдокимович имел четырехкомнатную квартиру. К тому времени был женат его внук, и он мог спокойно прописать его к себе. Борис Евдокимович поступил по-другому: он разменял свою жилплощадь на две маленькие двухкомнатные квартирки. В одной теперь живут Борисы-младшие, а другая отошла государству.

После него ничего не осталось — ни дачи, ни квартиры. Сберкнижку, на которой было восемь тысяч рублей, отдали в Тюмень, в краеведческий музей. У нас остались только его Золотая Звезда и орден Ленина.

Все его богатство — нефтяные и газовые вышки... Макеты... А сами вышки, как все знают, достались другим.

— Он для меня пример, — продолжает Людмила Васильевна. — Я не могу, к примеру, бюллетенить. А научилась этому у Бориса Евдокимовича. Он не мог позволить себе болеть. О том, как сам выгнал из себя астму, вам уже, знаю, рассказывали.

Бабушку, маму Бориса Евдокимовича, Юра в детстве называл «буня Маня». Буня — бабуня... Хорошее донское, казачье слово.

Вообще Борис Евдокимович был закрытым человеком — и на работе, и в семье. Он был человеком огромной самодисциплины. Даже на пенсии он не чувствовал себя пенсионером, «заслуженный отдых» — не для него. Вся его жизнь шла под лозунгом «Надо!».

Юрий Борисович добавляет штрихи к портрету отца: не терпел мата, органически не мог кого-то оскорбить, никогда не кричал. Как он радовался, когда родился внук!

— Нам с Юрой пришлось улететь в Иркутск. Малыша оставили на «буню Маню», бабушку Раю и деда. И он тоже выбирал время, чтобы понянчить внука. Докладывал нам: вот малыш первое слово сказал, вот пошел. Внук удивительно был похож на деда.

И правнука Борис Евдокимович успел увидеть — он появился на свет 4 октября, а у Бориса Евдокимовича день рождения — 5-го. Так в семье получилось три Бориса: Борис Евдокимович, Борис Юрьевич, Борис Борисович... Родители малыша, Оксана и наш Борюшка, настояли на этом имени.

Был ли он счастлив? Наверное, да. Ведь счастье — не какой-то божий дар, а состояние, которое рублями не измеришь. И друзья у него настоящие были.

Людмила Васильевна называет свекра отцом:

— Отец был бессребреником. У него в кармане никогда не водилось больше червонца, который Раиса Павловна выдавала ему на обеды в столовой. Он ушел из жизни, практически ничем не владея. Ни дачи, ни денег...

Есть такие люди и сейчас. И надо научиться ценить их по достоинству. Хотя я понимаю, что людям с великими достоинствами нелегко прощают даже маленькие ошибки. Но лично я счастлива, что судьба свела меня с таким человеком, каким был мой свекор, мой второй отец.

Не часты случаи, когда взгляды из семьи, из делового окружения и со стороны совпадают. Тем цельнее видится натура такого человека.

Сибирский характер

Когда Константина Лагунова, в то время ответственного секретаря Тюменской областной писательской организации, начинали одолевать безответные «зачем», «почему», «кто виноват» и «что делать», когда наплывало смятение духа, подкатывало сомнение в правоте дел своих, в разумности и нужности происходящего вокруг, вот тогда со своими вопросами, сомнениями и думами он шел к Щербине.

Борис Евдокимович никогда не выспрашивал, не выпытывал, не ловил на слове. Слушал внимательно, заинтересованно. И только дав выговориться, выплеснуть наболевшее, вступал в разговор. При этом стремился не только рассказать, но и показать желаемое, нарисовать словом живую картину.

Как-то разговорились они с Лагуновым об особенностях национального характера. Перекинулись несколькими фразами, пытаясь сформулировать суть русского характера. Щербина вдруг сказал:

— Характер нельзя объяснить только национальной принадлежностью. Нет ведь такой национальности — сибиряк. Верно?

Лагунов поддакнул.

— А сибирский характер есть... Недавно был в вахтовом поселке строителей газопровода... Пришли на вертолетную провожать меня несколько человек. И среди них мальчонка лет шести. Уши шапки не завязаны. Шарф на шее размотался. Хлещет по нему поземка, а он ноги расставил и улыбается во весь рот... Закрутил вертолет винты, поднял такую бурю, все мужики спиной повернулись. А этот маленький сибиряк чуть наклонился навстречу вихрю и не шелохнется. Вот это — сибирская косточка, сибирский характер! Этот своего добьется, сам пойдет и других поведет. Вожак!

Вот так образно не единожды живописал он в своих разговорах то доярку, то лесоруба или рыбака. У него были острый, памятливый взгляд, богатейшее воображение и умение словом мастерски лепить живые картины с натуры. Это был художник. Творец по натуре, по духу. Оттого, видимо, и был он своим среди писателей.

...Это произошло на исходе зимы 1962 года. Тогда в кабинете Щербины собралась почти вся «пишущая братия» Тюмени.

— Когда мы, — вспоминает Константин Лагунов, — расселись вокруг большого прямоугольного стола, Борис Евдокимович заговорил о месте, роли и силе печатного слова в общественной жизни, в решении конкретных хозяйственных и политических задач.

Лишь поначалу его речь была размеренной и спокойной, но не сухой, не казенной, в ней не было штампованных словосочетаний и сухих газетных формулировок. Говорил он образно и ярко. Говорил — словно эскизы набрасывал: резкими, яркими, точными штрихами. Штрих. Еще штрих. Еще... И готов впечатляющий набросок жизни тюменских геологов с их победами, неудачами и нуждами. Так же выразительно изобразил он областную промышленность и культуру и принялся «рисовать» жизнь села. В его наброски органично вписывались цифры и факты, имена и проблемы. Как-то незаметно, вроде бы само собой, эти разрозненные эскизы, сойдясь воедино, образовали цельную картину жизни всей области.

Борис Евдокимович не прятал своих эмоций, не смирял темперамент, говорил то исповедально пронзительно, а то наступательно и жестко. Он и сомневался, и советовался, и смеялся, и негодовал вместе с собравшимися.

— Но даже при всем при этом, — продолжает Лагунов, — никто не ожидал от Щербины столь глубокой и искренней заинтересованности в жизни писателей. На его плечах лежала невероятная глыбища дел и забот: обком отвечал за все, что происходило на гигантской территории Тюменской области. В марте 1963 года Тюменская областная писательская организация была создана. Торжественное собрание общественности Тюмени, посвященное этому событию, проходило в большом конференц-зале обкома партии. Вел собрание Борис Евдокимович.

...В студеном январе 1970 года в Тюмень приехал первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков.

Сейчас это имя, как и многие другие, практически забыто. Марков — лауреат престижных литературных премий, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС. Его романы переведены на многие языки, изданы миллионными тиражами, инсценированы и экранизированы.

Марков был мудрым, интересным, эрудированным собеседником. Он великолепно знал прошлое Сибири и ее современную жизнь. В этот свой приезд он побывал в Тобольске, Ялуторовске, селе Покровском... Только расположились за столом у Лагунова, звонок Щербины:

— Приехали?

— Только что, — ответил Лагунов.

— Все нормально?

— В ажуре.

— Чем занимаетесь?

— Пьем коньяк и клюквенный сок.

— Потом допьете, — скомандовал Борис Евдокимович. — Забирай Георгия Мокеевича и ко мне домой. Да не мешкайте. Воскресный обед на столе.

За разговором Георгий Мокеевич предложил провести в Тюмени Дни советской литературы. Щербине мысль понравилась. Тут же договорились, что первые Дни пройдут летом этого года. И после, в течение пяти лет, ежегодно с 20 по 30 июля в Тюменской области проводились гремевшие на всю страну Дни советской литературы. Это было выдающимся событием в культурной жизни всей страны.

Легко ли быть любимцем?

Из записных книжек Владимира Чирскова

Однажды, проходя по коридору министерства, я скорее почувствовал, чем услышал свистящий шепоток за своей спиной:

— Ишь как ему повезло: из Тюмени в Москву забирают. Конечно, что ему? Он у Щербины в любимчиках ходит...

Первое желание — развернуться да и врезать сплетникам... простым и доходчивым русским словом. Я даже остановился, подбирая нужные слова. Но потом подумал: а поймут ли они, что это значит — быть любимчиком Щербины? И какая это великая ответственность? Нет, тут несколькими словами не обойдешься. Махнув рукой с досады, не оборачиваясь, пошел дальше...

Мои друзья и коллеги, как известно, нередко называют меня душеприказчиком Щербины. И я время от времени пытаюсь сообразить, что они под этим подразумевают. То, что, получив от него путевку в жизнь, старательно наследую его деловые принципы, жизненные и нравственные установки? Или что, будучи по каким-то неведомым причинам любимчиком Бориса Евдокимовича, стал его протеже, в результате чего сделал хорошую карьеру?

Сейчас я намерен рассказать, как все на самом деле было. На своем собственном примере и примере своих тогдашних соратников, которые в полной мере ощутили, что это значит — быть «протеже» и «любимчиком» Щербины и за что, собственно, молва возводила их в этот почетный, на мой взгляд, ранг. Тут никак не проходило расхожее мнение, что, мол, около хорошего человека потрешься — как медная копейка о серебро — и сам за двугривенный сойдешь.

Есть много способов, чтобы судить о достоинствах и недостатках человека. На мой взгляд, вполне подойдет и такая мерка — совместная многолетняя работа на общую пользу, отношение к товарищам по делу, вообще к людям.

Когда я писал вышедшую в 1998 году книгу воспоминаний «Трасса жизни», я снова и снова возвращался к колоритной фигуре и удивительному образу Б. Е. Щербины. Это человек, вошедший одновременно и в историю нефтегазового преображения Тюменской области, и в отдельно взятую мою личную человеческую судьбу.

Западно-Сибирский топливно-энергетический комплекс помогала создавать вся страна. Банальные, но точные слова. Я работал строителем в Башкирии, когда от нас в Тюмень стали уезжать лучшие специалисты. Среди них был и управляющий нашим трестом «Башнефтепромстрой» Юрий Петрович Баталин. На новом месте он стал главным инженером недавно созданного Главтюменьнефтегазстроя. Уезжая из Нефтекамска, дал нам ясно понять, что хорошо бы вместе поработать на сибирской земле.

В январе 1966 года я впервые наведался в Тюмень, сразу ощутил небывалый размах и масштабы разворачивающихся здесь дел. В сентябре того же года я уже был начальником отдела механизации Главтюменьнефтегазстроя. Первые командировки на Север: Усть-Балык, Сургут, Нижневартовск, Стрежевое, Урай... И чем больше пунктов посещал я в этих поездках, тем сильнее охватывала меня тревога. Никогда прежде не доводилось видеть такого количества новых, едва сошедших с заводского конвейера машин и выведенных из строя настолько, что оставалось лишь списать их. Стало ясно: освоение Севера потребует множества новых, нестандартных решений.

Одним из них, думается, явилось создание в составе главка специального треста «Тюменьгазмеханизация». Я руководил этим трестом, сформировав его с нуля. Мы стали решать большие задачи, коллектив сложился, сработался. Но неожиданно Ю. П. Баталин, к тому времени уже ставший заместителем министра газовой промышленности, сказал мне:

— Скоро в Тюмени появится еще один главк. Главное территориальное производственное управление по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири. Есть мнение начальником главка назначить... знаешь кого? Тебя.

Не скрою, я был польщен. Однако у меня были достаточно уважительные причины для отказа. Не хотелось расставаться с работниками треста «Тюменьгазмеханизация», которых сам

находил и приглашал и с которыми немало сделал и планировал сделать еще многое. Но Баталин разбил мои доводы:

— Твои люди никуда не денутся. Часть управлений треста войдет в состав главка.

— Надо подумать, — все-таки не сдавался я.

— Думай, но побыстрее...

В самом деле, только теперь я ощутил всю глубину своей привязанности к тресту. Раньше как-то об этом не думалось. Я просто работал. Привык к тому, что любое событие, любой штрих из жизни коллектива касались и меня. Расстраивался, когда что-то не ладилось. Веселел и радовался, случись даже маленький успех.

И потом, я же не строитель трубопроводов. Конечно, трест принимал участие в прокладке трубы, но его заботой были только земляные работы. С технологией сварки, изоляции трубопроводов я был знаком поверхностно. А ведь в линейном строительстве это — основное. Так стоит ли рисковать, терять свой честно заработанный авторитет?

С другой стороны, смысл в назначении начальником главка человека со стороны, бесспорно, имелся. Да, я не строил трубопроводы. И именно поэтому был свободен от груза профессиональных догм, порой мешающих идти непроторенным путем. А ведь, насколько я понял Баталина, от главка как раз и ждут новаторских решений. Ну разве, к примеру, допустимо, чтобы болота и мерзлота диктовали строителям свои условия, ограничивая трассовый сезон тремя-четырьмя зимними месяцами?

Как ни странно, эта старая, беспокоящая меня проблема заставила по-иному взглянуть на предложение Ю. П. Баталина. И оно не показалось мне бесперспективным. Теперь мне предстоял разговор со Щербиной о моей деятельности в Главсибтрубопроводстрое. Конечно, работая управляющим трестом, я не раз бывал на различных мероприятиях, проводимых обкомом партии. Естественно, видел и слышал Щербину. Но вот лично встречаться и разговаривать с первым не довелось.

Борис Евдокимович славился у нас широтой кругозора, ответственностью, решительностью, умением поддержать в самой трудной ситуации. Люди знали, что обком партии всегда поддержит в правом, нужном деле, но никогда не спустит нерадивости или безответственности. И это создавало обстановку поиска, честности, принципиальности.

Вообще я считаю, что мне сильно повезло, потому что пришлось жить и работать здесь, видеть, как в глухой тайге и тундре создается новый мир. Первый нефтепровод, газопровод, панельный дом... Первая музыкальная школа, первое телеви-

дение, аэропорт... Все впервые, будто и впрямь при сотворении мира. Нехитрое дело попасть ногою в проложенный след. Гораздо труднее, но зато и почетнее — прокладывать путь самому.

Жизнь была трудной, но очень интересной. Дни, заполненные тысячами дел и забот. Победы и поражения, причем поражения порой бывали поучительнее побед. Главная цель для тех, кто работал здесь вместе с Борисом Евдокимовичем Щербиной, была обустроить эту суровую, но такую богатую и щедрую землю, сделать все для ее процветания, для пользы нашей, тогда еще самой большой страны.

Личное мое знакомство с Борисом Евдокимовичем состоялось весной 1973 года перед назначением начальником Главсибтрубопроводстроя. Меня, как было заведено тогда, пригласил к себе на беседу первый секретарь.

— Три главка ведут работы на наших трассах, — сказал, начиная разговор, Борис Евдокимович. — И все три «сидят» в Москве. Руководство оторвано от объектов, многие вопросы решают неоперативно. А что означают эти объекты для экономики страны, я думаю, объяснять не нужно. А если заглянуть на несколько лет вперед? Потребуется удвоить, утроить объемы добычи нефти и газа. И завтрашние трассы наскоком уже не взять. У них должен быть настоящий хозяин здесь, в Тюмени. Убежден, что главк будет крупнейшим. Хотите знать, какие дела его ждут?..

И он, слегка волнуясь, развернул передо мной панораму будущих трубопроводных строек, прорезающих нехоженую тайгу и тундру. Уникальных по сложности, по инженерному размаху.

— Не робейте, соглашайтесь, — дружески посоветовал Б. Е. Щербина. — Открою вам маленький секрет: главк создается по инициативе обкома партии, так что мы вдвойне заинтересованы, чтобы он быстрее встал на ноги. Рассчитывайте на нашу помощь. Будет необходимость, обращайтесь ко мне. И еще совет: уверенно чувствуйте себя в Москве, когда поедете на утверждение. Вас рекомендует областная партийная организация.

Эти слова я вспомнил, когда в начале июня оказался в кабинете секретаря ЦК партии В. И. Долгих. Хотя я и не робкого десятка, а побороть волнение не смог. Ждал экзамена. И не ошибся.

Секретарь ЦК поинтересовался, знаю ли я, как идут дела у нефтяников и газовиков области. Я назвал цифры. Рассказал о трудностях, встретившихся на трассе Самотлор — Альметьевск.

— А что, по вашему мнению, нужно сделать, чтобы резко ускорить строительство трубопроводов в Западной Сибири? — спросил Владимир Иванович.

Над этой проблемой я тогда размышлял постоянно. Свел воедино все, что читал, слышал о трассах, приплюсовав собственные наблюдения. И начал перечислять: создать технику для покорения болот и вечной мерзлоты, автоматизировать потолочную сварку, отказаться от битума при изоляции труб, перейти на полимерную пленку...

Ответы, по-видимому, попали в точку. По крайней мере, по возвращении из Москвы Щербина по-отечески напутствовал:

— Ну, теперь засучивай рукава.

И улыбнулся ободряюще.

Умение ценить людей по их деловым и нравственным качествам всегда отличало Бориса Евдокимовича Щербину, поднимало его авторитет в партийной организации, среди трудящихся области. Именно благодаря такому отношению Б. Е. Щербины к людям смогли раскрыть свои возможности, вырасти на конкретных делах тысячи специалистов, рядовых работников различных отраслей народного хозяйства области. Многие стали, как тогда говорили, маяками, передовиками или, как теперь говорят, генералами производства, известными не только в области, но и в стране.

Борис Евдокимович умел радоваться успеху товарищей, стремился поддержать доброе дело, сопереживал, если случалась неудача, взыскивал за провинность по справедливости.

Факт остается фактом: Борис Евдокимович вложил в нас, молодых руководителей тюменских организаций, душевных сил предостаточно. Он систематически лично занимался подбором и ростом руководящих кадров, следил за повышением их квалификации. Он всегда смотрел на много лет вперед.

С благодарностью я вспоминаю его пожелания, советы и с особым чувством — памятный первый наш разговор в 1973 году. Тот разговор, как живительный эликсир, наполнил меня энергией, зарядил на интенсивную работу по созданию главка. Навсегда запомнились доброжелательный, но цепкий, изучающий взгляд, уважительность в обращении. Он тогда больше слушал, чем говорил, изучая собеседника, которого видел впервые. Закончил разговор Щербина словами, что будет судить обо мне по моим делам, по практическим результатам в работе.

Вспоминая об этой беседе, вновь переживаю чувство уверенности, с которым вышел тогда из кабинета Щербины. Уверенности в том, что от меня ждут компетентной, добросовестной работы, а отношение ко мне прежде всего зависит

от моего личного вклада в общее дело. Известно, что в такой обстановке не остается места для любых проявлений неискренности, приспособленчества ради того, чтобы «попасть в струю».

Вскоре при очередной встрече Щербина дал мне еще несколько дельных советов:

— Запомните, что вам придется работать как бы между двух огней. Вышестоящие руководители по определению не станут в полной мере решать то, что, по вашим представлениям, решать необходимо, а нижестоящие подчиненные вам работники не будут неукоснительно выполнять вашу волю. Этой ситуации «недорешений» и «недовыполнений» можно противопоставить только бóльшую самостоятельность и больший контроль. И еще: собственные недостатки — что котомка за плечами, их не увидишь, — продолжил Борис Евдокимович. — Будьте настойчивы, упорны, но не упрямы. Не цепляйтесь за свое мнение. Помните, что на свете есть много умных людей, которые могут заметить ваши ошибки, и, если они правы, не стесняйтесь согласиться с ними.

Тем же разом я решил согласовать со Щербиной кандидатуру на некую должность, которая была номенклатурой обкома. Борис Евдокимович просмотрел анкету и сказал вот что:

— Если хотите знать мое мнение касательно еврейского вопроса, имейте на будущее в виду, что я интернационалист. Если же говорить об опыте работы предлагаемой кандидатуры — думаю, это человек подходящий. Но не ошибка ли, имея, как вы, тридцать восемь лет от роду, брать к себе заместителя, которому близко к шестидесяти?

Многие советы мне пригодились. В Главсибтрубопроводстрое было, например, заведено, что на руководящую работу брали людей до сорока лет. Может, это было не всегда рационально, но зато впоследствии костяк руководителей многих подразделений министерства составили выходцы из этого главка. Подобная постановка дела обеспечивала кадровый рост. И на своем административном и профессиональном опыте я сумел прочувствовать уроки Щербины. В том числе и в области интернационализма. К тому времени я уже был наслышан о его позиции в этом вопросе.

По итогам года на селе, как было принято тогда, проходили так называемые балансовые комиссии. Возглавлял в Абатском районе эту работу Чернухин.

Всем было давно ясно, что директор совхоза «Майский» Волкотруб, кстати, участник Великой Отечественной войны,

на которой потерял руку, явно «не тянет». Излишне самоуверен, совершенно не считается с мнением главных специалистов, а тем более с управляющими отделениями, ведет себя в трудовом коллективе вызывающе. Убытки совхоза были значительными.

Когда Чернухин все это выложил в глаза директору, тот не согласился, заспорил. Короче, возникла перебранка. В запальчивости Чернухин высказался в том смысле, что, мол, вы, директор, — Волкотруб, главный агроном у вас — Кривошта, главный зоотехник — Романец, главный ветврач — Музычук... Только одна нормальная фамилия — у главного инженера Погорова...

Словом, директору совхоза объявили выговор и комиссия уехала. С тяжелым настроением возвращался Чернухин в Абатск, по дороге окончательно пришел к выводу, что Волкотруб не вытянет столь сложное и большое хозяйство. Но одна мысль волновала его особо: правильно ли он сделал, по сути попрекнув руководство хозяйства их фамилиями?

Он уже и забыл об этом, но, как оказалось, напрасно. На очередном пленуме обкома к нему подошел помощник Щербины и сказал, чтобы он зашел к первому. Долго думал и гадал Чернухин о причине этого приглашения, но ничего придумать не мог.

Зашел в кабинет Бориса Евдокимовича, тот с ним поздоровался, предложил сесть. А потом неожиданно спросил, давно ли Чернухин заразился бациллой национализма. Того это потрясло, он не знал, что ответить, и недоуменно спросил:

— В чем дело?

Щербина недобро прищурился и в свою очередь жестко попросил вспомнить, что он говорил при проведении балансовой комиссии в совхозе «Майский».

Разумеется, Чернухин ему рассказал все подробно, в том числе и о директоре, и о некоторых других руководителях хозяйства, и что кадры для замены в районе имеются... Однако его рассуждения мало тронули первого. Украинец Щербина около часа разъяснял русскому Чернухину сущность национализма.

— Но я таким недугом не страдаю, — пытался оправдаться тот. — В институте жил вместе с украинцем и крымским татарином, а также двумя евреями из Одессы и одним табасаранцем с Кавказа. Тем более до этого работал в совхозе «Емуртлинский», где много было немцев, людей из Прибалтики, казахов...

Не помогло. Из кабинета Чернухин вышел не в лучшем настроении. И поделом — получил то, что заслужил.

Когда мне доверили руководство тюменским главком, я был готов, особенно поначалу, работать двадцать пять часов в сутки — по-иному не въедешь в «тему». И вдруг приходит предложение ехать в Канаду на десять дней, чтобы ознакомиться с методами тамошнего строительства трубопроводов. Хотя для молодого руководителя предложение было лестным, я посчитал, что не могу оставить главк, особенно в этот важнейший период, перед началом зимнего сезона.

Я пошел к Щербине, который лучше других знал цену каждому дню работы на трассе, и попросил «защиты» от московских предложений. Он меня выслушал, а затем спокойно и убедительно объяснил важность предлагаемой поездки:

— Нам позарез необходим передовой канадский опыт. Ты его должен тщательно изучить и по возможности внедрить лучшее. Здесь, у нас...

Помолчав, Борис Евдокимович добавил:

— То, что о деле беспокоишься, — это хорошо. Беспокойство — это неудовлетворенность, а неудовлетворенность — первейшее условие прогресса. Так что поезжай за этим самым прогрессом.

По возвращении из Канады я зашел к нему.

— Ну, что там нового увидел да узнал? Рассказывай...

Это был настоящий допрос с пристрастием. В мое повествование Щербина то и дело вставлял «почему», «зачем», «кто» и иные столь же нетерпеливые вопросы, на которые следовало отвечать исчерпывающе четко и доказательно.

На следующий год, когда Борис Евдокимович был уже министром, большая группа ученых отрасли должна была на три недели ехать в ФРГ, Францию, Англию и Норвегию. Мне позвонили, сказали, что министр из всех производственников включил в состав группы одного меня. Памятуя разговор о Канаде, я, хотя и находился в очередном цейтноте, не стал просить отставить мою кандидатуру, хотя и готов был назвать толковую замену. Но когда группа пришла к Борису Евдокимовичу за напутствием, он, чувствуя мое настроение, сказал мне строго, отведя в сторону:

— Надо ехать. Это вам не туризм, а деловая поездка. Разве после Канады у вас не выросли крылья? Действуйте...

После этого приватного разговора профессор Иванцов спросил, о чем это я шептался с министром. Я отшутился, сказав, что Щербина попросил проследить, могут ли наши ученые квалифицированно задавать вопросы иностранцам...

Два года спустя Борис Евдокимович вновь «оторвал» меня от дела, направив на три месяца на учебу в институт управления народным хозяйством. И фактически до конца своих дней

он следил за перипетиями моей карьеры, активно вмешиваясь и поправляя, если что-то в моих действиях казалось ему непродуктивным или напрасной тратой времени и сил.

Замечу, что Щербина никогда не ослаблял своих требований, не упрощал, не облегчал задачу, которую в очередной раз ставил передо мной. Иной раз только ворчливо поучал:

— За легкое дело берись как за трудное, а за трудное — как за легкое. В первом случае дабы уверенность не перешла в беспечность, а во втором — неуверенность в робость.

Так что быть «любимчиком» Бориса Евдокимовича было непросто. Это всегда был большой обоюдный труд, за который он ждал единственного вознаграждения — преданности ученика избранному делу.

А в моей жизни снова наступали перемены. Объемы работ в Западной Сибири резко росли, и из Москвы, из «кабинетного далека», координировать их становилось все сложнее. Возникла необходимость создать в Тюмени Главное производственно-распорядительное управление — практически штаб тюменской стройки, подчиненный заместителю министра, который должен был курировать здесь все без исключения. Должность такого заместителя мне и была предложена.

Я колебался. Во время первого разговора на эту тему в ответ на мои доводы остаться «на трубе» Б. Е. Щербина, к тому времени уже министр, приводил свои: ведь Главсибтрубопроводстрой будет мне подчинен и я смогу все задуманное довести до конца.

Я дал согласие. Мне было 43 года. Опять Борис Евдокимович способствовал крутому повороту в моей судьбе.

Первое, что я должен был решить в новой должности, — закончить уренгойскую трассу и в 1978 году подать газ на Челябинск. 31 декабря 1978 года магистраль Вынгапур — Челябинск вступила в строй...

Прощание с Тюменью

3 декабря 1973 года на 575-м километре железной дороги Тюмень — Юганская Обь лучшие бригадиры Всесоюзной ударной комсомольской стройки забили «серебряный костыль». Для кого-то эта таежная стройка была первой в жизни, для кого-то новой страницей в большой трудовой биографии. К примеру, о Герое Социалистического Труда Дмитрии Ивановиче Коротчаеве говорили, что он пропахал всю Сибирь — и Западную, и Южную. В свое время он возглавлял управление «Абаканстройпуть», вел знаменитую дорогу Абакан — Тайшет.

В книге очерков «Костровые новых городов» о нем, его товарищах — добровольцах ударных строек тепло писал молодой иркутский журналист Валентин Распутин. Его большие книги еще только задумывались, но и в очерках, собранных в книгу, представлены не ходульные герои, а живые люди. «Эта дорога, — писал Валентин Распутин о строителях трассы Абакан — Тайшет, — будет вечно напоминать людям о подвигах комсомольцев 60-х годов».

Их дело продолжили комсомольцы семидесятых годов. И вместе с ними Дмитрий Иванович Коротчаев. Теперь он руководил управлением «Тюменстройпуть». Десяток лет, казалось, не слишком изменили его внешне, а в душе он оставался таким же энергичным, заводным, каким был всегда.

Над стройкой дороги Тюмень — Юганская Обь шефствовал журнал «Юность», очень популярный в те годы. Главный редактор журнала Борис Полевой, автор «Повести о настоящем человеке» и многих других хороших книг, прилетел по приглашению Щербины поздравить строителей.

— Я очень счастливый человек, — говорил он на митинге. Слова, согретые его дыханием, разносились далеко вокруг. — Мне пришлось быть свидетелем перекрытия Ангары и Енисея. Сегодня не менее значительное событие. Вы своим трудом осуществляете волю партии и народа. Эта железная дорога позволит крупнейшему нефтяному району работать еще более интенсивно.

Бригадир путейцев Иван Арсенюк вручает столичному гостю дорогой подарок — «серебряный костыль». Растроганный писатель обнимает бригадира.

— «Юность» остается с вами. Будем вместе вести дорогу к Нижневартовску, к Самотлору.

Для Бориса Евдокимовича это был символичный день. В области давно поговаривали, что его ждет новое назначение. После смерти Кортунова (17 ноября 1973 г.) Щербину первым прочили на его место — министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Хотя были, конечно, и другие кандидаты. Все решилось, как позже рассказывал Борис Евдокимович, на сессии Верховного Совета СССР. Он выступил ярко, обоснованно — о проблемах пятилетки, Западной Сибири, о том, что тормозит экономику. В перерыве его пригласили в комнату президиума. И Леонид Ильич Брежнев в присутствии Алексея Николаевича Косыгина предложил ему должность министра.

В последнее время много говорят и пишут о дефиците государственно мыслящих управленцев, об измельчании государственного человека. В стане отечественного менеджмента

преобладают люди, которые вроде бы «сделаны» по облику и подобию западных коллег, однако по сути своей являются скороспелками, озабоченными личным успехом, умножением собственного благосостояния. Приходится с горечью констатировать, что напрочь утрачена добрая традиция тех времен, когда управленца — от директора до министра — заботливо пестовали и взращивали, когда у нас в стране сложилась своя школа управления. И ее мог пройти, добившись определенных высот, любой гражданин, проявивший соответствующие способности и упорство, а не теперешнюю изворотливость, власть кошелька или криминальный талант. Кажется, в прежние времена «путь наверх» именовался «социальной мобильностью». И этот путь Борис Евдокимович преодолевал, как и все его современники, не ведая послаблений, высокого покровительства или авторитетного заступничества. Только своими стараниями и своим трудом.

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС вместе с соратниками, товарищами, образно говоря, открыл «зеленую улицу» нефти и газу Западной Сибири, а Сибирь теперь благословляла его на Москву.

Тюмень. 18 декабря 1973 года

Последний в тюменской биографии Бориса Евдокимовича пленум обкома партии.

«— Товарищи, — обращается он к залу, — на пленум обкома партии из 114 членов обкома прибыли 103, из 45 кандидатов в члены — 41, из 16 членов ревизионной комиссии —15. Отсутствуют товарищи по болезни или находящиеся в отпуске. Позвольте пленум обкома партии объявить открытым.

Видимо, по сложившейся традиции поручим вести работу пленума обкома партии и инструктору ЦК партии тов. Лаврову Е. М.

Других предложений не будет? Нет. Принимается. На обсуждение пленума выносится организационный вопрос. Будут ли какие предложения по повестке дня? Нет. Утверждается.

Председательствующий т. Смородинсков. Товарищи, как вам известно, Президиум Верховного Совета СССР, а затем сессия Верховного Совета СССР назначили товарища Бориса Евдокимовича Щербину министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. В связи с этим Политбюро ЦК освободило его от обязанностей первого секретаря Тюменского обкома партии.

Вносится предложение об освобождении тов. Щербины Б. Е. от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома КПСС.

Какие есть вопросы?

Тов. Бахилов. Разрешите мне выступить».

Василий Васильевич вообще-то выступать не собирался. Что же подтолкнуло его? Скорее всего, некая заданность мероприятия. Сейчас пленум проголосует — и точка. А он был убежден: Щербину надо провожать не так. Поднялся на трибуну и заговорил немного сбивчиво, но очень эмоционально. Слова, которые так и летят от человека к человеку, всегда правдивы. Ложь и лицемерие маскируются в речах, написанных заранее, а в том, что говорится с ходу, видна искренность. Приведем это небольшое выступление по стенограмме пленума:

«Товарищи! Все мы знаем об указе Президиума Верховного Совета СССР о назначении нашего первого секретаря обкома партии тов. Щербины Б. Е. министром предприятий строительства нефтяной и газовой промышленности СССР. Это сообщение встречено коммунистами и трудящимися с одобрением.

Сегодня мы освободим Бориса Евдокимовича от должности первого секретаря, но мне хотелось бы сказать, что с первого дня прихода т. Щербины на должность первого секретаря многие здесь сидящие в зале работают с ним. За эти годы под руководством обкома партии, где был первым секретарем т. Щербина, произошли колоссальные изменения в жизни Тюменской области. И в этом немалая заслуга аппарата обкома партии и лично т. Щербины.

По решению обкома партии мне пришлось длительное время работать в Сургутской и в Нижневартовской партийных организациях. Это, товарищи, были районы освоения нефтяной целины, это были районы первых геологоразведчиков. В этот период были трудные, тяжелые дни. И всегда рядом с нами, рядом с горкомом партии, рядом с партийной организацией находились работники обкома партии и впереди шел Борис Евдокимович.

Мне хочется сказать, что Б. Е. Щербина пользовался партийными методами и стилем работы, уважительно относился к кадрам и прививал это аппарату областного комитета партии, оказывал всегда практическую помощь на местах и аппарат, и лично Б. Е. Щербина. Я не знаю ни одного ответственного периода в жизни партийной организации, где бы не принимал личное участие т. Щербина. Характерно, что в аппарате областного комитета партии Борис Евдокимович не

только поддерживал, но и повседневно спрашивал за возглавляемые участки работы. Мы учились у т. Щербины как работать, как руководить партийной организацией.

Спасибо вам, Борис Евдокимович, от всего сердца, от всей души за эту учебу. Мы вас будем помнить. И мы считаем, что на посту министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности вы сделаете тоже большое дело, ибо развитие нефтяной и газовой промышленности во многом зависит от работы этого министерства.

Товарищи, я лично вношу предложение, и знаю мнение многих секретарей, просить ЦК партии и Президиум Верховного Совета СССР за дела, которые свершились в области, присвоить нашему первому секретарю областного комитета партии Борису Евдокимовичу Щербине звание Героя Социалистического Труда!»

Василий Васильевич трижды срывал аплодисменты. Возвращался на свое место под одобрительные реплики товарищей. Борис Евдокимович был явно сконфужен и расстроен. Такую инициативу в пору железной заорганизованности в ЦК могли приписать ему. Ухмылка скользнула по лицу московского гостя. Тем временем секретарь обкома Смородинсков вернул пленум к утвержденной повестке:

— Ставлю на голосование предложение об освобождении товарища Щербины от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома партии...

Избрали нового первого секретаря — Геннадия Богомякова, второго — Генадия Иосифовича Шмаля. Предоставили слово Борису Евдокимовичу.

«— Дорогие товарищи, друзья мои! — упали в зал его первые слова. — Вы поймете, как нелегко мне выступать. Двенадцать с половиной лет мы работали плечом к плечу. Совместная, дружная работа позволила нам выполнить какую-то часть задач, поставленных Центральным комитетом партии.

Мне чертовски повезло, потому что дело оказалось огромной важности для нашего народа, для партии и потому что попал я в такую организацию, которая отличается, я бы сказал, дерзкой смелостью в постановке вопросов, умением с размахом ставить и решать проблемы, организацию, в которой проходишь настоящую боевую выучку и закалку.

Решающим успехом, определившим результаты и моей деятельности, явилась та огромная поддержка, которую тюменцы получали и получают от ЦК партии, Леонида Ильича Брежнева, Совета Министров, Президиума Верховного Совета СССР. Я возьму на себя смелость сказать, что вся наша партия, центральные комитеты республик, обкомы, горкомы щед-

ро делились кадрами, опытом, оказывали нам творческую помощь, чтобы быстро рос нефтегазовый гигант. Для всех нас в партии любая должность — это не привилегия, это — долг, и чем выше должность, тем больше обязанностей, ответственности, тем больше она от человека требует отдачи, всех творческих сил, способностей и энергии.

Я старался поступать так, как нас учит партия, как завещал великий Ленин. Старался трудиться, работать, делать все, на что был способен.

Мне хочется от всего сердца поблагодарить вас за поддержку, за помощь, большую школу — школу политической зрелости, школу, которую я пронесу через всю жизнь как самое светлое, самое творческое в своей деятельности. Спасибо вам, дорогие товарищи!

Позвольте мне по праву немало поработавшего в организации поздравить сегодня двух Геннадиев с их новыми должностями, пожелать им больших успехов. Люди они достойные, смелые, но если переложить сказанное в Москве, то надо сказать так: "И грузить, и возить на них можно больше и больше". Больших им успехов.

То, что сделано, это только подход к черте, за которой самое главное свершение и самые нужные дела в преобразовании края, в индустрии, в повышении эффективности создаваемого комплекса.

Позвольте, дорогие товарищи, пожелать вам всяческого благополучия, здоровья, счастья, новых творческих свершений. И еще раз большое спасибо» (*Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 205. Д. 18. Л. 1— 8*).

Виктора Ивановича Муравленко на пленуме не было — он лежал в больнице после инфаркта. Вечером секретарь парткома Главтюменьнефтегаза В. Бирюков заехал к нему. Рассказал о пленуме, о предложении Бахилова.

— А что? Василий прав, — отозвался Муравленко. — Трудно найти человека, который сделал бы для Тюмени и области столько, сколько Борис Евдокимович, да и для страны в целом. Надо хорошо проводить Бориса Евдокимовича, — продолжал Виктор Иванович. — Подберите сувенир, соберите всех моих заместителей и сходите к Борису Евдокимовичу, поблагодарите его за все, что он сделал для области, за постоянную помощь нам — нефтяникам, передайте ему большой привет от меня и пожелайте больших успехов на новом поприще.

Муравленко поручения давал только один раз, и это все знали. Если он, допустим, кому-то из «своих» сказал: «Ты дай ему машину», — проверять не надо было.

Ни разу от него, как и от Щербины, не слышали нецензурных слов. Не было случая, чтобы он кого-то унизил. Был подчеркнуто вежливым. Конечно, поручение поздравить Щербину было выполнено с блеском.

Борис Евдокимович принял делегацию в своем бывшем кабинете, где разбирал бумаги, книги, блокноты. Вспомнили, как создавался Главтюменьнефтегаз, как признанные спецы-нефтяники не верили, что объемы бурения можно довести до одного миллиона метров, признались, что глядели на первого секретаря как на фантазера. А теперь будет около двух миллионов!

Прощаясь, Борис Евдокимович пожелал гостям, всему коллективу главка больших успехов:

— Впереди у вас не менее трудные дела. Потребуется увеличение добычи нефти. Берегите кадры — они у вас подобрались неплохие. И особенно берегите Виктора Ивановича Муравленко — равного ему руководителя во всей нефтяной промышленности страны нет. До отъезда обязательно побываю у него в больнице...

Декабрьский вечер выдался тихим и печальным. Выпавший с утра обильный снег выбелил город. Легкий морозец, взбадриваемый порывистым ветерком, покалывал щеки. Но Борис Евдокимович не чувствовал холода. Ранним утром самолет унесет его в Москву, к новому месту работы, к новому месту жизни. А сейчас здесь, на Червишевском кладбище, стоя с непокрытой головой у могилы матери, он прощался с ней, мысленно прося у нее благословения.

Глава восьмая

МИНИСТР СОЮЗА

Слава в руках труда.
Леонардо да Винчи

«Чтобы не было шепотков»

В Москве, на Кирова, 13, Борису Евдокимовичу Щербине предстояло сменить Алексея Кирилловича Кортунова, первого министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, Героя Советского Союза. Ветераны отрасли хорошо помнят первое партийное собрание в Миннефтегазстрое без Кортунова, первое — с новым министром Борисом Евдокимовичем Щербиной. Он тепло вспоминает о своем предшественнике. О том уже легендарном эпизоде, когда Алексей Кириллович, положив обе руки на карты Западной Сибири, сказал: «Я это беру!» Хотя у него, министра газовой промышленности, ресурсов было поменьше, чем у коллег.

На этом же собрании Борис Евдокимович подробно рассказал о себе, предварительно заметив:

— Я сознательно делаю это, чтобы не было коридорных шепотков.

Щербине, первому секретарю Тюменского обкома партии, не раз случалось бывать на Кирова, 13, — и у министра, и у замов. Со многими товарищами он пересекался на промыслах и трассах Западной Сибири. Но сейчас он хотел вновь присмотреться к тем, с кем предстояло работать дальше. Приглашал к себе, беседовал, задавал порой вопросы, которые казались неожиданными. Последним новый министр «просвечивал» своего тезку, 35-летнего начальника управления. Борис Николаевич вышел из кабинета министра окрыленным.

Хорошо известны и другие стартовые заготовки новых руководителей. Один, к примеру, с первых же шагов изображает этакую недоступность, рождая у окружающих обманчивое уважение и даже страх. Второй только обозначает свое присут-

ствие в деле, взваливая всю ответственность на замов. Щербина, деятельно используя свой колоссальный опыт партийной работы, делал ставку на сильные стороны каждого управленца: прежде — в обкоме партии, теперь — в министерстве.

Многие начальники, принимая ту или иную структуру, нередко устраивают чистку. С приходом Щербины в министерство этого не произошло. Все начальники главков, управлений и структурных подразделений остались на своих местах. Он не имел привычки «тянуть» за собой «своих» людей, что для министерского люда было удивительным. Щербина умел работать с любым человеком. Правда, при одном непременном условии: этот человек должен быть специалистом своего дела и человеком честным.

В те годы было правило: проводить в начале наступившего года заседание коллегии, итожить год минувший.

— Помнится, Щербина тщательно готовился к этому мероприятию, — вспоминал В. А. Алексеев. — Подготовкой чернового варианта доклада занимались руководители основных производственных звеньев, подразделений науки, экономического блока, управления работы с кадрами. Такая тщательность, предполагали мы, вызвана тем, что доклад направят в «верха» и надо изложить все так, чтобы комар носу не подточил. Однако мы ошиблись. Для Щербины такой подход был нормой. В аппарате министерства почувствовали это сразу, как только доклад был готов вчерне. Началась его доработка с участием самого Щербины. И это было сигналом для всех — халтура, общие слова не пройдут, как не пройдет и небрежность.

Во всяком случае, тогда Алексеев получил первый урок не только вдумчивой подготовки документов, но и внимательности в любом деле. В то время не было компьютеров. В министерском машбюро работали опытнейшие машинистки, отпечатанные страницы так и вылетали из пишущих машинок. Несколько человек считывали текст. Щербина раз за разом заворачивал варианты. В итоге доклад был готов в самый последний момент.

Помощник вошел в кабинет Щербины с чувством исполненного долга — все сделано как надо. Однако министр попросил его задержаться, открыл доклад на десятой странице и строго спросил:

— Что, глаз нет?

Оказалось, Щербина сделал поправки на десятой странице, вставив несколько слов в последний абзац, а машинистки припечатали это к абзацу первому. Получилась несуразица...

Этот урок В. А. Алексееву запомнился на всю жизнь. Понял он и другое: Щербина не знал мелочей в работе.

— Пополняйте багаж, — повторял Борис Евдокимович, — многие наши беды от недостатка информированности, узости горизонта.

Щербина и сам неукоснительно следовал этому завету. Своему помощнику он поручил следить за выходом книг серии «О чем думают и спорят философы». Покупая ему очередной том, Алексеев приобретал экземпляр и себе. В выступлениях министра на заседаниях коллегии помощник улавливал мысли, изложенные в ученых книгах, удивляясь, как уместно звучат они в устах Бориса Евдокимовича.

Да, Щербина был энциклопедически образован, и это не преувеличение. Однако может возникнуть вопрос: а зачем ему эти вроде бы бесполезные для стройки знания? Тяга к знаниям была свойством его натуры. Он увлекал окружающих, заставлял думать широко, видеть мир не одномерно, а во всех взаимосвязях.

И другой вопрос: а как со знаниями по основному профилю? Мало сказать, что Борис Евдокимович старался не отстать. По многим свидетельствам, он опережал техническую мысль, причем не только в рамках отрасли, но и всего топливно-энергетического комплекса. Министр не стеснялся обратиться за советом к профессионалам, признанным авторитетам нефтегазового строительства. Так, время от времени раздавался телефонный звонок в кабинете Иванцова, профессора, начальника технического управления министерства:

— Олег Максимович, вы сейчас не очень заняты?

Значит, у Бориса Евдокимовича выдалась свободная минута, можно заняться совершенствованием технического образования. В конце беседы он, как правило, интересовался, какую техническую литературу следует прочитать по тому или иному вопросу. Обладая хорошей памятью и упорством, Борис Евдокимович быстро овладевал премудростями отрасли. Ветераны Миннефтегазстроя вспоминают: кто-то из коллег пытался использовать в своих интересах тот факт, что знает отрасль лучше министра. «Вы что думаете, я долго не буду разбираться в делах? — при всех сказал Щербина. — Я быстро все освою!» Так и вышло.

Слов нет, сложное хозяйство досталось Борису Евдокимовичу. Отрасль формировалась с большим трудом. Годовой объем строительно-монтажных работ едва превышал два миллиарда рублей. В составе отрасли был лишь один научно-исследовательский институт. Текучесть кадров во многих коллективах достигала 60 процентов. Министерству предстояло вести обустройство нефтяных и газовых месторождений;

строить магистральные и промысловые трубопроводы, объекты жилищного и социально-бытового назначения.

Борис Евдокимович быстро нащупал болевые точки отрасли. Он понимал, что без серьезного переоснащения не обойтись.

Первым комплексным решением для развития отрасли стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 июля 1974 года № 504 «О повышении технического уровня строительства магистральных нефтепроводов и газопроводов и об обеспечении надежной их эксплуатации». В нем была сформулирована государственная программа нефтегазового строительства, в том числе капитального строительства в Западной Сибири. В развитие намеченной программы Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по дальнейшей индустриализации и механизации строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности». Реализация этих решений позволила переоснастить строительные организации и вывести строительство объектов добычи, транспортировки нефти и газа на новый уровень.

Видеть перспективу

Летом 1975 года Щербина провел в Тюмени научно-производственную конференцию «Пути ускорения внедрения научно-технических достижений и повышения эффективности строительного производства». Практически все производственные, научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации отрасли, а также нефтяники и газовики приняли в ней участие.

Министр стремился привлечь к решению сложных проблем академическую науку. На его приглашение отозвались академики Г. А. Арбатов, Н. В. Мельников, Н. Н. Некрасов, Б. Е. Патон, А. А. Трофимук. Они выступили с интересными докладами.

Выступил на конференции и сам Щербина. Вот фрагменты его выступления:

«...Образование министерства было естественным результатом углубления общественного разделения труда и его специализации. С народно-хозяйственной точки зрения этот закономерный процесс и его организационное оформление дают положительные экономические результаты. В то же время с организацией министерства образовался некоторый разрыв между научной базой и системой производственных строительных организаций. Научная база, и особенно проектная

часть, остались в системах Миннефтепрома и Мингазпрома, поэтому первый этап формирования отрасли был неизбежно связан с некоторой потерей "суммированного интеллекта", на использование которого можно было бы опираться в разработке перспектив развития путей, эффективных методов и форм соединения науки с производством. Известно, что эта задача является сложной даже при наличии в отраслях традиционно развитой научной базы. При слабом же ее развитии или отсутствии решение такой жизненно важной для любой отрасли задачи, как обеспечение научно-технического прогресса, становится во много раз труднее.

Усилению этого участка способствуют расширение сети НИИ и КБ, организация института по экономике и управлению, филиала ВНИИСТа в Ухте, отделов этого института в Киеве и Оренбурге, института по пневмоконтейнерному транспорту. Растет число научных кадров, повышается научный потенциал. Расширяются связи наших научных учреждений с институтами Академии наук, Министерства высшего и среднего специального образования, Мингазпрома, Миннефтепрома и других министерств и ведомств, а также с организациями стран СЭВ и некоторых капиталистических стран. Все это отрадно, и мы ожидаем от нашей отраслевой науки повышения уровня исследований. НИИ, КБ и проектные организации должны углублять свои разработки, разрабатывать новые идеи...

Наряду с формированием и укреплением научной базы, надо полагать, будут правильно решены и организационные вопросы по системе проектных организаций. Министерство внесло соответствующие предложения, и они получили одобрение в правительстве. И нам надо активно готовиться к строительству трубопроводов "под ключ"...

В отрасли работает 25-тысячный отряд инженерно-технических работников высокой квалификации, в том числе 15 тысяч дипломированных инженеров. Наши инженерно-технические кадры в целом успешно справляются со своими задачами, с их особой ролью непосредственных проводников технического прогресса. Но повседневные и неотложные дела и заботы, пусть даже самые неотложные, не должны заслонять перспективу. Такое, как принято теперь говорить, оптимальное сочетание видов, форм и направлений в деятельности инженера может быть обеспечено только при условии, что она построена на принципах, ставших внутренним убеждением человека.

Первый и главный из этих принципов — идейная убежденность, преданность делу, высокое чувство ответственности,

профессиональный патриотизм. Из этого главного, определяющего мотива деятельности вытекает и другой принцип — трудолюбие, постоянное совершенствование профессиональных знаний и мастерства. Высокая квалификация, творчество и трудолюбие, способность неустанно трудиться ради достижения цели — эти понятия неразделимы.

Можно знать принципы и правила, педантично добиваться их соблюдения и в то же время не иметь результатов. Более того, принципы и правила в формальном их приложении могут приводить и к отрицательным эффектам. И это понятно. Деятельность человека не может быть запрограммирована заранее. На все вопросы, которые ставит жизнь, нет и не может быть заранее предусмотренных простых и категоричных ответов.

Подлинно творческой работа может стать только тогда, когда следование принципам происходит не из простой обязанности, хотя и это очень важно, а является естественным выражением убеждения, когда принципы становятся деловыми качествами, чертами, свойством характера. Это надо воспитывать в себе и в других...

Чтобы любое хорошо задуманное дело было хорошо и выполнено, необходим контроль, сочетающийся со строгой ответственностью каждого за порученное дело. Механизм руководства должен включать обязательность, если хотите, неотвратимость ответственности, все ее элементы и формы — от устных замечаний до замены людей, не справляющихся со своим делом, не пригодных к той или иной работе...

С дипломом инженер получает от государства кредит доверия, который должен оплачивать честным трудом в течение всей жизни. Каждый из нас — вечный должник перед страной, народом, историей.

В условиях научно-технической революции возросла роль науки в развитии и техническом обновлении производства, резко меняется характер труда человека, в котором в большей степени проявляются творческое начало и контрольно-управленческие функции. Объектом управления становится сложнейший комплекс "наука — техника — производство — человек". В этих условиях научно-технический прогресс стал решающим фактором повышения эффективности общественного производства...»

После конференции академиков свозили на самые северные месторождения Тюменской области. Впечатление от поездки было ошеломляющим. Ученые стали патриотами отрасли и очень много помогали в научных и практических делах.

Добрые отношения у министерства еще со времен Кортунова установились с АН Украины и президентом академии Борисом Евгеньевичем Патоном.

На базе экспериментального полигона СКБ «Газстроймашина» в подмосковном Раменском была устроена выставка достижений отрасли. На ней побывали руководители партии и правительства, коллеги из смежных с нефтегазостроителями ведомств, что, кстати, помогло решить многие проблемы отрасли.

В основу производственных программ была положена единая техническая политика, отражающая характер мобильного строительства, особенно в сложных условиях Западной Сибири. Научно-технические исследования и проектно-конструкторские разработки Миннефтегазстроя были ориентированы на создание прогрессивной технологии, совершенствование техники и производственных отношений в соответствии с новыми социально-экономическими условиями.

В 1970—1980 годах была проведена коренная перестройка организации нефтегазового строительства применительно к задачам сооружения трубопроводов нового класса в разнообразных природно-климатических условиях. В центре внимания министерства были проверенная практикой тесная связь науки с производством, всемерное ускорение внедрения научных разработок во всех звеньях — на обустройстве промыслов, строительстве трубопроводов, сооружении наземных объектов.

Итоги десятой пятилетки показали, что отраслевая наука все более ощутимо становилась непосредственной производительной силой. За 1976—1980 годы было разработано 168 конструкций новых специальных строительных машин и механизмов, рекомендовано к серийному выпуску 102 образца. Заводы отрасли, других министерств и ведомств изготовили 73 вида новой техники.

Создана серия новых трубоукладчиков грузоподъемностью от 6,3 до 80 тонн. Выпуском тяжелых отечественных трубоукладчиков грузоподъемностью 50 тонн на базе чебоксарского трактора было завершено создание комплекса машин, включая транспортные средства, для прокладки трубопроводов диаметром 1420 миллиметров. Разработана конструкция роторного экскаватора ЭТР-254 производительностью 1200 кубометров в час.

Коренные изменения произошли в сварке магистральных трубопроводов. Половину всех стыков выполняла автоматика. Была успешно решена сложная техническая проблема — автоматическая сварка «неповоротных» стыков электроконтакт-

ным способом, с использованием порошковой проволоки, газоэлектрическим методом.

«Меня всегда удивлял неуемный интерес Бориса Евдокимовича к самым разным научным исследованиям, его желание без промедления поставить их результаты на службу отрасли, — вспоминает академик Б. Е. Патон. — И надо сказать, ему удавалось это сделать. Когда в институте электросварки впервые показали контактно-сварочный комплекс "Север" для трубопроводов диаметром 1420 миллиметров, он захотел увидеть его в действии. Сварка опытным образцом комплекса шла на трассе в Хмельницкой области. Тотчас на вертолете мы полетели смотреть его работу».

Уверовав в прогрессивные начала контактной сварки, Борис Евдокимович сумел организовать ее широкое внедрение в отрасли. Более того, с его помощью было организовано изготовление этих агрегатов на Псковском машиностроительном заводе.

На северных магистралях у этой чудо-машины на сварку стыка уходило четыре минуты. Для сравнения: мастер высшей квалификации варил такой стык вручную десять часов. Совершенствовалась технология строительства трубопроводов с применением автоматической сварки и поточно-расчлененного метода ручной сварки. Ежегодно таким способом прокладывалось 5—6 тысяч километров магистралей. Коллективы отдельных технологических потоков Главсибтрубопроводстроя в год прокладывали 100—120 километров газопроводов диаметром 1420 миллиметров.

За создание высокопроизводительной технологии и комплекса оборудования для контактной сварки трубопроводных систем большого диаметра группе работников Института электросварки имени Е. О. Патона и Миннефтегазстроя была присуждена Ленинская премия.

Контактная сварка трубопроводов, являющаяся советским приоритетом в технике, получила широкое распространение. Так, американская фирма «Мак Дермотт» купила лицензию на внутритрубную технологию сварки оплавлением для морских трубопроводов, была продана лицензия на «Способ стыковой сварки трубопроводов и производства устройств для его осуществления» японской фирме «Ниппон Кокан К. К.».

Новые виды сварки потребовали разработки более эффективных методов контроля. Пооперационный контроль охватывал все сварочно-монтажные работы.

На трубопроводах большого диаметра битумная изоляция была полностью заменена на полимерную. Использование ее в сочетании с оберткой, предохраняющей трубы от механиче-

ских повреждений, при более совершенных методах контроля изоляционных покрытий и электрохимической защиты позволило значительно повысить противокоррозионную стойкость подземных стальных магистралей.

Для изоляции «горячих» участков трубопроводов была разработана технология покрытия труб силикатными эмалями с применением индукционного нагрева. На казанском заводе «Синтезкаучук» наладили выпуск термостойкого пленочного материала на основе радиационно обработанного кремнийорганического каучука. Организации Миннефтегазстроя отработали технологию, оборудование и приспособления для прокладки труб с заводским покрытием. На Альметьевском трубном предприятии впервые в стране была пущена автоматическая линия изоляции труб полиэтиленом по методу экструзии. Введены в действие пять автоматических линий, рассчитанных на изготовление 500 тысяч тонн изолированных спиральношовных труб в год. Реализована принципиально новая технология изготовления спиральношовных труб диаметром 159—325 миллиметров, свариваемых токами высокой частоты со скоростью 20 метров в минуту, которая была разработана ВНИИметмашем, ВНИИТВЧ и организациями Миннефтегазстроя под руководством академика А. И. Целикова.

Единая техническая политика, проводимая Миннефтегазстроем в области повышения уровня индустриализации строительства наземных сооружений, была основана на комплектно-блочном методе. По типу объединения «Сибкомплектмонтаж» было организовано еще восемь мобильных трестов. Несмотря на увеличение доли объемов строительно-монтажных работ, выполняемых в неблагоприятных условиях Западной Сибири и европейского Севера, повышение мощности объектов, продолжительность строительства трубопроводов, компрессорных и насосных станций только за тот период сократились на 40 процентов.

Народно-хозяйственная эффективность от внедрения комплектно-блочного метода без учета эффекта в сфере потребления нефти и газа, по данным НИИ экономики Госстроя СССР, составила 418 тысяч рублей на каждый миллион капитальных вложений, а с учетом эффекта в сфере потребления — значительно большую сумму.

В Миннефтегазстрое был принят программно-целевой метод решения крупных научных и технических проблем. Разработаны предложения по дальнейшему повышению эффективности строительства в Западной Сибири. Дальнейшее совершенствование организации производства и управления строительством требует перехода на сооружение трубопро-

водных систем «под ключ». Правда, полностью она была реализована, когда Борис Евдокимович стал заместителем председателя правительства.

Борис Евдокимович, как человек широкого, государственного кругозора, не замыкался в научном плане только на прямых проблемах отрасли. Его увлекало, к примеру, создание транспорта на магнитной подвеске. По его инициативе были организованы первые работы в Союзе по гидротранспорту угля. Щербина считал: тот, кто не смотрит вперед, непременно отстает.

Не все, конечно, удавалось. Случалось, ученые продвигали сырые разработки.

В министерстве поговаривали: при таком интересе к науке шеф и сам скоро станет кандидатом наук, а затем и доктором. Профессор Олег Максимович Иванцов предлагал: мол, помогу подготовить диссертацию.

— Вы же видите мою занятость, а следовательно, серьезно этим делом заняться не могу, — отвечал Щербина. — Уповать только на помощь — не мой принцип. А потом: ведь известно, что каждый человек стоит ровно столько, сколько остается от него жизненного опыта и продолжается в опыте следующих поколений. И не важно, с диссертацией он или нет.

Из записных книжек Владимира Чирскова

Перечисляю основные задачи, которые ставил перед министерством, перед нами Борис Евдокимович Щербина:

главные стройки газовой и нефтяной промышленности, которые обеспечивали ежеквартальные, ежегодные приросты добычи, подготовки и транспортировки газа и нефти в целом по стране;

дисциплина выполнения на этих стройках (их в шутку называли «рапортабельными» — по завершении строительства министерство докладывало ЦК КПСС и правительству) суточных, недельных, месячных, квартальных, годовых заданий, ответственность за своевременное выполнение этих заданий заместителей министра, начальников главков, управляющих трестами, начальников СМУ и потоков, бригадиров ведущих бригад;

привлечение ученых Академии наук СССР, Академии наук Украины, ведущих институтов страны и Миннефтегазстроя к решению технологических и технических проблем строительства этих мощнейших по производительности объектов, сооружаемых в условиях болот, вечной мерзлоты, очень низких температур, бездорожья;

приобретение на мировом рынке современной высокопроизводительной техники для строительства сверхмощных трубопроводов (на это и на трубы большого диаметра, изоляционные материалы Борису Евдокимовичу непостижимым образом удавалось ежегодно получать необходимые суммы в валюте);

одна из главнейших социальных задач — увеличение объемов собственного жилищного строительства, переселение в благоустроенные дома из бараков, балков, вагончиков;

дальнейшее развитие блочного и блочно-комплектного метода строительства как по объему, так и по большей заводской готовности;

развитие всех видов связи, диспетчеризация, компьютеризация основных направлений деятельности министерства...

Чтобы решить эти задачи, Миннефтегазстрой кардинально изменил систему организации и управления строительством. Борис Евдокимович писал об этом в книге «Строители газопроводов», изданной в 1990 году.

В Москве, Уфе, Ростове-на-Дону и Киеве в 1979 году были созданы главные трубопроводостроительные управления на хозрасчете. Создание этих подразделений вместе с ранее образованным в Тюмени Главсибтрубопроводстроем, а позже в Сургуте — Главтюменьтрубопроводстроем позволило завершить формирование среднего звена комплекса для сооружения магистральных газонефтетранспортных систем.

Одновременно с созданием этих главков в Москве были образованы два специализированных хозрасчетных главных управления — по монтажу технологического оборудования, а также по производству электромонтажных и специальных работ. Для сооружения переходов магистральных трубопроводов через водные преграды было создано крупное объединение «Союзподводтрубопроводстрой».

Учитывая, что Западная Сибирь — главный район, где наращивалась добыча нефти и газа, и что более половины объемов подрядных работ по производственному строительству и свыше 60 процентов программы по объектам гражданского строительства приходилось на эти районы, комплексное обустройство нефтяных месторождений в Тюменской области было возложено на Главтюменьнефтегазстрой. А работы по сооружению промысловых и магистральных нефтепроводов — на Главтюменьтрубопроводстрой. Обустройством газовых промыслов в Уренгое, Ямбурге и других местах занимался Главуренгойгазстрой.

В трубопроводном тресте основными производственными единицами стали комплексные потоки и механизированные

колонны. Специализация — организационный фундамент потока. Подобно тому как здание складывается из отдельных элементов, так и четкая специализация отдельных звеньев строительно-монтажного конвейера в одном потоке приводила к созданию гармонично действующей структуры, связывающей в непрерывную цепочку весь технологический процесс и гарантирующей высокое качество производства работ.

Совершенствование структуры управления позволило довести загрузку одного строительно-монтажного треста в среднем до 34,2 миллиона рублей, а одного управления — до 5,3 миллиона рублей. Более 87 процентов строительных организаций по оплате труда были отнесены к первой группе. При росте в 1980 году объемов подрядных работ на 21 процент по сравнению с 1975 годом численность работников аппарата управления по действующим организациям была сокращена на 10 тысяч человек, а расходы на управление — на 30 миллионов рублей.

Труба — дело

В экономической стратегии Советского Союза с 60—70-х годов особое место отводилось топливной энергетике, прежде всего нефтяной и газовой промышленности. Главной топливно-энергетической базой страны стала Западная Сибирь.

В мае 1972 года на севере Тюменской области началось освоение месторождения Медвежье, а уже в начале 1978 года добыча газа здесь достигла проектной мощности — 65 миллиардов кубометров в год. На промысле были построены мощные установки по очистке и осушке газа, а также сооружены газопроводы, которые образовали многониточную систему на центральном направлении.

В октябре 1974 года в связи с вводом в действие газопровода Медвежье — Урал — Поволжье — Центр строителей поздравили ЦК КПСС и Совет Министров СССР.

«Трасса этого крупнейшего сооружения протяженностью около трех тысяч километров проходит по районам вечной мерзлоты, болотам и тайге, пересекает многочисленные реки и горы. При сооружении газопровода была применена новая технология строительства магистральных трубопроводов, получила дальнейшее усовершенствование комплексно-поточная система строительства, что позволило значительно повысить производительность труда. Успех дела обеспечили широкое, развернутое социалистическое соревнование, энтузиазм и массовый трудовой героизм строителей», — отмечалось в приветствии.

В семидесятые годы протяженность сети магистрального транспорта возросла в два раза — со 105 до 210 тысяч километров, а объем перекачки топлива увеличился вчетверо. Строительство трубопроводов значительно опережало приросты добычи нефти и газа. Трассы, построенные в те годы, действуют и сейчас. Это нефтепроводы Нижневартовск — Курган — Куйбышев — Лисичанск — Одесса, Сургут — Горький — Полоцк, Омск — Павлодар, нефтепродуктопроводы, аммиакопровод Тольятти — Одесса.

Аммиакопровод Тольятти — Одесса — уникальное сооружение. И прежде всего по техническим решениям автоматизированной системы управления. Построен он из труб диаметром 325 миллиметров общей протяженностью с отводами на Горловку 2400 километров. Первая очередь аммиакопровода была сооружена в 1979 году, а целиком он вступил в строй в 1980 году.

Особенно широкий размах в 1976—1980 годах приобрело строительство объектов для газовой промышленности. В короткие сроки были обустроены и введены в действие месторождения газа в Западной Сибири, Средней Азии и Оренбуржье. Сданы в эксплуатацию мощные сверхдальние газотранспортные системы: Уренгой — Медвежье — Пунга — Ухта — Грязовец — Торжок — Минск — Ужгород; Уренгой — Пунга — Нижняя Тура — Пермь — Казань — Горький — Москва; Уренгой — Вынгапур — Челябинск — Петровск — Новопсков; Оренбург — западная граница; Оренбург — Домбаровский; Нижневартовск — Томск — Новосибирск; Томск — Новокузнецк; Шуртан — Сырдарьинская ГРЭС. С вводом в действие газопровода Уренгой — Ужгород тюменский газ достиг западных районов страны. Протяженность этой системы составила более четырех тысяч километров, на ней действовали 35 компрессорных станций.

Новые газотранспортные системы изменяли всю индустриальную карту страны. Но экономика требовала все более высоких темпов развития газовой промышленности.

Министры Щербина и Оруджев, председатель Госплана Байбаков обдумывали, как повысить темпы газификации страны и получить средства для создания отечественных мощностей по производству оборудования для нефтяной промышленности. При сложившейся в нашей стране системе власти — или вертикали власти, используя современную формулировку, —решение принимает тот, кто «оседлал» эту самую вертикаль. Не важно, как он именуется — царем, генсеком или президентом. В советские годы решающим было слово генсека. А Борис Евдокимович знал, как можно доложить нужную бумагу самому Брежневу. Записку, подготовленную в министерстве, он переписал, упаковав текст в полторы емких

и понятных страницы. Бумага полетела в Крым, где набирался сил генсек. В ней выдвигались предложения об ускоренном развитии газовой промышленности как важнейшем средстве решения обостряющихся в стране социальных и экономических проблем, о строительстве экспортного газопровода в Европу. Предлагалось основной упор сделать на одиннадцатую пятилетку (1981—1985), а в дальнейшем к 1993—1994 годам выйти на добычу одного триллиона кубометров газа в год. Этот период был определен исходя из потенциальных запасов газа и строительных возможностей. Л. И. Брежнев предложения одобрил, и машина закрутилась.

Началось строительство пяти магистральных газопроводов Западная Сибирь — Центр, а также экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. За 1981—1985 годы была введена в эксплуатацию 61 тысяча километров магистральных трубопроводов. Трудовым подвигом по праву следует назвать сооружение уникальной в инженерно-техническом отношении шестиниточной системы трансконтинентальных газопроводов Западная Сибирь — Центр — Западная Европа общей протяженностью свыше 20 тысяч километров и пропускной способностью в 200 миллиардов кубометров газа в год. По новым нефтепроводам Сургут — Полоцк, Холмогоры — Сургут — Пермь — Клин, Павлодар — Чимкент, Грозный — Баку, Саратов — Кузьмичи западносибирская нефть пришла к потребителям. Построен был также продуктопровод для транспортировки нефтепродуктов с заводов Западной Сибири в Поволжье. В Прикаспийском нефтегазовом комплексе были построены установки для добычи нефти, для очистки от серы и осушки газа на Жанажольском промысле.

«Лучше я буду черный хлеб есть»

Юлий Васильевич Андрейчев стал заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности при Щербине.

— В моей жизни, — вспоминает Юлий Васильевич, — были два человека, которых я считаю своими крестными отцами: Кортунов и Щербина.

...В Мингазпроме подбирали нового секретаря парткома. Охотников было много и рекомендаций полно, а министр назвал имя человека, который даже не помышлял о партийной работе, — главного инженера одного из ведущих главков Андрейчева.

— Меня назначили совсем недавно, и я решил посоветоваться с начальником главка. Я видел себя только на хозяйствен-

ной работе. Мой шеф посоветовал хорошенько подумать, прежде чем отказываться. Припомнил, что Алексей Кириллович в свое время был секретарем парткома строительного треста...

Почти пять лет Андрейчев возглавлял партком еще неразделенного министерства. По сей день ценит уроки Кортунова, уроки Щербины.

— Борис Евдокимович на первой же встрече с аппаратом Миннефтегазстроя очень трогательно сказал о Кортунове. Щербина стал настоящим продолжателем его дела, поднял отрасль на более высокую ступень.

В памяти Андрейчева много примечательных эпизодов. Вот, скажем, прилетает он на совещание в Самарканд. В самолете полно иностранных туристов. Только и слышишь: Регистан, комплекс Биби-Ханым, мечеть... Андрейчев предлагает своим — все в Самарканде впервые — задержаться у памятников старины хотя бы на полчаса. Шеф экспедиции, один из замов Кортунова, непреклонен: «Некогда! Посмотрим после совещания». Совещание закончилось в половине второго ночи.

— Закончилось бы в два, ну и что? Я до сих пор жалею, что не повидал Биби-Ханым. Утром мы полетели на трассу.

И тут же Андрейчев приводит другой пример. Борис Евдокимович прилетает на совещание в Казань. Такой же жесткий график. Множество проблем. Но с чего он начинает? Просит хозяев для всех гостей организовать экскурсию по Кремлю. И сам внимательно слушает...

Однажды Юлию Васильевичу пришлось обращаться к министру по сугубо личному делу: он разводился. В министерство и в ЦК посыпались письма, начались разборки, пересуды.

— Захожу по делам к министру. Он послушал и вдруг говорит: «На вас жалуются, а все мы так заняты, некогда дрязгами заниматься. Разберитесь сами». Я не ожидал этого разговора. «Борис Евдокимович, — говорю, — лучше я буду черный хлеб есть, чем так жить».

На следующий же день все расследования прекратились.

Юлий Васильевич создал новую семью.

О дружбе возвещают не фанфары

К началу 70-х годов, когда мир потрясла первая волна энергетического кризиса, в Советском Союзе были созданы все условия для надежной защиты экономики от дестабилизирующих влияний. Курс на освоение богатств восточных райо-

нов страны обеспечил постоянный рост разведанных запасов энергетического сырья и, соответственно, его добычи. Мощная трубопроводная индустрия гарантировала надежную, без потерь, связь источников сырья с районами потребления. Большой опыт был накоплен в интернациональном решении энергетических проблем и, в частности, в создании объединенными усилиями социалистических стран трубопроводных систем.

Эти факторы дали возможность приступить к реализации крупнейшего интернационального проекта стран — членов СЭВ: сооружению газопровода «Союз» от Оренбурга до западной границы СССР.

21 июня 1974 года в ходе XXVIII заседания сессии СЭВ главы правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР подписали «Генеральное соглашение о сотрудничестве в освоении Оренбургского газоконденсатного месторождения, строительстве магистрального газопровода Оренбург — западная граница СССР и связанных с этим поставках природного газа из Советского Союза». Этот многосторонний документ определил формы участия отдельных стран в общей работе, сроки строительства, принципы взаимных расчетов и основные обязанности партнеров. Соглашением предусматривалась организация многостороннего сотрудничества на основе объединения материальных и трудовых ресурсов.

«Оренбургский вариант» был принят после тщательной и всесторонней проработки. Учитывалось, что крупные запасы газа находятся на юго-востоке европейской части СССР. Это месторождение ближе к западной границе Советского Союза, чем знаменитые залежи Западной Сибири: Уренгойское, Ямбургское, Заполярное. Создание крупнейшего в Европе газового комплекса, на котором впервые были решены сложные научно-технические проблемы добычи, транспортировки и переработки сернистого природного газа, положило начало развитию новой отрасли газохимического хозяйства. На строительстве газопровода «Союз» трудились свыше 15 тысяч специалистов и рабочих из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза и Чехословакии. Основной объем работ по строительству газопровода выполнил Советский Союз — около 60 процентов всех строительно-монтажных работ.

Строительно-монтажные работы на магистральном газопроводе «Союз» и первоочередных компрессорных станциях были успешно завершены. 27 сентября 1977 года в торжественной обстановке интернациональная бригада в составе лучших сварщиков в районе города Ужгород на границе СССР — ЧССР сварила традиционный «красный стык». С начала

1979 года газопровод обеспечил транспортировку природного газа в объеме, предусмотренном Генеральным соглашением. Во второй половине 1979 года газопровод был выведен на проектную мощность — 28 миллиардов кубометров газа в год.

В рабочем дне советского министра были особенности, трудно представимые для современных управленцев, крупных менеджеров. К примеру, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности готовится к согласованным во всех инстанциях (ЦК КПСС, Совет Министров, МИД, КГБ), давно запланированным переговорам с зарубежными партнерами. Гостей нужно напоить чаем-кофе, выставить на стол конфеты-печенье, сигареты... На какие средства? Ответ дает одно из типичных писем Б. Е. Щербины в Совет Министров СССР:

«22.1.1975 г. состоится совещание по вопросам строительства ПНР I участка газопровода Оренбург — западная государственная граница СССР, а 27.01 — с представителями ЧССР по строительству II участка газопровода».

В польской делегации 12 человек во главе с членом президиума правительства ПНР, министром строительства и промышленности строительных материалов, в чехословацкой — 10 во главе с министром топливной и энергетической промышленности. С делегациями предстоят переговоры, а затем, как принято в хороших домах, следует устроить прием. Советский министр, руководитель одной из крупнейших отраслей, обращается к Председателю Совмина Алексею Николаевичу Косыгину: «Прошу разрешить израсходовать на организацию приемов двух делегаций 300 рублей».

Унизительный порядок!

Как сел в лужу Рональд Рейган

В мае 1978 года СССР и ФРГ подписали знаменательное соглашение об экономическом сотрудничестве. Деловые круги Западной Германии выразили заинтересованность в получении дополнительных поставок советского природного газа. С аналогичными предложениями в 1979 и 1980 годах обратились к СССР и другие западные страны. Москва приняла решение провести переговоры с фирмами западноевропейских государств о продаже значительных объемов советского газа на долгосрочной основе. Для экспорта природного газа в Западную Европу предстояло построить газопровод Уренгой —

Ужгород протяженностью 4,5 тысячи километров. В СССР оценили эту стройку как одну из центральных в 1981—1985 годах. Предполагалось, что трубы и необходимое оборудование поставят в счет долгосрочных кредитов западные фирмы. Первые поставки газа планировалось начать в 1984 году и в дальнейшем довести до запланированных объемов. Оценочная стоимость газопровода составляла 15 миллиардов долларов США.

Соединенные Штаты пытались сорвать сделку «газ — трубы», а когда это не удалось, организовали самую настоящую атаку на трансконтинентальный газопровод. Трубачом этих атак был президент Рейган. Бряцали доспехами первые лица Штатов — министр обороны Уайбергер, бывший государственный секретарь Хейг, сенаторы и конгрессмены.

— Я давний противник строительства этого газопровода, — заявил, например, А. Хейг, подчеркивая, что американское правительство активно пытается остановить сделку.

— Администрация, — вторил ему советник президента Эдвард Мис, — весьма озабочена перспективами строительства газопровода Западная Сибирь — Западная Европа и изучает имеющиеся в ее распоряжении варианты действий по срыву проекта.

В июле 1981 года на встрече семи лидеров западных стран в Оттаве президент Рейган настойчиво советовал канцлеру ФРГ Г. Шмидту отказаться от сделки с Советским Союзом и предложил в качестве компенсации поставлять в ФРГ уголь и уран. Однако этот нажим не принес желаемых Вашингтону результатов.

По возвращении из Оттавы канцлер ФРГ Г. Шмидт в телевизионном интервью заявил:

— Мы не можем согласиться с тем, чтобы торговлю с нашими восточноевропейскими соседями превращать в какой-то политический инструмент или некий кран, который можно было бы открывать или закрывать в зависимости от политической обстановки. Напротив, чем беспрепятственнее и шире будет развиваться экономический обмен, тем больше можно надеяться, что это окажет позитивное воздействие и на политические отношения.

За несколько дней до подписания контракта в Бонн прибыл личный представитель Рейгана с поручением уговорить западногерманского руководителя воспрепятствовать подписанию контракта. Однако вопреки давлению Вашингтона западногерманский концерн «Ругаз» в ноябре 1981 года подписал соглашение о поставке с 1984 года Советским Союзом в ФРГ на протяжении 25 лет 10,5 миллиарда кубометров природного газа ежегодно. «Проект века» становился реальностью.

Заключение контракта с «Ругазом» ускорило переговоры и с французским правительством. В разгар антисоветской истерии, развязанной администрацией Р. Рейгана в связи с событиями в Польше, аналогичное соглашение сроком на 25 лет было подписано в январе 1982 года с государственной компанией «Газ де Франс», предусматривающее поставку во Францию с 1984 года 8 миллиардов кубометров советского природного газа в год.

Вашингтон направил прямые угрозы в адрес союзников. От Западной Европы потребовали жертв — отказа от газопровода из Сибири. Если же она не подчинится американскому диктату, угрожали из Вашингтона, то отношения между США и Западной Европой могут быть пересмотрены.

Пытаясь приструнить взбунтовавшихся союзников, администрация Рейгана одновременно объявила открытую экономическую войну Советскому Союзу, Польше и, как это ни парадоксально, собственному бизнесу. Экономические санкции Вашингтона ударили в первую очередь по американским фирмам, которые подключились к «сделке века» в качестве субпоставщиков. Фирме «Катерпиллер», уже успевшей поставить Советскому Союзу 100 трубоукладчиков, было запрещено экспортировать оставшееся количество машин в нашу страну. Концерну «Дженерал электрик» не разрешили поставлять роторы для компрессорных станций, изготовленных западногерманской фирмой «Канис».

Это создало определенные трудности для западноевропейских поставщиков. Большинство западноевропейских фирм производило газовые турбины по лицензиям компании «Дженерал электрик», важнейшая часть которых — ротор — выпускалась на ее заводах в США. В свое время социалистические страны покупали эти роторы у фирм США, Англии и Италии для газопровода «Союз».

Затем Рейган решил нанести новый удар. Министерство торговли США объявило, что любая компания, будь то американская, базирующаяся за границей, европейская или японская, которая не подчинится эмбарго Вашингтона, будет внесена в «черный список». И ей запретят получать какое бы то ни было оборудование или информацию из США. К тому же нарушителей подвергнут штрафам и другим экономическим санкциям.

Администрация Рейгана продемонстрировала явное пренебрежение и к своим союзникам, нанося прямые удары по их экономическим интересам. Совет Европейского экономического сообщества констатировал: «Эта акция, предпринятая без каких бы то ни было консультаций с сообществом, пред-

ставляет собой экстерриториальное применение американских законов, которые противоречат в данных условиях принципам международного права, следовательно, неприемлемы для сообщества и, по всей видимости, не будут признаны судами стран ЕЭС».

В своем выступлении в бундестаге 24 июня 1982 года канцлер ФРГ Г. Шмидт подчеркнул, что ФРГ так же, как ее европейские партнеры, будет твердо придерживаться выполнения принятых обязательств в сделке «газ — трубы».

В свое время также пытался сорвать сотрудничество Советского Союза и ФРГ канцлер этой страны Аденауэр. Он запретил поставку в СССР труб большого диаметра из Западной Германии. Что ж, трубы прокатал Челябинск. И на первой же трубе уральцы написали: «Труба тебе, Аденауэр». Видно, исторический урок не пошел господину Рейгану впрок. Он развернул новый фронт холодной войны — газовый. С советской стороны, если пользоваться военной терминологией, оборону держали нефтегазостроители, газовики, машиностроители...

9 декабря 1982 года важнейшие задачи отрасли рассмотрели на совместном заседании коллегия Миннефтегазстроя и президиум ЦК профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности. С большим докладом на заседании выступил Борис Евдокимович Щербина.

«Можно ожидать задержек в поставках оборудования, — говорил он. — Американская сторона боится советского газа в Европе, роста конкурентоспособности европейских стран... Политическая значимость экспортного трубопровода не снизилась, а скорее возросла. Всякое же политическое дело реализуется через конкретную деятельность. Патриотизм — не абстрактное чувство. Наша задача — дать конкретные цели и ориентиры, которые увлекли трудовые коллективы на решение ключевых задач» (*РГАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 3267. Л. 12*).

Эта фраза первоначально заканчивалась так: «...ключевых задач отрасли». Министр вычеркнул последнее слово, когда готовился выступать. Значимая поправка. Речь ведь шла о ключевых, общенародных задачах.

Именно так понимали ситуацию на машиностроительных заводах, на трассе, в цехах компрессорных станций по нитке газопровода. Вот характерный документ — информация секретаря Николаевского обкома Компартии Украины Л. Шараева «О состоянии выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по строительству и вводу в эксплуатацию газопровода Уренгой — Помары — Ужгород»:

«...На производственном объединении "Заря" и СПБ "Машпроект" Минсудпрома ведется строительство и освоение

мощностей по производству и испытанию газоперекачивающих агрегатов ГПА-10.

Установка этих агрегатов предусмотрена на компрессорных станциях других газопроводов, которые до полного пуска линии Уренгой — Помары — Ужгород будут подпитывать ее по перемычкам.

Ход освоения мощностей, изготовление и доводка ГПА-10 находятся под постоянным контролем обкома партии и парткомов ЮТЗ "Заря" и СПБ "Машпроект".

Так, в июне 1982 года на бюро обкома партии рассмотрен ход выполнения руководством и парткомом ЮТЗ "Заря" постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 609 и № 610. В ноябре т. г. на совместном заседании парткомов ЮТЗ "Заря" и СПБ "Машпроект" обсуждены меры по дальнейшему повышению качества и надежности ГПА-10. В рассмотрении этого вопроса принял участие секретарь обкома партии т. Демьянов В. А.

Партком ЮТЗ "Заря", партийные организации цехов и отделов завода проводят в трудовых коллективах организаторскую работу по ежегодному увеличению выпуска ГПА-10 в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 610. В 1982 году эти вопросы обсуждались на открытых партийных и комсомольских собраниях, на рабочих собраниях в цехах и отделах, занятых изготовлением ГПА-10.

Среди коллективов цехов ЮТЗ "Заря" организовано соцсоревнование за досрочную комплектацию и отправку газоперекачивающих агрегатов заказчику.

Проводимая работа способствовала бесперебойной поставке ГПА для магистральных газопроводов как в 1981, так и в текущем году. В 1981 году было поставлено 39 агрегатов, а в 1982 году — 49, как и предусмотрено постановлением № 610.

Выполнение мер, намеченных на совместном заседании парткомов ЮТЗ "Заря" и СПБ "Машпроект" в ноябре т. г., позволит представить изделие ГПА-10 на государственный Знак качества.

В 1982 году и частично в 1983 году объединение "Заря" поставляет агрегаты ГПА-10 для магистральных газопроводов Уренгой — Петровск и Уренгой — Новопсков на компрессорные станции Соковка, Шаран, Поляна, Лялинская, Перегребное. Срок ввода цехов, в которых устанавливаются эти газоперекачивающие агрегаты, намечен на 1-е полугодие 1983 года.

В 1983 году изделия ГПА-10 будут поставляться на самые северные станции газопровода Уренгой — Центр: Уренгойская, Бобровская, Сосновская. Пуск цехов этих компрессорных станций намечен на 1-е полугодие 1984 года.

Производственное объединение "Заря" проводит монтажно-наладочные работы по установке газоперекачивающих агрегатов на компрессорных станциях и обучает обслуживающий персонал станций работе с ГПА-10.

Обком партии, партийные комитеты ЮТЗ "Заря" и СПБ "Машпроект" держат под постоянным контролем ход выполнения постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР № № 609 и 610 от 29 июня 1981 года» (*РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 22. Л. 1—3*).

На заседании коллегии, о котором мы рассказали выше, с тревогой говорилось о положении на ряде компрессорных станций (КС). В пример ставили стройки прошлых лет, в том числе КС «Нюксеница».

Из записных книжек Виктора Андриянова

Пытался найти Нюксеницу в «Географическом энциклопедическом словаре». Увы, за рекой Нюкжей, правым притоком Олёкмы (бассейн Лены), следовал германский город Нюрнберг... Нюксеница, которую обошли вниманием составители словаря, потерялась в глуши вологодских лесов.

Там монтировали одну из компрессорных станций магистрального газопровода. Уполномоченным Кортунова на этой станции был Михаил Васильевич Сидоренко, первый заместитель министра. Человек с огромным опытом, авторитетом, сам поработавший на трассах, он, конечно, знал, что никого подгонять не надо, люди и так выкладываются. Но сильна традиция, давит груз ответственности, тем более в такую сумасшедшую ночь, когда за окном все воет и воет, словно все ведьмы взбесились. В пятом часу утра первый зам позвонил Соколовскому, ответственному за КС «Нюксеница»:

— Илья Игоревич, собирайся, поедем на площадку.

— Я только что оттуда, — ответил Соколовский. — Люди работают. Может, не будем им мешать? Я там трех бригадиров поставил.

— Вызывай дежурку! — прервал его Сидоренко.

Через десяток минут ЗИЛ посигналил у крыльца гостиницы, больше похожей на барак. Сидоренко и Соколовский вышли на крыльцо, заваленное снегом. Их тени метнулись вместе с одинокой лампочкой, болтавшейся под железным колпаком, и исчезли...

Цех гудел от порывов ветра. Монтажную площадку освещали два прожектора.

По шаткой лестнице ранние гости поднялись на отметку. Монтажники, занятые своим делом, их не слышали. У одного,

склонившегося к турбине, задрался свитер и сквозняк гулял по пояснице. Соколовский даже поежился. Второй, вытянув шею, что-то объяснял напарнику. Уполномоченным здесь было делать нечего. Люди знали свои трудовые полномочия. Видно, Сидоренко и сам почувствовал неловкость. Стянул с себя кашне и подошел поближе.

— Здравствуйте, ребята! — громко сказал он.

— Михаил Васильич?! Здравствуйте! — повернулись к нему бригадиры. Это были Жора Дронь, Володя Переверзев, Петр Горбачев.

Сидоренко подошел к Переверзеву, протянул свой шарф:

— Сквозит здесь сильно, возьми.

— Да вы что не спите, Михаил Васильевич? — смутился Переверзев. — Мы тут сопли морозим, так нам положено, а вам зачем?

Сидоренко больше ничего не спрашивал. На том же ЗИЛе они вернулись в гостиницу. Их следы у входа давно замело, будто никто здесь не ступал от века. В своей комнате Сидоренко достал бутылку водки:

— Передашь от меня бригадирам, а я могу спокойно уезжать.

Илья Игоревич рассказывал мне о том ночном походе, о своих бригадирах, и было видно, как дороги они ему, — через много лет он помнил каждого по имени-отчеству — Георгий Данилович Дронь, Владимир Александрович Переверзев, Петр Порфирьевич Горбачев...

Каждую свою «каэску» помнит Александр Николаевич Козаченко.

— Работали днями и ночами, месяцами в командировках, по триста дней в году. Но какое счастье, когда газотурбинная установка включена в магистраль! Это чувство трудно передать, его надо пережить самому, разделить с друзьями радость победы. Каждая станция помнится: и Бухара — Урал, и Средняя Азия — Центр, и ухтинская трасса «Северное сияние», и Уренгойский коридор...

Когда пускали первую КС «Ортьягунская» в Уренгойском коридоре, даже счет дням потеряли. Ее пуск совпал с днем рождения сына, Козаченко-младшего. Отец только по телефону смог поздравить его.

— Сейчас со страниц газет и журналов ушли эти слова: трудовая победа, — продолжает Александр Николаевич. — Возможно, от слишком частого и неосознанного употребления в прошлые годы они девальвировались. Но суть должна остаться, ведь в труде человек выражает себя полнее всего.

Полтора десятка лет Александр Николаевич был генеральным директором Мострансгаза. На переломе эпох, политичес-

ких, общественных, экономических формаций он не только сохранил все, что было наработано до него, но и продолжил, создав современное предприятие мирового уровня. Другая история — как смогут распорядиться наследием преемники...

...В Ленинграде представители крупнейших западногерманских банков подписали соглашение с советскими партнерами. Газета «Вашингтон пост» прокомментировала: крупнейшие западногерманские банки, игнорируя санкции США в отношении Советского Союза, согласились предоставить русским кредиты для строительства газопровода, по которому советский газ пойдет в Западную Европу.

А вот короткое сообщение, обошедшее многие газеты мира: на трассе Уренгой — Помары — Ужгород сварены первые 300 километров труб. Таков был ответ советских рабочих, инженеров, специалистов на американское эмбарго.

8 июля 1982 года в Москве было опубликовано короткое сообщение: «ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили патриотическую инициативу трудовых коллективов предприятий и организаций ряда министерств по обеспечению своевременного ввода в действие магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, несмотря на предпринятые администрацией США дискриминационные действия.

Принято постановление о мерах, обеспечивающих сооружение указанного газопровода в соответствии с ранее принятыми решениями. Поставка газа внутренним потребителям будет производиться в объемах, определенных пятилетним планом, а поставка газа для экспорта — в соответствии с заключенными контрактами, то есть с 1984 года».

К осени 1982 года ситуация обрела определенность, на авансцену вышли факты. И именно факты, характеризующие состояние дел не только на стройке Уренгой — Помары — Ужгород, но и во всем советском трубопроводном строительстве, стали определять тональность мировой прессы.

В августе 1982 года подкомиссия по международной экономической политике и торговле в палате представителей Конгресса США одобрила законопроект, направленный на отмену запрета президента Рейгана на поставки оборудования для газопровода Западная Сибирь — Западная Европа.

В конце 1982 года стало окончательно ясно: антигазовая кампания Рейгана потерпела полное фиаско. Американское правительство начало ограничивать меры наказания, которым должны были подвергнуться европейские фирмы за отказ следовать политике Вашингтона. В августе 1983 года Белый дом официально объявил об отмене запрета на поставки в СССР трубоукладчиков. Жизнь еще раз преподала хороший урок тем,

кто не помнил или не хотел помнить историю провалов экономических санкций против Советского государства. Газопровод Западная Сибирь — Западная Европа был введен в эксплуатацию на шесть месяцев раньше утвержденных сроков. Путь к уренгойскому газу был открыт, что позволило начать первые поставки советского «голубого топлива» в начале 1984 года.

25 июля 1983 года была полностью закончена укладка трансконтинентального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Это уникальное сооружение по своим техническим параметрам превосходило все крупнейшие трубопроводы мира. Его протяженность 4451 километр, диаметр 1420 миллиметров, рабочее давление 7,5 атмосферы, производительность 32 миллиарда кубометров в год. Впервые в мировой практике газопровод такого класса построили в рекордно короткий срок — за один год вместо трех лет по нормативам.

Создание хорошо подготовленного коллектива строителей, обеспеченного мощной современной техникой, позволило в широких масштабах перейти на поточно-скоростное сооружение газопровода Уренгой — Ужгород. Комплексные технологические потоки сыграли решающую роль в досрочном завершении прокладки линейной части газопровода.

Специализация подразделений потоков по этапам и комплексам работ позволяла значительно повысить темпы и качество строительства. Средний темп изоляционно-укладочных работ на один поток составил 12,5 километра в месяц, причем 13 потоков достигли темпа 17 километров в месяц.

Одновременно с сооружением линейной части газопровода была осуществлена крупномасштабная программа обустройства Уренгойского месторождения. Совместно с Мингазпромом СССР были спроектированы и построены в 1982—1983 годах четыре установки комплексной подготовки газа (УКПГ), в том числе три установки производительностью по 20 миллиардов кубометров газа в год — впервые в мировой практике!

Проблемы стройки систематически рассматривались в ЦК КПСС. Важную роль в координации работ по сооружению подземной магистрали и освоению Уренгойского газоконденсатного месторождения сыграла деятельность комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ее возглавлял Вениамин Эммануилович Дымшиц.

Дымшица, талантливого инженера, строителя от Бога, считали родным человеком на «Азовстали» и «Запорожстали», на заводах Урала и Кузбасса... Повсюду, где Вениамин Эммануилович вложил в стройки свой «камень личного граненья» (строка Бориса Ручьева, замечательного поэта, строителя и

певца Магнитки). О военном, сражающемся Магнитогорске Дымшиц написал увлекательную документальную повесть «Броневой стан». Долгие годы он возглавлял строительный комплекс страны. Деловое общение с таким человеком заменяло целый учебный курс. И Борис Евдокимович, секретарь обкома, министр, это особенно ценил. Со временем он принял от Дымшица совминовскую комиссию по Западной Сибири. И ему не будет нужды запрашивать справки о том, как работала эта авторитетная структура Совета Министров. В его записных книжках, рабочих блокнотах остались записи, сделанные на заседаниях комиссии. Даже по ним видно, как врывались в повестку дня горячие темы: о срыве строительства жилых домов в городе Ноябрьске, Тюменской области; об обеспечении Главнефтегаза шарошечными долотами; об отмене решения финансового управления Тюменского облисполкома в части запрета на выплату надбавок к заработной плате рабочих и служащих треста «Ленуренгойстрой»...

И тут же вопросы перспективные, темы стратегические: о мерах по увеличению использования попутного нефтяного газа в Западной Сибири; о развитии в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса мощностей по производству конструкций жилых домов; о рациональной схеме расселения и сети населенных мест в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и направлениях градостроительства с учетом применения вахтового метода в этом районе.

Газопровод Уренгой — Помары — Ужгород был построен значительно быстрее и эффективнее, чем сравнимые по масштабам зарубежные трассы: газопровод Алжир — Тунис — Италия, трансаляскинский нефтепровод.

15 июня 1983 года два министра, Щербина и Динков (газовая промышленность), подписали служебную записку в ЦК КПСС «О некоторых мероприятиях в связи с завершением линейных работ на газопроводе Уренгой — Помары — Ужгород». «Трассу протяженностью 4451 километр из труб диаметром 1420 миллиметров построили втрое быстрее нормативных сроков, — писали министры. — Мировая практика не имеет подобных аналогов. Позорно провалилось эмбарго президента Рейгана...»

Щербина и Динков предлагали провести эстафету «Газ Уренгоя — миру», торжественное собрание в Кремлевском дворце съездов, учредить медаль «За строительство газопровода Уренгой — Помары — Ужгород»...

ЦК на новую медаль не расщедрился. Там больше любили награждать друг друга.

«10.IV.1979 г.

Уважаемый Борис Евдокимович!

Ко мне обратился председатель исполкома Соликамского городского Совета народных депутатов тов. Швабский Р. И. относительно неудовлетворительного состояния работ по переводу ТЭЦ-12 на сжигание газа и необходимости закончить эти работы в текущем году.

Прошу Вас, Борис Евдокимович, рассмотреть просьбу Соликамского горисполкома и оказать действенную помощь моим избирателям.

О Вашем решении прошу Вас поручить сообщить тов. Швабскому Р. И. и мне.

С уважением.

Кабалевский Дмитрий Борисович»

(*РГАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2231. Л. 36*).

Резолюция Щербины:

«Тов. Крайзельману А. П.

Примите меры, установите контроль за ходом работ на стройке.

Подготовьте ответ.

12.IV.1979 г.».

Судя по десяткам, сотням похожих писем, депутат Верховного Совета СССР, министр Борис Евдокимович Щербина в равной степени внимательно относился к запросам коллег. Будь это депутат-бригадир или такие знаменитости, как композитор Кабалевский или академик Харитон. «Я был бы очень Вам признателен, — писал 1 августа 1983 года «атомный» академик, трижды Герой Социалистического Труда Щербине, — за сообщение о Ваших возможностях по строительству в 1984 г. газового отвода от центрального газопровода Петровское — Елец до г. Мичуринска» (*РГАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 3767. Л. 52*).

Ответ министра датирован 4 августа:

«Уважаемый Юлий Борисович,

в связи с Вашей просьбой Миннефтегазстрой примет в план подрядных строительно-монтажных работ на 1984 год строительство отвода до г. Мичуринска» (*там же. Л. 50*).

Строительство отводов к городам и поселкам, мимо которых проходили магистральные трассы, — одна из самых частых тем в депутатской почте Щербины. А еще — социальные проблемы: школы, жилье, общежития, детсады...

В башкирском селе Верхние Бишилды, где учатся дети из двенадцати окрестных деревень, поднимается современная школа; в городе Тулуне после семи лет согласований начина-

ется строительство жилого дома; подходит газ к станицам и поселкам, у которых пролегали магистральные трубы; поднимается общежитие в Белебее.

К депутату Верховного Совета СССР Б. Е. Щербине, учитывая потенциал министерства, которым он руководит, обращаются и коллеги (министры Мальцев, Гарбузов, Силаев), и большие начальники, к примеру зампред Совета Министров СССР Лесечко. Борис Евдокимович со всеми вежлив, по возможности старается помочь, но, если видит, что на него перекладывают чужие обязанности, не молчит.

Из письма И. С. Силаеву, министру авиационной промышленности СССР, — он просил помочь построить школу в башкирском колхозе «Победа»: «Миннефтегазстрой, как вы знаете, крайне перегружен заданиями по строительству газопроводов, нефтепроводов и газовых промыслов... Если дело со школой неотложно, поручение о ее строительстве можно было бы рассмотреть на месте с организациями Минсельстроя СССР, которые ведут работы в этом районе».

Заглянуть за горизонт

Борис Евдокимович занимался многими проблемами, казалось бы, не имевшими прямого отношения к отрасли. Это и транспорт на воздушной подушке, и гидротранспорт по трубопроводам, и пневмотранспортные системы, и даже дирижабли. Не все прижилось в то время, но еще вопрос — потеряло ли перспективу?

19 апреля 1983 года он обратился с письмом к М. С. Горбачеву, еще не генсеку, а просто секретарю по селу:

«Уважаемый Михаил Сергеевич,

специалистами института ВНИПИтранспрогресс Миннефтегазстроя СССР разработаны и внедряются поточно-конвейерные транспортные системы многоцелевого назначения, в том числе с магнитно-фрикционным приводом, имеющие лучшие технико-экономические показатели по сравнению с традиционными видами непрерывного транспорта.

Такие системы смонтированы на объектах стройиндустрии отрасли для транспортировки песка, щебня, гравия, керамзита. Этот привод позволил создать на унифицированной базе ряд конструктивно простых, надежных транспортных систем и для предприятий животноводства, кормопроизводства и других сельскохозяйственных объектов...

Считал бы необходимым поручить Министерству сельского хозяйства СССР, Минживмашу и Госкомстрою рассмотреть

вопрос организации широкого внедрения поточно-конвейерных систем для сельского хозяйства» (*РГАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 3749. Л. 77, 78*).

Ответ Михаила Сергеевича в архивах нам не удалось найти.

В поисках нетрадиционных путей повышения эффективности труда, значимости человеческого фактора Щербина обратил внимание на психологию. Его стараниями в институте НИПИоргнефтегазстрой была образована специальная лаборатория психологических исследований. Нужно было сориентировать ученых на практические результаты.

Заместитель министра Анатолий Павлович Весельев сохранил стенограмму выступления Щербины на совещании, посвященном становлению психологической службы в отрасли.

В самом начале выступления он заметил, что психологическое обеспечение производства в отрасли да и в целом по стране находится на недопустимо низком уровне, в то время как изучение и учет психологических закономерностей производства таит в себе огромные резервы для повышения эффективности. На современном этапе нельзя рассматривать какие-то события в технологии, не учитывая психологию работников. Динамичная, быстро развивающаяся отрасль остро нуждается в квалифицированном психологическом обеспечении.

Теперь давайте прочитаем стенограмму, которую любезно предоставил нам Анатолий Павлович, один из ветеранов отрасли:

«1. Проблема дисциплины. Итоги работы промышленности за первый квартал 1983 года показали, как без каких-либо новых капитальных вложений была сравнительно быстро повышена производительность труда и достигнут рост промышленного производства. Другими словами, проблема дисциплины здесь начала выступать не только как социальная, экономическая, но и как психологическая категория. Здесь, что называется, "непаханое поле" для психологов.

2. В последние годы в стране (правда, немного с опозданием) стало уделяться большое внимание роботизации. Манипуляторы да и в целом микропроцессоры должны внести весомый вклад и в наше производство. А это влечет появление качественно новой ситуации. Тут снова и прежде всего необходимо изучение психологии людей.

Проблема состоит в том, чтобы как можно менее болезненными и краткими сделать процессы отторжения, неприятия технологического нововведения работниками. Ведь даже установку "Север" передовой бригадир сначала и видеть не хотел,

относился к ней с недоверием и скепсисом. Потребовалось четыре (!) года, прежде чем он сам захотел поехать на завод, чтобы выбрать для своей бригады эту установку.

Можно привести много примеров, как рабочие не только не принимали, имеется в виду чисто отношенчески, технологические нововведения, но и пытались всячески от них избавиться. Такая ситуация была с пультом управления мощной установки по промывке золота. В то же время западные фирмы буквально хватались за наши технологические нововведения. И потом, усовершенствовав их по необходимости, продавали это оборудование нам.

Конечно же, слишком сложной проблемой является "догоняние", но думать об этом психологам надо. В общем, надо целенаправленно изживать психологию "гонки за лидером". Мы сами очень даже способны на лидерство.

Облегчение за счет манипуляторов и роботов нельзя рассматривать только с точки зрения уменьшения трудоемкости. Тут необходимо отслеживать монотонию. Ведь нужно быть суперфлегматиком, чтобы сидеть за пультом и только наблюдать.

3. Психологические проблемы, связанные с совершенствованием хозяйственного механизма. Сегодня мы внедряем поэтапную специализацию. Контролеров много, работников мало. Каждая структурная перестройка влечет изменение отношений, новую психологическую ситуацию. Здесь нужна исследовательская работа и по "вертикали" и по "горизонтали", нужно не только заниматься исследовательской деятельностью, но и принимать действенное участие в формировании системы отношений людей.

4. Как известно, в результате проведенного эксперимента в технологическом потоке в два раза повысилась производительность труда. В то же время заработная плата увеличилась всего на 30 процентов. Нужно психологическое обоснование и изучение получившихся "ножниц". Ведь не исключено, что в результате этого несоответствия мы несем определенные потери.

5. Особую проблему представляет стабилизация кадров, особенно молодежи. Здесь, кроме социального обоснования (например, сервис на трассе должен несколько превосходить стационарный, чтобы молодежь была заинтересована быть на трассе), нужно достаточно тонкое исследование мотивационной сферы работников.

6. У человека есть органическая потребность работать. Как известно, энергетическая проблема сегодня является одной из самых важных. Прибавим сюда санкции администрации Рей-

гана. Мы увеличиваем темп работы. Люди на трассе фактически формируют политический климат в стране. Усилилась обязательность в работе, люди работают с большим напряжением. Теперь можно услышать от работников: "Раньше мы разве так работали?"

И несмотря на то, что сейчас завершается строительство газопровода Уренгой — Ужгород, можно услышать все-таки сомнение: "Будет или не будет?" У этого сомнения чисто психологическая природа. Было бы желательно, чтобы психологи принимали участие в исследовании закономерностей формирования политического климата. Это тоже задача сложная, но думать об этом надо.

7. Ждут психологической проработки вопросы межотраслевых связей, точнее, межотраслевой разобщенности. Наше министерство в настоящее время опережает потребности газовой промышленности. Нередки случаи, когда объекты, построенные в процессе напряженной работы, оказываются попросту ненужными заказчику. Так вот заказчик "ходит и разлагает наших ребят". Но это частный пример проявления межведомственной разобщенности. На самом деле она встречается на каждом шагу. Особенно это касается поставок.

8. Теперь о психологической деятельности руководителей. Тема эта нужная и важная. Необходимо совершенствовать все аспекты управленческих решений. Но здесь важно посмотреть на личность руководителя.

Было время, когда при аттестации употреблялись такие определения: "делу партии верен". Сейчас, конечно, такие формулировки звучали бы анахронизмом. Однако идейность — это важнейшее качество руководителя. Здесь следует прежде всего сказать о нравственности руководителя в целом. В недалеком будущем предполагается провести совещание по кадровым вопросам. Нужно покончить с односторонностью рассмотрения руководителями соотношения "мое — наше", необходимо разрабатывать психологию бесхозяйственности. Наследие или приобретение недавнее? Все это — проблемы чрезвычайно актуальные.

9. Люди живут лучше и лучше. Этот процесс будет и дальше продолжаться. Но где предел потребительства, на чем человек угомонится? Что получится, если мы сегодня будем давать человеку больше, чем сможем дать завтра? Или, может быть, нужно смело идти на увеличение материального вознаграждения? Необходимо изучение психологии потребностей и их активное формирование.

10. Наука движется вперед. Теперь, по-видимому, ситуация такова, что каждые пять лет идет удвоение информации.

Не пора ли подумать о перманентном обучении? Нужна новая формула переподготовки вместо эшелонированной теперешней: наука — кадровики — технологи. И все это в разных корзинах.

11. Мы все торопимся и не обращаем внимания на подготовительную фазу производства, она, как правило, вообще отсутствует. У нас получается не та психологическая нацеленность: все время надо или что-то исправлять, или догонять.

В общем, психология — это резерв, которого мы еще пока не коснулись. А по оценкам наших зарубежных специалистов, психология может дать до 20 процентов роста производительности труда».

Опираясь на психологию, Борис Евдокимович обнажил целый пласт жизненных проблем и явлений из области техники, технологии, социологии, морали, этики... Все они требовали глубокого изучения, осмысления и выхода в практику. Многие идеи, высказанные на этом совещании, были затем включены в программы научно-исследовательских институтов, стали темами кандидатских и докторских диссертаций, посвященных проблематике человека.

Из записных книжек Владимира Чирскова

Когда я впервые познакомился с этим документом, то по-новому оценил свои взаимоотношения со Щербиной. А они в какие-то моменты жизни были далеко не безоблачными. Я понял, что Борис Евдокимович был превосходным психологом еще и по жизни. Его порой весьма резкое поведение было продиктовано вовсе не минутным капризом и не вздорностью характера. Таким образом он нас воспитывал, как говорится, применительно к полевым условиям, жестко моделируя вероятные жизненные ситуации, преподнося суровые уроки на будущее. И вместе с тем вставал горой, случись с кем-то из нас большая или малая беда.

Мне хорошо запомнились малоприятные события февраля 1978 года. Тогда на заседании коллегии министерства, после моего доклада о строительстве магистрального газопровода в Тюменской области, Борис Евдокимович, как показалось, сделал мне обидное замечание. По его мнению, мои заместители, находящиеся непосредственно на участках строительства, не владеют ситуацией. Я с этим не согласился — они работали без сна и отдыха, — стал довольно резко возражать

министру, в запальчивости сказал, что, очевидно, те, кто его информирует, явно не в курсе дела.

Поначалу Борис Евдокимович не снизошел до публичной пикировки, сдержанно заметил, что я веду себя недопустимо для начальника главка и коммуниста. Надо быть выдержаннее и даже в случае несправедливой критики не становиться в позу, а спокойно и аргументированно отстаивать свою точку зрения. Однако меня понесло. Задетый за живое намеком на мою несостоятельность как коммуниста, я сказал, что, как бы то ни было, мою партийность нужно рассматривать не на коллегии министерства.

После этого состоялась публичная порка — Щербина не мог спустить откровенной дерзости, под ударом оказывался авторитет министра. В конце заседания я сообразил, что и впрямь хватил лишку, и, ссылаясь на сложную обстановку на стройках Тюмени, объяснил свою несдержанность нервным срывом. При этом было принесено извинение коллегии и министру.

После заседания ко мне стали подходить бывалые министерские работники с деланым выражением сочувствия. Я сказал, что не следует беспокоиться, ничего особенного не произошло: отец публично воспитывал сына и я сделаю правильные выводы из произошедшего. А сам устремился в приемную министра, хотелось до отъезда нормализовать отношения. Но Борис Евдокимович меня не принял. На следующий день из Тюмени я позвонил ему, но секретарь сказала, что его нет.

У Бориса Евдокимовича было заведено хорошее правило: если во время его отсутствия кто-то ему звонил, то он непременно перезванивал. На следующий день, не дождавшись ответа, я снова напомнил о себе, однако история повторилась. По министерству поползли слухи, что дни Чирскова сочтены. Ему срочно готовят замену. Положение у меня, прямо скажу, складывалось аховое, но я не опускал рук — работал и работал, не позволяя себе расслабляться и паниковать.

Между тем министерские аппаратчики, поторопившись поставить на мне крест, стали тормозить решение текущих вопросов моего главка. Я сильно по этому поводу переживал. Примерно через месяц звонит мне один из щербиновских заместителей и говорит, что завтра в Тюмень прилетает министр. Обычно за несколько дней до его приезда из Москвы шли звонки, уточняли поминутно программу. А тут как снег на голову.

В аэропорту Борис Евдокимович равнодушно со мной поздоровался. Время было позднее, разговора не получилось. Но утром я решил окончательно выяснить отношения: чего тянуть, рубить — так сразу!

Чуть свет на следующий день я отправился в гостиничный дом, где остановился Щербина. Борис Евдокимович всегда вставал рано, и, когда я приехал, он уже гулял. Он вообще спал мало. Я к нему присоединился.

Скажу сразу, состояние у меня было не из самых приятных. На душе кошки скребли. Я почувствовал, что вдвоем бываешь иногда более одинок, чем наедине с собой! И это происходило сейчас. Но я твердо решил поговорить о создавшейся ситуации. Откладывать дальше этот тяжелый для меня разговор я не имел права. Однако не успел начать разговор, как он меня строго спросил:

— Ну что, выводы сделал?

Отвечаю:

— Пережил и выводы сделал, но, на мой взгляд, обстановка, которая сложилась между аппаратом министерства и главком, вредит делу. В интересах дела надо бы поскорее решить, быть мне в главке или не быть.

Борис Евдокимович быстро и твердо сказал:

— Быть.

Помолчал, продолжая шагать. Потом раздумчиво добавил, остановившись и пристально глядя мне в глаза:

— Будь тем, кто ты есть! Ты достойно выдержал испытание. Не ударился в панику, не опустил руки, пережил урок достойно. Все остальное поправимо. Я ведь знаю, что наказания, назначаемые в порыве гнева, не достигают цели.

На удивление многим аппаратным интриганам, а такие бывают во все времена, через два месяца Щербина назначил меня своим заместителем и поручил курировать стройки Западной Сибири. Это, конечно, было хорошим университетом.

Я был весьма доволен нелегкой, но интересной работой. И вдруг весной 1982 года меня пригласил Б. Е. Щербина и сказал, что ты, мол, познал все плохое и хорошее в Сибири, а нам в отрасли нужно укрепить промышленность, машиностроение, новые виды транспорта. В общем, давай берись за этот участок.

Для меня это было совершенно неожиданно, даже обидно. Я стал думать, за какие проступки меня министр отстранил от родной Тюмени. Но приказ есть приказ — стал московским замом. Борис Евдокимович, очевидно, понимал мое состояние и старался снять напряжение. Он стал брать меня на заседания Президиума Совета Министров, на совещания в Госплан, Госснаб, Академию наук, на специализированные выставки и так далее. В свое отсутствие и в отсутствие в министерстве Ю. П. Баталина стал доверять мне проводить заседания коллегии несмотря на то, что были более опытные заместители: Смирнов, Сорокин, Судобин.

Позже стало все понятно. Он хотел, чтобы я изучил промышленность, обкатался по московским инстанциям, изучил аппарат министерства.

А дело прояснилось примерно через полгода. Борис Евдокимович пригласил меня зайти к нему. Когда я вошел в кабинет, там находился член коллегии министерства А. А. Будагян. Щербина подписал какис-то документы, передал их Будагяну. Затем, не отпуская его, сказал мне:

— Ты знаешь, что в отрасли резко возрастают производственные задачи. Наряду с Западной Сибирью нужно решать их по новым крупным месторождениям Казахстана, Туркмении. ЦК и Совмин решили укрепить руководство нашей отрасли; так же, как у нефтяников и газовиков, у нас будет два первых заместителя министра. Тебе также известно, что должности даются и рассматриваются одновременно с предоставляемой кандидатурой на должность. Первое: просьбу о должности я уже подписал и Артем Амбарцумович сейчас отправит. Второе: я предлагаю тебе исполнять обязанности нового первого заместителя министра.

Я спросил:

— А какой участок работы, Борис Евдокимович, вы хотите мне поручить?

— Я думаю, ты должен курировать все главные производственные вопросы, — ответил он.

— А чем же будет заниматься Баталин?

— Ему мы поручим вопросы научно-технического прогресса и стратегического развития отрасли.

Тогда я сказал:

— Борис Евдокимович, вы же знаете о моих дружеских отношениях с Баталиным...

— Да, знаю. И в этом вопросе секрета нет, можете ему сказать о моем предложении.

Я подумал, что Баталин, очевидно, знает о новой должности в министерстве. Попросил разрешения подумать о предложении.

— Думай до утра, — разрешил Борис Евдокимович.

Из кабинета министра я сразу зашел к Баталину. Рассказал ему о предложении Щербины. Юрий Петрович, оказывается, ничего не знал. В итоге в тот период должность нового первого зама не появилась. Правда, через полгода Баталин стал председателем Госкомитета по труду в ранге министра. А мне все же пришлось заняться всеми производственными и другими вопросами отрасли в ранге первого заместителя Б. Е. Щербины.

Замечу, что Щербина никогда не ослаблял своих требований, не упрощал, не облегчал задачу, которую в очередной раз

ставил передо мной. «Любимчиком» Бориса Евдокимовича быть непросто. Это всегда был большой обоюдный труд, за который он ждал единственного вознаграждения — преданности ученика избранному делу. За эту школу я вечно ему благодарен.

А вот случай из другого ряда.

В 1980 году народный контроль Союза повсеместно проводил проверку по хранению строительных материалов — положение здесь складывалось катастрофическое. Нарушений в те времена и в нашей «епархии» было немало. Итоги проверки по министерству были направлены в Секретариат ЦК КПСС.

Материальными ресурсами в министерстве тогда ведал К. К. Смирнов, который и должен был идти на заседание Секретариата получать головомойку. Но он неожиданно, не исключено, что дипломатически, заболел. А поскольку я оказался под рукой в Москве, мне, ничего не подозревавшему новичку в этих делах, было велено идти на заседание.

Так я впервые оказался в святая святых ЦК КПСС. Для меня этот орган всегда представлялся как нечто светлое, возвышенное, правдивое. С этими чувствами я туда и шел. Но скоро восторгов поубавилось. Вел памятное заседание секретарь ЦК Кириленко. Наряду с другими ведомствами в проекте постановления Секретариата ЦК по сохранности материалов давалась острая оценка деятельности и нашего министерства.

В Миннефтегазстрое необходимо срочно принять меры (следовали указания), а члену КПСС Чирскову В. Г. предлагалось объявить выговор. И еще: передать дело на рассмотрение о наказании шести работников нашей отрасли в Комитет партийного контроля. Да-а, тут я на собственной шкуре ощутил верность житейской мудрости, что несправедливость одинаково гнусна, совершает ли ее одно лицо или множество лиц.

После председателя Комитета народного контроля выступал Б. Е. Щербина. Он был заметно смущен. Вначале доложил, какие меры принимаются в министерстве по хранению материалов. Сказал, что климатические условия Западной Сибири не позволяют по весне, во время разлива рек, убрать с трасс трубопроводов остатки труб, пригрузов, техники. Но опыт в этом деле наращивается. И как раз здесь многое делает Чирсков. Затем попросил Секретариат не наказывать меня: мол, он самый молодой заместитель министра, для него вызов на заседание уже серьезный воспитательный акт.

— Если нужно наказать, то накажите меня, но не Чирскова, — сказал он в заключение.

Как ни странно, определяя для меня наказание, мне не дали слова. Однако при нас окончательное решение не было принято...

Был уже поздний вечер, когда мы с Борисом Евдокимовичем вернулись в министерство. Здесь нас ждали заместители министра. В это время в кабинет министру позвонил Кириленко. Он что-то говорил Борису Евдокимовичу, который повторил уже однажды сказанное: «Прошу, не наказывайте строго Чирскова».

И Щербина отбил-таки меня — на следующий день стало известно, что мне всего-навсего поставили «на вид».

Или вот еще случай из этого ряда...

В середине 1980 года А. М. Михайличенко, молодого руководителя, министр назначил управляющим союзным сварочно-монтажным трестом. Трудно всякое дело, если не хочется его делать, легко всякое дело, за которое мы беремся с полным убеждением в его плодотворности и необходимости. Михайличенко буквально набросился на работу.

Но в этот период пошла волна борьбы с бесхозяйственностью, и через три месяца на него в Тюмени было сфабриковано уголовное дело о нанесении материального ущерба государству в особо крупных размерах. В то время эта сумма начиналась с 51 тысячи рублей. Михайличенко мог бы лишиться свободы на 4—8 лет.

На всю жизнь остался у него в памяти 40-минутный телефонный разговор Бориса Евдокимовича из Тобольского кремля с Генеральным прокурором СССР А. М. Рекунковым. Из этого разговора он понял, что его судьба уже решена, что генпрокурор сделать ничего не может, санкция согласована свыше. И тогда Михайличенко услышал и увидел совсем другого министра. Б. Е. Щербина подчеркнуто сухо и официально сказал: «Я разговариваю с вами не как министр, а как член ЦК КПСС. Этот разговор продолжим на заседании Секретариата, и так просто я вам его не отдам».

Через полгода Михайличенко получил из тюменской прокуратуры извещение о закрытии его дела.

Этот эпизод я привел потому, что он характеризует отношение Б. Е. Щербины к людям. Управляющих трестами и руководителей предприятий он считал своими основными помощниками и понимал: если руководитель крепкий, то и предприятие будет процветать. И в данном случае он и Михайличенко отстаивал, спасал от наказания, и дело защищал. Главное — это как человек оценивает свои поступки.

— Прошли годы, открылись глаза на многое, ранее нам неизвестное, — вспоминает сейчас А. М. Михайличенко, генеральный директор ЗАО «ЛУКОЙЛ — Нефтегазстрой». — И сегодня, читая страницы жизни многих соотечественников, чью жизнь искалечило государство, я снова вспоминаю комнату в Тобольске, где услышал от настоящего руководителя слова, которые не позволили сломать мою судьбу.

«Обманщик обманывает самого себя»

О щербиновском «пунктике» — интересе к необычным техническим идеям и проектам знали многие. Нередко при этом скептически говорилось о прожектах... И все же, и все же... Министр не давал закоснеть инженерной мысли и тем самым задавал в подразделениях отрасли определенный стиль: любому обоснованному новшеству непременно давалась «зеленая улица». Понятно, что при подобных условиях инженерный люд не стеснялся порой делать весьма и весьма дерзкие технические предложения. Нередко случалось, что они доводились «до ума» и даже становились предметом гордости всей отрасли.

Чем был вызван к жизни щербиновский стиль? Можно говорить о свойстве натуры Бориса Евдокимовича. Но можно говорить и о большем. Необычность тюменской стройки, где, по сути дела, всё — и земля, и климат, и расстояния — сопротивлялось освоению, требовала нетрадиционных решений. И порой они рождались прямо на ходу, с успехом продвигая дело. Разумеется, такие решения нуждались в поощрении. Щербина это не просто понял раньше других. Он начал задавать здесь тон. Не случайно к нему тянулись «горячие» изобретательные люди.

Борис Евдокимович буквально хватался за все новое. Только услышит, что какой-то человек с интересной идеей носится, мигом его на заметку, идею — на экспертизу. Казалось бы, не дело нашего строительного министерства заниматься новыми видами транспорта. Скажем, транспортом на магнитной подвеске. Или вездеходами, снегоходами, болотоходами... А он ничего и знать не хочет. «Придет время — пригодится!» — бывало, говаривал.

Идеи все были необычные, привлекательные. Недаром вокруг него быстро образовался коллектив молодых, который легко интересное подхватывал и двигал, двигал. Но дело делалось под бдительным оком Щербины. Он не любил с кондачка решать вопросы. Зная обо всем этом, и более старшие люди, уже повидавшие виды, шли к нему с предложениями, которые другой руководитель «завернул» бы не глядя.

Подобный опыт общения со Щербиной был и у С. К. Аракеляна, в то время начальника Главспецмонтажа, позже — заместителя министра. Как-то возник серьезный конфликт между двумя крупнейшими союзными министерствами — Минмонтажстроем и Минтрансстроем. Случилось это у него

на глазах в кабинете Николая Константиновича Байбакова, председателя Госплана.

В те дни впервые в Союзе строился аммиакопровод от Тольятти до Одессы. Для него необходимо было возвести мост через Днепр, самый крупный в Европе вантовый мост длиной 740 метров. Строить его поручили этим двум министерствам. За такие серьезные стройки обычно принимались после постановления ЦК и Совмина. В проекте было записано, что изготовит конструкции одно министерство, а смонтирует — другое.

Трижды собирались, колдовали над проектом, и все три раза вычеркивался пункт, связанный с мостом. Объяснения вроде бы были основательными — и то и другое министерства были перегружены бамовскими проблемами. А тогда и впрямь на БАМ были брошены фактически все силы. Аракелян со Щербиной присутствовали на этих торжищах и пытались доказать, что аммиакопровод тоже дело нешуточное. Однако к их доводам все оставались глухи.

Тогда-то С. К. Аракеляну и пришло в голову пойти по домашнему, как говорится, варианту. В нашей отрасли всегда было немало всякого рода специалистов и умельцев. Что, если привлечь их? Тогда он сказал Щербине:

— Есть вроде бы способ вдвое облегчить задачу...

И выложил свои соображения.

Тот и минуты не раздумывал:

— Отличная идея!

Разговор перенесли в кабинет Байбакова. Изложили суть: пусть наши коллеги изготавливают конструкции, а мы будем монтировать мост. Байбаков на это сказал:

— Подумайте, братцы. Это же вам не мостик через деревенскую речку, а крупнейший вантовый мост в Европе. На окончательное решение даю вам два дня...

Поехали они в министерство, собрали специалистов, стали держать совет. Дело в том, что это их предложение было не с бухты-барахты. Подобный мост люди отрасли уже когда-то собирали. Он, конечно, был поменьше, и стройка была, наверное, менее ответственная. Решили: соберем людей, которые строили тот мост, организуем бригаду и этими силами решим задачу, которая оказалась непосильной даже для двух министерств.

Так и сделали. Немедля пригласили старых бригадиров, начальников участков и в рекордные сроки построили красавец-мост. Он и сейчас стоит южнее Днепропетровска. Самый крупный в Европе вантовый переход, высота пилонов 90 метров, пролеты — 760 метров. Белоснежный такой...

Продолжая разговор о щербиновском стиле, нельзя не вспомнить, как он держался на людях. В каком бы ни был он состоянии — падал ли от усталости, заболевал ли, он и виду не показывал. И терпеть не мог, если кто-то, заметив его состояние, пытался посочувствовать или предложить помощь.

В нем, по свидетельству многих, не было и намека на заносчивость, демонстративную исключительность собственной персоны. Он был прост и доступен. Однако при всей своей простоте на дух не переносил панибратства, похлопывания по плечу. Он старательно внушал собственный кодекс поведения своему ближнему кругу, подчеркивая, что, к примеру, разумная дистанция между молодыми и умудренными опытом, между начальником и подчиненным только на пользу делу. Он никогда не путал почтительность с раболепством, избегал заискивающих, тех, кто глядит в рот. «От таких, случись самая малая трудность, жди беды», — не раз предупреждал он.

На вопрос, что более всего претит ему в человеке, неизменно отвечал: «Ложь, вранье... Я всегда повторял и буду повторять, что обманщик в конечном счете обманывает самого себя».

И еще. Никогда не злоупотреблял строгостью. Он считал, что тот, кто не может взять лаской, не возьмет и строгостью. Возможно, поэтому к нему тянулась молодежь.

В 1978—1979 годах В. Я. Беляева возглавляла участок на строительстве газопровода Уренгой — Челябинск. Они стояли тогда под Тобольском, у Аремзян, знаменитых своими болотами. Условия были тяжелые. Но когда попривыкли и стало что-то получаться, взяли на себя обязательство построить выпавшие на их долю 60 километров трассы в сокращенные сроки. Но тут оказалось, что труба, которую им централизованно поставили баржами, совершенно непригодна для северных условий. Ее практически всю, а это 45 километров, забраковали. Она так и осталась лежать на берегу Иртыша как памятник головотяпству.

А трубы-то, никуда не денешься, нужны. Люди готовы, техника готова. Хотелось свой участок достроить поскорее. И вот тогда управляющий трестом, тяжело вздохнув в телефонную трубку, обреченно сказал Беляевой:

— Один у нас выход, Валя. Надо как-то попасть к Борису Евдокимовичу.

Беляева кинулась в Москву. Безо всяких на то договоренностей. Почти два дня продежурила около министерства в надежде, что встретит Бориса Евдокимовича и тот ее узнает: как-никак первый в Сибири нефтепровод прокладывала. Где-то на исходе второго дня она его наконец отловила.

Щербина действительно ее узнал, очень удивился и с деланой строгостью спросил:

— Что это здесь люди с трассы делают? Строить надо, а вы тут стоите...

— Борис Евдокимович, очень хотела к вам на прием попасть, но никак не могу.

— Считай, что попала. Ну, давай заходи.

Беляева зашла к Щербине в кабинет, все рассказала: мол, прошу помочь с трубой. Борис Евдокимович возмутился:

— Как это трубы нет?! Быть того не может!

А ему, оказывается, боялись признаться, что трубу негодную на трассу послали. Словом, он пообещал разобраться. Потом расспросил Беляеву о семье, о том, как устроились, как работается.

Труба на трассу, разумеется, пошла. Министр позвонил Беляевой примерно через три-четыре дня. По селектору ее нашли. Борис Евдокимович сказал:

— Труба к тебе пойдет, но имей в виду: тебе дадут «окно» не более чем на четыре часа (тогда железнодорожная магистраль Тобольск — Сургут еще не была сдана и с транспортом было трудно), если не управишься, больше маршруты подавать не будут.

Трассовики за отведенное время все пятьдесят вагонов разгрузили. Газопровод построили, как и обязались, до зимы, а весной его испытали.

Щербина очень ценил тех людей, которые могли без остатка отдаваться работе. Он ни в чем никогда не отказывал никому из своих непосредственных подчиненных или просто рабочих, бригадиров на стройке, где ему приходилось бывать. Его помощники тщательно записывали самые нехитрые просьбы. Часто народ удивлялся, не веря, что министр займется каким-то мелким бытовым вопросом. А тут не проходило и дня, на самую маленькую просьбу — ответ, и, как правило, ответ положительный, удовлетворяющий человека.

В нефтегазовом строительстве своя специфика. Люди неделями, месяцами оторваны от родных мест. Условия жизни строителей — спартанские, мягко говоря. Но и спартанцы, кажется, не выдержали бы того, что выдерживали строители нефте- и газопроводов на Севере, в Сибири. Борис Евдокимович, как отмечали ученые люди, «поставил социальные вопросы во главу угла отрасли». И сделал это задолго до пресловутого человеческого фактора, звонкой фразы, сочиненной для Горбачева его спичрайтерами.

Обновились притрассовые полевые городки, а в них, к слову говоря, жили 100 тысяч человек. Специально для них построили сборные, как детский конструктор, спортивные комплексы, плавательные бассейны, клубы, столовые... Для строителей газопровода Уренгой — Ужгород предприятия отрасли изготовили около 3500 инвентарных зданий. На трассу было доставлено более 3300 зданий.

Содержать такие городки, безусловно, дороже — все это дополнительные расходы, и ложились они на прибыль. Но выигрыш стоил этих затрат, потому что речь шла о людях, о их здоровье и благополучии.

В 1976—1980 годах построили завод вахтовых автобусов для северных трасс. Такие автобусы имели высокую проходимость и были рассчитаны на работу в районах Крайнего Севера. В их салонах сохранялось тепло даже в лютый мороз.

Щербина частенько апеллировал к совести, хотя и мог стукнуть кулаком. Самая трудная профессия — быть человеком.

...Август 1981 года. Тогда впервые газовой инспекцией был введен стопроцентный контроль на сварку межцеховых коммуникаций установок по добыче и подготовке газа. Выяснилось: на Уренгое срывается ввод УКПГ-6. Обнаружены сотни бракованных стыков на межцеховке, которую впервые выполняло объединение «Сибкомплектмонтаж». В. М. Игольников с Николаем Михайловичем Ганиченко — первым замом гендиректора объединения — в сотый раз делили стыки между сварщиками, уплотняли сроки испытаний.

Очередной звонок Щербины, традиционные вопросы: как идут дела? все ли приняты меры для завершения? когда сдадите?

Без энтузиазма Игольников ответил:

— К седьмому ноября.

— Вы уже сорвали ввод в сентябре!

— Борис Евдокимович! УКПГ-6 вводится по плану в четвертом квартале, и мы это обеспечим.

— Газ нужен стране к зимнему сезону, — вспылил Щербина, — а вас это, видно, совершенно не волнует! Что могу по этому поводу сказать? Бессовестные вы люди!

И положил трубку. А Игольников еще долго держал ее в руке. От эмоций, вложенных в слова «бессовестные вы люди», становилось тошно. Лучше бы выругал, как это бывало с другими руководителями, лучше бы устроил показательную выволочку. Ан нет — бессовестные... Нет более мучительного наказания, чем не быть наказанным.

Борис Евдокимович никогда ни на кого не повышал голос, никому никогда не сказал грубого слова. По свидетельству его сына Юрия Борисовича, и домашним в том числе. Он терпеть

не мог нецензурщину. Считал, что вульгарность — это неправильное представление об искусстве жить. А брань всегда служила признаком дефектного мышления.

Если Борис Евдокимович кого-то отчитывал, то жестко, но без грубости. Он просто говорил о том, что человек совершил, какова мера его ответственности и что нужно сделать, чтобы ошибку исправить. Унизить человека, растоптать его достоинство он никогда себе не позволял — ни по отношению к близким, ни к коллегам.

Генеральный директор объединения «Уралнефтегаз» Александр Николаевич Филимонов и Щербина вместе летели из Тюмени в Москву. Сидели рядом, разговаривали. Борис Евдокимович спросил, будет ли его встречать машина из министерства. Филимонов ответил, что они не обременяют подобными просьбами своего министра. На что Щербина ответил:

— А у нас посылают автомобиль даже за управляющими трестами с бронью на гостиницу.

Филимонов подумал тогда: а ведь это элементарная забота о подчиненных.

За время полета многое было обговорено. Филимонов спросил, почему Борис Евдокимович, когда был первым секретарем обкома, категорически выступал против рабочих поселков городского типа, ратуя за вахтовые поселения, а, став министром, один из поселков, что в двадцати километрах от Нефтеюганска, сделал не вахтовым, а рабочим поселком городского типа.

— Этот вопрос, — ответил Щербина, — для меня самый тяжелый. Тогда я был не прав!

Филимонову стало не по себе, так как своим вопросом он как бы вынудил его признать свою ошибку. Однако то же самое Борис Евдокимович повторил, когда Филимонов вместе с другими тюменскими нефтяными «генералами» Ф. Г. Аржановым, Н. П. Захарченко, Р. И. Кузоваткиным приехал в октябре 1979 года поздравлять его с 60-летием.

Еще у Филимонова была встреча со Щербиной 22 марта 1977 года в Москве на XVI съезде профсоюзов. В этот день умер нефтяной министр Валентин Дмитриевич Шашин. Тогда Филимонов спросил у Бориса Евдокимовича, кто теперь будет их министром. Он ответил, что есть три кандидатуры, одну из которых и назвал: первый секретарь Татарского обкома КПСС Табеев. О двух других промолчал, но Филимонов понял, что это, возможно, он сам и Виктор Иванович Муравленко. Да, Муравленко предлагали в ЦК принять министерство, но он отказался, сославшись на подорванное здоровье. Неожиданно для тюменцев министром утвердили Н. А. Мальцева.

В конце октября 1982 года Щербина прилетел в Баку. Знакомство с нефтяной промышленностью Азербайджана, полет на Нефтяные Камни... Затем встреча с Гейдаром Алиевичем Алиевым... Говорили, разумеется, не только о нефтяных делах. Юлию Васильевичу Андрейчеву врезалась в память фраза Алиева: «Только одно угрожает Союзу — воровство и коррупция». Добавим: как и сейчас — России.

Завершая «министерскую» главу в биографии Щербины, приведем несколько цифр.

За десять лет, что Борис Евдокимович руководил Миннефтегазстроем СССР, было построено магистральных трубопроводов 113 тысяч километров. В результате их протяженность фактически удвоилась. При этом средний диаметр труб увеличился вдвое. Грузооборот в СССР трубопроводного транспорта вырос с 10,4 процента до 30 процентов от общего по стране.

В 1983 году объем подрядных работ возрос до 8,1 миллиарда долларов США. Вдвое больше программы 1973 года. В Западной Сибири подрядные работы в том начальном году составляли 26 процентов общего объема по отрасли, а спустя десять лет они достигли 53 процентов.

В несколько раз возросли годовые темпы обустройства промыслов. Созданные мощности на промыслах позволили увеличить годовую добычу нефти на 246 миллионов тонн, газа — на 336 миллиардов кубометров. Это, в свою очередь, позволило стране выйти на первое место в мире по ежегодной добыче нефти и газа.

Завидный итог. Итог работы коллективов Миннефтегазстроя и самого министра Бориса Евдокимовича Щербины.

Правда, себя он называл тогда иронически «инструментом правительства». И свою роль в становлении отрасли, как всегда, оценивал скромно. Вот какой итог подвел сам Борис Евдокимович: «Для меня десять лет в министерстве — незабываемые годы становления, поисков, годы удач, ошибок и просчетов, чего не удалось избежать. И конечно, приношу искреннюю благодарность всем, кто поддерживал меня, помогал постигать новое дело, которое требует от всех нас беспредельной преданности, самоотверженности, творческих поисков, инициативы, удачи».

Что ж, чувства его были понятны. Когда заканчиваешь большую работу, всегда испытываешь какую-то сладостную грусть. Потому что с окончанием своего труда, в котором воплощаешь свои мысли, чувства, ощущается, быть может, неуловимое чувство грусти, словно расстаешься с любимым человеком.

Свою последнюю публикацию Щербина скромно назвал «На рубеже 70-х». А по существу это ответ от имени семидесятых тем, кто навешивал на нашу эпоху ярлык: «застойные годы». «Нефтегазовая промышленность не знала застоя», — утверждал Щербина.

Мы не знали застоя

Семидесятые годы. Открытия геологами новых крупных месторождений нефти и газа, в первую очередь в Западной Сибири, и сохраняющиеся при этом довольно высокие темпы нефтедобычи в приволжских районах остро поставили перед топливными отраслями страны проблемы организационные, проблемы поиска принципиально новых технологий, научных и проектных решений, сложные проблемы освоения новых экономических пространств.

Все это в первую очередь касалось капитального строительства. Существовавшие масштабы и структура его сдерживали развитие нефтяной и газовой промышленности. Требовалась совсем иная стратегия обустройства северных районов Сибири, создания магистрального высокоэффективного транспорта нефти и газа, развития инфраструктуры в районах нового освоения.

В эти же годы рождалось, по существу, новое топливное направление — газовая индустрия. Ее организация, темпы развития, технологии требовали специфических научных и проектных подходов, а главное — особого внимания. Строительные организации, подчиненные тогдашнему Мингазпрому, естественно, не могли равнозначно уделять внимание нефтяной и успевать за вопросами газовой промышленности, за обустройством промыслов и развитием транспорта.

Само строительное производство нуждалось в освоении более высоких форм индустриализации, основанных на глубоких научных исследованиях, усовершенствовании проектного дела, создании соответствующих производственных структур.

Проблема затрагивала также необходимость активных геологических поисков наиболее продуктивных месторождений в Западной Сибири, развития в этом регионе электроэнергетики, авиации, железнодорожного, автомобильного, речного транспорта, связи, решения всех аспектов инфраструктуры, формирования строительных кадров, способных в экстремальных условиях и в короткие сроки эффективно вести сооружение предприятий, многокилометровых магистралей. Не-

обходимо было решать социальные проблемы, обустраивать нарождающиеся города, строить жилье для самих строителей.

Большое внимание развитию нефтяной и газовой промышленности, строительству в этих отраслях уделяли Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, ученые Академии наук СССР, ее Западно-Сибирского отделения, институты Академии наук Украины.

Возможные перспективы развития, разработанные учеными, министерствами нефтяной, газовой промышленности, геологии, особенно Тюменским геологическим управлением, позволили Тюменскому обкому КПСС в 1972 году обобщить материал и наметить масштабы, темпы и сроки, экономическую эффективность создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Эти масштабы превзошли самые смелые предположения: возможная добыча нефти с конденсатом на Обском Севере на длительную перспективу оценивалась в 450—500 миллионов тонн в год, газа — до 800 миллиардов кубических метров. Оценки эти не потеряли своего значения и в наше время. По газу они могут намного превышать ранее намечаемые.

Прикаспийская впадина, морские шельфы с огромными запасами углеводородов, освоение которых практически только начато, могут гарантировать на многие десятилетия обеспечение страны топливом, сырьем для химической промышленности, могут гарантировать те качественные сдвиги в научно-техническом прогрессе, росте благосостояния, в которых так нуждаются сегодня и народ, и государство.

Программа освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири требовала значительных капитальных вложений, новой стратегии и высоких темпов. 70-е годы и стали точкой отсчета времени развития современного нефтегазового строительства.

Пожалуй, первым документом по комплексному развитию отрасли стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 июля 1974 года «О повышении технического уровня строительства магистральных нефтепроводов и газопроводов и об обеспечении надежной их эксплуатации». В нем сформулирована государственная программа решения важнейших проблем нефтегазового строительства и, конечно, обеспечения развития капитального строительства в Западной Сибири, его направления и средств реализации.

В 1972 году было принято решение правительства о создании Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Отрасль формировалась с большим

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина.
1985 г.

В рабочей среде Борис Евдокимович всегда чувствовал себя своим человеком

На компрессорной станции «Приполярная». *1972 г.*

И снова на трассу

Советские нефтегазостроители создали новый газовый промысел в Афганистане

Константин Устинович Черненко, Генеральный секретарь ЦК КПСС, вручает Б. Е. Щербине Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина. *Москва, Кремль, 1984 г.*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Удостоверение № 283
ЩЕРБИНА
Борис Евдокимович
ЯВЛЯЕТСЯ ЧЛЕНОМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИЗБРАННЫМ
XXV СЪЕЗДОМ ПАРТИИ
Москва 1976

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 64
Товарищ ЩЕРБИНА
Борис Евдокимович
назначен Заместителем
Председателя Совета Министров СССР

Сергей Владимирович Михалков собирается написать стихи о нефтегазостроителях

Борис Евдокимович Щербина с коллегами — заместителями Председателя Совета Министров СССР Н. П. Лаверовым и И. Т. Новиковым

Деловая встреча на выставке Миннефтегазстроя СССР.
Раменское, 1989 г.

На завод конденсата в Сургут прилетел Н. И. Рыжков. *1988 г.*

Борис Николаевич Мотовилов, помощник заместителя Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербины

Что ждет Тенгизское нефтяное месторождение? *Казахстан, 1987 г.*

Заместители Председателя Совета Министров СССР А. Л. Костандов, Б. Е. Щербина, И. Т. Новиков. *1976 г.*

Деловой визит на завод блочных устройств Миннефтегазстроя СССР. *Тюмень, 1988 г.*

Раиса Павловна Щербина. *Успенское, 1984 г.*

Раиса Павловна Щербина с родными братьями — фронтовиками, инвалидами Великой Отечественной войны

В. Э. Дымшиц и Б. Е. Щербина всегда работали в тесном контакте

Н. И. Рыжков на строительстве нефтегазовых объектов в Тюменской области. *1988 г.*

Казахстан, месторождение «Карачаганак».
Апрель, 1986 г.

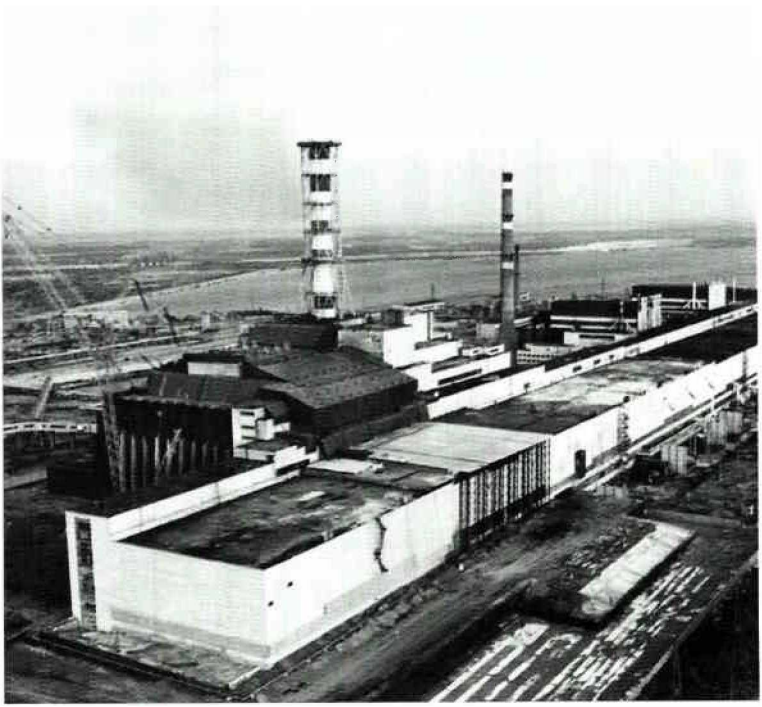

Тот же апрель...
Борис Евдокимович возглавил Правительственную комиссию по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС

На заседании Правительственной комиссии.
Припять, 1986 г.

Чернобыльская АЭС. Саркофаг над четвертым реактором

Борис Евдокимович Щербина с друзьями и коллегами на Красной площади. *Май, 1990 г.*

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина. *1989 г.*

На здании Миннефтегазстроя СССР открывается мемориальная доска Борису Евдокимовичу Щербине. *1999 г.*

В 2004 году Борис Евдокимович вернулся в Тюмень

Через время плывет теплоход «Борис Щербина»

трудом. Стартовый масштаб не обеспечивал запросов на строительство. Возможный объем строительно-монтажных работ едва превышал два миллиарда рублей. В составе отрасли был лишь один институт — ВНИИСТ, а общая численность его сотрудников вместе с обслуживающим персоналом составляла всего 700 человек. Слабая, не отвечающая запросам база не могла обеспечить производство. Технология и организация строительства требовали коренной модернизации.

Организация производственных коллективов, их энерговооруженность не позволяли обеспечивать ни новых темпов, ни качества, а значит, и надежности. Условия быта строителей даже в старых районах были плохими, текучесть кадров во многих коллективах достигала 60 процентов. Крупный «десант», который требовался для освоения Западной Сибири, нельзя было обеспечить на должном уровне.

Радовало, однако, что новая отрасль имела костяк кадров, преданных профессии и призванию. В министерстве собрались специалисты высокой квалификации, особенно в технических, плановых, производственных службах. Многие уже попробовали, что называется «на зуб», и сибирские проблемы. Впоследствии основной состав управления формировался из участников сибирских строек, которые были для них и тяжелым испытанием, и хорошей школой.

Масштабы и главные направления приложения строительных мощностей требовали прежде всего нового мышления, новой организации, новых технологий, новых кадров.

Некоторые сегодняшние «врачеватели» экономики страны ищут причину ее технической отсталости в быстром развитии Тюменского Севера. Не будь дешевых нефти и газа, утверждают некоторые из них, искали бы и нашли пути научно-технического прогресса без нефти и газа.

Не ясно, как бы без нефти развивалась химическая промышленность, определяющая научно-технический прогресс в мире. Сколько новых технологий в машиностроении, в других базовых отраслях внедрено за счет внешних закупок за нефтедоллары!

А сколько открытий, научно-технических разработок не реализовано в стране за эти годы! Система оказалась невосприимчивой к новизне — суть в этом, а не в тюменской нефти, которая, кстати, и кормила, и одевала страну, позволила создать оборону на уровне паритета с США. Без нефти и газа Западной Сибири кризис разразился бы значительно раньше, непредсказуемой оказалась бы и безопасность страны.

Как во всяком деле, и в темпах, и в использовании, в бережливости, в развитии нефтяной, газовой промышленности

и химии нужны свои критерии, свой подход с учетом и эффективности, и экологии, и заботы об идущих на смену поколениях.

Нефтегазовая промышленность не знала застоя и по своим масштабам заняла ведущие позиции в мире. И в этом заслуга ведущих отраслей экономики страны, новые импульсы развитию которых она же и давала, заслуга нашего народа.

Что-то можно было сделать лучше. Но таков удел первопроходцев — выслушивать сетования и упреки за прошлое с позиции теперешних оценок, не всегда объективных и компетентных.

Научные и технические проблемы обсуждались во многих академических и отраслевых институтах. Небывалые масштабы и сложность проблем были предметом заботы виднейших ученых страны — академиков Александрова, Патона, Лаврентьева, Трофимука, Марчука, Фролова, Ениколопова, Целикова, Некрасова, Кирилина, Колотыркина и многих других. При их поддержке в отрасли была создана крупная научная, технологическая, проектная, конструкторская база, а общее число институтов возросло до восемнадцати.

Первые годы самостоятельной деятельности Миннефтегазстроя позволили отработать новое мышление для реализации крупной строительной программы. В 1980 году она была рассмотрена в Центральном комитете КПСС и правительстве. Ставилась задача вдвое поднять энерговооруженность строительных организаций и в полтора раза повысить темпы сооружения трубопроводов.

Но это были уже другие магистрали по мощности, по давлениям и диаметрам. Был взят курс на строительство нефтепроводов из труб диаметром 1220 миллиметров, а газопроводов —1420 миллиметров. Рассматривались проекты создания газопроводов на давление до 100 атмосфер. Реализовать это пока не удалось из-за технических трудностей перевооружения трубного производства и предприятий энергетического машиностроения.

Узловые программы, если сказать коротко, сводились к поиску и решению следующих проблем:

выбор наиболее эффективных трубопроводных систем;

«коридорная» композиция потоков нефти и газа и компоновки магистралей;

комплектно-блочное строительство, при котором строительные площадки превратились в сборочные модули и даже готовые сооружения, изготовленные в заводских условиях, их монтаж осуществлялся специализированными подразделениями;

организация сварочного дела и контроль за качеством сварки — одно из коренных направлений в строительстве магистралей. Наиболее крупным техническим вкладом стала электроконтактная сварка на принципах, разработанных институтом сварки Украинской академии наук и институтами министерства. Созданные сварочные машины обеспечили высокую надежность стыков и высочайшую производительность. Американская фирма «Макдермот» закупила у нас лицензию на электроконтактную сварку. Для безопасности на ответственных участках введен дублирующий контроль сварных соединений и испытание трубопроводов давлением до предела текучести трубного металла;

принципиально новой формировалась производственная база, ориентированная на комплектно-блочное и полносборное строительство, в том числе и для гражданских объектов;

заново создавались собственное машиностроение и стройиндустрия для модернизации и изготовления механизмов для трубоукладочных работ, рытья траншей, сооружения речных переходов, изготовления трубных деталей, вплоть до строительства вахтовых поселков, финских бань, столовых, спортивных комплексов с плавательными бассейнами для трассовых поселков. Сегодняшнее машиностроение отрасли ежегодно превышает объем 250 миллионов рублей;

нерешенной остается в стране проблема заводской изоляции труб: металлурги не выполнили данные им поручения, химическая промышленность не организовала изготовление изоляционных материалов, строители вынуждены были создать собственные мощности для производства изоляционных материалов;

многое сделали строители по изготовлению приборов диагностики своими силами; приборостроительные министерства сорвали выпуск средств автоматики и телемеханики для управления системами на промыслах и магистралях.

Создание в отрасли мощностей по выпуску изоляционных материалов, трубных деталей, приборов и многого другого было, конечно, в большей мере вынужденным. Но в принципе крупные отрасли, концерны, ассоциации должны быть в пределах разумного универсальными конгломератами. Узкоспециализированные, они, как правило, хуже сбалансированы по ресурсам и обязательно отстают в оснащении новой техникой, приборами контроля и диагностики;

особое место в программе отрасли отводилось ориентации подразделений на поточное строительство, вахтовый метод производства. Заинтересованности в труде способствовало повышение зарплаты, что явилось следствием значительного

роста производительности труда. Тресты старались создать сервис не ниже, чем он был в городах. Телевидение, медицинское обслуживание и многое другое были запрограммированы отраслевыми подразделениями в специальных планах культурно-бытового обслуживания, утверждаемых коллегией министерства.

С ростом авторитета Миннефтегазстроя советские организации в области нефтегазовых отраслей начали осуществление экспорта строительного производства.

Одним из предприятий совместного строительства крупных систем стало сооружение газотранспортного комплекса Оренбург — Ужгород с участием стран Восточной Европы. В мировой практике впервые прокладывалась газотранспортная магистраль из труб диаметром 1420 миллиметров, способная передавать более 30 миллиардов кубометров газа в год. Оценивая эту стройку, можно сказать, что ответственность и коллективизм, соревновательность на межгосударственном уровне, квалификация участников позволили в кратчайший срок возвести мощный комплекс на высоком уровне и долгосрочной надежности.

Эта же стройка была своего рода самой ценной инъекцией новизны в техническое перевооружение отрасли.

Особое место в истории магистрального строительства занял газопровод Уренгой — Ужгород, на который американцы наложили эмбарго. Это создало свои трудности, но не могло помешать отрасли пустить его в эксплуатацию. И 20 августа 1983 года газ Уренгоя пересек государственную границу.

Всего к 1991 году в стране планировалось задействовать около 300 тысяч километров транспортных трубопроводных систем, которые обеспечат перекачку всей добываемой нефти и газа.

Ежегодный объем ввода трубопроводов с промысловыми объектами составляет 23—26 тысяч километров.

Остается главная, еще не решенная до конца задача — обеспечение полной безопасности создаваемых систем, их телемеханизации, автоматизации, непрерывности диагностики.

Нельзя ни строителям, ни эксплуатационникам успокаивать себя тем, что отказы на советских трубопроводах значительно ниже, чем в других странах с развитым трубопроводным транспортом.

Многое из области надежности остается не до конца отработанным и в теории, и на практике, особенно в транспорте двухфазных продуктов.

В дальнейших работах много проблем социального порядка — от жилья до развития подсобных сельских хозяйств, вы-

полнения заданий по газификации сел, в особенности Нечерноземья, реализации программы строительства теплиц, мобильных мясоперерабатывающих предприятий.

Заслуживает одобрения инициатива министерства по сооружению кемпингов на автотрассах из Сибири на Кавказ.

Строительная фирма отрасли стала одной из самых крупных в мире, способной выполнять работы в объеме девяти миллиардов рублей.

Главной заботой отрасли в условиях перестройки было сохранить кадры, квалификацию, искать новые структуры организации и управления строительством, свое место в рыночной экономике, не потерять опыт взаимодействия с республиканскими организациями, участвующими в общесоюзных программах, одной из которых на долгие годы остается Западная Сибирь.

Значительную часть сил Миннефтегазстроя предстояло переориентировать на комплексное развитие регионов, в частности на создание Западно-Сибирского нефтегазохимического комплекса с мощно развитым сельскохозяйственным производством, способным обеспечить основными продуктами питания жителей растущего района, который не может оставаться узкоспециализированным, сырьевым по направлению развития.

Глава девятая

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Дела управляются их целями;
то дело называется великим,
у которого велика цель.

А. Чехов

Из записных книжек Владимира Чирскова

Каждая коллегия для министерского люда — событие особенное. Снуют озабоченные клерки с папками в руках. Присматриваются к обстановке товарищи, которые впервые попали на Житную, 14: одни с отчетом, другим предстоит пройти процедуру утверждения в должности. Первая коллегия в году готовится с особенным тщанием — предстоит подвести итоги, поставить задачи. Но самое главное сейчас — доклад министра. Вчерне текст был уже готов.

Борис Евдокимович обычно сам дорабатывал, а то и перерабатывал свои выступления, доклады. Бывало, оставлял от подготовленного варианта «рожки да ножки» — только цифровой материал. Накануне коллегии, первой в 1984 году, он пригласил меня к себе поздним вечером. Я взял доклад, полагая, что мы будем говорить о коллегии. Но Борис Евдокимович сразу сказал о другом:

— Сам читай и дорабатывай. Доклад будешь делать ты.

Я, признаюсь, ничего не понял. А Щербина без особой радости продолжал:

— Я только-только вернулся с заседания Политбюро. Меня назначили зампредом правительства. Теперь ты исполняешь обязанности министра...

Наутро Борис Евдокимович собрал коллегию министерства. Сказал, что получил новое назначение. Тепло поблагодарил нас за совместную работу, высказал уверенность, что коллектив дружно будет работать над дальнейшим развитием отрасли. Затем объявил, что исполнение обязанностей министра возложено на меня.

Я от имени товарищей по коллегии также поблагодарил Бориса Евдокимовича, пожелал ему здоровья и благополучия в новых нелегких делах. А мы постараемся работать дружно и его не огорчать...

Да, выдвижение Бориса Евдокимовича было закономерным. Приходилось говорить не раз: Щербина был человеком государственного масштаба и мыслил по-государственному. Теперь ему поручили самый сложный и ответственный участок народного хозяйства страны — топливно-энергетический комплекс.

Смена первого руководителя отрасли всегда вызывает много вопросов. Трясет аппарат в Москве, ломают голову люди в трестах, объединениях на местах. Кто придет? Кого приведет с собой? Кого будут менять? Какую линию будет проводить? И так далее. В те времена на должность министра обычно рекомендовали людей, имевших богатый опыт партийной работы. Как правило, это были первые секретари крупных обкомов партии.

У меня такого опыта не было, в ранге первого заместителя министра — меньше года, поэтому я спокойно работал. И не задавался вопросом, кто будет министром. Как будет, так и будет.

Жизнь, однако, распорядилась по-иному. В первых числах февраля Борис Евдокимович поделился со мной, что есть, мол, мнение назначить министром... меня. Я, по правде сказать, оторопел: нарушалась традиция.

Задержка, сказал Борис Евдокимович, происходит из-за болезни Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. «Добро» на назначение министров дает только он, а затем, по сути автоматически, утверждают Политбюро ЦК и Президиум Верховного Совета СССР.

Я высказал сомнение: потяну ли, мало еще проработал на второй роли. Борис Евдокимович только усмехался и повторял:

— Я, брат, знаю тебя лучше, чем ты сам...

9 февраля меня пригласил секретарь ЦК Владимир Иванович Долгих. В самом начале нашего разговора зашел помощник Владимира Ивановича с печальным известием — умер Юрий Владимирович. Владимир Иванович сказал:

— Мы тебя знаем, рекомендуем, отбрось сомнения, берись уверенно, более подробно у нас будет время поговорить.

Следующая встреча была 20 февраля с Председателем Совета Министров СССР Николаем Александровичем Тихоновым. Он поинтересовался обстановкой в отрасли, спросил, какие проблемы тормозят дело. Затем дал некоторые приго-

дившиеся мне позже советы. Тихонов при мне позвонил новому генсеку — Черненко. Положив трубку прямой связи, сказал, что Константин Устинович дал согласие на мое назначение министром.

21 февраля газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении. Борис Евдокимович в этот же день представил меня аппарату министерства.

Обсуждая с ним кандидатуру первого зама, мы остановились на Генадии Иосифовиче Шмале, заместителе министра. До этого, после Тюменского обкома партии, Шмаль успешно руководил объединением «Сибкомплектмонтаж».

...Как-то присзжаст В. Э. Дымшиц на Богандинскую компрессорную станцию. Сентябрь, станция должна вводиться в конце года, а там, кроме свай, ничего еще нет. Вениамин Эммануилович начал выговаривать Щербине. Борис Евдокимович невозмутимо отвечает:

— Введем станцию в срок!

Дымшиц и не такие стройки видал. Головой покачал и уехал.

Борис Евдокимович собирает всех.

— Генадий, — говорит Шмалю, — тебя назначаю ответственным за эту станцию.

Шмаль там дневал и ночевал. В начале декабря провели технологическое испытание. Шмаль позвонил Щербине:

— Борис Евдокимович, станция работает.

Щербина без особых эмоций отвсчает:

— Я тебя поздравляю.

Он не сомневался в таком результате. Верил в Шмаля.

Неделя — семь рабочих дней

Свой первый рабочий день в Кремле Щербина начал со звонка референту Управления делами правительства Б. Мотовилову: «Ты мог бы сейчас зайти?» Тот сразу понял, о чем пойдет разговор. Они знали друг друга еще по работе в Миннефтегазстрое.

Поздоровавшись, Борис Евдокимович предложил:

— Слушай, у меня нет ни минуты на раскачку и изучение здешних порядков, а ты, слава богу, в этих стенах уже давно. Так что давай помогай, предлагаю тебс место своего помощника и приступай к обязанностям немедленно.

Выбор Щербины был, как всегда, точным. Мотовилов работал с Борисом Евдокимовичем вплоть до его ухода на пенсию.

По распределению обязанностей среди замов Председателя Совмина Щербина координировал работу шести минис-

терств: нефтяной промышленности, газовой и угольной, энергетики, строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, геологии. В его ведении были Госгортехнадзор и Госатомэнергонадзор, а также деятельность ряда других министерств и ведомств в части, касающейся топливно-энергетического комплекса.

Тихонов считал, что его замы и министры всегда должны находиться в своих рабочих кабинетах. И если было что-то не так, крайне раздражался. Не принималось во внимание даже то, что на каждой неделе проходило как минимум одно заседание Политбюро и одно заседание Президиума Совмина. В течение недели обязательно были и другие мероприятия, зачастую сугубо протокольные. Словом, в течение пяти рабочих дней недели и речи быть не могло о командировке на предприятия и стройки подведомственных отраслей. Но по одним бумагам Борис Евдокимович не считал возможным принимать серьезные решения. Его правило — оценивать ситуацию на месте, в реальной обстановке. Пришлось пять рабочих дней проводить в Москве и еще два — в командировке.

— Чаще всего вылетали спецрейсом в пятницу вечером, когда коллеги разъезжались по дачам, или в субботу утром, — вспоминает Мотовилов, — а возвращались в воскресенье вечером. С собой обычно приглашали минимум руководителей профильных министерств. Они, хотя и не устраивали «бунт на корабле», но большого энтузиазма от такого «отдыха» не проявляли. Как выдерживал Щербина эти запредельные нагрузки — ума не приложу. Я моложе его почти на двадцать лет и то, случалось, засыпал от усталости.

Как встретили в отраслях топливно-энергетического комплекса назначение нового шефа? Поначалу настороженно. У каждого своих проблем вагон и маленькая тележка, а Щербина предлагает посоветоваться с коллегами из других ведомств. Поначалу министрам казалось, что они теряют время, обсуждая чужие дела. Но постепенно приходило понимание *общности* задач — обеспечить Союз, страны СЭВ, другие государства топливом, сырьем, энергией.

Конечно, было заметно, что Щербина изрядно прикипел к Миннефтегазстрою, что его, как и прежде, интересовали дела родной отрасли. Случалось, до того как начать совещание по повестке дня, он поднимал товарищей из Миннефтегазстроя и с пристрастием допрашивал, почему, например, за истекшие сутки на той или иной стройке на таком-то технологическом потоке сварено, заизолировано и уложено на столько-то метров меньше запланированного или почему такой-то поток оказался в простое.

Другим министрам это не нравилось. Не должен, считали они, человек, призванный решать проблемы государственного масштаба, ежедневно интересоваться ходом дел крупных бригад, анализировать и обсуждать частные проблемы на глазах у всех со «своей» отраслью. Но, согласитесь, было бы противоестественно, если бы Борис Евдокимович, став зампредом Совмина, в мгновение ока забыл о деле, которому посвятил многие годы.

Виктор Степанович Черномырдин знал Щербину в разных должностях. И как секретаря обкома, министра, и, наконец, как шефа. По его мнению, Борис Евдокимович блестяще владел методами дружного и плодотворного взаимодействия, исключавшими амбициозную и ведомственную шелуху, при которых ура-патриоты отраслей в угоду ведомственным интересам тормозили, а подчас губили трудное и важное дело.

— Борис Евдокимович заменил в правительстве выдающегося организатора производства, легендарного строителя Вениамина Эммануиловича Дымшица, — вспоминает Ю. Н. Корсун. — И мы невольно сравнивали с ним Бориса Евдокимовича. Он стал и куратором Минэнерго. Уже шла полным ходом атомная энергетика — в частности, наше объединение вело строительство девяти атомных станций. Хотя Щербина до этого и не занимался вплотную энергетикой, он вникал во все проблемы и оперативно принимал решения. Словом, стал достойным преемником Дымшица.

Каждый месяц он проводил совещания, на которых присутствовали министр П. С. Непорожний, первый заместитель по строительству С. И. Садовский. Борис Евдокимович быстро входил в ситуацию. Вероятно, он проводил для себя специальные консультации. У него был довольно мощный аппарат в Бюро по ТЭКу. Щербина всегда был предельно компетентен.

Крепко стоять на ногах ему помогал и здоровый образ жизни. Борис Евдокимович всегда выглядел подтянутым, красивым. Светлая сорочка, непременно галстук, начищенные туфли... В еде не был привереллив. Любил хорошо прожаренное мясо, клюквенный сок, из деликатесов — сосьвинскую селедочку. Мог выпить две-три рюмки водки, но никогда не злоупотреблял алкоголем. Не любил охоту, рыбалку, бани, карты... Что, мол, попусту время тратить? До последних лет был крепок. В юности играл в футбол (болел за киевское «Динамо»), в зрелом возрасте любил кататься на велосипеде. В комнате отдыха министра и зампреда всегда были под рукой гантели... Очень гордился тем, что не сдает, несмотря на бремя лет. Утром делал гимнастику, по возможности бегал.

О главном — начистоту

Март 1984-го. Западная Сибирь проваливает план добычи нефти. Тогда В. М. Игольникову, начальнику Тюменского главного производственно-распорядительного управления Миннефтегазстроя, пришлось поездить с Борисом Евдокимовичем по области. Однажды вечером, разбирая итоги дня, Игольников прямо спросил его:

— Ну все же, Борис Евдокимович, почему произошел спад годовой добычи нефти? Ведь нефтяники и мы, строители, делали все, чтобы добыча росла или хотя бы была стабильной.

Борис Евдокимович и сам думал об этом. И сейчас старался поделиться тем, что, видимо, давно созрело в нем. Этот разговор длился почти два с половиной часа. Главное из сказанного им в тот вечер:

«Одна из больших и серьезных бед нашей экономической политики — боязнь единовременных затрат. Отсюда рождаются усеченные пусковые и другого рода комплексы, на которых сэкономили копейку, а породили далекие от совершенства, высокозатратные в эксплуатации мощности. Таким образом, вкладывая огромные средства, страна не получает первоклассных высокотехнологичных производств и обрекает экономику на выпуск продукции более низкого качества по сравнению с мировым уровнем, но во много раз более дорогостоящую — это регресс, а не движение вперед.

В стране сложился стереотип решения организационных вопросов и руководства экономикой. В силу ведомственных, а зачастую и личностных интересов идет сражение с искоренением последствий, а не с причинами тех или иных бед экономики. Пример: весь Советский Союз на уровне первых лиц государства, союзных республик, краев и областей, крупнейших хозяйственников на местах и в центре ежедневно «трясет» от селекторных сообщений о простое 12—20 тысяч несвоевременно разгруженных вагонов. А то, что за последний месяц среднестатистическое суточное продвижение вагонов упало с 22 до 19 километров, что равносильно простою ежесуточно 250 тысяч вагонов, — тишина! За те 12—15 тысяч отвечают клиенты, а их Министерство путей сообщения с помощью ЦК и Совмина дубасит в хвост и гриву. А за второе отвечает оно само, посему — всеобщий молчок, чтобы не впасть в немилость. Почти все, кому следует, знают это положение, но делают вид, что решают проблему в поте лица. И так почти повсюду.

А вот тебе еще один экономический, политический, стратегический момент. Так, рабочий — токарь, сварщик, пекарь,

да кто угодно — достиг небывалой производительности труда, перевыполнив нормы, скажем, в три раза. Следует команда: немедленно опыт передать другим. Все на борьбу за новые рубежи производительности! В то же время нормы тихонько пересматриваются — норму выработки увеличиваем, расценки уменьшаем. Все! Индивидуальный стимул для человека-производителя уничтожен. Хорошее дело умерло. И так все повторяется на уровне цеха, завода, объединения и отрасли.

Вот тебе вкратце и ответ на многих волнующий вопрос: "А где он, этот многоозвученный застой?"» — подвел итог Борис Евдокимович.

К удивлению многих, выяснилось, что новый вице-премьер отнюдь не из числа сторонников безоглядного наращивания добычи нефти и газа. Эти ценнейшие национальные ресурсы он рассматривал как средство выиграть 25—30 лет, чтобы за это время найти новые источники энергии, способные обеспечить плавный переход топливной базы на качественно новую структуру.

Точно так же Щербина вахтовый метод считал временным решением. Он был убежден, что Сибирь надо не покорять, а осваивать и обживать.

Трудно переоценить значение нефтяной промышленности Западной Сибири для народного хозяйства страны. Доля западносибирской нефти в тот период составляла свыше 62 процентов добываемого в СССР объема. Крупные месторождения интенсивно разрабатывались, а вновь вводимые оказывались все более мелкими. Средний дебит новых скважин уменьшился со 109 тонн в сутки в 1970 году до 35 тонн в 1985 году.

Проблемы накапливались годами. Еще в конце 70-х осложнилась ситуация с выполнением заданий по добыче нефти. Темпы подготовки запасов нефти уже тогда отставали от темпов роста добычи. В 1980—1984 годах надо было освоить 26 новых месторождений, но ввели в эксплуатацию только 14. При этом из Мегионского месторождения было отобрано 73 процента извлекаемых запасов, из Ватинского — 78, из Самотлорского — 50. Недостаточно выделялось средств на геологоразведку.

В 1975—1980 годах наметилась четкая тенденция к снижению добычи нефти по большинству нефтяных районов. Весь прирост обеспечивался за счет Западной Сибири. Это был очень тревожный симптом. В 1981—1984 годах началось падение ежегодных приростов добычи нефти в Тюменской области, следовательно, и в целом по стране. В 1984 году впервые за послевоенный период добыча нефти в Союзе снизилась: с

616,3 миллиона тонн в 1983 году до 612,2 миллиона тонн. А в 1985 году упала до 595,2 миллиона тонн.

Ситуация в Тюмени диктовала неординарные действия. Например, были приняты меры по расширению вахтово-экспедиционного метода работы буровых бригад в Западной Сибири. В результате объем бурения в этом регионе увеличился с 1975 по 1980 год в 3,5 раза.

В 1977—1985 годах были созданы крупные производственные объединения в Западной Сибири, воссозданы цеха и бригады по добыче нефти и газа, восстановлены геологические службы по нефтепромыслам. В разработку вводились новые нефтяные месторождения. В 1985 году намечалось ввести 15 подземных кладовых. Задание было выполнено.

Из записных книжек Владимира Чирскова

В течение 1984 года мне не раз пришлось побывать в районах Западной Сибири в составе группы Совета Министров СССР, возглавляемой Б. Е. Щербиной. Мы объезжали нефтяные районы, проводили совещания, на которых выступал Борис Евдокимович.

16 июля 1984 года. Бюро обкома партии в Тюмени. Выступает Б. Е. Щербина:

— Обесценен человек, людей перестали здесь ценить по их делам. Расшатали, утратили, подорвали авторитет парторганизаций...

30 октября в Тюмени — очередное совещание.

— ЦК и Совмин повседневно рассматривают вопросы добычи нефти, но положение не улучшается, — говорит Борис Евдокимович. — Отставание по этому году от плана 6,5 миллиона тонн, в прошлом году было 3 миллиона тонн. Отрицательную роль сыграла недооценка возможностей Тюменского региона... Самотлор. Не были своевременно приняты меры по компенсации падения добычи на этом месторождении: не подготовлен переход на механическую добычу, медленно осваиваются новые месторождения, отстает ввод новых скважин, не налажен их ремонт... Упал престиж тюменских нефтяников. Не были сделаны должные выводы из ошибок 1983 года. Пошли по самому легкому пути — раздаче наказаний. Полетели головы, а что это дало? Нефти как не было, так и нет. А средний стаж начальника нефтегазодобывающего управления — меньше двух лет. Куда же дальше? Нужен трезвый расчет. Нужно поднять людей, мобилизовать свою волю и выбраться из трясины. Тюмени нужно вернуть нефтяной авторитет. Вы его потеряли — вы его и верните.

В ноябре 1984 года Политбюро ЦК поддержало инициативу Башкирского и Татарского обкомов партии, объединений «Башнефть» и «Татнефть», которые взялись помочь нефтяникам Тюмени. В 1984 году в Западной Сибири были построены и введены в эксплуатацию установки подготовки нефти общей мощностью 33 миллиона тонн в год, крупные кустовые насосные станции и дожимные насосные станции, проложено 2300 километров промысловых трубопроводов.

Москва. 23 мая 1984 года

Третий вопрос в повестке дня Политбюро ЦК КПСС — «О поставках нефти и нефтепродуктов из СССР в европейские страны СЭВ в 1986—1990 годах». Ведет заседание генсек Черненко. Собрался весь хурал: Воротников, Горбачев, Гришин, Громыко, Романов, Соломенцев, Тихонов, Устинов, Демичев, Долгих, Кузнецов, Пономарев, Зимянин, Капитонов, Русаков, Рыжков. Именно в такой последовательности документ перечисляет вождей: сначала члены ПБ, потом кандидаты и, наконец, «простые» секретари. Над страницей пометки: «Сов. секретно. Экз. единственный».

«Тихонов. Как вы, видимо, товарищи, знаете, сейчас мы поставляем европейским странам СЭВ 64,5 млн. тонн нефти и 5,5 млн. тонн нефтепродуктов. Все эти страны просят сохранить поставки нефти и нефтепродуктов из СССР в 1986—1990 годах на уровне 1985 года.

Мы тщательно рассматривали этот вопрос и пришли к выводу, что, видимо, с этими просьбами следует согласиться.

С неоднократными настоятельными просьбами обращался к нам по этому вопросу и т. Н. Чаушеску. Он просит поставлять в Румынию из СССР 5—10 млн. тонн нефти в год на долгосрочной основе, по товарообороту, то есть на таких же условиях, как и для стран СЭВ. Правда, у Румынии есть своя нефть, но ее в целом мало для нужд страны. В связи с этими соображениями целесообразно будет при разработке проекта плана на будущее пятилетие предусмотреть возможность сохранения поставок нефти братским социалистическим странам СЭВ. Что же касается просьбы Румынии, то можно было бы согласиться с предложением о поставке в будущем году в эту страну 2 млн. тонн нефти в обмен на продовольственные и некоторые другие товары, а в дальнейшем дать согласие на поставку нефти из СССР в Румынию в 1986—1990 годах на долгосрочной основе в объеме до 5 млн. тонн ежегодно. Вы, конечно, понимаете, что это не столько экономический,

сколько крупный политический шаг в отношениях между Советским Союзом и Румынией. Поэтому, видимо, мы должны четко сформулировать перед румынской стороной то, что мы будем осуществлять поставки нефти в Румынию за счет экономии своих собственных ресурсов и что мы ожидаем от Чаушеску серьезного поворота в его внешней политике. Надо прямо намекнуть на то, что Румыния должна правильно оценить этот наш щедрый шаг.

Как вы знаете, мы продаем в капиталистические страны около 40 млн. тонн нефти. Главным образом она идет на оплату продовольственных и некоторых других товаров. В связи с этим, видимо, целесообразно при разработке нового пятилетнего плана предусмотреть резерв для возможной дополнительной поставки нефти в количестве 5—6 млн. тонн за пятилетие.

Наконец, производство дополнительного количества нефтепродуктов можно будет осуществить только при условии участия ряда социалистических стран в разработке соответствующих месторождений в СССР, в частности Астраханского месторождения нефти и газа. Этот тезис также необходимо четко сформулировать в переговорах с нашими братскими странами.

Громыко. С моей точки зрения, мы делаем абсолютно правильный шаг. Он в полной мере назрел. Что касается Румынии, то этот шаг надо теснейшим образом увязать с нашим требованием об изменениях принципиальных направлений румынской политики. Мы должны твердо сказать т. Н. Чаушеску, что Румыния должна идти с нами в общей колее.

Министр иностранных дел СРР т. Андрей намекал мне во время нашей встречи в Вене, что румынские руководители правильно поймут этот наш шаг. Но в целом, как это будет на практике, пока что трудно судить. Политика т. Чаушеску — это, если можно так сказать, "большой икс". Так что еще раз хотелось бы подчеркнуть, что мы должны тесно увязать наш экономический шаг с политическими требованиями.

Устинов. Видимо, такая мера является необходимой, хотя уверен, что румыны сразу не повернутся. Мы посмотрим, как они будут себя вести, и, видимо, в зависимости от этого сможем скорректировать наш экономический курс.

Черненко. Мы, конечно, понимаем значение для стран — членов СЭВ советских поставок нефти и нефтепродуктов. Здесь мы им должны помогать, но помогать с учетом наших возможностей. Они таковы, что максимум, что мы можем сделать возможного, — это сохранить поставки на уровне 1985 года. Но и для этого понадобятся значительные капитальные

вложения с нашей стороны и поставки необходимых, как говорят, валютных товаров со стороны импортеров нашей нефти.

Что касается намечаемых поставок нефти в Румынию, то они, как видно из расчетов, являются взаимовыгодными. Кроме того, мы не можем сбрасывать со счетов и политическое значение такого решения. Это особенно важно накануне предстоящего совещания стран СЭВ на высшем уровне и заседания Политического консультативного комитета Варшавского Договора. О нашем принципиальном решении этого вопроса можно было бы сказать румынам во время визита т. Чаушеску, а руководителям других социалистических стран — в выступлениях советских представителей на Экономическом совещании.

В целом же можно было бы согласиться с соображениями, изложенными в Записке т. Тихонова Н. А.

Байбаков (председатель Госплана СССР). Только в этой Записке, видимо, следует исключить упоминание о разработке специальных постановлений по экономии энергоресурсов внутри страны и по развитию добычи нефти и газа, поскольку они, как вы знаете, уже приняты.

Тихонов. Правильно. И в целом и в проект, и в Записку можно было бы внести некоторые коррективы, которые я могу передать.

Черненко. Их надо учесть.

Если нет других соображений, давайте примем предложенное постановление.

Члены Политбюро. Можно принять.

Постановление принимается»

(*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 66. Л. 2—4*).

Красноречивый документ. В комментариях он не нуждается. Что бы ни твердили идеологи с одной и другой стороны, баррель был и будет фактором не только экономическим, но и политическим.

Из записных книжек Владимира Чирскова

5 января 1985 года, Политбюро ЦК, вопрос — «Об ускорении создания Астраханского газоконденсатного комплекса». Докладывает Щербина — председатель Комиссии Совета Министров по обеспечению строительства и ввода в действие Астраханского газового комплекса. В этой должности по записке Тихонова 1 февраля 1984 года его утвердило ПБ. Доклад Бориса Евдокимовича деловит и конкретен.

12 января, Тюмень. Щербина проводит совещание по добыче нефти:

— Комиссия Совмина не может признать доклады министра Мальцева и начальника Главтюменьнефтегаза Захарченко удовлетворительными. Штаб не верит — армия не выиграет сражения. Объяснения необъективные, виновные в такой обстановке не найдены. Нужен добросовестный подход. Чем сложнее обстановка, тем правдивее должен быть человек.

21 января 1985 года, коллегия Миннефтепрома. Выступает Б. Е. Щербина:

— Многие поколения создавали нефтяную промышленность страны. Сегодня не чувствуется ответственности за допущенный провал. Нет общей тревоги за допущенный провал. Безысходность, неуверенность — это очень опасно. Нужны правильные самокритичные выводы. Поступать надо по-честному, и прежде всего перед собой. За 1984 год вышло пять распоряжений правительства по добыче нефти в Тюмени. И все без толку...

29 января Секретариат ЦК КПСС рассматривает вопрос «О работе Тюменской областной партийной организации по мобилизации трудящихся области на добычу нефти и газа». Председательствовал М. С. Горбачев, еще не генсек.

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков напомнил, что в области 2,5 миллиона человек, прирост населения за четыре года — 520 тысяч человек. 140 тысяч человек — члены партии, идет хорошее увеличение партийных рядов. К сожалению, задерживается создание горкомов партии; нет комплексного руководства промышленностью в области; имеются промахи в планировании в каждой пятилетке; отстает освоение новых нефтяных месторождений; бюро обкома понимает всю возложенную на него ответственность.

М. С. Горбачев. Заменены все начальники нефтегазодобывающих управлений в Главтюменьнефтегазе, много людей наказано. Где партийный глаз?

Г. П. Богомяков. И сами руководители главка наказаны Миннефтепромом, проявляется администрирование в его худшем виде, а ведь в газовой промышленности этих проблем нет.

И. П. Ястребов, зав. отделом тяжелой промышленности. Мероприятий много, выполняются плохо, 30—40 процентов скважин в простое, Миннефтепром не принимает достаточных мер.

Н. Е. Мальцев. Низкий уровень организации в тюменском главке, слабая работа на промыслах...

Б. Е. Щербина. Обсуждение — важная мера, Тюмень на многие годы будет главной базой, в начале пятилетки были за-

нижены добычные возможности, нужно увеличить поиск, разведку вдвое, принижена ответственность за добычу, все поставленные Мальцевым вопросы решаются, теперь ему нужно обеспечить в марте выход на плановые объемы добычи нефти.

В. И. Долгих. Гигантская работа проделана в области за 15 лет, но прошлым сыт не будешь, Богомяков мог сделать и более критический доклад, это говорит о том, что до обкома не все дошло, свои огрехи здесь перекладывают на других, сдвигов в лучшую сторону в его работе нет, серьезные претензии к Мальцеву, отставание в обустройстве новых месторождений — это его вина, недостача нефти — это сбой всего народного хозяйства страны.

М. С. Горбачев. Тюменским регионом занимается вся страна, без надлежащей работы партийной организации все меры извне не дадут эффекта. Деятельность этой партийной организации масштабна, аналогов ей нет. Центром (министерствами) и партийной организацией области проделана огромная работа, ЦК это оценивает, но в такой крупной работе не обошлось и без упущений: нужно взяться за комплексное освоение данного региона.

В отставании обустройства промыслов Тюменской области была вина министра нефтяной промышленности Н. А. Мальцева. Он обладал удивительной способностью видеть в плохой работе отрасли вину Госплана, Госснаба, машиностроителей, строителей, металлургов, транспортников, руководителей нефтегазодобывающих управлений и даже членов коллегии Миннефтепрома СССР. Словом, всех других.

Вскоре после этого заседания Мальцева, ему было 56 лет, отправили на пенсию. Новым министром назначили В. А. Динкова, до этого он командовал газовой промышленностью. Первым заместителем Динкова стал В. Ю. Филановский, начальником Главтюменьнефтегаза В. И. Грайфер. Жизнь подтвердила правильность кадровых перемен.

То, что было упущено кем-то, предстояло наверстывать всем вместе и с большими затратами. Коллегия Миннефтегазстроя СССР приняла решение включить в план объемы работ в Западной Сибири четырнадцати трестам и четырем главкам, расположенным в других районах страны. В четвертом квартале 1984 года в Тюменскую область перебросили технику, вахтовые поселки. Восемь тысяч рабочих пополнили ряды сибиряков.

В начале февраля у Председателя Совета Министров СССР Тихонова обсуждался проект постановления по Западной Си-

бири на 1986—1990 годы. С докладом выступил Байбаков. Как всегда мощно говорил Щербина. Он предложил документ основательно доработать.

При жестком планировании, существовавшем в то время, если какие-то вопросы, непосредственно влияющие на выполнение заданий, не попадали в постановление, упускались из виду, то затем решить их было практически невозможно.

Один из таких вопросов — более широкое привлечение в отрасль на субподрядных началах республиканских и областных организаций для строительства жилья и объектов социально-культурного и бытового назначения в Западной Сибири. Однако против такого предложения выступили отдельные секретари обкомов. Несмотря на их сопротивление, решение о привлечении в Западную Сибирь дополнительных строительных подразделений было принято. И сыграло свою роль.

22 августа этого же года Политбюро ЦК КПСС принимает постановление по добыче нефти и газа в Прикаспийской низменности в 1986—1990 годах. Предусматривалось, что Прикаспийский комплекс — Тенгиз, Жаножол, Кенкияк, Карачаганак, Астрахань — должен дать стране в 1990 году 22 миллиона тонн нефти и конденсата, 26 миллиардов кубометров газа, 4,8 миллиона тонн серы. Проект постановления готовил и докладывал Б. Е. Щербина.

«Пятилетка похорон» (Брежнев — Андропов — Черненко) закончилась с отходом в мир иной Константина Устиновича. Партию, а значит и страну, возглавил М. С. Горбачев.

24 апреля. Совещание у Н. А. Тихонова. На повестке дня один вопрос: «Добыча нефти в стране».

— Вышло уже шесть постановлений правительства по стабилизации добычи нефти, — говорил Николай Александрович. — Назначен новый министр, но результатов нет. М. С. Горбачев обеспокоен положением дел в нефтяной промышленности, нужно обменяться мнениями.

В. А. Динков. 500 километров водопроводов, необходимых для поддержания внутрипластового давления, лежат на поверхности, а на дворе зима — они замерзают. Необоснованно отключается электроэнергия, рвутся трубопроводы. Прошу поручить Чирскову помочь с их ремонтом...

Б. Е. Щербина. В третьем квартале нужно выходить на план, нужно срочно определиться по новым месторождениям на 1986 год и усиленно работать по вводу их в эксплуатацию, нужно навести порядок в организации труда — много разболтанности, расхлябанности...

В середине июня состоялось совещание в ЦК КПСС. Посвящено оно было научно-техническому прогрессу в стране. Вел совещание и выступил с подробным докладом (более двух часов) М. С. Горбачев. По-моему, впервые так остро говорилось о проблемах научно-технического прогресса.

Совет Министров СССР тщательно готовил постановление по добыче нефти и газа в Западной Сибири в 1986—1990 годах. В 1990 году объем добычи нефти и газового конденсата в Западной Сибири предстояло довести до 422—437 миллионов тонн и газа до 560—565 миллиардов кубометров, уровень утилизации нефтяного газа — до 90 процентов.

Миннефтегазстрою СССР поручалось выполнить в Западной Сибири подрядные работы в объеме 23,7 миллиарда рублей вместо 15,2 миллиарда в текущей пятилетке. Предстояло создать мощности по добыче 200 миллиардов кубометров газа в год, 3,5 миллиона тонн конденсата, 166 миллионов тонн нефти; освоить Ямбургское газоконденсатное месторождение, ввести в разработку 46 новых нефтяных месторождений вместо 27 в текущей пятилетке, построить промысловых трубопроводов в два раза больше, чем за предыдущие 20 лет.

В начале сентября 1985 года генсек собрался в Тюменскую область. Началась подготовка к визиту. В Тюмень прилетели руководящие работники ЦК, Совета Министров СССР, министры. В обкоме партии рассматривался вопрос о судьбе Ямбурга. Руководители Тюменской области настаивали на строительстве города. Мы же с В. С. Черномырдиным считали, что можно ограничиться хорошим вахтовым поселком со всеми удобствами.

В конце концов решили город Ямбург не строить. Жизнь подтвердила правильность этого решения. Страна сэкономила более 1,5 миллиарда рублей.

Встречали М. С. Горбачева в Нижневартовске. На самом крупном у нас в стране нефтяном месторождении Самотлорское посетили две газлифтные компрессорные станции, один из промыслов. Побывали в буровой бригаде.

На следующий день прилетели в Новый Уренгой. Посетили установку комплексной подготовки газа № 1, завод стабилизации конденсата.

Огромный завод в тундре очень понравился Михаилу Сергеевичу. Когда мы рассказали, сколько он стоит и за какое время построен, Горбачев подытожил:

— Значит, когда надо, мы умеем быстро и хорошо строить.

Здесь, в Новом Уренгое, состоялся мой детальный доклад Генеральному секретарю ЦК КПСС о задачах наших коллек-

тивов в этом регионе и тех проблемах, которые нужно решить. Доклад был выслушан с интересом. Раиса Максимовна, супруга генсека, попросила на память карту Тюменской области с нанесенными на нее системами трубопроводов и месторождениями газа и нефти.

Михаил Сергеевич интересовался жизнью рабочих, спросил, где мы берем пополнение. Я сказал, что главный источник наших кадров — это молодежь, работаем дружно с ЦК ВЛКСМ. Например, в Новый Уренгой с XVIII съезда ВЛКСМ приехал небольшой отряд — 300 человек. Из них вскоре по разным причинам человек 80 уехали. Но сейчас, когда эти ребята и девушки переженились, в отряде уже почти 580 человек, которые и закрепились здесь.

В Тюмени состоялось собрание актива Тюменской и Томской областей. Выступили В. А. Динков, В. С. Черномырдин и другие, всего 15 человек. Во время моего выступления, когда я коснулся выделения средств на жилищное строительство, Горбачев меня остановил и спросил:

— Владимир Григорьевич, вы говорили мне, что здесь 30 тысяч строителей нуждаются в квартирах?

Я подтвердил это.

Тогда он строго спросил Байбакова:

— Николай Константинович, как же можно так планировать?

Горбачев в своем выступлении дал хорошую оценку работе всех, кто создает главную топливную базу страны, высказал теплые слова признательности и благодарности людям, осваивающим этот край:

— Тюмень — главный источник углеводородного сырья, подобного которому у нас нет. Из ее недр добыто уже более трех миллиардов тонн нефти. Тюмень вышла на добычу газа миллиард кубометров, что является выдающимся достижением. Из этого района страна получает 60 процентов всей нефти и 55 процентов газа. В создании главной нефтегазовой базы участвовало 1,5 миллиона трудящихся.

Говоря о капитальном строительстве, он отметил, что Миннефтегазстрой СССР — это мощная строительная организация, но для успешного решения отраслью новых сложных задач ей нужно оказать необходимую помощь в увеличении капитальных вложений.

На обеде в гостевом доме на озере Лебяжьем Горбачев сказал, что у него сложилось хорошее впечатление о регионе:

— Ехал воодушевлять — сам воодушевился, министры молодые и дело знают.

При проводах в аэропорту генеральный секретарь сказал мне:

— Держись, обязательно поможем.

О своей поездке по Тюменской области генсек доложил на заседании Политбюро ЦК КПСС и, в частности, отметил:

— Огромное дело сделано в Западной Сибири, народ хороший. Главное впечатление: здесь отличный кадровый потенциал. Нигде детей столько не видел, как там, наступление мощное, но отстают тылы. Есть на кого опереться, нужно помогать всей страной.

Такова канва событий и впечатления, записанные по их следам. Есть и другие свидетельства. Вот как запомнился тюменский визит Горбачева Фарману Курбановичу Салманову, выдающемуся геологу, члену-корреспонденту Российской академии наук, лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда:

«Мишка на Севере»

«После прихода к власти Горбачева народ многого ждал от него, но, к сожалению, эти надежды не оправдались.

Не был отработан механизм подготовки и подбора кадров, их выдвижения на руководящие посты. Деловые качества по-прежнему оставались на втором плане, главными критериями были личная преданность, землячество, родственные или приятельские связи. Сколько "замечательных" кадров было выдвинуто из Ставрополья, так же как до этого с Днепропетровщины и из Молдавии, а позже из Свердловской области.

Мне часто вспоминается анекдотичный случай, когда в сентябре 1985 года в Тюменскую область приехал Горбачев. Перед его приездом туда завезли дефицит — несколько вагонов шоколадных конфет. И вдруг эти конфеты запретили продавать. Почему? Оказывается, конфеты назывались "Мишка на Севере"! И местные деятели решили перестраховаться: вдруг генсек воспримет продажу таких конфет во время своего пребывания в Тюмени как личное оскорбление. Таким умозаключениям позавидовали бы даже градоначальники города Глупова, рожденного пером Салтыкова-Щедрина.

Вообще поездка М. С. Горбачева в Тюмень оставила у меня крайне неприятный осадок, о чем я подробно записал в своем дневнике: "5 сентября 1985 года. Аэропорт в Нижневартовске. Большая группа встречающих: В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, Н. К. Байбаков, Б. Е. Щербина и другие. Прибыл самолет с

М. С. Горбачевым и Р. М. Горбачевой. С ними А. Н. Яковлев, Г. П. Разумовский. Для встречи Генерального секретаря ЦК КПСС накануне привезли самолетом из Москвы японский автобус, как будто нельзя было везти генсека местным автобусом".

Вечером в Нижневартовском горкоме проходило совещание. С небольшой информацией выступили секретарь горкома С. И. Денисов, секретарь окружкома В. А. Чурилов. После них Горбачев предоставил слово мне — начальнику Главного Тюменского геологического управления. Я рассказал о состоянии и перспективах геолого-разведочных работ, привел конкретные цифры по подготовке сырьевых ресурсов для дальнейшего развития нефтяной и газовой промышленности. Горбачев неоднократно меня перебивал, пытался критиковать Байбакова и Долгих за плохую помощь геологам.

В заключение выступил Горбачев: "Геологи меня убедили в высокой перспективности этого края в части геолого-разведочных работ. Я эти перспективы чувствовал, работой геологов удовлетворен, спасибо. Но отрасли надо помочь".

Такая оценка нас окрылила.

Ночью мы вылетели в Уренгой. С какой радостью на следующее утро встречал народ на улицах Уренгоя Генерального секретаря ЦК КПСС! Стояла прекрасная солнечная погода. В центре города, где собрались несколько десятков тысяч горожан, кортеж машин остановился. М. Горбачев вышел из машины и вступил в беседу с людьми. Одна пожилая женщина задала вопрос: как обстоит дело с выделением северянам жилья на Большой земле? Когда я услышал ответ, был просто поражен. Михаил Сергеевич на полном серьезе ответил: "Зачем вам квартиры на Большой земле? Посмотрите, какой у вас чудесный климат. Постройте здесь побольше жилья".

Разве он не знал, что Уренгой расположен вблизи полярного круга? Люди, приехавшие трудиться на Крайний Север из европейской части России, Украины, Белоруссии, Азербайджана и других менее суровых мест, не могут здесь постоянно жить и работать. Здесь зона тундры с пониженным содержанием кислорода в воздухе, где не растут нормальные леса и травы.

На следующее утро Горбачев со своей свитой вернулся в Тюмень. Что творилось в аэропорту! Из Москвы привезли на самолетах четыре ЗИЛа, чтобы возить генсека и его супругу. Дороги перекрыли. Движение по улице Республики организовали в обратном направлении. Постарались наши показушники: чтобы генсек не видел перекошенных деревянных домов,

его перевезли через окраину города. Все это возмутило меня. Ведь в Тюмени до этого много раз бывал А. Н. Косыгин — второе лицо в государстве. Никаких японских автобусов и правительственных ЗИЛов из Москвы никто не привозил. Все было организовано просто и по-деловому.

А здесь просто диву даешься. Только четыре месяца, как стал Горбачев генеральным секретарем, а такое барство — поездки в производственную командировку с женой, тяга к показухе и выпячиванию своей персоны.

Вечером на партийно-хозяйственном активе в Тюмени выступил Горбачев. Когда услышал его речь, ушам своим не поверил. Совсем противоположное по сравнению с тем, что он говорил два дня назад в Нижневартовске. Я ужасно расстроился. После долгих раздумий пришел к выводу: Горбачев просто зачитал доклад, составленный бюрократическим аппаратом в Москве. То, что я докладывал в Нижневартовске, прошло мимо его ушей. Что подсунули, то и прочитал. Вспомнил поездку Брежнева в Баку, когда тот перепутал листы и читал речь, совершенно ничего не понимая, о чем он говорит, а Алиев вынужден был в ходе его выступления заменить листы с текстом.

После долгих ночных раздумий пришел к выводу: новый генсек — большой говорун, с противоречивыми высказываниями и слабыми экономическими познаниями, зато с большими амбициями и многими негативными чертами. С такими человеческими качествами вряд ли он способен умно управлять страной, и мы при его правлении вряд ли сможем добиться успеха.

Так и случилось: экономика с каждым годом катилась вниз, в производстве началась потеря темпов, а нефтяная промышленность первой дала тревожный звонок, начав резко снижать уровень добычи нефти, достигнутый ценой огромного напряжения всей страны.

Могу сказать только одно: чтобы наш народ жил хорошо и богато, он должен иметь умных и умело управляющих государством руководителей».

Мудрый Фарман Курбанович прав. Вот только бы разобраться, отчего при любой системе — тоталитарной или демократической, социалистической или капиталистической — у власти то и дело оказываются люди, которых и близко нельзя подпускать к ней? Примеров полно — и в недавней истории России, и в постсоветской хронике Азербайджана, и в летописях других народов.

В 1985 году Председателем Совета Министров СССР стал Николай Иванович Рыжков. Они со Щербиной давно и хорошо друг друга знали. По линии Тюменского обкома партии в середине шестидесятых Щербина договорился, чтобы на Уралмаше, где тогда Рыжков работал главным инженером, были изготовлены камнерезные машины. По этому случаю и приехал первый секретарь на завод посмотреть, как делают этот заказ.

Потом все чаще и чаще Борис Евдокимович стал приезжать на Уралмаш, где изготовляли для Тюмени нефтяное оборудование. Почти всегда приезжал с В. И. Муравленко, с которым Николай Иванович, ставший директором завода, дружил. Потом судьба свела их снова вместе в Москве, когда Н. И. Рыжков работал в Госплане СССР, потом в ЦК КПСС.

В конце ноября 1985 года впервые как глава правительства Н. И. Рыжков рассматривает на совещании вопросы добычи газа, нефти и конденсата. На совещании выступили В. И. Долгих и Б. Е. Щербина. Собственно, они и явились инициаторами этого совещания, так как многие вопросы программы работ 1986 года не были до конца решены Госпланом и Госснабом СССР. Непонимание важности обеспечения добычи нефти и газа может привести к подрыву устоев экономики страны, говорил Рыжков. Вопроса острее, чем топливо, в стране нет. Были намечены конкретные меры.

В канун нового, 1986 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР поздравили трудовые коллективы отрасли с большой трудовой победой — досрочным вводом в эксплуатацию системы магистральных газопроводов для транспортировки газа из районов Западной Сибири в европейскую часть СССР. Министерство успешно справилось с основными заданиями и технико-экономическими показателями 1985 года и всей пятилетки (1981—1985) в целом. Борис Евдокимович просил передать на предприятия его поздравления.

Между тем слова и дела кремлевских лидеров все больше расходились. Что думал об этом Щербина? Он никогда не позволял себе обсуждать и тем более открыто осуждать действия вождей.

Из записных книжек Владимира Чирскова

Только однажды мне удалось от него услышать откровенно огорчительное. Все остальное, очевидно, он, как и многие из нас, переживал в себе. Мы были в командировке на Самотлоре. Поздно вечером в гостинице вдвоем смотрели московские

новости, и вдруг сообщение: Л. И. Брежнев удостоен очередной Звезды Героя. Борис Евдокимович помрачнел:

— Подумать только, что он делает! Это за какие же такие заслуги? И что будут думать в народе о нас, коммунистах?!

Как и ожидалось, 1985 год оказался тяжелым: добыча нефти отставала от плана на 35 миллионов тонн, в том числе по Западной Сибири на 33 миллиона тонн.

В конце 1985 года проблемы развития отрасли были еще раз детально рассмотрены на заседании закрытой коллегии Миннефтепрома СССР. В работе коллегии участвовали В. И. Долгих и Б. Е. Щербина. Прилагались все усилия, чтобы изменить ситуацию.

4 января 1986 года, заседание Политбюро ЦК КПСС. Снова о добыче нефти. Б. Е. Щербина уверенно дал анализ положения дел.

16 января. Совещание у Председателя Совмина Н. И. Рыжкова тоже о добыче нефти. Выступили В. А. Динков, В. И. Грайфер (прежние вопросы: нужно помогать и снять с плана по году 12,8 миллиона тонн).

Б. Е. Щербина. Последнее время в Миннефтепроме стали «болеть» снятием плана, заспециализировано все, нет систем управления, НГДУ после реорганизации встали, наука в министерстве придворная... Главное — нужно думать о выполнении плана, а не о его снятии.

Н. И. Рыжков. 4,7 миллиарда рублей потеряли по валюте, залезли в долги; все, чем располагает страна, идет на помощь нефтяникам, даже в ущерб другим отраслям;

решение по корректировке плана не принимать, надо сделать все, чтобы войти в график;

вопросы т. Чирскова нужно решить максимально, от него сейчас зависит — будет нефть или нет;

Василий Александрович (Динков. — *В. А., В. Ч.*), нужно менять стиль работы, освобождаться от людей, которые не перестраиваются, кончайте упаднические настроения;

нужно, чтобы вся страна жила нефтью, нужно поднимать человеческий фактор;

Борис Евдокимович (Щербина. — *В. А., В. Ч.*), вы во главе, неделя срока на подготовку документа.

18 января. Б. Е. Щербина на Ямбурге. Запустить в эксплуатацию:

1. УКПГ-2 — первый квартал; УКПГ-1 — второй квартал; УКПГ-5 — четвертый квартал.
2. Железная дорога до станции Ямбург — первое полугодие.
3. Речной порт (240 метров причальной стенки) — к навигации.
4. Газопровод — одна нитка — к весне.

24 января. Селекторное совещание по добыче нефти (Ю. К. Лигачев, В. И. Долгих, Б. Е. Щербина).

В. А. Динков. 23 НГДУ не выполняют план добычи, в Главтюменьнефтегазе стоят сверх норматива 2830 скважин, ввод новых скважин даст прирост 13 тысяч тонн в сутки, в том числе по Тюмени — 6,6 тысячи тонн.

В. И. Грайфер. Отставание стараемся ликвидировать, 14 новых месторождений обустраиваются по графику.

Е. К. Лигачев. ЦК озабочен положением дел в нефтяной промышленности, отставание — миллион тонн за 20 дней, и это в период подготовки к XXVII съезду партии. Нужно обязательно выполнить поставленные задачи, выйти из прорыва.

С 25 февраля по 6 марта — XXVII съезд КПСС. Членами ЦК избраны Б. Е. Щербина, В. А. Динков, В. С. Черномырдин, В. Г. Чирсков, М. И. Щадов, А. И. Майорец, кандидатом в члены ЦК — министр геологии Е. А. Козловский.

В апреле 1986 года было создано Бюро по топливно-энергетическому комплексу Совета Министров СССР, его возглавил Борис Евдокимович. Комплекс имел 31 процент стоимости основных фондов страны, ежегодно в его развитие вкладывалось более 20 процентов капитальных вложений государства. Работало в ТЭК около семи миллионов человек.

— В середине апреля 1986 года, когда я работал в Министерстве энергетики и электрификации, — вспоминает Г. И. Тихонов, депутат Государственной думы, — позвонил Борис Евдокимович и предложил мне перейти во вновь организуемую структуру Совмина — Бюро по топливу и энергетике. Я сказал, что мне надо подумать. Он дал мне неделю, чтобы окончательно все решить.

Борис Евдокимович не любил долгих рассуждений. По его мнению, человек всегда должен быть готов принять решение, если он определился, на каких позициях стоит, какие идеи исповедует. По-видимому, он считал Г. И. Тихонова таковым, и после очередного звонка тот дал согласие на работу в Бюро.

Щербина нетрадиционно подошел к подбору кадров в новую организацию. Половина состава складывалась из старых аппаратчиков Совмина, которых подбирало прежнее начальство. Вторую половину составляли люди, приглашенные Борисом Евдокимовичем. Это были производственники. К слову сказать, Тихонов до работы в Министерстве энергетики занимался строительством электростанций, заводов.

По воспоминаниям Тихонова, тяжело было работать первые полгода, потому что притирались люди разных управлен-

ческих школ. В конце концов притерлись. Содружество профессионалов старой закваски и производственников оказалось весьма эффективным.

Как-то один из сотрудников Бюро, который со Щербиной работал еще в Тюмени, сказал Тихонову:

— Георгий Иванович, с нас он готов три шкуры спустить, а тебе все нипочем. Мы все вроде работаем одинаково, на одном уровне, а он к тебе больше прислушивается.

— Ты с ним проработал не один год, тебя он уже знает как облупленного, твой потенциал у него на виду, — отвечал Тихонов. — А я для него пока новый человек. Он прислушивается, пытается понять, что, как и почем, ждет свежих мыслей, свежих решений. Поэтому по отношению ко мне у него другой тон — он не хочет спугнуть инициативу, дает новичку выложиться.

Не раз о Щербине говорили: вот, мол, не считается с окружением, сам принимает решения. Да, он принимал решения сам, но прежде выслушивал мнения десятков сотрудников, извлекая все рациональное и значимое. Это и есть стиль.

9 апреля Борис Евдокимович провел первое заседание Бюро по ТЭК и подробно остановился на его задачах: заседания минимум раз в месяц; оперативность, каждое дело решать как неотложное; утонули в бумагах, больше по телефону; смелее принимать решения; научно-технические проблемы — главное; создать программу по социальным вопросам; постоянно отлаживать хозяйственный механизм; самоокупаемость нужна во всем...

Глава десятая

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ

Чернобыль — быльняк, коники, будыльник, крупный вид полыни. Чернобыльный корень дают от падучей.

В. Даль

Рыжков: «Срочно вылетайте в Москву!..»

Конец рабочей недели Щербина планировал провести на Тенгизском и Карачаганакском месторождениях. Тенгиз, Карачаганак, Кульсары — новые кладовые в Прикаспии, на восточном побережье Каспийского моря. О них в то время много писали. Там, в одном комплексе с соседними оренбургскими заводами, планировалось создать мощную энергетическую базу. В Оренбурге на 26 апреля 1986 года назначили собрание областного партийно-хозяйственного актива. С докладом готовился выступить Борис Евдокимович. В тот же день вечером он собирался вернуться в Москву.

Над Чернобылем уже пылало небо.

Вспоминает Николай Иванович Рыжков:

«26 апреля пришлось на субботу. Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок "вертушки". Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец.

— Извините, что беспокою, — взволнованно сказал он, — но, кажется, ЧП на Чернобыльской атомной...

— Кажется или ЧП? — перебил я. — Подробнее можно?

— Подробностей пока не знаю. Связываемся с Чернобылем.

Я глянул на часы:

— Через полчаса буду у себя в кабинете. Надеюсь, вам хватит времени, чтобы дозвониться и все выяснить?

Говорят, что в мгновения опасности включается шестое чувство. Уж не знаю, какое включилось у меня, но ехал в Кремль и только об этом звонке и думал, просчитывал вари-

анты. Увы, но все они оказались неизмеримо далеки от реальности. Видно, человек подсознательно стремится уйти от самого худшего...

Вошел в кабинет, сразу нажал кнопку прямой связи с Майорецем:

— Что там случилось?

— В 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Я уточнил, еще надеясь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: "Один, два, три, четыре". Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно.

Неясная пока обстановка в маленьком украинском городке требовала немедленных действий. Поэтому я приказал Майорецу безотлагательно лететь в Киев, добираться к месту катастрофы, а сам вызвал к себе совминовских специалистов. Наскоро прикинул с ними состав Правительственной комиссии, куда в первую очередь должны были войти ученые-атомщики, реакторщики, химики и другие специалисты.

В 11 утра постановление о создании комиссии было подписано. А в это время помощники разыскивали по телефону председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, моего заместителя Бориса Евдокимовича Щербину, который накануне улетел на газовые промыслы в Оренбургскую область. ЧП есть ЧП: Щербину отыскали быстро. Я коротко сообщил ему о взрыве, о составе комиссии и сказал:

— Срочно вылетайте в Москву! Члены комиссии будут ждать вас на аэродроме, самолет уже готовят, так что сразу — в Чернобыль».

Оренбург. 26 апреля 1986 года

Борис Евдокимович собирался выступать последним. Его помощник Б. Н. Мотовилов находился рядом за занавесом, в комнате, где был телефон — таков порядок, хотя никаких звонков в этот нерабочий день Щербина не ожидал.

Тем не менее телефонный звонок раздался. Дежурный по обкому КПСС передал: по спецсвязи из Москвы звонит

Ю. К. Семенов из Совмина СССР с важным сообщением для Щербины. Помощник посмотрел на часы: в Москве около 9 часов утра. Он тотчас написал записку для Щербины, прошел к президиуму и передал. Борис Евдокимович на этом же листочке написал, чтобы Мотовилов съездил в обком и переговорил с Семеновым.

Семенов сообщил, что на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной станции — авария с выходом радиоактивности, что обстоятельства еще недостаточно ясны, но на блоке бушует пожар с высотой столба пламени до 90 метров. Он также передал, что информация об аварии, представленная шифротелеграммой КГБ, передана председателю правительства Рыжкову и некоторым его заместителям, что в ближайшие минуты соберется президиум Совмина и подготовлен проект распоряжения правительства о назначении Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, председателем которой предлагается назначить Щербину.

Возвратившись в зал, где проходил актив, и дождавшись перерыва, Мотовилов все подробно рассказал Щербине. Борис Евдокимович решил сам переговорить с Рыжковым. Но сначала позвонил по «ВЧ» своему заместителю Семенову, уточнил некоторые детали.

Борис Евдокимович пытался убедить Рыжкова в том, что с ролью председателя комиссии вполне справится министр энергетики и электростанций Майорец, который уже находился на станции. Там же были ответственные работники Минэнерго, аппарата Совмина и ЦК КПСС, ряд ученых-атомщиков.

Рыжков настаивал на своем предложении. Он знал об аварии больше, чем можно было сказать даже по спецсвязи.

Закончив разговор с премьером, Борис Евдокимович отдал помощникам первое чернобыльское распоряжение: членам комиссии в 15 часов быть в зале ожидания аэропорта «Внуково-2». До вылета в Москву следовало завершить дела в Оренбурге. Его выступление планировалось в конце собрания. Борис Евдокимович попросил предоставить ему слово раньше. Разумеется, заместителю председателя правительства пошли навстречу. Он выступил, как всегда, дельно, аналитически, хотя мыслями уже был далеко от Оренбурга, от Южного Урала: «Что же стряслось там, в Чернобыле?»

Экипаж правительственного самолета был готов к вылету. Пилоты, узнав о перемене программы, не удивились: они привыкли к вводным: «Долетим и до Киева. Вот только во Внукове дозаправимся».

Москва — Киев. 26 апреля 1986 года

Дозаправка — 40 минут. Борис Евдокимович переговорил с членами комиссии — многих из них он знал. Академики Легасов и Сидоренко, первый заместитель министра здравоохранения Воробьев, первый заместитель начальника 6-го Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Щербак... Легасов вспомнил аварию на американской станции «Тримайален» в 1979 году. Скорее всего, предполагал академик, причина той аварии ничего общего с событиями в Чернобыле не имеет.

Так и оказалось. Все было куда серьезнее. Осмыслив ситуацию, академик Легасов подвел итог: «Чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет».

Но пока в аэропорту «Жуляны» на окраине Киева столичную делегацию встречает председатель правительства Украины А. П. Ляшко с командой своих замов и министров республики. Александр Павлович и Борис Евдокимович — земляки-донбассовцы, встречаясь, всегда перебрасывались парой слов о родных краях. Но в этот раз было не до воспоминаний. Точной информацией хозяева не располагали, хмуро твердили, что *там* дело плохо.

Поначалу собирались лететь в Припять, городок у самой ЧАЭС, на вертолетах — две машины стояли наготове. Но внезапно на Жуляны обрушилась гроза, потемнело, хотя время еще было не позднее. В 140-километровый путь отправились «Волги» и «чайки».

На подъезде к Припяти, километров за восемь — десять, Легасова поразило небо. Багровое, точнее, малиновое зарево стояло над станцией. Это делало ее совсем не похожей на атомную. Глазу специалиста АЭС представляется объектом, не имеющим никаких выделяемых газов. Это ее отличительный признак. А тут вдруг такое — как металлургический завод или крупное химическое предприятие, над которыми зарево в полнеба.

Вот и Припять, райцентр, которому дала название река, приток Днепра. В полутора километрах от городка — ЧАЭС. Отсюда кажется, что столб огня и дыма над четвертым энергоблоком заслоняет небо. Позже Борис Евдокимович рассказывал, что никто из его спутников, даже академик Легасов, не испытывал особого чувства тревоги. Вот что надиктовал потом на магнитную пленку Валерий Алексеевич: «...Мне тогда и в голову не приходило, что мы двигаемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержения знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому».

Припять. 26 апреля 1986 года

В здании горкома партии было полно людей. Местное начальство, областное — во главе с председателем Киевского облисполкома Иваном Степановичем Плющем, министр энергетики и электрификации Союза Алексей Иванович Майорец со своей группой, первый заместитель начальника Гражданской обороны страны генерал-полковник Иванов... К сожалению, за минувшие часы, а уже завершались первые сутки беды, не было выработано плана действий в столь экстремальных условиях. Достоверно было известно, что погибли два человека, остальные пострадавшие находятся в больницах города: радиационная обстановка на разрушенном четвертом блоке сложная, а в городе хотя и повышенная, но для жизни людей не опасная.

Щербина тут же провел первое заседание Правительственной комиссии. Были образованы рабочие группы по главным направлениям: обеспечение безопасного состояния реактора; радиационная обстановка; восстановительные работы; подготовка мероприятий по эвакуации населения; оперативное управление обстановкой; экспертная оценка причин аварии.

Борис Евдокимович лишь ненадолго отпускал членов комиссии и привлеченных специалистов в расположенную рядом с горкомом гостиницу, где остановился и сам, чтобы помыться, побриться и сменить рубашку. Работали первое время в своей одежде, которую впоследствии пришлось уничтожить из-за радиационной загрязненности.

Вновь обратимся к свидетельству Н. И. Рыжкова:

«Щербина позвонил мне совсем поздно, устало и с болью рассказал о случившемся. Вкратце так: во время нештатного испытания турбоагрегата на четвертом блоке АЭС последовательно произошли два взрыва. Реакторное помещение разрушено, несколько сот человек получили лучевой удар, двое погибли, радиационная обстановка сложная и пока до конца не ясная.

Он сообщил, что комиссия работает, разбившись на маленькие группы, каждая по своему профилю, но уже очевидно, что без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей...

Немаловажно отметить, что комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа все управление работами взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм».

В район бедствия срочно были направлены химические войска во главе с генералом Пикаловым и вертолетные части из Чернигова во главе с генерал-майором Антошкиным.

Эвакуация

Подъезжая уже за полночь к Припяти, генерал-майор авиации поразился: город не спит, в окнах полный свет... Доложил, как положено, о своем прибытии Щербине. Председатель комиссии сказал:

— На вас и на ваших вертолетчиков, генерал, сейчас вся надежда. Кратер надо запечатать песком наглухо. Сверху. Ниоткуда больше к реактору не подступиться. Только сверху. Только ваши вертолетчики...

— Когда начинать?

— Когда начинать? Прямо сейчас. Немедленно.

— Нельзя, Борис Евдокимович. Еще не перебазировались вертолеты. Надо найти площадку, место управления полетами... Только с рассветом...

— Тогда прямо с рассветом, — согласился Щербина. — Ну, вы меня понимаете, генерал? Берите это дело в свои руки.

Антошкин думал, куда сажать вертолеты. Не находил ответа. И вдруг поймал себя на том, что внимательно рассматривает площадь перед горкомом партии. «Именно здесь! — обрадовался он. — Кроме этой площадки, больше негде...»

Доложил Щербине. После некоторых колебаний — шум моторов будет мешать работе Правительственной комиссии — получил «добро».

Утром 27 апреля прилетели первые два вертолета Ми-6. Гром приземлившихся на площади перед горкомом машин разбудил членов комиссии, которые только в четыре утра прилегли вздремнуть. Потом вертолеты то и дело садились и взлетали. Грохот стоял невероятный. Приходилось говорить очень громко, даже кричать. Но все терпели. Теперь можно было произвести разведку с воздуха.

После первого же полета академик Легасов доложил: реактор полностью разрушен. На крыше машинного зала, на территории валялись куски графитовых блоков — либо цельные, либо разрушенные. Виднелись крупные элементы тепловыделяющих сборок. Из жерла реактора на несколько сот метров поднимался белый столб дыма от продуктов горения, видимо графита. Внутри реакторного пространства было видно мощное малиновое свечение. При этом трудно было сказать однозначно, отмечал Легасов, что является причиной этого свечения. По всей видимости, это были раскаленные графитовые блоки, оставшиеся на месте, потому что графит горит равномерно, выделяя белесые продукты обычной химической реакции. А свет, который отражался в небе, — это свечение раскаленного графита. Были быстро определены мощности излуче-

ния в различных точках вертикальных и горизонтальных плоскостей.

Насколько это опасно для города? Как защитить население от облучения радиоактивными веществами? И самое главное — эвакуировать или не эвакуировать жителей Припяти и других населенных пунктов вокруг ЧАЭС? Недостаток информации и противоречия в инструкциях физиков и медиков не позволяли дать однозначные ответы. А ответа ждали от председателя комиссии. Решение требовалось принимать в считаные часы. Учитывая при этом вероятную панику в городе, возможности транспортных средств, пунктов приема эвакуированных...

На момент аварии в Припяти проживало немногим более 50 тысяч человек, из них более половины — работники Чернобыльской АЭС и строители электростанции с членами семей. Город строился параллельно с вводом в эксплуатацию новых энергоблоков, основу застройки составляли 5-, 9- и 14-этажные жилые дома, социальная инфраструктура, спортивные сооружения. Даже яхт-клуб на берегу водохранилища. Словом, это был один из хорошо отстроенных молодых городов.

Практически все семейные и даже одинокие специалисты жили в отдельных квартирах, в городе было зарегистрировано около 12 тысяч личных легковых автомобилей. И неудивительно. Зарплата у эксплуатационников и строителей более чем вдвое превышала среднюю по стране. В общем, жителям Припяти было что терять в этой налаженной и, казалось, безмятежной жизни, и Правительственная комиссия, обсуждая вопрос о возможности (или необходимости) эвакуации населения, хорошо это представляла.

А к тому, что эвакуация неизбежна, большинство членов комиссии стали склоняться к полуночи 26 апреля, когда более или менее точно определилась радиационная обстановка в городе. Группа дозиметристов, работу которых координировал директор научно-исследовательского института атомной энергетики А. А. Абагян, была усилена военными специалистами, располагавшими современной измерительной техникой. Из данных, представленных этой группой, следовало, что радиационный фон в пределах города составлял в среднем 0,5 рентгена в час. А это значит, что каждый житель за сутки, проведенные в черте города, мог получить дозу радиоактивного облучения 12 рентген.

Для справки: предельно допустимая доза для профессионалов, работающих с радиоактивными источниками, составляет 25 рентген. И если специалист постепенно или единовременно набирает эту дозу, он отстраняется от работы с указанными

источниками на всю оставшуюся жизнь, становится объектом пристального наблюдения врачей.

С учетом того, что люди даже малые и средние дозы радиации переносят по-разному, было ясно, что счет времени пребывания жителей в городе идет на часы. Конечно, признавался впоследствии Щербина, велик был соблазн немедленно объявить населению города о случившемся, разъяснить, что оставаться здесь больше нельзя. И после этого считать свою миссию выполненной.

Но нетрудно было предположить, что паника в таком случае неизбежна, люди будут стараться вывезти как можно больше имущества. А этого нельзя допустить, потому что почти все вещи в квартирах уже были заражены радиацией и подлежали уничтожению. Главное же, чего нельзя было допустить: чтобы владельцы личных автомобилей загрузились «грязным» имуществом и на «грязных» же машинах бесконтрольно разъехались по стране.

Борис Евдокимович объявил перерыв в работе комиссии, но попросил товарищей не расходиться. Теперь он советовался с атомщиками, медиками, военными, местными руководителями.

После двух часов таких бесед, сравнения различных вариантов, уточнения позиций Борис Евдокимович вновь собрал комиссию в полном составе.

— Несмотря на бессонную ночь, усталости у Бориса Евдокимовича заметно не было, — вспоминает его помощник Б. Мотовилов. — Это было характерно для Щербины: его угнетали неопределенность, неясность, колебания окружающих, но когда он «созревал» для принятия решения, то преображался. И даже физически менялся, исчезало раздражение, он начинал острить, а это у него получалось блестяще, причем штампов и затасканных чужих острот он себе не позволял, недолюбливал и анекдоты. Юмор у него прорывался именно по ситуации, всегда кстати, он остроумно и безобидно мог разыграть окружающих. Но это случалось с ним только при определенном расположении духа. Когда же что-то не ладилось, когда его предложения не встречали поддержки у руководства, с ним лучше было не общаться. Но это к слову.

Заседания же Правительственной комиссии носили спокойный, сдержанный характер с максимальным стремлением опереться на точку зрения специалистов. В своих решениях комиссия старалась максимально учитывать интересы людей.

Той долгой ночью Щербина еще раз позвонил Рыжкову, доложил о решении комиссии экстренно эвакуировать жителей Припяти. По предложению председателя Совмина Украины А. П. Ляшко еще до принятия решения об эвакуации — на слу-

чай, если оно будет принято, — из Киева в сторону Припяти начала двигаться колонна пассажирских автобусов и грузовых автомобилей, приспособленных для перевозки людей. Украинские железнодорожники пригнали в Припять три специальных состава. Комиссия, в которую на месте вошли представители соседних с Чернобылем районов, спешно определяла ближайшие пункты для временного расселения эвакуируемых.

К утру 27 апреля колонна из 700 автобусов и примерно 150 грузовиков растянулась от Припяти в сторону Чернобыля, районного центра Киевской области. Между Чернобылем и Припятью 19 километров. Транспорт для эвакуации людей обеспечен.

Теперь надо оповестить население, причем так, чтобы не спровоцировать панику. Щербина поручил Мотовилову подготовить обращение к жителям города. Это, казалось бы, несложное поручение превратилось в очень непростую проблему. Как убедить людей не брать с собой ничего лишнего, кроме документов, денег и минимума личных вещей? Только пообещав, что все вернутся в свои квартиры через несколько дней. Щербина прекрасно понимал, что все будет не так, что жители Припяти не вернутся сюда никогда или, в лучшем случае, смогут побывать в своих квартирах через много месяцев на короткое время. Понимали это все в комиссии, но по-другому в той отчаянной ситуации поступить не могли.

Эта спасительная неправда позже вызвала много критики. Мы же уверены: никому из тех, кто принимал решение об эвакуации, не в чем себя упрекнуть. Стоило лишь заявить, что Припять будет брошена навсегда, наверняка эвакуация населения была бы сорвана. Последствия взрывной паники легко представить...

27 апреля, это был воскресный день, в 10 часов обращение прозвучало по городскому радио, затем повторялось через каждый час. Текст обращения был расклеен по всей Припяти.

Эвакуация населения была назначена на 14 часов. Людям предложили собраться, подготовиться и выйти к этому часу к подъездам своих домов. Уже через 40 минут 50-тысячный город практически обезлюдел. В Припяти остался только минимум работников коммунальных служб, для того чтобы не допустить аварий и обеспечить планомерное отключение электроэнергии, газа, водоснабжения, других городских сетей.

Конечно, покидая город, люди тревожились, расспрашивали, куда их везут, скоро ли вернутся... Житейские, вполне понятные вопросы. А в целом Щербина отметил и запомнил явственное ощущение спокойствия, удивительное на фоне катастрофы. Сегодня не без горечи думаешь: спокойствие как

раз — дитя незнания. Взрыв был внешне страшен, но то был только миг. Главная опасность входила в жизнь людей медленно, неуклонно, но абсолютно невидимо. Незаметно. Людям еще только предстояло осознать беду.

— Все члены комиссии, — вспоминает Б. Мотовилов, — были без респираторов, таблетки йодистого калия никто не выдавал. Да никто их и не спрашивал. Наука, видно, тоже плохо соображала в этом деле. Брюханов, директор станции, и местные власти были в прострации, а Щербина и многие члены комиссии были не сильны по части дозиметрии и ядерной физики...

Потом только стало известно, что радиоактивность в помещении, где находились члены комиссии, достигала ста миллибэр в час, то есть трех рентген в сутки. Это если не выходить на улицу, а снаружи — до одного рентгена в час, то есть 24 рентгена в сутки... Однако это внешнее облучение. Еще шло накапливание отравы в щитовидной железе. От собственных щитовидок люди получали еще рентген плюс к тому, что уже схватили от внешнего облучения. Таким образом, суммарная доза, полученная каждым жителем Припяти, а значит, и членами Правительственной комиссии, к 14 часам 27 апреля в среднем составила около 40—50 рад. Вот такая невеселая, если не сказать трагическая, статистика.

Питались все члены Правительственной комиссии без предосторожностей в ресторане гостиницы. Вместе с пищей радионуклиды попадали в организм. Только с вечера 27 апреля пошел сухой паек: колбаса, огурцы, помидоры, сырок плавленый, кофе, чай, вода. Всем хватило, кроме Щербины и Майореца. Они, видно, ждали, что им принесут. Но никто не приносил — их помощники занимались десятками поручений. А когда они сами кинулись к месту раздачи, там было пусто. По этому поводу было много шуток и смеха.

Самочувствие членов Правительственной комиссии к середине дня 27 апреля было примерно одинаковое: сильная ядерная усталость. Першило в горле, сухость во рту, кашель, головная боль, зуд кожи. Йодистый калий членам Правительственной комиссии стали выдавать только 28 апреля...

Зона

После эвакуации Припяти Правительственной комиссии предстояло заняться реактором, выяснением причин аварии, 30-километровой зоной.

Из воспоминаний Е. А. Игнатенко, генерального директора объединения «Комбинат», возводившего АЭС:

«С высоты 300 метров нам представилось незабываемое зрелище, которое могло бы послужить элементами картины Дантова ада. В сумерках, еще не расставшихся с чернотой украинской ночи, особенно отчетливо виделась зловеще раскаленная активная зона. Верхняя конструкция реактора, его "крышка", называемая обычно ласковым именем "Елена", оказалась сорвана со своего штатного места, сдвинута в сторону северо-восточного квадрата от оси активной зоны и разогрета до желто-красного цвета. В "Елене" отчетливо просматривалась структура мест подсоединения каналов, имевших менее яркий цвет из-за повышенного теплоотвода.

В общем, активная зона реактора смотрелась коксовым пирогом, на котором многотонной сковородкой лежала раскаленная, слегка сдвинутая "Елена". Сполохи этой печи играли на остатках конструкции центрального зала четвертого блока и вентиляционной трубе. Раскаленный графит горел. В местах горения играло короткое пламя. Хорошо был виден разогретый воздушный столб, заполненный аэрозолями, поднимавшимися вверх.

Я посоветовал летчикам обойти его стороной. Мы прошли над объектом несколько раз, так как хотелось более четко зафиксировать в памяти детали увиденного и разобраться в происходящем.

На высоте над реактором бортовой рентгенометр вертолета с максимальной шкалой 500 рентген в час зашкаливало. После посадки я немедленно отправился в горком партии, где уже собралось большинство членов Правительственной комиссии, которые, выслушав доклад, должны были обсудить то, что было доложено мною.

В той радиационной обстановке надо было продумывать новое решение... Вечером я получил разнос от председателя: по его мнению, наши товарищи в Москве недостаточно активно занимались переводом действующих блоков РБКМ в более безопасные режимы работы. При этом были упомянуты все мои бывшие прегрешения от Запорожья до Балаково. Дело в том, что я в свое время организовывал пуски первых блоков этих атомных электростанций и поэтому часто находился в поле зрения Щербины.

В ответ на критику я не смолчал, что еще более накалило обстановку. Наш министр Майорец, сидевший поблизости от меня, тихо сказал:

— Ну что ты лезешь в бутылку? Помолчи, ведь ты же умный человек.

Я воспользовался этим мудрым советом и получил дополнительное задание — принять участие в работе группы, занимавшейся определением причин аварии».

В понедельник 28-го состоялось заседание Политбюро. Н. И. Рыжков доложил о первых результатах работы Правительственной комиссии. Естественно, сказал об эвакуации. О ситуации на станции: четвертый блок разрушен, третий остановлен, первый и второй работают, хотя радиоактивное загрязнение там достаточно высокое.

Вертолетчики во главе с генералом Антошкиным начали облет взорвавшегося блока. Конечно, никто не знал масштабов случившегося, даже крупные ученые, тот же Легасов. Поэтому первое время Щербина летал вообще без всякой защиты, потом уже положили свинцовые листы. Ребята-вертолетчики, с которыми он летал, все ушли из жизни...

Но тогда во время первых полетов установили, что реактор и реакторный зал полностью разрушены, куски графитовых блоков выброшены взрывом на открытые площадки. Из жерла реактора на сотни метров встал белый столб дыма — видимо, от сгоревшего графита, — а внутри остатков реактора отчетливо видно малиновое свечение.

Главный вопрос — продолжает ли реактор работать, то есть идет ли процесс накопления радиоактивных изотопов, — решен был отрицательно: Легасов подобрался к реактору на бронетранспортере и лично убедился, что реактор «молчит». Но продолжает гореть графит, процесс этот долог и чрезвычайно опасен. Идет поиск средств для надежного гашения...

Всем было ясно, что ситуация сложилась и впрямь чрезвычайная, опасная не только для Чернобыля. Экология всей европейской зоны страны оказалась под серьезнейшей угрозой. На следующий день была образована Оперативная группа Политбюро, возглавил ее Н. И. Рыжков.

Оперативная группа заседала ежедневно, а в первые дни и по два раза. В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С Оперативной группой работали все, кто мог хоть чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу. Более четырехсот конкретных вопросов здесь было решено. Или, сказать точнее: помогли здесь разрешить, сделали решение возможным.

Из воспоминаний Н. И. Рыжкова:

«...Не люблю руководить только из начальственного кресла, как это у нас принято. Всегда хочу своими глазами видеть то, что делается. Информация из Чернобыля шла непрерывным потоком. Вряд ли тогда хоть кому-то могло прийти в голову что-нибудь скрыть.

Но информация — это лишь документы, телефонные разговоры... Меня же какая-то тревога не оставляла, точила не уста-

вая: все ли мы знаем, все ли верно делаем? А тут — как раз 1 мая — Лигачев, он входил в Оперативную группу Политбюро, подошел ко мне с теми же сомнениями. Решили на следующий же день вылететь в Киев. Соблюдая субординацию, сообщили о нашем решении генеральному секретарю. Он немедленно и активно нас поддержал: езжайте, мол, на месте все увидите.

Честно говоря, я ждал, что он — глава партии и государства — тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал. Даже в виде предположения не высказал...

Штаб Правительственной комиссии расположился в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госгидромета Израэль. На стол легла крупномасштабная карта, на которой нанесена была неровная, уродливая клякса — зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью "Чернобыль" и провести окружность радиусом в 30 километров, то самые длинные и тонкие "языки" Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очерченном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться нельзя было.

— Эвакуировать людей будем из тридцатикилометровой зоны.

— Из всей? — переспросил кто-то.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять, следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то как бы потом не просто дороже, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно.

Когда спустя несколько часов мы возвращались в Киев, навстречу нам шли в Зону сотни пустых автобусов: казалось, что вся дорога от Чернобыля до Киева была ими занята. В Зоне должны были обезлюдеть 186 населенных пунктов.

Щербина уехал днем позже. Он к тому времени схватил солидную в сумме дозу радиации. Потом он еще не раз прилетит сюда, вплоть до 89-го летать станет, еще добавит к той черной сумме новые рентгены... Не они ли в итоге сократили ему жизнь?»

В цифрах процесс эвакуации из тридцатикилометровой зоны можно представить следующим образом.

3 мая, 10 часов. По решению Правительственной комиссии началась эвакуация из 10-километровой зоны ЧАЭС. Это 15 населенных пунктов, в которых проживали 9861 человек. Кроме того, вывезено 10 тысяч голов крупного рогатого скота.

4 мая. Эвакуация из 10-километровой зоны окончена. В безопасные места перевезены 9222 человека. Кроме того, вывезено 10 тысяч голов крупного рогатого скота.

4 мая, 15 часов. Началась эвакуация жителей города Чернобыля и населенных пунктов, входящих в 30-километровую зону. Для этой цели заранее подготовили автобусы, 1176 грузовых автомобилей и 1486 специальных автомашин для перевозки скота. В целом эвакуации подлежали 33 населенных пункта с населением 14 тысяч человек.

К этому времени на границах Зоны были уже развернуты передвижные автозаправочные станции, пункты дезактивации транспорта и санитарной обработки людей.

Конечно, были и другие события, чрезвычайно интересные и сложные как в техническом, так и в организационном плане. Это — забрасывание с вертолетов мешков с глиной, свинцом и диоксидом бора для ликвидации пожара на четвертом энергоблоке, разборка завалов в условиях жесткого радиационного излучения, сооружение «саркофага» над разрушенным энергоблоком, дезактивация территории, возобновление работы трех сохранившихся энергоблоков, строительство нового города чернобыльских энергетиков Славутича... Была и масса других, может быть, не таких заметных, но не менее важных дел, которыми занималась комиссия под руководством Щербины.

— Возможно, это мое субъективное мнение, — считает Б. Мотовилов, — но несгибаемая воля и характер Бориса Евдокимовича, его цепкий аналитический ум, способность подчинить все интересам дела, непререкаемый авторитет и другие качества бесспорного лидера наиболее ярко проявились в первую ночь после аварии на Чернобыльской АЭС. Ночь принятия решения и оперативной его реализации по эвакуации населения из Припяти. Причем настолько ярко, что все остальное, продолжавшееся многие месяцы, казалось обычным, рутинным делом, просто затянувшейся командировкой, каких у нас были десятки ежегодно.

Свои впечатления о работе комиссии оставил на магнитофонной пленке академик Легасов: «Прежде всего я хочу сказать, что удачным, наверное, оказался выбор Бориса Евдокимовича Щербины в качестве председателя Правительственной комиссии. Потому что он обладал таким качеством, как

обязательное обращение к точке зрения специалистов. Очень быстро схватывал эти точки зрения и тут же был способен к принятию решения. Ему не была свойственна медлительность, робость в принятии тех или иных решений...»

А что знала страна о чрезвычайном происшествии? О тревоге, которая охватывала мир? Поначалу — почти ничего. Только то, что ловилось на радиоволнах. Был обычай на Руси — слушать на ночь Би-би-си. Родная пресса, теле- и радиоканалы о Чернобыле молчали. 1 мая «Правда» известила читателей о том, что по планете шагает Первомай. «Дерзновенные планы ускорения социально-экономического развития страны... энергия замыслов...» Крохотная заметка на второй полосе: «От Совета Министров СССР. На Чернобыльской атомной электростанции продолжаются работы по ликвидации происшедшей аварии...»

«Над страной весенний ветер веет» — полоса в «Правде» 2 мая, репортажи о праздновании в столицах союзных республик: «Киев. Нежной акварельной зеленью распустившихся деревьев, алым кумачом транспарантов, бравурными звуками оркестров встретил город-герой на берегах Днепра первый день мая...»

6 мая «Правда» публикует статью политического обозревателя Юрия Жукова «Невольные саморазоблачения. Кто и зачем раздувает антисоветскую шумиху». Маститый автор озвучивал точку зрения Кремля, пытался уесть Соединенные Штаты, которые замалчивали аварии на собственных АЭС. Напоминал о первомайских демонстрациях в Киеве и Минске, цитировал комментарий телеканала Си-би-эс: «Люди в Москве изумляются, почему на Западе из-за этого так много шума».

6 мая в пресс-центре МИДа СССР на Зубовском бульваре состоялась пресс-конференция для советских и зарубежных журналистов. Выступил первый заместитель министра иностранных дел Союза А. Г. Ковалев, за ним — председатель Правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина. Борис Евдокимович подробно рассказал о том, что произошло 26 апреля в 1 час 23 минуты на четвертом блоке ЧАЭС, какие меры были предприняты сразу, что делается сейчас.

— Наиболее расхожей претензией стали упреки за несвоевременную информацию, — говорил он. — Согласиться с этим нельзя. Необходимо было оценить произошедшее на месте и только после этого дать информацию. 28 апреля прави-

тельствам стран была дана возможная на этот период информация.

И только 14 мая к своей стране обратился генсек Горбачев. Перед этим он звонил в Чернобыль Легасову, делился тревогами: «Уже имя Горбачева начинают во всем мире трепать в связи с этой аварией». Ничто другое, похоже, его не волновало.

— Добрый вечер, товарищи! Как вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала международную общественность...

А дальше общие слова, холодные рассуждения... Не на высоте положения, мягко говоря, оказался генсек.

Борис Евдокимович Щербина мог всю командировку провести в Припяти, в штабе Правительственной комиссии, выслушивая доклады. Понятно, и здесь опасно, но все же не так, как на самой АЭС, у взорвавшегося блока. В его характере — разобраться в существе дела досконально, понять его до конца. Поэтому он и отправился к четвертому блоку вместе с заместителем министра энергетики и электрификации СССР Ю. Н. Корсуном. Остановились метров за сто от блока. Радиационная обстановка — 70—100 бэр. Щербину и Корсуна предупредили: находиться там крайне опасно. Но они только кивнули... Тогда Борис Евдокимович предложил создать главк по ликвидации последствий аварии. И такой главк был создан.

Из воспоминаний Ю. Н. Корсуна:

«Борису Евдокимовичу дорого обошлось это посещение станции. По существу, никто не был защищен, но Борис Евдокимович был гораздо старше других. Его организм не смог побороть радиацию. И нельзя сказать, что он об этом не знал, — он понимал, чем это ему грозит, но свой долг выполнял самоотверженно. И все, кто был рядом, следовали его примеру.

После решения о создании главка началась всеобщая мобилизация технических служб, мы отправили туда технику, которая была предназначена для новых атомных станций. Это тяжелые краны грузоподъемностью 800 тонн, тяжелые радиоуправляемые бульдозеры, самые мощные и производительные бетононасосы и другая техника. Собрали "в кулак" мощную технику и стали разрабатывать стратегию борьбы с этим горем и злом. Б. Е. Щербина регулярно собирал все службы и вырабатывал предметные, конкретные решения, согласованные со всеми специалистами.

Он работал широко Мог беседовать и с академиком Легасовым, и с президентом Академии наук СССР Анатолием Пе-

тровичем Александровым, и разговаривать с работающими там слесарями, бульдозеристами.

Сразу был виден его огромный опыт общения с людьми, накопленный и в Тюменском обкоме, и на посту министра. Борис Евдокимович обладал колоссальным даром привлекать к себе людей и увлекать их за собой — это редкий дар руководителя. Бывают руководители — "напыщенные всезнайки", с ними тяжело: не успеешь ты открыть рот, а они уже знают, о чем ты будешь говорить. Борис Евдокимович так никогда не поступал, он всегда слушал до конца, а дальше уже поправлял, если был не согласен. Умение слушать — качество, необходимое для руководителя.

В Чернобыле было много тяжелых моментов. Тяжело шло сооружение саркофага, тяжело шли все технологические процессы, связанные с понижением уровня радиационной активности. Приведу один пример. Нужно было подать раствор цемента в разрушенный реактор, в развал. Сделать это поручили специалистам Минуглепрома СССР. Но они не могли там хорошо сварить стальные трубы: не было сварщиков нужной квалификации. Об этом доложил министр М. И. Щадов Борису Евдокимовичу. Тот посоветовал позвонить в Миннефтегазстрой. В этот же день к вечеру в Припяти уже были высококлассные сварщики, трубы соединили. Потом на танковых тягачах подали первый бетон в развал этого реактора.

Щербина проявлял характер и терпение, понимая, что мы имеем дело с людьми: 25 бэр набирал человек, мы его должны были отпустить. Здоровья эта работа никому не добавляла.

Борис Евдокимович сделал очень много в первый, самый сложный период для людей. Ведь три блока запустили мы. Надо было размещать пять тысяч человек вахтенного персонала. Встала задача построить поселок Зеленый Мыс со всей инфраструктурой: с хорошей столовой, где люди могли бы питаться, с пропускными санитарными пунктами.

Борис Евдокимович сразу мобилизовал родной Миннефтегазстрой. Быстро получили весь комплекс в блочном исполнении: собранные котельные, прекрасный спортивный зал, бассейн — целый спорткомплекс — один, затем второй. Борис Евдокимович быстро договорился о выделении финансовых средств, и мы получили из Финляндии госпиталь на 150 коек, прекрасный профилакторий. Он внимательно следил за ходом поставок и сооружением поселка. В результате за два месяца сделали вахтовый поселок, который соответствовал всем требованиям.

Борис Евдокимович понял специфику атомной энергетики: она не допускает незаконченности — все должно идти

строго последовательно до полного функционального завершения. Он сам обладал совершенной ответственностью и завершенностью действий, и этот "щербиновский почерк" он прививал нам.

Щербина понимал, что вахтовикам очень тяжело работать, и приложил все силы, чтобы им дали квартиры в Киеве. Он договорился с руководством Украины, и там для эксплуатационного персонала мы получили восемь тысяч квартир. Вместе с тем стали строить город Славутич. Место прекрасное. Представьте себе: сосновый бор на песке, с низким уровнем грунтовых вод, это нас спасло. Мы туда пришли в январе 1987 года. Борис Евдокимович нас своим вниманием "баловал", благодаря этому мы за год ввели в строй 320 тысяч квадратных метров жилья со всей инфраструктурой: магазинами, столовой, рестораном, школой, шестью детскими садами.

Правда, для этого понадобилось принять постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, но Борис Евдокимович все организовал в Москве, согласовал с республиками. Были привлечены строительные организации во главе с Министерством энергетики СССР из РСФСР, Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии, Азербайджана. Украину и Белоруссию не привлекали, так как они решали другие важные проблемы по размещению населения и пострадали больше всего.

В результате под руководством Б. Е. Щербины мы ликвидировали возможность неуправляемых событий и угрозу заражения окружающей среды.

В дни чернобыльской трагедии Борис Евдокимович являл собой органический сплав мужества, мудрости и выдержки и тем самым подавал пример всему коллективу, героически ликвидировавшему последствия этой катастрофы».

Кажется, все заместители Николая Ивановича Рыжкова — Баталин, Ведерников, Маслюков — прошли Чернобыль.

А теперь приведем несколько выдержек из последних записей Валерия Алексеевича Легасова.

«Эта трагическая ситуация, тяжелая ситуация, — считал ученый, — требует не просто мобилизации больших информационных ресурсов, но и очень творческого, очень грамотного использования этих ресурсов, чтобы в нужной последовательности и в нужном объеме население получало сведения о происходящем...»

Ему виделась специальная телевизионная и газетная рубрика, состоящая из двух частей. Первая часть чисто официальная, точная информация от Правительственной комиссии к тому времени, когда эта рубрика выходит; вторая часть — «описательная, с личными точками зрения».

В общем, заключал свои размышления Валерий Алексеевич Легасов, это серьезный вопрос: как и в каком масштабе освещать подобные события, очень неприятные и тяжелые, затрагивающие практически все население страны, да и не только нашей страны.

Борис Евдокимович Щербина в свой первый приезд в Чернобыль провел там девять дней. Нахватал рентген, тем не менее не хотел покидать Чернобыль. Он считал, что ему уже удалось наладить ликвидацию последствий аварии, а кому-то другому надо будет начинать все сначала. Горбачев с такой позицией не согласился. Говорили, что в телефонном разговоре со Щербиной он распорядился оставить объект и вернуться в Москву.

Из аэропорта Щербина позвонил жене, Раисе Павловне, попросил прислать во Внуково белье, одежду, потому что все, что было на нем, сожгут.

— Мама на скорую руку все собрала, — вспоминает Юрий Борисович Щербина, — и я поехал в аэропорт. Отцу вернули только депутатский значок, удостоверение зампреда и ключи от сейфа. Все остальное, как положено, сожгли. Хотели еще наголо остричь, но Борис Евдокимович наотрез отказался, так как ему предстояло выступать по телевидению. Часа два мыли волосы какой-то пеной и только после этого отпустили домой.

Всего в зоне Чернобыльской АЭС с того черного апреля 1986 года по февраль 1989-го, когда состоялась его последняя поездка туда вместе с М. С. Горбачевым и В. В. Щербицким, Борис Евдокимович пробыл в командировках 92 дня. А на самом деле значительно больше, потому что в короткие поездки на один-два дня, в частности на строительство города Славутич в 1987—1988 годах, он не оформлял командировок.

Борис Евдокимович был самоотверженным человеком. И когда в Чернобыле среди первых бросился в пекло, он, конечно, понимал, чем это ему грозит, но твердо знал и другое: генералу негоже отсиживаться в тылу — солдат в одиночку с бедой не справится. Щербина шел в чернобыльский ад с открытыми глазами, зная, что получает облучение. Это был самоотверженный поступок.

— Георгий Иванович, — говорил он как-то Г. И. Тихонову, начальнику отдела в Бюро по ТЭК, — после Чернобыля много людей заболело лучевой. Ты знаешь, сколько я схватил? А ведь совершенно здоров. — И вынимал из кармана мумиё: он знал, что Георгий Иванович долго работал в Таджикистане, и как бы советовался с ним. — Я каждый день принимаю горошинку...

Тихонов не стал ему говорить, что не особенно-то верит в это мумиё. Лечение болезни во многом зависит от морального состояния человека. Пока борется, пока не сдается, случалось — и не раз! — болезнь отступает. Щербина больше многих других верил в это.

Был у него в жизни случай. Несколько поездок на Север при недолеченной пневмонии довели его до астмы. Врачи рекомендовали ему аэрозоль для поддержания нормального дыхания, и все. По словам же Паустовского, «жизнь астматика — это жизнь вполовину». Но Борис Евдокимович решил: «Нет, лежать или жить вполовину — это не для меня!» Он перевернул гору книг и журналов и нашел методику Стрельниковой, которой пользовались многие артисты, ученые. Идет заседание коллегии. Мужики в перерыве бегут перекурить, а Борис Евдокимович идет в комнату отдыха и занимается дыхательной гимнастикой. Через несколько месяцев он выгнал из себя эту хворь! Врачи были в шоке — такая сила воли.

Накануне нового, 1989 года Щербина возвратился в Москву из Армении. После Чернобыля на него обрушилось и землетрясение в Спитаке, Ленинакане (подробнее об этих днях расскажем ниже).

Людмила Васильевна Щербина убеждена:

— Они его загнали!

Они — это кремлевские вожди, чьи портреты в те годы висели по всей стране — от Красной площади до пограничных застав.

— Нельзя было после Чернобыля загружать Бориса Евдокимовича восстановлением Армении. Он вернулся оттуда весь черный от горя. Говорил, что не был так разбит, так потрясен даже на пепелищах, которые оставляли, отступая, фашисты в годы Великой Отечественной войны...

Врачи настояли на лечении Бориса Евдокимовича. Примерно в середине февраля в больнице он узнал, что Чернобыльскую АЭС намерен посетить Горбачев. Генсек собрался туда впервые, спустя почти три года после аварии. Узнав об этом, Щербина стал настаивать на участии в этой поездке. Врачи были категорически против, но он переубедил их. И за два дня до приезда на станцию Горбачева прилетел в Чернобыль.

Выглядел Борис Евдокимович неважно, но, как всегда, не подавал вида, что ему нездоровится. С руководством «Комбината», именно так после ликвидации последствий аварии и возобновления работы уцелевших блоков стала называться Чернобыльская АЭС, были обсуждены варианты осмотра станции высокими гостями, включая посещение нового города атомщиков Славутича.

— Поводов для беспокойства как будто бы не было, — вспоминает Б. Мотовилов, — но Щербина заметно, по крайней мере для тех людей, кто близко и часто с ним общался, нервничал. Да это и понятно — даже ему не так уж часто приходилось встречать, сопровождать и информировать главу партии и государства.

Неувязки начались в день приезда М. С. Горбачева и его свиты. Уже с утра по территории станции бродили ранее никому не известные «операторы» в белой спецодежде, как и положено работникам АЭС. Под их белыми халатами, если внимательно присмотреться, можно было обнаружить оружие и рации. Это была многочисленная охрана генсека. Сам же он в назначенное время не появился. Лишь полтора часа спустя к станции подъехал кортеж черных ЗИЛов, «чаек» и «Волг». Прибыли М. С. Горбачев с Раисой Максимовной, первый секретарь ЦК Компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС В. В. Щербицкий, председатель президиума Верховного Совета Украины В. С. Шевченко, первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г. И. Ревенко, который, кстати, впоследствии был переведен в Москву и работал главой администрации первого и последнего Президента Советского Союза...

На станции говорили о том, что люди по пути кортежа из Киева в Чернобыль перегораживали дорогу, пытаясь поговорить с Горбачевым. Так или нет, но никаких «выходов в народ» во время этой поездки у Горбачева не было.

— Наспех пройдя по энергоблокам, высокие гости расселись в машины и направились в Славутич, — продолжает Б. Мотовилов. — Чтобы избежать встречи с жителями города, которые стали собираться на главной площади, делегация кружной дорогой подъехала к горисполкому. Там прошло короткое совещание, на котором докладывал Щербина. Он же ответил на немногочисленные вопросы Горбачева.

На прощание сфотографировались у входа в горисполком, расселись по машинам и разъехались. М. С. Горбачев и его свита — в Киев. А Щербина, Израэль, председатель Госкомгидромета СССР, Луконин, министр атомной энергетики СССР, и Велихов, директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, вице-президент Академии наук СССР, — к своему Як-40, который ждал их на аэродроме летного училища в Чернигове.

Когда взлетели, кто-то вспомнил, что сегодня 23 февраля, День Советской армии. К тому же никто из них в тот день не обедал. Старательные стюардессы быстро накрыли на стол, появился коньяк, несмотря на строжайший запрет того времени.

Борис Евдокимович, отставив рюмку, подозвал своего помощника. Мотовилов взглянул в его лицо и обомлел: оно было белым как бумага. Стюардессы оказались плохо подготовлены к нестандартным ситуациям. К счастью, на борту был опытный человек — Ю. А. Израэль. Он ослабил у Бориса Евдокимовича узел галстука, расстегнул рубашку, наложил кислородную маску.

Наконец лицо Щербины стало розоветь, он заговорил, сумел проглотить таблетки. А помощник в это время вместе с командиром самолета безуспешно пытался дозвониться до Москвы. Як-40 еще не вошел в зону так называемой радиовидимости, а это на той высоте, на какой находился самолет, составляло примерно 120 километров.

К счастью, за эти полчаса полета состояние Щербины оставалось стабильным, и вскоре Мотовилову удалось связаться с Чазовым, министром здравоохранения СССР. После короткого разговора Израэля с Чазовым стало ясно, что это инфаркт, но никто из присутствующих, разумеется, не произнес этого слова.

Когда самолет приземлился во Внукове, прямо на летном поле его ожидал Евгений Иванович Чазов и правительственный ЗИЛ модификации «реанимационная». Бориса Евдокимовича увезли в больницу на Мичуринском проспекте.

— И сегодня я убежден, что отменное здоровье Щербины было подорвано именно в Чернобыле, где он получил не менее 800—1000 бэр (биологический эквивалент рентгена) радиоактивного облучения, — рассказывает Б. Мотовилов. — Убежденность моя не умозрительна: мне досталась доза в 55 бэр, но я значительно реже шефа бывал на разрушенном блоке, поскольку он определил мое место в основном у телефона — для связи с Москвой, Киевом и т. д. Сам же он нисколько не считался с тем, какую опасность таит в себе радиационное облучение.

После отъезда Щербины из Чернобыля оперативную группу Правительственной комиссии возглавил В. С. Возняк. Рабочий день продолжался с 8 утра до 8 вечера. Каждый день в 18 часов проводилось оперативное совещание с участием руководителей всех занятых на работах подразделений, руководства объединения «Комбинат» и дирекции ЧАЭС. Каждое утро в 9 часов по ВЧ-связи Возняк докладывал обстановку Борису Евдокимовичу.

— Особенностью его стиля и методов работы была нацеленность на практику, на конкретику, на обязательное достижение поставленных задач, получение конкретных результатов, — рассказал В. С. Возняк. — Отсюда его дотошность,

иногда превосходящая, по моему мнению, разумные управленческие пределы для руководителя такого высокого ранга. Бывало так, что он перепроверял полученную от меня информацию у директора Чернобыльской АЭС М. П. Уманца или генерального директора объединения «Комбинат» Е. И. Игнатенко. Вначале это меня обижало. Потом я понял, что дело здесь не в недоверии, а в желании сопоставить различные точки зрения для принятия оптимального решения.

В работе не жалел себя, работал с максимальной нагрузкой, очень интенсивно. Как-то еще до работы в Чернобыле в минуту откровения он высказал мысль: «Я для себя понял: чтобы долго жить, надо мало есть, мало спать и много работать».

С такой меркой он подходил и к своим подчиненным. Работать с ним было трудно, конечно, с обыденной точки зрения. Скрашивало обстановку одно важное обстоятельство: с ним все получалось, выполнялись поставленные задачи, росли и набирались опыта люди, занимая более высокие должности, получая премии и награды.

В деятельности по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Щербина мог принимать смелые и неординарные решения. Он никогда не требовал многочисленных бюрократических согласований, которые, как правило, занимали много времени, размывали ответственность конкретных должностных лиц, зачастую делались только ради подстраховки.

— Я не припомню случая, чтобы решение по обсуждаемому вопросу не принималось из-за отсутствия чьей-то подписи, переносилось или откладывалось без серьезных причин, — продолжал В. С. Возняк. — Иногда, правда, решение принималось прямо противоположное тому, которое вносилось тем или иным министерством, ведомством либо другими организациями, и это вызывало неудовольствие самого высокого начальства.

Многие руководители в тот период отмечали в частных беседах, что если бы в народном хозяйстве, во всех его сферах так принимались и реализовывались хозяйственные решения, как они осуществлялись Правительственной комиссией, то экономические результаты были бы намного весомее.

Корень от падучей

Видимо, надо напомнить: в то время рядовому советскому человеку не полагалось знать о ЧП в своей стране. Чрезвычайные происшествия, техногенные катастрофы, аварии случались только в капиталистическом мире. Уполномоченные Главлита,

советской цензуры, регулярно проводили в редакциях инструктаж, о чем писать можно, о чем — нельзя. Влажные полосы завтрашних газет курьеры «Комсомолки», «Правды», «Известий», «Труда» — всех центральных и местных газет — несли цензорам. Полоса шла в печать только со штампом уполномоченного Главлита. Точно так же визировалось слово радиожурналиста, репортера ТВ... Система контроля была абсолютной. Первую группу журналистов центральных газет перед отправкой в Чернобыль инструктировал лично секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев. Советовал журналистам не раздувать панику, больше писать о том, что делается для спасения людей, как вся страна помогает Чернобылю...

В полный голос о Чернобыле заговорили не скоро. Но и тогда некоторые пытались докопаться до истины. По всей стране останавливались стройки АЭС. «Правда», главная газета страны, командировала в Чернобыль Владимира Губарева, редактора по отделу науки, писателя, драматурга. В репортажах для газеты он писал о том, что по тому времени было дозволено. О подвиге пожарных и вертолетчиков. Об эвакуации Припяти. О том, как радушно встречают переселенцев по новым адресам, помогают устроиться... Это было правдой, но не всей. А всю правду Владимир Губарев, журналист принципиальный и мужественный, попытался высказать в пьесе «Саркофаг». «Правда» летом 1986 года напечатала большой отрывок из этой пьесы. Эту полосу под свою ответственность поставил в номер главный редактор «Правды» Виктор Афанасьев. Полностью «Саркофаг» вышел в сентябрьском номере журнала «Знамя». Пьеса Губарева стала таким же значимым событием общественно-политической жизни страны, как в сорок втором, горьком и страшном, пьеса Александра Корнейчука «Фронт». Но «Фронту» дал напутствие Сталин, а «Саркофагу» — автор. Да, известный в Союзе журналист, редактор «Правды» по отделу науки, писатель и драматург... Но как он смеет? Что позволяет? И покатилась «телега» в Совет Министров СССР. Николай Иванович Рыжков поручил разобраться с жалобой Щербине. Приведем докладную записку Бориса Евдокимовича, адресованную Председателю Совмина:

«По Вашему поручению Правительственная комиссия по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС рассмотрела заключение ведущих советских специалистов в области лечения радиационных поражений докторов медицинских наук, профессоров Гуськовой А. К. и Григорьева Ю. Г. по пьесе В. Губарева "Саркофаг", опубликованной в журнале "Знамя" № 9 за 1986 год, а также некоторые другие вопросы, поставленные в этой пьесе.

В кратком предисловии автор сообщает, что эта пьеса по существу является его отчетом по командировке на Чернобыльскую АЭС в мае с. г., то есть сразу же после аварии на четвертом энергоблоке станции, происшедшей 26 апреля 1986 г. Это обстоятельство обязывает автора следовать в основном реальности случившегося.

Однако при прочтении пьесы складывается впечатление, что автор вместо объективного изложения событий преследовал прежде всего одну цель — отразить сенсационность, необычность происшедшего. По-видимому, в стремлении поскорее опубликовать художественное произведение на тему об аварии в Чернобыле автор не позаботился о совершенно необходимом — не проконсультировался со специалистами — физиками, конструкторами, врачами, работниками соответствующих министерств. Отсюда целый ряд незрелых, недостаточно осмысленных, торопливых суждений и выводов. Ряд персонажей пьесы — Бессмертный (Кролик) с его по меньшей мере странной историей, Велосипедист — вор с уголовным прошлым, тетя Клава, генерал милиции — надуманные, нежизненные образы, плод фантазии автора, не имеющей ничего общего с реальной жизнью. Вместе с тем через диалоги и суждения этих персонажей трансформируется общее представление о происшедших событиях, делаются необъективные, искаженные выводы и оценки.

Использованный в пьесе прием — ведение прокурором допроса пораженных лучевой болезнью, умирающих людей — представляется неоправданно жестоким, бесчеловечным по отношению к пострадавшим при аварии. Подчеркивается неизбежность следствия, причем все это усугубляется мрачностью, безысходностью обстановки в клинике.

Как известно, среди наиболее пострадавших при аварии на Чернобыльской АЭС были только работники пожарной охраны и персонал станции, принимавшие участие в ликвидации пожара. Ни один человек из населения города не получил сколько-нибудь значительных доз облучения, не говоря уже о заболевании лучевой болезнью. У автора же в числе пораженных лучевой болезнью тетя Клава (в пьесе умирает), Велосипедист, которые не были и не могли быть на территории станции. Это уже не безобидное упущение, а серьезное отступление от достоверности событий, искажение действительности, которые могут вызвать у читателя или зрителя неверное представление о масштабах аварии. Не соответствует действительности также беспорядок и неразбериха в первые часы после аварии, о чем постоянно говорят герои пьесы.

В беседе с прокурором один из персонажей пьесы (оператор) недвусмысленно определяет причину аварии в некачественном строительстве энергоблока, в стремлении досрочно сдать его в эксплуатацию. При этом допускаются вольности такого, например, характера: "Там, под реактором, не только бетонные глыбы лежат, но, если поискать, то и парочку экскаваторов найти можно. А все ради рапорта, премии... Кому такое ускорение нужно?" Не говоря уже о том, что никакого досрочного ввода в эксплуатацию четвертого энергоблока не было (первоначальный срок ввода был установлен в 1982 г., затем переносился на первое полугодие 1983 г., а фактически блок был введен в декабре 1983 г.), такая позиция наносит вред развитию отечественной атомной энергетики.

В этом же ключе ведутся рассуждения автора о надежности оборудования атомных электростанций, об уровне их автоматизации. Такие трактовки накладывают тень на общее состояние развития атомной энергетики, на общие порядки в стране.

В искаженном виде представлено также проведение эвакуации из города энергетиков. Говорится о нерешительности, о задержке с принятием решения об эвакуации, тогда как в этой части не было никаких колебаний, все решения принимались и выполнялись своевременно и четко. Кстати, уровень радиации в г. Припяти и близлежащих населенных пунктах не требовал какой-то исключительной срочности при проведении эвакуации. Об этом свидетельствуют данные медицинского обследования эвакуированного населения.

В пьесе допущены также и другие просчеты, неточности, неверное толкование событий.

Не случайно некоторые зарубежные средства информации широко используют сведения, почерпнутые из этой пьесы, в своих публикациях. Так, например, американский писатель-фантаст Фредерик Пол, подготовивший художественную книгу об аварии в Чернобыле, в беседе с корреспондентом "Литературной газеты" говорит следующее: "Я только что закончил чтение 'Саркофага' — пьесы В. Губарева, поразившей меня своей силой и правдой. С интересом побеседовал с автором. Еще несколько лет назад в Соединенных Штатах не поверили бы, что такая пьеса может быть у вас поставлена. Уверен, если ее перевести и показать американскому зрителю, успех был бы огромен" (*"Литературная газета" от 17 декабря 1986 г.*).

Вызывает недоумение позиция редакции журнала "Знамя", которая также не сочла возможным перед публикацией пьесы получить заключения соответствующих специалистов.

Представляется целесообразным поручить Минкультуры СССР рассмотреть вопрос о возможности постановки указан-

ной пьесы на сценах театров. По мнению Правительственной комиссии, было бы неоправданным ставить пьесу в том виде, как она опубликована.

Следует обратить внимание на то, что определенные вольности и искажения в трактовке событий в Чернобыле допускают и другие наши средства массовой информации.

Подготовленные фильмы "Колокол Чернобыля" (Центральная студия документальных фильмов) и "Чернобыль: двадцать трудных дней" (Украинская студия документальных фильмов) также грешат непоследовательностью, поверхностным освещением событий. Правительственной комиссией создателям этих фильмов было указано на их фрагментарность, незаконченность, имеющиеся неточности. В связи с серьезными критическими замечаниями, поддержанными отделами ЦК КПСС, оба фильма перерабатываются.

В погоне за сенсационностью отдельные журналисты, не утруждая себя тщательным изучением причин и обстоятельств аварии, а также мер, принимаемых по ликвидации ее последствий, также допускают в публикуемых материалах неточности и неверные выводы. Ряд таких материалов был опубликован в украинских газетах, в "Литературной газете".

В газете "Московские новости" от 16 ноября 1986 г. в статье "Забыть Чернобыль?" политического обозревателя этой газеты Дмитрия Казутина комментируется подготовленная журналистом А. Иллешем по договору со шведским издательством "Рюбук" рукопись книги о событиях в Чернобыле. Даже в небольших отрывках из этой рукописи, процитированных газетой, содержатся ошибочные суждения по ряду вопросов (например, об организации эвакуации населения).

Минкультуры СССР, Госкино СССР, Гостелерадио СССР, Госкомиздату СССР, редакциям газет и журналов необходимо повысить требовательность к публикуемым материалам, исключить проникновение на страницы газет и журналов, на экраны кинотеатров и в телевизионные передачи недостаточно глубокой и тем более искаженной информации по вопросам, связанным с аварией на Чернобыльской АЭС.

Б. Щербина.

29 декабря 1986 г.»

(*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 55. Д. 53. Л. 4—7*).

В фонде рассекреченных документов Российского госархива новейшей истории хранится и письмо В. С. Губарева, адресованное Н. И. Рыжкову:

«Уважаемый Николай Иванович!

Считаю своим долгом сказать несколько слов о записке т. Щербины по поводу пьесы В. Губарева "Саркофаг".

Пьеса — это не иллюстрация к событиям в Чернобыле, а художественное произведение. Более того, я пытался как можно дальше уйти от реальных событий. Судя по "Записке", мне это удалось.

Я старался в художественной форме осмыслить те проблемы, которые стоят перед обществом и которые четко обозначены в специальном решении Политбюро ЦК КПСС, посвященном докладу Правительственной комиссии по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Одна из задач пьесы — это борьба против ядерного безумия, и реакция на пьесу, в частности на Западе, подтверждает, что идея воспринята верно — человечество может оказаться в "саркофаге", если не остановить гонку ядерных вооружений.

Вызывает удивление, что тт. Гуськова и Григорьев написали такое заключение. Во время обсуждения пьесы в Доме ученых им было предоставлено слово, но подавляющее большинство специалистов не согласились с их аргументами. В "Литературной газете" был опубликован отчет об этой дискуссии, где я принес свои извинения за невольную обиду медикам. Кстати, медики в пьесе — положительные герои.

Но тем не менее я благодарен за внимание к пьесе, за критические замечания, которые я обязательно учту при постановке пьесы в театрах.

Владимир Губарев.

8 января 1987 г.»

(*там же. Л. 11*).

Наверное, своя правда была и у Щербины, и у Губарева. Совсем близкой была еще трагедия Чернобыля, многое предстояло осмыслить и переосмыслить. Под грифом «секретно» оставались реальная обстановка, пораженные территории в соседних областях Украины, Белоруссии, России. Возможно, на позиции Бориса Евдокимовича сказывался подход, принятый в свое время при подготовке обращения к жителям Припяти. Тогда спасительная неправда диктовалась жесткой необходимостью. Но сейчас-то следовало сказать все как есть. Чтобы не было новой беды.

Время рассудило давнюю полемику. «Саркофаг» Владимира Губарева идет по сей день. Люди, избравшие атомную энергетику своей профессией, признательны Владимиру Степановичу, в этой среде он — свой человек. Потому что не лгал тогда, не лжет сейчас.

Глава одиннадцатая

СПАСАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА

Страданиями и горем определено нам добывать крупицы мудрости, не приобретаемой в книгах.

Н. Гоголь

ТЭК застоя не знал

Чернобыльское потрясение на месяцы и годы вперед определяло рабочий график и деловые программы председателя Бюро Совета Министров Союза по ТЭК Бориса Евдокимовича Щербины. Но постепенно наряду с Чернобылем в его рабочий календарь возвращаются прежние темы: Ямбург, Карачаганак.

29 мая 1986 года Политбюро ЦК КПСС рассматривает вопрос о подготовке к зиме 1986/87 года. Докладывает Б. Е. Щербина: Ямбург вводится досрочно, суточная добыча нефти отстает на 1,9 тысячи тонн...

Селекторное совещание по добыче нефти ведут секретари Лигачев, Долгих и Щербина. Отчитывается Динков: в отрасли наметились позитивные сдвиги, Тюмень 20 апреля вышла на суточный план добычи, в мае 180 тысяч тонн дали плюсом, четыре новых месторождения дали плюсом 29 тысяч тонн.

Перелистываешь газеты день за днем, документы секретариата Б. Е. Щербины, письма и видишь, с каким напряжением работала страна — нефтяники и газовики, шахтеры и энергетики, строители и железнодорожники — все отрасли! За год был достигнут самый высокий с начала десятилетия темп роста национального дохода — 4,1 процента и ввод основных фондов — 8 процентов. Нефтяники добыли 614,5 миллиона тонн «черного золота» — на 16 миллионов тонн больше, чем в 1985 году. 376 миллионов тонн — вклад Западной Сибири: на 23,2 миллиона тонн больше, чем год назад.

Досрочно, как и обещал Борис Евдокимович на Политбюро, было принято в эксплуатацию Ямбургское газоконденсат-

ное месторождение. Плановый срок сдачи объектов обустройства —1987 год, а уже в сентябре 1986 года топливо с Ямбурга стало поступать в систему газоснабжения страны. Это помогло восполнить дефицит топливно-энергетических ресурсов, образовавшийся в результате аварии на Чернобыльской АЭС. «Ключом» к Ямбургу стало сооружение из суперблоков первой установки комплексной подготовки газа. Эту установку смонтировали из 28 блок-понтонов массой 300—400 тонн каждый. Такие блоки были изготовлены в Тюмени на берегу реки Туры и с установленным на них оборудованием доставлены по Оби в Ямбург. Транспортировка крупных блок-понтонов по реке и монтаж из них УКПГ в сложных условиях Севера были осуществлены впервые в практике строительства объектов газовой промышленности.

В 1986 году ввели в эксплуатацию 11 установок комплексной подготовки газа общей мощностью 81,2 миллиарда кубометров газа в год. Это на 18 миллиардов кубометров больше, чем установлено заданием. Отрасль впервые взяла такой рубеж. Досрочно было выведено на проектную производительность —280 миллиардов кубометров газа в год — Уренгойское месторождение. Первые миллиарды кубов газа дала Астрахань.

23 января 1987 года Щербина представил в Президиум Совета Министров СССР записку «О мерах по дальнейшему освоению Карачаганакского газонефтеконденсатного месторождения» (*ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 148. Д. 510*). Право, жаль, что к таким проработкам не прикасалась рука исследователей. Наши записи на архивных листах — первые. И сегодня, именно сегодня нужен опыт советской управленческой школы, подготовки крупнейших индустриальных программ.

Бюро Совмина по топливно-энергетическому комплексу обобщило предложения профильных министерств — конкретные, дельные. Резолюция Н. И. Рыжкова на записке Щербины: «Рассмотреть на заседании Президиума Совета Министров СССР». Дата — 27 января 1987 года. Прошло четыре дня.

И на самом заседании обсуждение было жестким, ведь сталкивались интересы разных ведомств и республик. Предстояло в 1990 году увеличить добычу нефти и газового конденсата на Карачаганакском месторождении до 10 миллионов тонн (по плану пятилетки — 8,3), а в 1991 году — до 15 миллионов тонн. Уже проектировались новые комплексы на заводах в Оренбурге, Уфе, Салавате, Сызрани...

Постановление Совета Министров СССР № 225 «О мерах по дальнейшему освоению Карачаганакского газонефтеконденсатного месторождения» вышло 21 февраля 1987 года (*ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 148. Л. 63—78*). И безусловно, было бы ре-

ализовано. Но в обществе нарастали противоречия. Генсек Горбачев похвалялся: «Процесс пошел!» Не представлял «властитель слабый и лукавый», что процесс этот сметет заодно с ним и саму страну...

Читаем документы Бюро по топливно-энергетическому комплексу, протоколы совещаний у Б. Е. Щербины, докладные записки, стенограммы, поручения... Здесь царит Дело. Перечислим лишь несколько проектов. «О развитии работ по созданию трубопроводной системы гидротранспорта угля Кузбасс — Урал — европейская часть СССР и ходе строительства опытно-промышленного углепровода Белово — Новосибирск». Построили. Трасса успешно работала. При новой власти все раскурочили.

23 июня 1987 года Бюро по ТЭК рассматривает вопрос «О перспективах добычи нефти и газа на острове Колгуев». Тем, кто подзабыл географию, напомним: этот остров расположен в юго-восточной части Баренцева моря. Местные жители занимались оленеводством, охотой, ловили рыбу... Министру газовой промышленности В. С. Черномырдину Бюро поручило в августе текущего года представить расчеты экономической эффективности организации на острове Колгуев добычи нефти в объемах 3—5 миллионов тонн в год, рассмотреть варианты круглогодичной и сезонной отгрузки...

31 августа 1987 года первый заместитель министра газовой промышленности Р. И. Вяхирев представил расчеты. По мнению газовиков, разработка Песчано-Озерского месторождения при добыче трех миллионов тонн нефти в год была нерентабельной. (Напомним, тогда баррель нефти стоил меньше 10 долларов.) Рэм Иванович заметил далее, что Мингазпром прорабатывает программу освоения шельфа Баренцева и Карского морей, рассчитанную до 2010 года. (К этой программе Россия приступила лишь на исходе первого десятилетия XXI века.)

Горный удар

12 февраля 1986 года к заместителю Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербине обратились с письмом первый секретарь Донецкого обкома партии В. П. Миронов, первый секретарь Ворошиловградского обкома партии Б. Т. Гончаренко и министр угольной промышленности Украины Н. С. Сургай. Крупные организаторы производства, горные

инженеры, партийные работники — они с тревогой писали о грядущей реорганизации структуры управления в Минуглепроме республики. «Считаем целесообразным и просим сохранить в структуре управления шахтным строительством республики комбинаты и тресты, как это предусмотрено для Кузнецкого бассейна... — говорилось в письме. — Что касается управления предприятиями по добыче угля, считаем нецелесообразным укрупнение последних...» (*ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 148. Д. 1823. Л. 107, 108*).

На этом обращении пометок Бориса Евдокимовича нет. Судя по всему, вопрос утрясли выше...

16 мая 1987 года — взрыв на шахте «Чайкино» в Макеевке. 28 шахтеров погибли сразу, судьба шести оставалась неизвестной. Из 3-й северной лавы, где прогремел взрыв, сумели выбраться только четыре человека. Правительственную комиссию возглавил председатель Совета министров Украины Александр Павлович Ляшко. В прошлом он, фронтовой офицер-танкист, много лет работал в Донбассе, был первым секретарем Донецкого обкома партии, прошел все шахты — и макеевские, и горловские, и селидовские. И теперь докладывал первому заместителю председателя правительства страны:

«...По результатам расследования аварии на шахте "Ясиновская — Глубокая" (она тоже в Макеевке. — *В. А., В. Ч.*) в декабре 1986 г. Комиссией было принято решение увеличить производство и ежегодную поставку для нужд Минуглепрома республики аппаратуры контроля "Метан" в количестве не менее 250 штук, однако выделено на этот год только 130 штук, аппаратуры контроля количества воздуха АПТВ-1 — 500 штук (300), измерителей скорости воздуха ИСВ — 400 (30), головных светильников, совмещенных с сигнализаторами метана СПС-1, — 20 тыс. штук (14,7 тыс.)...» (*ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 148. Д. 1832. Л. 11, 12*).

Ситуацию в Донбассе, который уходил на все большие глубины, Борис Евдокимович анализировал вместе с опытнейшими горняками. Прислушивался к их выводам, сам предлагал новые подходы. По его настоянию в документ, принятый Бюро, было внесено такое поручение: «Создать творческую конструкторскую группу для разработки в кратчайшие сроки на уровне мировых образцов специальных средств индивидуальной защиты людей от воздействия ударной волны и отравляющих веществ при взрыве газа и угольной пыли, а также при внезапных выбросах угля и газа в шахтах. Подготовить предложения и осуществить меры по серийному изготовлению указанных средств на предприятиях отрасли в текущем году» (*там же. Л. 5*).

Текущий год — 1987-й, 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Бунт на партийном корабле — Ельцин против Горбачева. Выступление первого секретаря МГК КПСС на пленуме ЦК газеты не напечатали, хотя всюду твердили о гласности. Молва представляла Ельцина бескорыстным борцом за справедливость, роковое противостояние раскалывало общество. Один из руководителей шахтерского движения, которое формировалось в те годы, Александр Фридрихович Бир, рассказывал:

— В Ельцине мы увидели защитника простого народа. В 1987 году я первый раз встретился с ним, тогда еще секретарем Московского горкома партии. Встретились мы с ним в гостинице «Россия». Там были Попов, Бурбулис, Шейнис, Станкевич, Собчак. Поговорили о наших шахтерских проблемах. Я задал вопрос: «Если вдруг возникнут какие-то активные события в шахтерских регионах, не окажемся ли мы заложниками, не отыграются ли на шахтерах?»

Интересно тогда прозвучал ответ Попова: «О чем вы говорите! Уже сколько лет воюют с пастухами — и то ничего сделать не могут. А поднять оружие на форпост пролетариата, разве это возможно? У кого поднимется рука собственный народ расстреливать? Сейчас события, которые произошли в 1961 году, когда расстреляли демонстрацию рабочих, исключаются».

8—9 июля 1988 года Щербина проводит совещание в Кузбассе — в Белове и Кемерове. Повестка дня: «О развитии угольной промышленности Кузнецкого бассейна и мерах по обеспечению перевода предприятий и организаций бассейна на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». В протоколе совещания под номером Щ-2267 на девяти страницах изложены предложения по техническому перевооружению шахт, развитию социальной сферы... В общем, и само совещание, и документ, принятый по его итогам, вполне традиционны. Из привычной схемы выбивались лишь предложения генерального директора ВПО «Кузбассуголь» Владлена Даниловича Ялевского, одного из крупнейших организаторов угольной промышленности страны. Он высказал крамольную мысль: уменьшить Кузбассу план добычи, реконструировать шахты, кардинально обновить социальную сферу и только после этого, за пределами 13-й пятилетки, через десяток лет, к 2000 году, получить большой уголь.

Его вежливо слушали, не спорили, но в протоколе совещания записали прямо: не согласиться с предложениями т. Ялевского В. Д.

Юрий Николаевич Малышев, член-корреспондент РАН, президент Академии горных наук России, с гордостью называет себя учеником Ялевского:

— Я у него горным мастером на «Зыряновской» начинал. Лучше шахты в Кузбассе тогда не было.

Владлен Данилович внимательно смотрит на нас — его снимок рядом с фотографиями патриарха Алексия II и президента Путина — они поздравляют хозяина кабинета с наградами. Кто знает, возможно, слова Малышева долетают сейчас до его учителя Владлена Даниловича...

— Я уверен, — продолжает Юрий Николаевич, — программа Ялевского могла преобразить Кузбасс, всю угольную промышленность, потянуть за собой и другие отрасли... Но для этого в Кремле требовалось новое мышление, а не слова о новом...

Прошел всего год. И полетели зампреды, министры, партийные секретари тушить пожар шахтерских забастовок в Кузбассе и Донбассе, Караганде и Воркуте... Теперь свою волю диктовали рабочие комитеты и стачкомы.

«Правительственная телеграмма.

Председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову.

...Не решены вопросы о повышении цены на уголь до уровня мировых цен, закон СССР о пенсиях, закон СССР об отпусках, предоставления предприятиям права полной самостоятельности... Рабочий комитет требует за 10 дней принять срочные меры для решения этих вопросов и информировать об этом население города. В противном случае будет проведена предупредительная забастовка предприятий города Междуреченска».

«Москва, Совет Министров СССР, т. Рыжкову Н. И.

В настоящее время на шахтах производственного объединения "Донецкуголь" стачечными комитетами проводятся перевыборы руководящего состава инженерно-технических работников шахт и производственных участков. Стачечные комитеты при поддержке рабочих избирают на должности руководителей с низкой квалификацией... Просим рассмотреть вопрос о назначении работников инженерных служб на предприятиях повышенной опасности приказом директора. При нерешении этого вопроса затрудняется обеспечение безопасных условий труда.

Генеральный директор
Ильюшенко,
Председатель Совета трудового коллектива
Баранов».

Из записных книжек Виктора Андриянова

Внезапная смерть... Все чаще и чаще она врывается в горняцкие семьи. Секретарь парткома краснолучской шахты имени 60-летия Октябрьской революции П. Подолянчик, проводив соседа-бригадира в последний путь, горько вздохнул:

— Посмотрел вокруг — как снопы лежат наши ребята.

Зашли и мы с собкором «Социалистической индустрии» Георгием Васильевичем Дорофеевым на это кладбище, постояли у свежих могил в других поселках. Прав секретарь: шахтеры уходят из жизни задолго до нашего среднего предела, уступающего годы и годы другим странам.

Донецкий НИИ гигиены труда и профзаболеваний специализируется на угольной промышленности. В его лабораториях изучают физические факторы производственной среды, влияние промышленной токсикологии, занимаются проблемами профессионального отбора... Именно здесь первыми в содружестве с судмедэкспертами вычислили трагическую закономерность: за десять лет (1976—1986) случаи внезапной смерти среди шахтеров возросли в два раза. Среди умерших преобладали горнорабочие и проходчики в возрасте 40—49 лет.

Ученые сравнили возрастную группу шахтеров 35—39 лет, работающих на глубоких горизонтах, с такой же возрастной группой, произвольно выбранной среди населения. И увидели значительную разницу: с такой же частотой, как горнорабочие в 35—39 лет, заболевают мужчины в возрасте 50—59 лет. Двадцатилетнюю разницу в годах крадет шахта. И можно понять профессора В. Суханова, заведующего отделом гигиены труда, когда он не сдерживает возмущения:

— По существу, Минуглепром, администрация шахты не заинтересованы в здоровье рабочего. Они не несут финансовой ответственности за ущерб, нанесенный здоровью человека. Угольная промышленность перемалывает самых крепких людей. И дальше может быть еще хуже...

Сорок семь пунктов протокола о согласованных мерах, подписанных стачкомами с комиссией Совета Министров СССР и ВЦСПС, вобрали в себя, кажется, все шахтерские проблемы. Структура отрасли. Самостоятельность шахт. Оплата труда. Здоровье горняка. Его быт...

Надеюсь, журналиста не обвинят в нескромности, если напомню: это темы писем из Донбасса, опубликованных в «Социалистической индустрии» летом 1988 года под общим заголовком «Жизнь шахтера». После публикации была большая

почта, многие письма газета напечатала. Вспомнили о «Жизни шахтера» и на сессии Верховного Совета СССР, когда депутаты обсуждали кандидатуру Михаила Ивановича Щадова на должность министра угольной промышленности.

«Я забойщик, — сказал тогда Александр Царевский, рабочий шахты имени XXII съезда КПСС объединения «Стаханов-уголь», депутат от комсомола, — я вам скажу одно: к 35 годам это человек, совсем непригодный к жизни. Я ставил вопрос о том, чтобы сократить срок работы. Балерина имеет право в 32 года выйти на пенсию. Почему же человек, который лишается рук — там и вибрация, — не может выйти на пенсию или ему не может быть предоставлено другое место работы после 15 лет работы в этой профессии?»

С огромной болью Александр говорил о здоровье шахтеров: «Живут-то сколько? Что писала "Социалистическая индустрия" о жизни шахтеров в пяти статьях, в пяти газетах подряд статьи шли, что изменилось? Один умер в 50 лет, мы бригадира в 49 лет похоронили. Живут мало. Почему на это закрываем глаза, не смотрим на шахтера?»

Михаил Иванович Щадов рассказывал на сессии Верховного Совета СССР о своей программе. Надо отдать должное: кандидат в министры был достаточно самокритичен. 365 тысяч шахтеров ждут квартир. Нехватка воды в горняцких городах и поселках. Экология... Депутаты, поддерживая кандидатуру министра, обращали его внимание на беды шахтерских поселков. Говорили об инструкциях, опутавших шахты по рукам и ногам: сверхплановый уголь не продашь, для дома не купишь, а у леваков — пожалуйста. О воскресеньях, отданных работе. О шахтах, лишенных самостоятельности.

До забастовки оставалась неделя. Гроза уже погромыхивала, первые ее раскаты прокатились еще весной...

Почему же их тогда не услышали, почему ни депутаты, ни Михаил Иванович Щадов и словом не обмолвились о забастовках в Донбассе, Кузбассе, Подмосковье, Воркуте? Рассчитывали, что пронесет?

По рудникам разносятся слухи: в Торезе стачком выказал недоверие генеральному директору объединения, в Донецке освободил не то двух, не то трех директоров шахт, в Первомайске требует сместить всю городскую верхушку.

Слухи не поспевают за правдой: в Донецкой области за месяц после забастовки стачкомы объявили недоверие 42 директорам шахт и генеральным директорам объединений. Почти каждому третьему. Неужели директор каждой третьей донец-

кой шахты действительно не достоин доверия? К сентябрю 1989 года на 27 шахтах прошли перевыборы руководителей, десятерым из них пришлось расстаться с должностью.

...Вот уже два десятка лет возглавляет шахтоуправление имени газеты «Социалистический Донбасс» Юрий Иванович Баранов. И все эти годы — над копрами красная звезда. За последние две пятилетки страна получила отсюда миллион 118 тысяч тонн угля сверх плана — годовую добычу крупной шахты.

По предложению Ю. Баранова или при его прямом участии внедрены новаторские разработки, направленные и на улучшение условий труда, и на рост добычи. Группа специалистов и рабочих целенаправленно занималась механизацией вспомогательных операций. Эта тема достойна отдельного рассказа, здесь же замечу только, что уровень механизации вспомогательных операций на «Социалистическом Донбассе» в два раза выше, чем на других предприятиях региона, на шахте не раз проводились занятия Всесоюзной школы передового опыта, поучиться приезжали горняки со всех угольных бассейнов.

В погоне за мнимой экономией прежние руководители Министерства угольной промышленности предписывали шахтам проходить выработки малым сечением и прекратить прием рабочих. Баранов, пожалуй, один из немногих не побоялся противоречить столице. Тогда его обвинили в расточительстве. Он пережил несправедливые упреки. Зато сейчас горные выработки на «Социалистическом Донбассе» лучшие в стране.

— Баранов показал себя прекраснейшим организатором, — убежден генеральный директор производственного объединения «Донецкуголь» В. Ильюшенко.

— Юрия Ивановича знаю четверть века, — добавляет директор ДонУГИ С. Саратикянц, — это творческий, ищущий человек. Все, что есть нового в угольной промышленности, можно найти на шахте «Социалистический Донбасс».

Для Баранова, инженера, коммуниста, руководителя, тонны добычи никогда не были самоцелью. Во времена, когда предприимчивость не считалась достоинством, он всеми правдами и неправдами доставал стройматериалы и поднимал шахтеров самим строить жилье, детские сады, столовые. За последние десять лет горняки получили 440 квартир, построенных своими руками. За это же время Донецкий горисполком выделил 111 квартир — в четыре раза меньше того, что построили сами. Вот и считайте, как двигалась бы очередь.

Своими силами шахтеры построили три столовые, большую теплицу, больницу, грязе- и водолечебницу с радоновы-

ми, хвойными и морскими ваннами, замечательный спорткомплекс.

В этом спортивном комплексе (такому позавидует любой город) и собрались рабочие-транспортники. Избирают по решению стачкома начальника участка. Перед трибунами сменяют друг друга три кандидата. Вместе со всеми за «русской забавой» наблюдают, лениво прикладывая камеры к глазам, американские телерепортеры. (Когда-то Иона Андронов писал в «Литературной газете», как под пулями добирался к бастующим американским шахтам. У нас хоть и не стреляли, но тогда, пожалуй, журналистов не пустили бы к стачечникам. Ни своих, ни чужих.) Одному из американцев зрелище скоро надоедает, и он перед всем залом укладывается на скамью.

Да, попытки отыграться на руководителях, инженерах, специалистах ничего хорошего не принесут. Это мы уже проходили. По «Шахтинскому» и другим делам. Вот почему с такой тревогой вчитываемся в коллективное письмо инженерно-технических работников Донбасса.

Горные инженеры требуют положить конец разгулу страстей, едва прикрытых лозунгами демократии. В шельмовании честных, добросовестных специалистов они оправданно видят реальную угрозу перестройке. Выход — в диалоге, в совместной работе.

В те дни, когда бурлил Донбасс, когда срывали люди голоса на площадях горняцких городов и поселков, крутились, как всегда, шкивы над копрами Лисичанска и Свердловска (донбасский тезка уральского города), на день прерывал работу «Антрацит», и то не весь — работала шахта «Партизанская». Что за чудо там свершилось? Мы спросили у горняков «Партизанской» — директора шахты Ю. Москаленко, секретаря партбюро П. Прохоренко, машиниста электровоза, председателя стачкома А. Остаповича, электрослесаря, члена горкома партии А. Бихтярова.

Отвечая, они, естественно, говорили о том, что делалось на шахте раньше. До забастовки. На альтернативной основе выбрали директора, кстати, первыми в Ворошиловградской (сейчас Луганская) области. Еще раньше ввели в систему политического образования «Основы горной экономики». (Повсеместно звучат признания о полном крахе экономической учебы.) Один из добычных участков перешел на подряд. Вот уже три года «Партизанская» выдает своим шахтерам мыло и полотенца бесплатно. Вывозит шахтеров с семьями на Дон и Азовское море.

Знаю немало шахт, где достижения социальной сферы куда значительнее. Имени Горького. Имени Засядько. «Социа-

листический Донбасс»... Шахта имени Засядько ежегодно строит 130—140 квартир, здесь нет очереди в детсадах. Свой пансионат в Славяногорске открыт всем горнякам. Еще один заканчивается в Крыму. Подсобное хозяйство в год дает 69 килограммов мяса, 37 литров молока, 12 килограммов грибов и овощей на человека. Словом, «тормозок» здесь полновесен и не из-за него поднялись горняки.

Может, зарплата мала? Нет, средняя по шахте — 427 рублей, у горнорабочих и проходчиков — 600—700, самая высокая в Донецкой области. Когда соседи из Макеевки предложили потребовать минимум зарплаты в 350 рублей в месяц, здесь просто улыбнулись. Говорят о доплате за ночные и вечерние смены, о «ходовых»... — так шахтеры тут же назвали деньги за дорогу от ствола к забою. Но и это, пожалуй, не вся правда.

Возможно, ответ скрыт в реплике, которую мы услышали в Донецке: «Надоело быть подневольными».

Пробный шар Горбачева

20 апреля 1987 года Президиум Совета Министров СССР рассматривал вопрос о перестройке деятельности министерств. В предложенном проекте много противоречий. Министры предлагали главные управления в отрасли сохранить, хозяйственный совет как высший орган министерства (так предлагалось) не создавать, а оставить коллегию. Борис Евдокимович поддержал министров, резко выступив против надуманной надстройки в системе управления.

Судя по всему, этот пробный шар в Совет Министров бросил Горбачев.

Рыжков подвел итоги обсуждения:

— Этот проект лучше принять за основу, все же министры высказали серьезные замечания по хозяйственному совету, они заняли жесткую позицию, поэтому наотмашь не нужно бить, надо придерживаться принципа единоначалия, но необходима демократия.

Секретариат ЦК, совещания, пленум — «О задачах партии по улучшению управления экономикой». Страна тонула в словах.

И едва ли не на каждой кухне говорили о Ельцине, пересказывали его конфликт с Горбачевым. Политические разборки не оставляли места для экономики.

В такой обстановке 4 декабря 1987 года генсек встретился с министрами. Это была вторая и последняя встреча с теми, кто вел экономику. Больше Горбачев до самой отставки с ними не

встречался, может, понимал, насколько он со своими претензиями на всезнайство мелок в сравнении с ними, управленцами мирового уровня. На той декабрьской встрече обсуждали переход отраслей на хозяйственный расчет и договорную поставку материальных ресурсов. Председатель Госснаба СССР Л. А. Воронин заявил, что Госснаб в состоянии организовать в стране оптовую торговлю фондируемыми материальными ресурсами.

Из записных книжек Владимира Чирскова

Лев Александрович Воронин, уважаемый мною, деловой руководитель, очевидно, стремился угодить первому человеку в стране, который не хотел понимать, что в условиях дефицита товаров невозможна оптовая торговля ими. Это одно из свидетельств непродуманности действий в период перестройки.

В то же время было принято решение, чтобы строительные министерства древесину заготавливали сами. Мы оказались совершенно не готовы к такой, прямо скажу, подножке в работе. И хотя Миннефтегазстрой занимался многими видами непрофильных работ, но для этого нужны ведь время и средства. А этого как раз никто учитывать не хотел. Подобные ошибки руководства страны были видны не только министрам, которых не услышали, но и рабочим-строителям.

В начале января 1988 года на совещании у Б. Е. Щербины рассматривали перспективы освоения Ямала. Согласно решению ЦК КПСС и Совмина в 1991 году с Ямала нужно было дать газ.

Еще не было технико-экономических обоснований проектов, не определено окончательно, какое давление будет в системе: 7,5 или 10 атмосфер, пересекать ли Байдарацкую губу или обойти ее и так далее. У нас с Мингазпромом были намечены совместные мероприятия по освоению Бованенковского месторождения на этом полуострове. На совещании приняли решение: в январе подготовить проект постановления правительства по Ямалу.

Проект подготовили, но дорога на Ямал растянулась на десятилетия — и не по вине газовиков или нефтегазостроителей. Так сложилась большая политика...

В начале января 1988 года Совет Министров обсудил итоги работы народного хозяйства в 1987 году и задачи на 1988-й. Была отмечена стабильная работа отраслей топливной энергетики в 1980—1987 годах. За два года в стране прирост промы-

шленной продукции составил 8,9 процента. Весь прирост был обеспечен за счет увеличения производительности труда. Национальный доход вырос на 8 процентов. Украина, Узбекистан, Грузия сократили свою долю в национальном доходе страны.

Итоги января неутешительны. Из 163 видов продукции план выполнен по 90 видам.

— Министрам нужно управлять директорами, — сказал Николай Иванович Рыжков, комментируя этот провал.

Поуправляй, когда они почти всюду уже *избранные*! Набирали силу советы трудовых коллективов, которые решали, какой принимать план. Многие министры не понимали такие шаги руководства страны и не принимали их. Сам же Николай Иванович на одном из совещаний возмущался тем, что на крупном машиностроительном заводе директором избрали пивовара.

Быть может, тот директор умел варить не только пиво, быть может... Но вакханалия выборов определенно разрушала страну.

Из записных книжек Владимира Чирскова

В феврале Президиум Совета Министров СССР рассматривал вопрос о лесозаготовках. В стране создалась сложная обстановка с поставками древесины. В 1987 году Миннефтегазстрой недополучил 56 тысяч кубометров пиловочника. На 1988 год при потребности в миллион кубометров пиловочника запланировали на самозаготовку 500 тысяч кубометров, централизованные поставки составили 250 тысяч кубометров, а еще 250 тысяч остались на разрыве, так как восполнить их было делом малореальным.

Нефтегазостроителей обязали создавать леспромхозы и самим заготавливать древесину. Сначала обязали самим обеспечивать своих рабочих продовольствием, затем товарами народного потребления и услугами. А теперь еще заготовка леса. Все это, очевидно, входило в этапы «горбачевской» перестройки.

4 марта 1988 года. Совещание в ЦК КПСС по Южному Йемену. Докладывал Б. Е. Щербина.

Годом раньше было заключено генеральное соглашение между СССР и НДРЙ. Реализация этого соглашения была поручена Б. Е. Щербине. Соглашением предусматривалось и проектирование, и строительство нефтепровода Западный Аяд — побережье Индийского океана.

С одобрения Бориса Евдокимовича объединение «Обьтрубопроводстрой» стало генподрядчиком по строительству неф-

тепровода в этой экзотической стране, а Гипронефтепроводстрой — генпроектировщиком.

Внимание к этой стройке было огромным. Неоднократно ход строительства рассматривался на заседаниях Секретариата, Политбюро ЦК КПСС. В декабре 1988 года Щербина обстоятельно ознакомился с ходом строительства, лично проехал всю 200-километровую трассу, обсуждал с проектировщиками и строителями специальные вопросы. После поездки он провел совещание с участием руководящих деятелей республики, в том числе Бен Хусейнуна — заместителя председателя правительства, министра энергетики и минеральных ресурсов Йемена.

Щербину интересовало все: где будет взята вода для испытания трубопровода, как ведется подготовка йеменских специалистов, каковы условия проживания советских рабочих, насколько оснащена стройка механизмами и машинами, достаточно ли необходимых материалов. Нефтепровод был построен досрочно и с хорошим качеством.

8 апреля 1988 года. Совещание у Н. И. Рыжкова о создании большой химии в Западной Сибири.

11 апреля. Совещание у Н. И. Рыжкова по Тенгизу. Докладчик Б. Е. Щербина.

16 апреля. Совещание у Б. Е. Щербины по Астраханскому комплексу.

В середине мая вместе с Б. Е. Щербиной, Ю. П. Баталиным, В. К. Гусевым и другими руководителями отраслей я сопровождал Н. И. Рыжкова в поездке по Тюменской области. В Сургуте посмотрели, как сооружаются завод по переработке конденсата и завод моторного топлива. Побывали на площадке строительства нефтехимического комплекса. В городе посетили общежитие и школу. Все эти объекты были возведены нашими коллективами.

В городе Новый Уренгой побывали на установке комплексной подготовки газа, заводе конденсата, в кинотеатре, магазине и школе. Подводя итоги осмотра, глава правительства сказал:

— Назрела необходимость подумать над перспективой развития этого района. Огромное дело делаете, за семь лет построить город — это не просто. Всегда ценили и будем ценить ваш труд. Радует то, что заводы за 2—3 года строим. Опыт богатый, очень хорошо, его нужно использовать в стране. Мы думаем о новом направлении развития района — это химическое производство. Строители Миннефтегазстроя здесь неплохие, рвутся в бой, разговоры пора кончать. Правительство поможет.

В Нижневартовске Н. И. Рыжков посетил газлифтную компрессорную станцию № 3. Здесь произошла очень инте-

ресная встреча. Станцию сооружала известная в нашей отрасли бригада Героя Социалистического Труда Николая Павловича Нежданова. Оказалось, много лет назад, когда Н. И. Рыжков работал на заводе «Уралмаш» еще начальником цеха, Н. П. Нежданов работал в этом цехе кузнецом.

На совещании в горкоме партии были заслушаны сообщения руководителей нефтяных и строительных организаций. В заключение Н. И. Рыжков сказал:

— Ваш район — основной поставщик нефти, без вас страна не могла бы развиваться. По нефти еще раз посмотрим все вопросы, где надо, поможем, но будем и требовать. Наступил новый период для Тюмени — сырье перерабатывать на месте. Необходимо создавать здесь химические предприятия. Это надо объяснить народу. Хорошее настроение было по этому поводу у строителей Миннефтегазстроя, но это не означает, что им не нужно помогать. Мы должны делать все добротно. Надо беречь землю, решать социальные вопросы. Думал, Нижневартовск лучше Нового Уренгоя, который строился семь лет, или Сургута, но оказалось наоборот.

В Тюмени Н. И. Рыжков посетил завод нашего объединения «Сибкомплектмонтаж», беседовал с рабочими, побывал в магазине объединения, где продавались товары, изготовленные на предприятиях отрасли. Показали Николаю Ивановичу блочный цех по переработке мяса. Пояснения давал лауреат Ленинской премии, генеральный директор объединения Валерий Александрович Аронов. Директор института лауреат Ленинской премии Михаил Савельевич Рейтер представил новые разработки института: дом из блоков с использованием цементно-стружечных плит и вахтового комплекса для Севера с конструкциями суперблока.

Н. И. Рыжков остался доволен посещением объединения. Относительно выпуска блочных цехов по переработке мяса он дал указание: подготовить постановление правительства. Такое постановление было подписано. И не только подписано, оно успешно выполнялось.

Итоги поездки Рыжков подвел на собрании партийно-хозяйственного актива области.

— Поездка по области нас обогатила пониманием проблем района. Западная Сибирь работает на всю страну, и вся страна вкладывает средства в Западную Сибирь. Ритм работы области определяет жизнь страны. Устойчиво стала работать нефтяная промышленность. Наступило время создать в Западной Сибири нефтегазохимические комплексы (Сургут, Новый Уренгой, Тобольск, Нижневартовск, Ярково). Ямал — особенно сложный район, министрам Черномырдину и Чир-

скову нужно принять окончательные решения и подать газ в начале 1991 года. Создание в системе Миннефтегазстроя специального экологического управления на Севере — это хорошо, работы на социальном фронте у вас непочатый край, 120 тысяч семей живут в балках, нужно резко увеличить объемы строительства жилья.

23 июля 1988 года. Заседание Бюро по ТЭК. Вел его Б. Е. Щербина. Он отметил: 1989 год будет наиболее тяжелым; накрутили мы много ошибок при перестройке; поставщики разрушили систему и по цене, и по срокам; давайте делать то, что мы знаем; пускай мы ошибемся, будем поправлять, не нужно бояться; развивать машиностроение в ТЭК; нужно удержать управление отраслями; принимаются постановления, а дело не идет.

В том же июле — XIX партийная конференция. Горбачев ворковал: «Крупное событие в жизни партии, конференция отразила политическую атмосферу всей страны — партия располагает поддержкой народа и четкой программой действий, есть желание видеть партию еще более сильной; отказаться от командно-административной системы крайне необходимо, героиня конференции — гласность, нам нужна не святая вера в будущее, а научный прогноз».

В августе 1988 года заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина прилетел в Тюмень. Выступил на собрании партийно-хозяйственного актива области. Он еще верил в разумность архитекторов перестройки. Но и у него вырвалось: «Не заговорить бы перестройку!»

Одни болтали и бастовали. Другие работали. К примеру, для коллективов Миннефтегазстроя 1988 год стал вершиной развития отрасли. Ввели в действие 22 100 километров трубопроводов, в том числе магистральных —11 650 километров. Полностью закончили строительство газопровода Ямбург — западная граница СССР протяженностью 4366 километров, сдали в эксплуатацию газопровод Ямбург — Тула I. Было реализовано поручение правительства по досрочному вводу в действие 600 километров на трассе Ямбург — Тула II. Построили: газопроводы Богатинская — Омск и Газли — Чимкент, Минск — Вильнюс, нефтепроводы Красноленинск — Конда, Уренгой — Холмогоры, Чимкент — Чарджоу, углепровод Белово — Новосибирск, конденсатопровод Оренбург — Уфа...

В проектных разработках, в чертежах были магистральные газопроводы Ямал — Нечерноземье (диаметр 1420 миллиметров, длина 2400 километров), газопроводы-отводы высокого давления протяженностью 8,5 тысячи километров, 50 тысяч километров распределительных газовых сетей низкого давле-

ния. Стоимость проекта — 14 миллиардов долларов США. Колоссальная эффективность: первое — резкое улучшение социально-бытовых условий жизни; второе — высвобождение более 100 тысяч человек, а также 16—18 миллионов тонн мазута, 4 миллионов тонн дизельного топлива и керосина.

В 1988 году в Советском Союзе было добыто 624,3 миллиона тонн нефти, в том числе в Западной Сибири — 415 миллионов тонн. Эти рекордные цифры стали достоянием отечественной истории. Но именно с 1988 года власть в стране начали прибирать к рукам другие силы. В руках «реформаторов» постепенно оказались ведущие СМИ. Были ликвидированы отраслевые отделы в ЦК КПСС и затем — по всей партийной вертикали. Правящая партия добровольно уходила из экономики. Завлабы уже начинали делить общенародную собственность, вроде бы, по их утверждениям, совсем неэффективную... С 1989 года добыча нефти стала вновь снижаться довольно быстрыми темпами. В 1990 году в СССР получили 587 миллионов тонн, в том числе в Западной Сибири — 375 миллионов тонн, или, соответственно, на 6 процентов и на 9,6 процента ниже уровня 1988 года.

Не нужно искать каких-то особых объяснений этому. После 1988 года произошла подмена понятий. Вместо того чтобы устранять недостатки и упущения в экономике, в частности в нефтяной промышленности, занялись «революционной перестройкой» общества. Фактически это была борьба со здоровыми силами общества, направленная на замену общественного строя.

Нет, не зря в народе говорят, что нельзя быть врагом огня только за то, что он иногда жжется, нужно помнить, что он всегда греет. А об этом тогда забыли. Или не хотели помнить. Точнее у Ключевского, великого русского историка: «Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее».

Армянское потрясение

Беда не приходит одна. Не успела страна оправиться от Чернобыля, как на нее обрушилось новое несчастье — страшное землетрясение в Армении, вошедшее в историю под именем спитакского. И произошло оно 7 декабря 1988 года в 11 часов 41 минуту 23 секунды. Точное время назвали сейсмологи, оно застыло и на мертвых электрических часах на площади разрушенного Ленинакана, ныне Гюмри.

В Армении перед этим обострились межнациональные отношения: началось с Карабаха, продолжилось притеснениями

и даже убийствами азербайджанцев, живущих на территории Армении, такие же действия совершались по отношению к армянам, живущим на территории Азербайджана. В Закавказье в декабре 1988 года по решению Политбюро ЦК КПСС была направлена большая группа руководителей различных министерств и ведомств во главе с Б. Е. Щербиной. Их задача: рассмотреть ситуацию с массовым исходом беженцев из Азербайджана и Армении и подготовить предложения по устранению причин, приведших к этому позорному явлению.

Вновь обратимся к книге Н. И. Рыжкова «Десять лет великих потрясений»:

«В Армению в первых числах месяца по служебным делам улетел мой заместитель по Совмину Щербина, всегда незаменимый Борис Евдокимович, который, как и в Чернобыле, первым из высокого московского начальства встретил беду.

Немало людей, входящих в этот круг, повидал я на своем веку. Но только после того, как в течение какого-то времени сам был в нем, понял, что, оказывается, недостаточно называться "высоким начальством" — надо уметь не попадать каждый раз в самый центр очередного аврала, прорыва, ЧП, а, наоборот, ловко от них увертываться. Слава Богу, ни я, ни мои истинные соратники не умели чувствовать себя начальством в этом понимании. Мы лишь назывались им, судя хотя бы по тому, что всегда лезли первыми в самое пекло.

Когда около полудня мне сообщили о землетрясении в Армении и я немедленно, не прерывая даже заседания комиссии, связался с Ереваном, с их Совмином, спросил подробности, мне ничего толком не сказали. Твердили только: очень большое несчастье, Николай Иванович, ничего пока не известно, связи нет. В район бедствия улетели Арутюнян и Щербина — как прилетят, так сразу и свяжутся с вами.

Сурен Гургенович Арутюнян был тогда первым секретарем ЦК Компартии Армении. Знание ритуалов подсказывало, что несчастье и впрямь очень большое: на рядовое ЧП первое лицо республики, да еще с зампредом Совмина страны, не вылетает. Усадили к телефону дежурного — ждать связи с Арменией...

Что мне тогда подсказывало шестое, десятое, сто первое чувство? Если честно, ничего не подсказывало. Землетрясение — не взрыв реактора на АЭС. Землетрясения в нашей стране по нескольку раз в году случались — то посильнее, то послабее. И фраза про "очень большое несчастье" могла быть всего лишь фигурой речи. Так подсознательно и хотелось думать.

Но около 17 часов дежурный позвал к ВЧ-связи. Звонили Арутюнян и Щербина. Казалось, что они не просто устали от

поездки в район беды — убиты, раздавлены. Говорил Борис Евдокимович:

— Там тысячи жертв, тысячи! — Голос срывался, как будто он держался на грани слез. — Спитак разрушен полностью. Ничего не осталось! Ленинакан тоже, почти весь, почти... А еще — Степанаван, Кировакан... Беда, Николай Иванович, такой беды и представить нельзя...

Щербина всегда был человеком спокойным, сдержанным, умел гасить эмоции. А тут...

Я сказал:

— Оставайся там, никуда не уезжай, ночью я прилечу.

И Щербина там был все время.

Я и вправду ничего не мог представить себе. Щербина с Арутюняном в тот день всего лишь облетели район бедствия на вертолете — и то были потрясены до глубины души. А я за всю свою жизнь не сталкивался вживую ни с каким землетрясением, лишь читал о них да фотографии видел.

Умозрительное представление о чем-то обычно не очень близко к реальности. Но даже такое представление после этого звонка заставило меня действовать быстро и радикально...

...А идти по городу было до жути страшно и больно. Из-под развалин слышны были крики похороненных заживо жителей Ленинакана. Их родные, волею случая оставшиеся вне дома, вне учреждения, вне магазина, вообще вне здания, раздирая в кровь руки, безнадежно пытались пробиться к ним. Тоже криком кричали, бросались к нам то ли с просьбой, то ли с угрозой:

— Помогите же!

А что мы в те минуты могли сделать? Только вновь и вновь успокаивать, обещая:

— Подождите, утишьте волнение, помощь близка.

Как невыносимо тяжко чувствовать себя беспомощным и слабым! Как ненавидишь себя за бессилие сегодня, сейчас, даже если знаешь, что завтра, послезавтра, послепослезавтра придет сила! Как барабанно пуста власть, если она не может отвести беду мгновенно! Честное слово, в те минуты я бесконечно сожалел, что я — всего лишь обыкновенный премьер-министр многострадальной страны, а не всесильный волшебник с аладдиновой лампой под мышкой...

И все же именно власть предсовмина страны, реальная власть, а не сказочное могущество джинна из бутылки, вселяла уверенность: мы должны и можем успеть! Я шел по разрушенному Ленинакану, слушал и не слышал чьи-то слова, быть может, и важные в принципе, но совсем не важные в тот миг. Кругом слышны были рыдания, в чьи глаза ни посмотришь — в них полно слез. Да и у меня комок в горле стоял.

Потом дело наладилось, а сначала было тяжело. Даем, например, какое-то указание, и начинается перепасовка: партком — райком — горком, а в итоге никто ни за что не отвечает. Я вынужден был назначить "генерал-губернатора" — Щербину. В момент его назначения я был в Ленинакане, в те дни я два раза в день проводил совещания и тогда сказал присутствующим, что с этого дня Щербина будет представителем центральной власти. Ему должны беспрекословно подчиняться. Кто не выполнит его указания, тот может считать себя отстраненным от работы. Такое вот жесткое решение. И все в Ленинакане ему подчинялись. Я часто туда приезжал и обратил внимание, что Щербина стал сильно кашлять. Я ему говорю:

— Надо тебе отсюда уезжать, погибнешь.

А там вагончик, он в вагончике спал, одетый, в шапке, в полушубке.

Сначала он общими для всей зоны занимался вопросами, правой рукой моей был, и только потом я его отправил в Ленинакан. Он Гюмри сейчас называется...

Так что Борис Евдокимович хлебнул в Армении очень крепко. По-моему, только в январе я его оттуда вытащил, когда Лобов приехал куратором от России».

Из записных книжек Владимира Чирскова

В этот период у нас с Борисом Евдокимовичем были ежедневные телефонные разговоры. Первое, что он сказал мне:

— Запомни, это наша общая большая беда. Нужно сделать все, что возможно, и в кратчайшие сроки...

Мне нравились его педантичная четкость, его немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно, сию минуту и не разменяться на пустяки. Благодарен судьбе, что именно он, а не кто-то другой реально руководил всеми действиями по ликвидации беды, хотя формально руководство осуществлялось конечно же из столицы. Но я на собственном опыте отлично познал разницу между формальным и реальным. Не дожидаясь официальных указаний, мы в считаные часы организовали воздушный мост в Армению.

По воздуху и железной дорогой в Армению было доставлено 110 единиц строительной техники, свыше тысячи жилых модулей, более 50 блочных котельных, десятки бань-саун, восемь красных уголков, пять вагонов с медицинским оборудованием и многое другое Борис Евдокимович на месте определял, куда и что направить.

Из Армении Борис Евдокимович, как вспоминают его родные, вернулся просто черным — так на него подействовали ужасные последствия землетрясения, которые он переживал вместе с жителями города.

Он уехал в легкой одежде, а вскоре там начались холода. Дома ему собрали теплые вещи, и он как раз позвонил. Сын ему говорит:

— Папа, мы собрали тебе посылку с вещами, перешлем самолетом.

А он возмутился:

— Ни в коем случае! Армяне сейчас наблюдают, что происходит вокруг. И они решат, что я гуманитарную помощь забрал себе.

Так ту посылку и не отправили.

В первые сутки вода и лепешки были почти единственными продуктами питания как для пострадавших, так и для тех, кто не раздумывая разделил их беду. Потом появились ящики с консервами. Правда, они быстро куда-то исчезли. Как, впрочем, и одежда. Попала ли она к тем, кому предназначалась? Зато уже на пятые сутки трибуны стадиона были буквально завалены гробами. Пустыми, конечно. То же, кстати, творилось и в Ленинакане. Казалось, что все предприятия республики принялись за выпуск гробов. С ними явно получился перебор.

— Я видел, как, сидя на них, люди обедали, как у поста ГАИ за десяток километров до Спитакского перевала милиционеры подбрасывали в костер доски, обитые черным и белым крепом, — вспоминает Н. Мурадян, в те дни первый секретарь Спитакского горкома компартии. — Кощунство? Возможно. Но если они забаррикадировали все проходы? И потом солдатам приходилось их собирать и прятать с глаз долой где-нибудь на задворках...

— По зову Щербины в зону землетрясения буквально через несколько часов прилетело руководство страны, — говорит Ю. Ходжамирян, в то время зампред Совмина Армении. — Со всех республик Союза ежечасно приземлялись самолеты со спасателями, с продовольствием, медикаментами, палатками. Молниеносно начались спасательные работы, из-под завалов было извлечено 16 тысяч искалеченных, полуживых людей. 25 тысяч человек погибли. Армянский народ с благодарностью вспоминает Бориса Евдокимовича Щербину...

Масштабы бедствия и разрушений деморализовали работников многих и многих управленческих структур республики. В то же самое время большая беда, как вспышка молнии, высветила каждого человека. Подтвердилась известная истина:

кто в обычной жизни целеустремлен, напорист, мобилен, тот в самых сложных условиях становится лидером. Но и ничем не примечательные до сих пор люди вдруг неузнаваемо менялись, заряжали окружающих своей жизнестойкостью, силой духа. Это были люди долга, чести, поступка. Это были люди щербиновской когорты.

По указанию Н. И. Рыжкова Борис Евдокимович возглавил Правительственную комиссию по ликвидации последствий землетрясения в Ленинакане, в котором разрушения носили катастрофический характер. После нескольких дней напряженной, почти круглосуточной работы Борис Евдокимович, по воспоминаниям Б. Мотовилова, почувствовал недомогание, которое оказалось следствием серьезной болезни. Через несколько дней он не смог ездить в штаб, находящийся в одном из уцелевших особняков, и оставался в вагоне, который служил ему жильем.

Развал

Из записных книжек Владимира Чирскова

31 декабря 1988 года. Совещание министров в ТЭК. Выступил Б. Е. Щербина:

— 28 декабря состоялось заседание Политбюро, в стране положение кризисное, деньги у населения есть, товаров нет, создана комиссия во главе с Н. И. Рыжковым, чтобы дать предложения в Политбюро:

фонды предприятий идут на зарплату, все пришло в крайнее положение;

министерства потеряли свое влияние — порвалась нить управления, предприятия отказываются брать госзаказ, оптовая торговля провалилась;

финансовое положение страны тяжелое, нужно пересмотреть 1989 год: 1) сократить на 6—7 миллиардов рублей капитальные вложения (наша доля 1,2 миллиарда); 2) пересмотреть все долговременные программы; 3) пересмотреть фонды предприятий; 4) сократить оборонные расходы на 4,5 миллиарда рублей; 5) оборонные отрасли переключить на производство товаров для населения; 6) сократить импорт товаров — все отдать на закупку товаров для населения;

вернуться к централизации планирования главного, внедрение регионального хозяйственного расчета, дошли до того, что на предприятиях оплата труда решается голосованием;

установить контроль за охраной собственности, идет рост аппарата управления;

комиссии Рыжкова до 7 января нужно найти в стране на 1989 год 35 миллиардов рублей;

единые цены на бензин, на три миллиарда рублей ресурсов снять с промышленности и отдать на рынок, в том числе на 400 миллионов рублей бензина;

перепрофилировать предприятия на товары народного потребления, новые стройки на год-два отложить;

ввести кредитный метод финансирования капитальных вложений, оборонный комплекс сократить по капитальным вложениям на 50 процентов;

в стране сверхнормативные запасы материалов на 7 миллиардов рублей плюс на 5 миллиардов рублей лежит импортного оборудования, нужно продать излишки населению;

прошу каждого понять ситуацию и все, что можно, в этом направлении сделать, нужно спасать положение.

Вот такая складывалась картина. И это несмотря на то, что в минувшем году был достигнут самый высокий рост национального дохода за последний период — 4,4 процента. Резко возрос ввод объектов социальной сферы против плана пятилетки, за последние годы 10 миллионов семей получили жилье. За три года в стране сверх плана было добыто 50 миллионов тонн угля, 40 миллиардов кубометров газа и 10 миллионов тонн нефти. Но — с дефицитом бюджета: 34 миллиарда долларов. И бюджет 1989 года был утвержден с дефицитом — 54 миллиарда долларов. Ни один депутат — а я присутствовал на сессии Верховного Совета, когда принимали бюджет, — не выступил против этого. Наступал кризис. Реформа, начатая без глубокой экономической проработки, заходила в тупик.

Огромные убытки принесла ошибочная антиалкогольная кампания. Другая ошибка — отмена при планировании соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы. Это привело к тому, что рост зарплаты в целом по стране в 1988 году в 2,26 раза опережал рост производительности труда. В результате доходы населения за один год увеличились на 62,5 миллиарда долларов.

Свободные, нереализованные средства давили на экономику. Денег было больше, чем материалов. Создался дефицит во всем, кроме денег. Парадокс? Руководители отраслей, видные ученые, экономисты, а также многие просто грамотные люди понимали, что реформы в экономике требуют более глу-

боких проработок. Ошибки очень дорого обходятся, и быстро их не исправить.

13 января 1989 года. Заседание Бюро по ТЭКу. Итоги 1988 года и задачи на 1989-й.

Б. Е. Щербина:

пока министерства ТЭК удержали управления отраслями;

министерства машиностроения уже не управляют своими подразделениями;

не сдать командные высоты — это очень важно;

среднее звено ослабло;

заработную плату — надо платить только заработанную;

создалось опасное положение в стране с научно-техническим прогрессом; не забывайте сберегающие технологии;

разумно совершенствуйте структуры;

создавайте банки, смелее принимайте решения по убыточным предприятиям;

еще много у нас совещаний, много бумаг пишем, нужно найти время для творчества, для поиска рациональных систем управления.

14 января. Заседание Совета Министров СССР. Итоги трех лет — 1986—1988 годов — и задачи на 1989 год.

ТЭК за три года, повторимся, дал сверх плана угля 50 миллионов тонн, газа — 40 миллиардов кубометров, нефти — 10 миллионов тонн. За это время машиностроители отстали от плана на 6 миллиардов рублей. В стране 15 процентов убыточных предприятий —11 миллиардов рублей убытков в год. 70 процентов сверхплановой прибыли остается на предприятиях, поэтому они принимают заниженные планы.

Москва. 25 апреля 1989 года

Пленум ЦК КПСС рассматривает организационный вопрос. К этому времени из 540 членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Ревизионной комиссии, избранных в 1986 году на XXVII съезде КПСС, 122 человека были отправлены на пенсию. Шесть секретарей ЦК из 14 и 88 первых секретарей обкомов партии из 150 не были членами ЦК КПСС. У Горбачева (или в его окружении) возникла идея «почистить» ЦК. Результат этой новой чистки —105 человек согласились добровольно сложить полномочия, мотивируя свой выбор высшими интересами партии и страны.

— Многие из нас, членов ЦК, к этой задумке Горбачева отнеслись отрицательно, — говорил Борис Евдокимович. — До

сих пор я остаюсь на неизменной позиции — против изгнания наших товарищей из ЦК, куда они были избраны съездом партии.

Кажется, лишь один человек — министр среднего машиностроения Славский пошел против течения. Он прямо сказал, что не согласен с курсом Горбачева — Яковлева...

На следующий день после пленума состоялось заседание Совета Министров СССР. Рассматривались итоги работы народного хозяйства в первом квартале.

— Экономика страны переживает сложный период, — говорил Николай Иванович Рыжков. — Идет ломка старого и рождается новое. Новый хозяйственный механизм не отвечает требованиям сегодняшнего дня, медленно перестраиваются экономические ведомства, без твердого порядка и дисциплины страна не сможет существовать.

Свое выступление Н. И. Рыжков закончил так: «Сегодня мы проводим последнее заседание Совета Министров СССР в этом составе — остался один месяц до сложения полномочий данного правительства. Нам было оказано высокое доверие — стоять у истоков перестройки. Благодарю членов нынешнего правительства за работу и желаю всем вам хорошего здоровья».

Из записных книжек Владимира Чирскова

2 июня 1989 года. Пленум ЦК КПСС. Н. И. Рыжков о составе правительства. Из правительства 1984 года остаются 11 человек, 45 — на пенсию.

Нет Б. Е. Щербины. Заменили на Л. Д. Рябева.

Отвели кандидатуру Ю. П. Баталина на пост руководителя строительным сектором. Резко против выступили несколько секретарей обкомов и крайкомов, указывая главным образом на его слабые деловые качества.

Много лет знаю Юрия Петровича Баталина по совместной работе. Мне было крайне обидно за такую оценку его труда. Да, его считают ярким представителем административно-командной системы, да, он иногда не шел на компромиссы, да, он не совсем демократичен. Но он — крупный инженер и организатор. Он много сделал для развития нефтяной и газовой промышленности страны. Он всегда был заряжен на новые материалы и прогрессивные технологии. Он исключительно трудолюбив, по жизни — созидатель. В отличие от иных секретарей обкомов, да и самого генсека.

Семнадцать лет я работал с Борисом Евдокимовичем. Пожалуй, не было дня, чтобы мы не общались, не говорили по телефону. А перед его отставкой наши встречи обрели какое-то новое значение.

Его очень волновала тема ускоренного развития Сибири. Вернее, тогдашняя ее интерпретация. Он не раз сетовал, что, наверное, если бы сибирские месторождения открыли в наши дни, то на долю геологов достались бы упреки: «Вы бы еще на Луне нефть нашли!..» А демократическая пресса принялась бы поддакивать английскому журналу «Экономист», который в 60-х годах уверял своих читателей, что «русские тонут в тюменских болотах».

Впрочем, и сегодняшние «врачеватели» экономики ищут причину ее технической отсталости в быстром развитии Тюменского Севера. Не будь, мол, дешевых нефти и газа, искали бы и нашли пути научно-технического прогресса и без них.

Дело в другом. Система оказалась невосприимчивой к обновлению — в этом суть, а не в тюменской нефти, которая и кормила, и одевала, и позволила создать оборону на уровне паритета с США. Без нефти и газа кризис разразился бы значительно раньше.

Нефтегазовая промышленность не знала застоя, вышла на ведущие позиции в мире. И это заслуга народа, ведущих отраслей экономики страны, новые импульсы развитию которых она же и давала. Что-то можно было сделать лучше. Но за это в ответе не первопроходцы.

Государственные интересы, забота о Родине — вот отправные точки жизненной философии Щербины. Может, и потому с командой Горбачева отношения с самого начала складывались не лучшим образом. Щербина с недоумением слушал разглагольствования типа: «Ошибайтесь, но решайте!», «Надо двигаться с ускорением одновременно по всем направлениям!». Это же формула взрыва, разрушения...

В Москве он видел, как у кормила власти все большую силу набирают «люди с митинга». Ему, профессионалу, их решения казались дикими, несуразными, он видел опасность, которую несло ослабление коллегиальности, коллективизма, ответственности, дисциплины.

Как позднее писал президент Международной общественной топливно-энергетической ассоциации профессор Грант Маргулов, Щербина хорошо понимал, что наш топливно-энергетический комплекс уникален. Переход к новой экономической системе в условиях полной неподготовленности важнейших элементов механизма рыночной экономики очень

скоро приведет к резкому спаду производства и, соответственно, к кризису во всех сферах жизни общества.

Где только мог, Щербина выступал против упрощенного подхода к реформированию энергетики, утверждал, что Россия потеряет от этого больше всех, предлагал, как обеспечить единое энергетическое пространство. Однако все предложения прямо или косвенно отвергались.

«Красные помидоры кушайте без меня»

Пережив совсем ненадолго распад Советского Союза, в Харькове ушел из жизни замечательный русский поэт Борис Чичибабин. Среди его последних, пронзительно-горьких стихов — «Плач по утраченной родине»:

К нам обернулась бездной высь,
И меркнет Божий свет...
Мы в той отчизне родились,
Которой больше нет...

В июне сорок шестого года его, фронтовика, первокурсника Харьковского университета, арестовали. За что? «Ни за что, — отвечал он. — Вероятно, кто-то передал кому-то мои стихи, в которых, возможно, было что-то, хотя по тем временам особенной крамолы быть не могло. Разговоры, болтовня, стихи...»

В приговоре Особого совещания было сказано: «За антисоветскую агитацию». В том же сорок шестом Борис написал эти стихи:

Кончусь, останусь жив ли, —
чем зарастет провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры —
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письмена...
Красные помидоры
кушайте без меня.

В университет Чичибабина больше не приняли, но стихи его от этого ничего не потеряли. И проза. И публицистика.

«Еще до того, как нам повязали красные галстуки, — писал он позже, — мы уже радовались и завидовали Революции, которая строила Днепрогэс и Турксиб, Магнитку и Харьковский тракторный, давала отпор белогвардейцам на КВЖД, слушала Маяковского и спасала в Ледовитом океане итальянскую экспедицию, так и не долетевшую до Северного полюса».

Это из «Оды тракторному» Бориса Чичибабина. Харьковскому тракторному. И дальше: «Нет, никогда не разлюбит мое поколение прекрасные слова революции. Нам они доставались трудно, и мы никогда не бросали их на ветер, мы произносили их потрескавшимися от жажды и усталости губами и воочию представляли себе то, что стояло за ними».

Так же мог сказать и Борис Щербина. Для него слова о Родине, партии, комсомоле никогда не были пустыми словами. Его верность была верностью товариществу, воспетому Гоголем в «Тарасе Бульбе», Отечеству, а не круговой поруке. Порядочность в семье Щербины считали нормой, а не пережитком.

Из последних записей Бориса Чичибабина: «Великая личность — явление неоднозначное, сложное, меняющееся во времени. Сейчас у нас в стране антиленинское поветрие. За семьдесят с лишним лет нашей народной жизни накопилось столько зла, которое в нашем сознании, справедливо ли, несправедливо ли, связано с этим именем, что разобраться в этом очень непросто... Так же, как от Ленина, сейчас мы с обоих краев, и правые и левые, в один голос отрекаемся от Октябрьской революции. Дескать, революция эта в историю нашу попала случайно, по ошибке, и хорошо бы эти страницы из истории выдрать, как будто их и в помине не было, да и не народная это революция, а историческое недоразумение и преступление, переворот, сотворенный кучкой злоумышленников преимущественно нерусского происхождения. Да чушь все это!.. Все в России шло и вело к революции, и не только с начала века, но и гораздо раньше».

Огульная критика, точнее, хорошо продуманная атака обрушилась и на советскую индустрию. Дескать, и в ней всё не так. Но как только «господа» прихватили заводы, шахты, промыслы, враз стихли. Перед смертью Фарман Курбанович Салманов, один из великих открывателей сибирских недр, жаловался Людмиле Васильевне Щербине: «Люда, они ни одной дырки не сделали, ни одной скважины. Качают из того, что мы открыли, бурили...»

«На какой скале расколется наш корабль?..»

Из последних записей Бориса Евдокимовича Щербины:

«Любые системы и производства требуют энергии. С каким восторгом сообщается о закрытии строительства электростанций, и прежде всего атомных, химических и других предприятий. Давно ли доказывали некоторые товарищи, что Крыму не понадобится электроэнергия строящейся АЭС. Добились остановки ее строительства. Теперь они же обращаются с предложением строить станцию на газе, так как в 90-е годы дефицит электроэнергии в Крыму увеличится до 1,5 млн. квт.

Фальсифицированными оказались и утверждения о сейсмичности зоны до 9—10 баллов, о разломах в Азовском море. При тщательном изучении с участием крупных зарубежных специалистов все это не подтвердилось. Гонение на атомную энергетику — величайшая глупость. Оно нанесет большой ущерб экономике, какой бы она ни стала — рыночной или плановой, и, конечно, экологии. Неужели ничему не научила нас история с генетикой, кибернетикой и другими науками, с уничтожением крупнейших фундаментальных открытий, отбросивших нашу страну на десятки лет застоя в этих направлениях?..»

«В чем ошибки?

1). Провозгласили правильные лозунги, но под них не сформулировали реальную платформу, программу в главном — материальном производстве.

2). ЦК утратил влияние в средствах информации... Мутные потоки искажений и клеветы на историю, очернительства обрушились на народ, который привык верить партийной печати... Ни один буржуазный политик за рубежом не позволяет чернить свое государство, а вот Ельцину все сходит с рук.

У кого дрожат коленки? Как он может оставаться в ЦК?..

Положение в Прибалтике... Сколько туда выезжало членов П[олит]бюро и секретарей ЦК! Они ведь не справились с поручением ЦК. Центральная власть растеряла свое главенство.

3). Отсутствие четких ориентиров в перестройке, стремление подогнать процессы привело к утрате стратегических позиций. Правильные цели не получили глубокой теоретической проработки и еще хуже — организацию исполнения.

4). Не были осмыслены процессы в национальных вопросах.

Неправильно была дана оценка забастовкам, и прежде всего — шахтеров. Сколько умиления об "организованности" и т. д. Тов. Слюньков* здесь напутал больше всех. Не шахтеры

---

* *Слюньков Николай Никитович* — секретарь ЦК КПСС.

выдвинули 40 требований. Это "труд" под руководством т. Слюнькова. Чего стоят стране потери за время забастовок! Еще хуже с переводом шахт от непрерывной недели на единый выходной день. Страна потеряла в год до 60 млн. т угля. Дополнительные дотации в угольную промышленность превышают 2 млрд. руб. Это к тем, которые покрывают убыточность отрасли. Поторопились и с постановлением Совмина № 608.

Эти и другие ошибки перевели стрелки забаст[овочного] движения в политические выступления. Чем не преминули воспользоваться разные организации и течения. Шахта "Воргашорская" и Печорский угольный бассейн обнажили и слабость власти. Принятый закон о забастовках недодуман был до конца в части ответственности и потерпел поражение».

«Думаю, мало кого устроила информация об итогах выборов. Выводы не отвечают происшедшему.

1). Подобного провала на выборах в партии еще не было.

2). Партия потеряла доверие во многих районах.

3). Положение захватили в ряде мест неформалы, а фактически — вновь возникающие партии с националистическими оттенками...

Надо честно и обо всем сказать коммунистам. Кто не желает, пусть уходит.

Распряженная лошадь телеги не везет»...

«Ельцин.

Гипертрофированное самомнение. Самолюбование, рисовка. В выборе средств непритязателен. Политик провинциального масштаба с претензией на лидерство. К цели пройдет по головам. Снаружи: игрок в демократа, по сути — жесткий и нетерпимый, злопамятный. Самолюбие — главная отличительная черта характера. Никаким его обещаниям нельзя верить...

Ельцину помогли, и здорово, на XIX [парт]конференции, хотя многие просили не вступать с ним в полемику. Как могла стать возможной такая промашка? Заигрывание и попытка спасать единство против единства. Так вышло...

Что и кто повинны в создавшемся?

1). Наши пустые лозунги, заверения и обещания. Люди потеряли веру. Нам хотелось немедленных успехов. Как на колхозном току — отмолотиться до дождя.

2). Партию обезглавила пресса. Помните, как многие рвались стать над партией. А фактически они своего достигли. И увещевания Ваши, М[ихаил] С[ергеевич], для них были пустыми. Никого, кроме себя, они не ценят и не уважают. Это, кстати, и о некоторых писателях.

Надо в печати заменить непригодных. Ленин создал партию через печать.

Над нами смеются на Западе, что мы с марксистской курицы уже вытащили последние перья...

Да и в застое надо бы разобраться. Где он был, а где его не было. И кто за застой в с[ельском] х[озяйстве] понесет наказание.

В стиле ЦК — гонка, спешка! Причем с открытым лозунгом: ну что же, ошибемся — поправимся!

Ошибок, конечно, бояться нельзя. Но идти курсом из одних ошибок?! На какой скале расколется наш корабль?

Так здорово начали и так позорно сесть в политическую лужу. Всех обгадили в бюрократизме. Унизили министров.

Чего ждать? Схватки за Президиум и Верховный Совет.

Не обижайтесь, товарищи из Политбюро. И вы — первые ответчики.

Не так много осталось нас, с полувековым стажем в партии. По-моему, 15 человек. Ценим ли их опыт? И кто же вам это все и другое скажет в открытую? Вы с нами не встречаетесь. На телефоны многие не отвечают, вроде бедным родственникам. Всё видите и всё знаете сами. И не прислушивастесь.

Что же так рано стало заносить наш новый состав?! Мы просим поразмышлять о стиле, отношении во всех звеньях государства. Не поучать по-пустому. Ведь дело о партии, о ленинском наследстве, а за него все *мы* в ответе»...

«Ни в 1985-м, ни в 1986-м у нас не было ясности, что и как делать, что исправлять. Лозунги и призывы повисли в воздухе. На них и пошли чертополохи противников перестройки.

Пожалуй, чего не хватало: глубины оценок и выводов, стратегической интуиции... Стали подгонять события под прикрытием права на ошибку. Неизбежность ошибок. В оценках затушевывается проблема безопасности страны. Сколько потеряно ради нее. Почему начали забывать, что означал атомный шантаж и атомный оброк? Если народ был забит и задавлен, откуда же взялись сегодня депутаты, стачкомы, движения и т. п.? Так вдруг политизация сама по себе не происходит.

Ни с чем не сравнимый и главный подвиг народа в верности идеям Октябрьской революции, в героизме и великом терпении, выдержке — национальной черте советского человека. Без этих качеств невозможно историческое творчество.

Вся ли партия ждала команд сверху? Кто это придумал? Даже в самые горькие, трудные, драматические годы партия делала свое дело, и ей народ верил. И народ не был крепостным.

Мы научились либо все отрицать, либо все хвалить. Середины нет. Если застой, то везде! А так ли? И это беда, болезнь не только средств [массовой] информации.

Не признается критика, что у нас нет платформы, концепции. Послушайте, что об этом говорит т. Яковлев (интервью японским корреспондентам): "Перестройка — крупнейший социальный эксперимент, все результаты которого сегодня еще непредсказуемы"».

«Социальный эксперимент» завершился именно так, как планировали его авторы: развалом державы. Геннадий Зюганов в «Советской России» припечатал Яковлева: «Архитектор у развалин».

В команде разрушителей такие, как Щербина, были не ко двору. Они мешали развалу. И потому их одного за другим отодвигали в сторону...

Пройдет несколько лет, и президент США Б. Клинтон сделает примечательное признание. Вот что говорил «друг Билл» на совещании начальников штабов в 1995 году: «Последние 10 лет политика в отношении СССР... убедительно доказала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток... Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях... Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но... уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью» (*«Правда» от 25—28 июля 2008 г.*).

Среди записей Бориса Евдокимовича есть и такие пророческие строки: «США готовы заплатить и больше за поражение социализма. Без борьбы, без войны...»

Американские политологи у карты поверженной России уже делили ее на отдельные страны-вассалы, планировали, как прибрать к рукам Сибирь...

Щербина размышляет о Сибири

Почти четверть века Борис Евдокимович посвятил Сибири, Восточной и Западной. Его размышления о настоящем и будущем этого удивительного края актуальны и сейчас.

«Сибирь — великая школа жизни, кузница кадров. Может быть, в этом есть и некоторый налет личного опыта. Но, думается, это общее состояние, общий вывод, который выносят люди, работавшие в Сибири, решающие там важнейшие проблемы страны.

В чем, на мой взгляд, заключается особенность сибирской школы? Чему она учит? Прежде всего — масштабности мышления. Если бы меня спросили, что ведет к самым большим и невозвратным потерям, которые несут отрасли, экономика, страна в целом, я бы ответил: недостаточные масштабы мышления. Сибирь настолько грандиозна, настолько многопланова, многолика по своим направлениям в экономике и возможностям развития экономики, народного хозяйства в целом, что тот, кто сталкивается с проблемами Сибири, не может узко подходить к их решению. Либо этот человек должен мыслить широко и масштабно, либо узость его мышления неизбежно ведет к поражению. Тогда ему нужно дать иной, меньший участок работы. Сибирь учит мыслить широко, масштабно, мыслить смело.

Нельзя в Сибири решать никаких вопросов, если нет ответственности и решительности в подходах, смелости в определении как самих задач, так и средств и путей достижения цели. Это очень важное обстоятельство, оно связано тоже с объективной спецификой района, региона. Сибирь в центральных организациях знают недостаточно. Боятся, осторожничают, как бы не ошибиться в прогнозных оценках нефти, природного газа. И сегодня люди такого толка устойчиво забивают кабинеты и места занимают. Которые по праву должны принадлежать совершенно другим людям, другого порядка. Для того чтобы решить тот или иной масштабный вопрос, нужно иметь исключительный дар смелости. Не бояться брать на себя ответственность. Не бояться рисковать.

Речь идет не о риске, о котором в народе говорят: была — не была. Будем делать, а там — что выйдет. Речь не об этом зряшном и, к сожалению, еще встречающемся таком поведении и таком отношении людей к делу. Речь идет о крупномасштабном, я бы даже сказал, неизбежно необходимом деле, когда оно зачинается. Нет такого дела вообще, тем более крупного, в котором бы все слагаемые можно было бы поставить на свои места, тщательно взвесить, проанализировать и вывести однозначно формулу арифметического, алгебраического или даже какого-то интегрально-дифференциального исчисления. Такой возможности не представляется тем, кому поручено выбирать. Но в том и заключается достоинство людей, что они умеют, ухватив главное, основное, оценив опыт коллективов, большой группы специалистов, брать на себя, может, и непомерную ответственность за принятие решений, в котором много неизвестных. Вот о каком риске идет речь — осмысленная деятельность, тщательная проверка, анализ, учет всех возможностей, которые можно учесть, и сознательное отношение к тому, что всего учесть невозможно.

Речь о риске, неизбежном в руководстве, тем более в освоении новых районов. А разве не крупнейшим на уровне государственной политики был риск, который взяли на себя Центральный комитет партии, правительство, поддержав наши предложения о начале разработок нефти, а потом и газа в Западной Сибири? Мог бы напомнить ряд конкретных положений и цифр. В то время многие ученые доказывали, что не может быть в Сибири, в Тюмени нефти, что тюменские организации непродуманно выступают с подобными предложениями и наносят огромный ущерб народному хозяйству, Советскому государству. Они доказывали, что никакой нефти и газа в Тюмени нет и быть не может. Были другие, которые доказывали, что, может, что-то и есть, но полушка за морем...

И еще одно непременное в этой сумме особенностей. Это неизбежная необходимость вовлечь фундаментальные науки, поднять уровень научных исследований и формирование интегрированного интеллекта. Чего в Сибири и сегодня еще недостает — это именно такого интегрированного интеллекта в целом ряде направлений. Сделано за последние послевоенные годы очень много. И то, что создано Сибирское отделение Академии наук, множество институтов, то, что появились медицинского направления исследования тоже на уровне фундаментальных наук, и то, что сельскохозяйственные академические институты шагнули, — это только подтверждает необходимость масштабных исследований. Я уж не говорю о разработках, о необходимости быстрейшего внедрения этих разработок и открытий в практику народного хозяйства.

И очень важно иметь в виду еще одно обстоятельство. В сибирских областях, в сибирских краях на партийных должностях должны работать люди, обладающие особой способностью, пробивной силой, умением убеждать, доказывать. Эти люди должны быть, просто говоря, фантазерами, иметь огромное воображение и великую способность работать. Работать и добиваться поставленной цели.

Можно привести совершенно конкретные примеры, когда области, на определенном периоде возглавлявшиеся группой энтузиастов, людей, способных смело решать вопросы, двигать дело, расцветали. Высокие темпы их развития радовали всех. Смена поколений, появившиеся инертные люди затормозили развитие ряда областей. Мы знаем подобного рода примеры.

Счастливая особенность сибирской школы, очевидно, заключается еще и в том, что период наиболее быстрого и мно-

гопланового, многоотраслевого развития, создания территориально-производственных комплексов на востоке страны совпал по времени не только с экономическими, техническими, научно-технологическими решениями многих проблем, но и с возможностью страны направить в сибирские районы высококвалифицированную рабочую силу. Образованную силу. Молодую силу. В Сибири молодежь со всех районов страны находит те точки приложения, где лучшим образом могут быть проверены способности человека, выявиться сильные личности. И в этом смысле Сибирь счастливо использует движение комсомольских ударных отрядов, инициативу комсомола, стремление молодежи идти на сибирские стройки.

Можно прямо сказать, что Сибирь — это поле деятельности молодых. Средний возраст городов и сегодня еще на уровне 24—28 лет. Молодежь строила БАМ, мощнейшие линии электропередачи, нефте- и газопроводы, чтобы дать выход из этих богатейших районов могучим потокам энергии, нефти, газа.

Я был бы не прав, если бы не подчеркнул еще одно непременное слагаемое сибирской школы. Оно в том, что учит быстро воспринимать традиции самой Сибири, традиции первопроходцев, которые в свое время первыми заселяли эти огромные просторы. Очень важно соединение исторических традиций с интеллектом современных молодых специалистов, с могучей техникой.

Сибирь — это и всесоюзный полигон, где в горниле трудностей накапливаются и опыт, и способности, и воля преодолеть, превзойти эти трудности. Экстремальные условия, неразвитость инфраструктур, особенности территориального расположения — все это требует от человека особых качеств — не уступить, не отойти. К цели идущий должен преодолеть самого себя.

И совершенно не случайно, что современная эпоха, современный этап развития производительных сил нашей страны, особенно в угольной, лесной, лесохимической промышленности, гидроэнергетике, нефтяной, газовой промышленности, строительстве трубопроводного транспорта, железнодорожном строительстве выдвинули, не могли не выдвинуть к руководству новое поколение специалистов. Сегодня они занимают ключевые позиции, и это, несомненно, благоприятнейшим образом скажется на развитии всей экономики, поможет разумно, быстро, по-хозяйски, эффективно вовлечь в оборот огромнейшие просторы, огромнейшие богатства нашей страны.

Надо сказать, что есть здесь и проблемы широкого, исторического масштаба, проблемы заселения этого района, кото-

рое знало разные подходы. Это этапная задача — заселение восточных районов страны, Западной, Восточной Сибири, Дальнего Востока. Это историческая обязанность, которую решать нам. Непростая задача, весьма сложная. Но весь арсенал экономики, вся работа на прогнозирование, размещение и развитие производительных сил в основе своей должна иметь в виду и эту, если не первоочередную для сегодняшнего момента, то ключевую для истории проблему заселения и освоения богатств Сибири и Дальнего Востока. Мы многого еще не знаем, и многое нам еще предстоит узнать. И как же мудро говорили корифеи нашей культуры и науки — Радищев, Ломоносов, когда они обращали наше внимание на то, что могущество Российского государства Сибирью прирастать будет. И Северным Ледовитым океаном».

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Мера жизни не в ее длительности,
а в том, как вы ее использовали.

Монтень

Москва. 5 октября 1989 года

Есть в круговороте жизни день особый, памятный — день рождения. В рабочем календаре Бориса Евдокимовича были помечены дни рождения близких товарищей, коллег-министров, партийных работников... Он никогда не забывал отправить телеграмму, открытку имениннику, понимая, как дорого человеку внимание.

Ждал ли такого же отношения к себе? За долгие годы во власти научился почти безошибочно отделять дежурную лесть от искренней симпатии, понимать цену официальных словес, даже заключенных в красивую тяжелую папку... На свое 70-летие Щербина еще заранее решил никого не приглашать. Родные будут и так. А друзья-товарищи, если захотят, приедут сами.

Пятого октября на даче в Жуковке (скоро ее отнимут) собрались все щербиновские: семья Юры, из Баку, еще не зарубежного, прилетела двоюродная сестра Женя. В сорок первом году эвакуация забросила ее в Азербайджан, там в кругу доброжелательных людей она и прижилась. Создала семью, заведовала детскими яслями в городе Евлах. Борис Евдокимович дорожил дружескими отношениями с Женей, последней, кроме него, из их дебальцевского рода.

Из команды щербиновских министров приехали Михаил Иванович Щадов, Виктор Степанович Черномырдин и один из авторов этих строк с женой Марией Владимировной... Хозяин был в отличном настроении, охотно шутил... Хороший получился праздник — не казенный, не формальный, а действительно душевный.

Каждый день Щербина по привычке начинал с «Правды». Тогда главная газета страны выходила ежедневно и почтальоны исправно разносили ее по почтовым ящикам. В одном из номеров «Правда» обрушилась на первого секретаря Тюменского обкома партии Геннадия Павловича Богомякова. Борис Евдокимович хорошо знал, *как* появляются такие статьи и *чем* заканчиваются. Вскоре пленум обкома партии освободил Богомякова от работы. Тогда же прозвучали имена кандидатов, которые могли бы возглавить партийную организацию области. В их числе — Генадий Шмаль, хорошо знакомый в Западной Сибири по комсомольской, партийной, хозяйственной работе.

Перед поездкой в Тюмень Генадий Иосифович встретился со Щербиной, которого считал своим наставником. Борису Евдокимовичу до боли сердечной были близки дела Западной Сибири, проблемы партийной организации области. Он набросал своеобразное напутствие — программу действий. К счастью, Шмаль сохранил эти тезисы. Думается, их интересно перечитать и сейчас.

«1. Анализ программ конкурентов. Сильные стороны — можно ли усилить свою часть. Слабые стороны — для ниспровержений.

2. На месте решить до конференции:

а) по Северу — вводы жилья, соцкультбыта;

б) торговля, снабжение. Усиление за месяц до и в период конференции;

в) конкретные вопросы: экология, нефть, газ, леса и лесопереработка.

3. Село, создать программы и:

а) начать газификацию;

б) мясо-колбасные цеха;

в) подсобные хозяйства;

г) рыбные вопросы;

д) производство мяса. Бройлеры.

В сельском производстве в целом область застоялась на месте. Идите дальше. Высказаться за новые цены.

Возможно ли за счет собственного производства закрыть потребности в мясе (150—160 кг на душу в живом весе) — 300 тыс. тонн (без сельских жителей), сейчас производство — 160 тыс. тонн?

4. Анализ собственных недостатков дать (быть готовым).

5. Как перспектива развития области (возможности развития нефти, газа, Ямал, химия, Тобольск).

6. Правопорядок: тактика — не навязываться; не заискивать; не казаться карьеристом. Претендент — да. Где здесь доступность, простота.

Самое слабое у Богомякова — неконтактность с рядовыми, боязнь аудитории и ее ершистости. Молодежь. О партийной организации.

Статья о Богомякове в "Правде". Многое в ней — правда. Глубокая ошибка статьи — она оскорбила тюменцев, намекая, что за них кто-то что-то делал... Тюменская организация выступила инициатором изучения и освоения невиданных богатств. Это заслуга исторического масштаба. Последующее накопление эйфорийности, может, и зазнайство, хвастовство, раздутое самомнение — одно из самых тяжких заболеваний, разрослось в эпидемию. Появились героизация и вождизм. Родился своеобразный театр одного артиста. Совершенствования требует вся социальная программа развития науки, культуры, просвещения. Народ заслужил, выстрадал право жить достойно... Конкретный шаг к этому — программа экономического развития и обязательная необходимость сделать решающий прорыв уже в этом, 1990-м, году. Тюмень внесет в экономику и развитие научно-технического прогресса свой вклад...

В партии идет перестройка. Мучительно медленно...

Перестройка нужна от ЦК до первичных организаций. На первом месте — единство. Кто против него, тот разваливает партию. На наш взгляд, нужны центральные органы и в РСФСР.

Ослабли коллегиальность, коллективизм, ответственность, дисциплина. Партийная организация не стала выражать волю и чаяния людей.

Идеологическая работа низко пала, сместилась в очернительство. Созидательное ее назначение, борьба, а идеология — это борьба методом убеждения и организации, стали бесплодными, дряблыми».

«Пишу Вам, Михаил Сергеевич...»

С огромной тревогой Борис Евдокимович воспринимал все, что происходило в стране, экономике, в отрасли, становление которой он считал делом всей своей жизни. Вот Политбюро ЦК КПСС принимает решение урезать капитальные вложения для топливно-энергетического комплекса. Неужели высшее руководство страны само разрушает базовые отрасли экономики? Факты подтверждают самые худшие опасения. Снимаются деньги со строек крупнейших газопроводов СРТО (северные районы Тюменской области) — Урал, Ямал — Торжок — Ужгород, Ямбург — Поволжье. На эти трассы уже бы-

ло поставлено свыше пяти тысяч километров труб, до конца года из ФРГ и Японии ожидали еще 1665 километров труб диаметром 1420 миллиметров. Главные силы всей отрасли были сосредоточены на трассах, жизненно важных для страны. И вот теперь стройки замирали. Жестокое слово — консервация... Без дела оставались тысячи профессионалов. Кто просчитал ущерб? Кто ответит за нарушения договоров подряда? Оживут ли вновь трассы?.. Отпереть ямальские кладовые Россия пытается лишь теперь. Спустя два десятка лет.

Каждый день в ЦК КПСС почта приносила до полутора тысяч писем. Советские люди еще верили в некую высшую мудрость, прописанную на Старой площади.

Попов Б. Н., член КПСС, доцент Московского автодорожного института. Мне кажется, страна подошла к такому рубежу, когда экономический кризис перерастает в политическую, идеологическую, межнациональную конфронтацию. Уровень жизни резко снизился, особенно у пенсионеров, рабочих и служащих, не имеющих дополнительных доходов. Социальная напряженность возрастает. Поднимают голову антисоциалистические, сепаратистские, националистические силы. Разговоры руководства о том, что для исправления положения необходимы еще полтора — два года, ничего, кроме раздражения, не вызывают. Очевидна необходимость принятия самых срочных, чрезвычайных экономических мер. Их нельзя откладывать ни на один день.

Данилевский Г. И. (Таганрог, Ростовская область). Мы, рабочие и служащие, ветераны труда, дошли до предела скудности продовольственного снабжения. Мяса и колбасы в государственных магазинах нет. Приходится втридорога покупать продукты питания в кооперативах или у спекулянтов. Наше городское руководство только разводит руками. Мне кажется, что со стороны руководителей партии и государства ослаблена требовательность к местным руководителям за выполнение принятых постановлений по вопросам улучшения продовольственного снабжения. Просим изменить стиль работы ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Совмина СССР. Нужно меньше говорить, а больше делать. Нельзя допустить, чтобы народ потерял веру в наши высшие органы.

Абасова З. (Челябинск). С чувством горечи и боли, с возмущением пишу это письмо. В нашем рабочем городе все продуктовые магазины перевели на торговлю по так называемым договорным ценам. Объясните, кто с кем договорился о том, чтобы килограмм свеклы и моркови продавать в таких магазинах по рублю. Мы вынуждены покупать мясо на базаре по 6 руб. за килограмм, и то лишь по праздникам. Такой гонкой

цен народ озлоблен. Остановите гонку цен! Жить простым людям стало невыносимо тяжело. Даже после войны мы жили лучше. Сейчас сложилась крайне сложная обстановка в Абхазии, Грузии, Узбекистане, Казахстане и ряде других регионов. Но если поднимется Россия-матушка, то вам не остановить народ.

Богданова Е. Г. (Бирюсинск, Иркутская область). Мы даем стране лес, золото, пушнину, рыбу, но не получаем ничего. Восточная Сибирь не должна быть сырьевым придатком центральных районов страны. Сибиряки не раз доказывали эффективностью своего труда, что имеют право на более весомые жизненные блага. А как живут? С продуктами очень и очень плохо, в магазинах — пустые полки, квартиры — хуже некуда, ветхие, холодные, построенные еще в первые годы советской власти, а некоторые до революции. Отпуск — 18 дней, никаких льгот. Где же справедливость?

Тарасов Л. И. (Свердловск). Народ верил, что с перестройкой улучшится снабжение населения товарами и продуктами. А что получилось в действительности? Возросли розничные цены на всё и вся, организована спекулятивная перепродажа государственных товаров в кооперативах, введены так называемые договорные цены, которые по карману только ворам и грабителям, дефицитом стала даже зубная щетка, с прилавков магазинов исчезли импортные товары. Получается, что «достоинства» перестройки — в бурном росте цен, дефицита, в сплошных очередях и давках. Но народ нельзя накормить демократией и гласностью. Я обеими руками голосую за перестройку, но такую, в которой меньше слов, а больше конкретной заботы об интересах трудящихся.

Савин В. А., директор, Большаков Н. П., секретарь парткома, Пилюков В. Л., председатель профкома, Васильев И. А., председатель СТК Рижского вагоностроительного завода. За последнее время резко возрос отток квалифицированных кадров с нашего предприятия в кооперативы. В 1988 г. ушли 193 человека, за пять месяцев текущего года — еще 117 человек. При общей численности работающих 4757 человек дефицит кадров составляет более 300 работников. Завод при любых формах организации труда не способен выдержать конкуренцию с кооперативами в вопросах оплаты труда. Положение, при котором производительность труда в кооперативах в 2—3 раза ниже, чем на государственных предприятиях, а оплата труда в 2—3 раза выше, является недопустимым. Нужны экстренные меры, так как отток рабочей силы с завода поставит под угрозу выпуск электро- и дизель-поездов пригородного сообщения, единственным изготовителем которых он является.

Коллективное письмо (55 подписей; поселок Урало-Кавказ, Краснодон, Ворошиловградская область). Наши шахтерские семьи проживают в построенных до войны бараках по улице Володарского. Они находятся в аварийном состоянии: трескаются стены, проваливаются полы, проседают потолки, текут крыши, неисправны печи. Только один час в сутки подается вода. С просьбами о переселении из непригодных для проживания бараков мы неоднократно обращались по месту работы наших мужей и сыновей, в Краснодонский горисполком, но там только обещают, а мер не принимают. Сейчас много говорят о перестройке, о благах для народа. А где они?

Петров Н. И., член КПСС, инвалид Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону). Пишу в ЦК КПСС несмотря на то, что знаю: хоть вся власть у нас принадлежит Советам, но обращаться к ним бесполезно. В июне я зарыл в землю тридцать ведер выращенных на садовом участке яблок. Сливу, алычу ждет та же судьба. Везти фрукты на рынок или приемный пункт мне не под силу. Раньше мы с женой варили много варенья, и всю зиму им лакомились внучата. Но вот сахар стали давать по талонам —1,5 кг в месяц, хотя официально обещали, что в летний период норму увеличат. Многие садоводы стали уничтожать деревья. Так же придется поступить и мне.

Малькова А. М., член КПСС (пос. Салтыковка, Балашихинский район, Московская область). Мне очень больно об этом писать. Никогда не писала жалоб и не думала, что доживу до этого. Я — ветеран Великой Отечественной войны, инвалид труда, трудовой стаж — 48 лет. Отдала фронту и работе свое здоровье, живу за счет лечения в больнице и вызовов «скорой помощи». А теперь и помочь мне некому. Во время очередного тяжелейшего приступа позвонила в балашихинскую «скорую». Отвечают: «Когда будет врач, не знаю. Работать некому. Все врачи ушли в кооператив». Как нам, пенсионерам, быть дальше?

Трухин (пос. Шерегаш, Таштагольский район, Кемеровская область). Уважаемый Михаил Сергеевич! Почему исчез даже хлеб в шахтерском поселке Шерегаш, не говоря уже обо всем прочем?

Шаповалов В. М., член КПСС (Кишинев). К большому сожалению, проявляющиеся в стране тенденции к национальному обособлению коснулись и партийных организаций. Например, в Молдавии коммунисты молдаване и коммунисты других национальностей на партсобраниях уже садятся отдельно. Идет размывание интернациональной основы партии. Мы, вероятно, забыли, что на партийном единстве держится вся наша Советская Федерация.

Баскаль Л. М. (Фергана). Думаю, что своим письмом выражу мнение всех русских, живущих в Фергане. Оставаться нам здесь невозможно. Живем как на пороховой бочке, собрали вещи в мешки на случай вывоза в лагерь беженцев. Все равно рано или поздно нас вырежут, тем более что таких намерений никто не скрывает. Пока солдаты здесь, все тихо, но стоит им уйти, как от нас и трупов не останется — все сожгут. Слезы мы все уже выплакали, да что толку! Куда нам, русским, деваться? Я не могу объяснить, почему так происходит: мы всегда всем помогаем, а нам платят черной неблагодарностью. Но мы тоже люди и тоже нуждаемся в помощи. Я прошу помочь русским людям. Переселите нас в Россию, обеспечьте жильем или выплатите деньги за наши здешние квартиры, чтобы мы могли купить в России хоть какое-нибудь жилье.

Борис Евдокимович, судя по его письму Горбачеву, еще надеялся на генсека. На кого же, если не на него?!

«Товарищу Горбачеву М. С.

Дорогой Михаил Сергеевич,

пишу эту записку в связи с предстоящим Пленумом ЦК. Это особый Пленум. То, что произошло на партийном съезде в Литве — событие не республики и не только в партии. Это признак того, что события изначально национальные переросли в политику о власти.

В Литве фактическая власть у "Саюдиса". Что же касается партии Литвы, она по замыслам захвата власти в республике — тактический этап, проба сил для всей Прибалтики.

На событии несомненна печать процессов, происходящих в Восточной Европе, и не только. Поэтому Вы правы, говоря о том, что федерализация для КПСС ни при каких обстоятельствах неприемлема. Отступление от этого принципа недопустимо, и не только для Литвы.

Нарушение этого принципа — путь к развалу единства не только партии, но и государства, его мощи и обороноспособности.

Панама — многоходовая акция. Она не приблизила конец холодной войны, это ее новый вариант, заявка США на полную власть на всем американском континенте. Панама — вызов разрядке и дипломатии улыбок, которую легко заменить канонерками. США подыгрывают ФРГ в стремлении к пересмотру послевоенных границ. Буш пытается предстать сильной личностью, показать, что переговоры его не гипнотизируют. Он уступил военно-промышленному комплексу, подогревает имперские устремления США, а США должны показать

и социалистическим странам решительность поддержать их всеми средствами, лишь бы оторвать их от СССР и вернуть в лагерь капитализма.

Жаль, что мы опоздали с изложением позиций СССР, но знали ли мы о готовящемся?

Литва, да и не только она, своими необдуманными действиями и экстремизмом подбрасывает горючее в панамский и другие авантюрные костры.

Свершившемуся в Литве возможна только одна политическая оценка: развал общества, партии, государственных структур и похороны перестройки в этой республике, сдача советской власти экстремизму.

Возможно ли еще успеть парализовать подобное в других прибалтийских республиках да и кое-где в иных, где события развиваются по подобному сценарию? Не исключено, что он готовился долго и тщательно в известных зарубежных центрах. Возникает вопрос — а где же мы были, почему допустили такое? Ведь все эти процессы в Прибалтике — не сегодняшнего дня. Принимались решения, посылались письма, телеграммы, командировались на место секретари ЦК КПСС. Они не сыграли той роли, которая им отводилась. Может быть, прав т. Яковлев, который заявил японским корреспондентам о том, что перестройка — эксперимент с непредсказуемыми последствиями (не цитирую, передаю смысл), а раз это так, то за последствия никто не в ответе. Не правда ли, удобная позиция для самотека? К тому же эксперименты могут быть разными, а значит, дозволенными.

Что это за идеологические обоснования в политике, организации информации? Не отсюда ли бешенство экстремиствующей информации?

Социализм — это не деидеологизированные система и общество. О коммунизме вообще перестали говорить в полный голос. Исключение здесь — Ельцин, он американцам изложил это во всех цветах. Теперь, говорят, он стал называться социал-демократом, не ясно только, почему он не выходит из КПСС, как терпим его в составе ЦК. Недостает решительности у Ельцина или у Горбачева? Дважды поручалось комиссии Медведева доложить ЦК КПСС дело Ельцина. Почему это не сделано?

Из такой неопределенности, вседозволенности вырастает экстремизм и захват власти, с чем мы теперь имеем дело в Литве.

Кто же ответит за все искажения и провалы в политике, руководстве Литвы?

На Пленуме ЦК следует сказать, кто из секретарей ЦК провалил поручение Бюро, и дать им оценку. Тот, кто прова-

ливает что-то, не должен занимать ответственные посты ни в партии, ни в государстве.

Тем более надо вывести из ЦК, исключить из КПСС т. Бразаускаса и тех, кто недостоин представлять республику в высшем органе КПСС. Его и таких, как он, за их "деяния" позже изгонят и из Литвы.

Что же касается других проблем, связанных с литовскими событиями, то, на мой взгляд, следует:

помочь оформиться в новой компартии в составе КПСС и признать только ее принадлежность к КПСС. Партбилеты отколовшейся части аннулировать, признать их недействительными (их не признает ЦК, это в случае, если не удастся референдум коммунистов Литвы или он пройдет в поддержку решений XX съезда компартии республики);

рассмотреть экономические аспекты случившегося. Не отдавать в республиканское подчинение важнейшие предприятия союзного значения. В хозрасчете исключать скрытую дотацию за счет дешевых топливных и других ресурсов и закупки в республике дорогостоящих изделий и товаров народного потребления. Прибалтийские республики не должны забывать о том, что и высокие надои молока они подняли на российских комбикормах, и должны подумать о том, как им быть дальше;

следует поддержать создание автономного района (в частности, польского) в Литве;

рассмотреть все, что требуется, по укреплению Прибалтийского военного округа и флота. Пусть военные не баррикадируются в казармах, не жалуются, а показывают силу. Эту силу ни в коем случае не отдавать под власть республик.

На события в Литве накладывается еще более мрачная тень — попрание законов в Эстонии и их бездействие, что стало возможным из-за бессилия власти центра. Почему проводятся выборы на основании незаконных актов, принятых в некоторых республиках? Их надо отменить. Необходимо обязательно и безотлагательно выполнить постановление Президиума Верховного Совета СССР об отмене тех законов, которые приняты вопреки действующей в стране Конституции. Это должен быть акт авторитета власти центра, которую Владимир Ильич (Ленин. — *В. А., В. Ч.*) называл вершиной демократии. В этом также авторитет партии и общества.

XX съезд компартии Литвы активизировал экстремизм. Ряд народных депутатов СССР от прибалтийских республик теперь открыто обнародовали, что следующим актом будет выход этих республик из состава СССР, и провозгласили это в

ультимативном тоне на Втором съезде народных депутатов СССР, считая это решенным делом.

Требуется особо рассмотреть итоги выборов в республиканские и местные Советы в Эстонии и Латвии и наконец активизировать партийный организм в стране. Надо преодолеть полную пассивность и значительную деформацию местных органов, а также безрезультатность мер в экономике. Оценить по-новому отсутствие стратегической интуиции во многих секторах, размытость конкретных планов и тактики.

Нельзя допустить спешки в этих решениях. Спешка, благословившая ошибки, породила опасную цепную реакцию. Она, как радиация, создала административную лучевую болезнь в обществе, породила неверие в способность быстро исправить дело (самостоятельность предприятий, выборность должностных лиц, положение в кооперации, антиалкогольная политика и др., озлобившие людей и ударившие по авторитету власти и по экономике).

В обстановке, когда стране угрожает раскол, распад государства, нужны и политические, и силовые меры. Способна ли власть удержать социализм, сохоранить единство Советского Союза? Так во весь рост теперь стоит главный политический вопрос.

Надо выбрать приоритеты и из них в первую очередь продовольствие. На другие, включая и законодательные, время еще не потеряно.

Нельзя не учитывать влияния и процессов, происходящих в странах социализма, а это партия, идеология, организация деятельности власти.

Некоторые попытки убрать Горбачева не удались, однако сторонники Сахарова и Ельцина продолжают действовать.

На Втором съезде народных депутатов СССР прозвучали призывы к недоверию правительству. Видимо, демагоги задались целью найти козла отпущения. Им, по сценарию, видимо, должен стать Н. И. Рыжков.

Чтобы развалить экономику, им надо убрать сильные личности, ошельмовать не без помощи средств информации нынешнюю структуру управления и не создавать более совершенную альтернативу.

Главное здесь: задействовать программу, принятую съездом народных депутатов СССР. Необходимы программы коренного улучшения экономического сектора вплоть до ЦК КПСС. Срочно нужна перестройка идеологической работы во всех звеньях, и прежде всего в партии. Это самое слабое и уязвимое место в нашем доме.

Об этих некоторых соображениях и пишу Вам, Михаил Сергеевич, с глубоким доверием к нашей партии и ее Центральному Комитету.

С уважением,

Б. Щербина.

24 декабря 1989 г.».

24 декабря «Правда» опубликовала выступление М. С. Горбачева на II съезде народных депутатов.

— У меня одна позиция, и я ее сейчас еще раз выскажу, — говорил Михаил Сергеевич. — Если кто-то считает все то, что мы делаем, развалом, тогда, товарищи, вопрос очень серьезный. Вот высший орган власти, и он должен определиться. Межрегиональная группа все время это и подбрасывает, чтобы как-то толкнуть съезд на это, сделать внутренний переворот демократическими методами.

Я должен прямо сказать: попытки предъявить мне счет, что я участвую, больше того, может быть, даже выполняю чей-то заказ развалить партию, государство, Федерацию, похоронить социализм — эти попытки я отвергаю решительно и бесповоротно.

Может быть, генсек не лукавил. Может быть, и заказа писаного не было. Но трезвые политики видели, куда катится страна.

Для Рыжкова, как он писал позже, 89-й стал «началом крушения всех моих надежд и как гражданина, и как премьера страны». «Рыжков, в котором Горбачев видел до сих пор одного из своих самых верных союзников, — сделала вывод французская газета «Монд» (*6 сентября 1989 г.*), — в последнее время начал отмежевываться от Генерального секретаря».

Агония власти

Из записных книжек Владимира Чирскова

3 января 1990 года. Совещание у Н. И. Рыжкова. Рассматривается план работы Миннефтегазстроя СССР на 1990 год. Присутствовали: Ю. Д. Маслюков, Л. А. Воронин, П. И. Мостовой, Л. Д. Рябев, В. С. Черномырдин и я. Сначала выступил В. С. Черномырдин. Он доложил о состоянии газовой промышленности, определил, что нужно для ее развития. Следует отдать ему должное, он твердо высказался за необходимость решения вопросов Миннефтегазстроя.

Я в своем выступлении подробно обосновал целесообразность выделения отрасли дополнительных капитальных вложений и ресурсов. Показал схему резкого сокращения численности работающих. В конце выступления подчеркнул, что сегодня я, как министр, должен знать, нужна ли отрасль в качестве специализированной строительной организации или не нужна.

Ответ требовался незамедлительный. Так как уже в январе придется решать вопрос о сокращении людей, а в связи с этим и судьбу ряда городов в Западной Сибири. Напомнил, что еще в августе 1989 года мы обращались в правительство с просьбой рассмотреть план 1990 года, но она осталась без внимания.

В записке говорилось о том, что объемы строительства магистральных трубопроводов катастрофически падают: с 3,3 миллиарда рублей в 1988 году до 0,5 миллиарда рублей в 1990 году, что приведет к вынужденному сокращению более 76 тысяч высококвалифицированных рабочих, к негативным явлениям во многих трудовых коллективах в разных регионах, а также потере созданного потенциала по строительству магистральных трубопроводов. Вынужденная в 1990 году консервация ряда важнейших газовых магистралей приведет к потерям около двух миллиардов рублей.

Одновременно высвобождаются основные фонды (тяжелые трубоукладчики, сварочные комплексы «Север», очистные, изоляционные и другие специальные машины) стоимостью 2,7 миллиарда рублей, годовая амортизация которых составляет 606 миллионов рублей. Общие потери и дополнительные затраты составят более четырех миллиардов рублей.

Это было деловое совещание. Казалось, все вопросы решены. Но я, конечно, понимал, что на дворе январь 1990 года, а не 1984-го. А сейчас все осталось на бумаге.

28 марта 1990 года. Был на личном приеме у Рыжкова. Вопросы прежние: не выделены ресурсы на 2,8 миллиарда рублей для обеспечения плана строительно-монтажных работ, не представлены 130 миллионов долларов США для закупок за рубежом, не открыто финансирование по стройкам на 1,6 миллиарда долларов. Я прямо сказал: «Николай Иванович, по всем вопросам вы давали своим заместителям указания, но они не выполняются».

Действительно, в отрасли создалась кризисная ситуация. Мы не увольняли несколько десятков тысяч рабочих, надеясь, как нам обещали, что все будет улажено. Но этого не случилось.

Н. И. Рыжков тяжело переживал эту ситуацию. Но в системе управления народным хозяйством страны уже наступил кризис. И он, и я понимали это, и мне по-человечески было

обидно за него. Николай Иванович на повышенных тонах, чего с ним раньше не случалось, дал очередное указание П. И. Мостовому, Л. Д. Рябеву, Л. И. Абалкину, С. А. Ситаряну: в трехдневный срок найти решение.

Еще через месяц на очередном совещании Николай Иванович попросил Мостового доложить о выделении ресурсов нашей отрасли. Председатель Госснаба заверил Рыжкова, что этот вопрос решится в ближайшие дни.

Наступил критический момент. Что будет с отраслью дальше? Министерства с легкой руки Горбачева хоронят — это уже яснее ясного.

На даче у Бориса Евдокимовича долго и не в первый раз держим совет. Всего к 1990 году в стране действовали порядка 300 тысяч километров транспортных трубопроводных систем, которые обеспечивали перекачку всей добываемой нефти и газа. Ежегодный объем ввода трубопроводов с промысловыми составлял до 23—26 тысяч километров. Но оставалась главная, еще не решенная до конца задача — обеспечить полную безопасность создаваемых систем, их телемеханизацию, автоматизацию, непрерывность диагностики.

— Нельзя ни строителям, ни эксплуатации успокаивать себя тем, что отказы на советских трубопроводах значительно ниже, чем в других странах с развитым трубопроводным транспортом, — настаивал Щербина. — Многое из области надежности остается не до конца отработанным и в теории, и на практике.

В дальнейших работах много проблем социального порядка. От жилья до развития подсобных сельских хозяйств, выполнения заданий по газификации сел, в особенности Нечерноземья... Главная забота — сохранить кадры, искать новые структуры организации и управления строительством, свое место в рыночной экономике. Значительную часть сил Миннефтегазстроя предстояло переориентировать на комплексное развитие регионов, в частности — на создание Западно-Сибирского нефтегазохимического комплекса с мощно развитым сельскохозяйственным производством.

Лучший вариант — попытаться сохранить отрасль как государственный концерн. С благословения Щербины я подписал в конце апреля 1990 года представление на имя Н. И. Рыжкова о создании на базе предприятий, входящих в министерство, концерна «Нефтегазстрой».

13 июня 1990 года Н. И. Рыжков провел совещание по проверке своих протоколов от 28 марта и 23 апреля. Выступая на этом совещании, я вынужден был, уже при обширной аудито-

рии, сказать, что указания Председателя Совета Министров СССР по Миннефтегазстрою уже полгода никто не выполняет. Мы, к великому сожалению, вынуждены начать увольнение кадровых рабочих. Просим ускорить подписание постановления по льготам для них.

После меня с резкой речью выступил Е. К. Лигачев. Он сказал, что плановое хозяйство создавали десятилетиями. Нельзя сразу все сломать. Как это можно все разрушить? Мы разваливаем страну. Нужно работать сейчас так, как работали раньше. Чтобы идти вперед, надо чаще оглядываться назад. Иначе забудем, откуда вышли и куда нам идти.

«Власть захватывает группа Ельцина»

Чтобы яснее представить обстановку, перелистаем газеты тех дней. О чем они писали?

«...29 декабря (1989 года. — *В. А., В. Ч.*) в Свердловске на проспекте Ленина у центрального гастронома возник стихийный митинг. Причиной послужило отсутствие водки и спиртных напитков в магазине. Люди не могли купить их даже по талонам. Они вышли на трамвайные пути и перекрыли движение транспорта» (*«Рабочая трибуна» от 1 января 1990 г.*).

«...Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об объявлении чрезвычайного положения на территории Нагорно-Карабахской автономной области, прилегающих к ней районов Азербайджанской ССР, Горисском районе Армянской ССР, а также в пограничной зоне вдоль Государственной границы СССР на территории Азербайджанской ССР» (*ТАСС, 15 января 1990 г.*).

«...Народный депутат СССР, ректор Магнитогорского государственного педагогического института В. Ф. Романов:

"Многие решения сейчас буквально навязываются аппарату в условиях мощного давления со стороны 'перестроившихся' средств массовой информации и 'прогрессивного' общественного мнения. А доминируют здесь как раз критикующие аппарат, настроенные определенным эмоциональным образом популярные публицисты, писатели, поэты, актеры... На моей памяти не было еще такого разгула дилетантизма, безответственности, а то и просто невежества, в котором почти не слышно голоса действительно компетентных, знающих людей. Но даже когда такой голос и прозвучит, издавший его почти автоматически получает ярлык 'антиперестройщика' и 'ретрограда', рискуя немедленно лишиться своего поста"» (*«Советская Россия» от 18 января 1990 г.*).

«...Издалека кажется, что морской вокзал в Красноводске живет обычной жизнью. Но картина эта обманчива. На борту только что пришвартовавшегося парома "Советская Калмыкия" около 700 беженцев-армян. Все они бежали из Баку. В помещении морского вокзала работники Красноводского горисполкома, как в Отечественную войну, выдают направления на дальнейший путь следования» (*«Рабочая трибуна» от 19 января 1990 г.*).

«...Степан Бандера возглавлял самое радикальное крыло националистического движения. Его борьба за свободу Украины заслужила признание потомков, тем более односельчан. И вот в Старом Угринове, где родился Бандера, был открыт памятник герою.

Но свобода нам только приснилась. Снова все решено в Москве. И памятник сыну Украины подло уничтожен» (*«Поклик сумлиння», январь 1990 г.*).

Академик С. С. Алексеев, председатель Комитета конституционного надзора СССР:

«Мы нуждаемся в укреплении государства. У нас, извините, произошла национальная беда. Она не в наших трудностях, в эксцессах, в возрастании преступности, она прежде всего в том, что вот в этот период очень сложного перехода главная сила, которая могла обеспечить стабильность и уверенность в условиях этого перехода, — государство оказалось слабым, немощным. Подчас даже как-то жалко наши государственные органы, когда они не могут решать самые простые, элементарные вопросы» (*«Правда» от 9 февраля 1990 г.*).

«...Закончился Пленум ЦК КПСС. Отказ от прежней формулировки 6-й статьи, изменение отношения к многопартийности — по меркам декабря 1989 года эти решения беспрецедентны. Однако достаточны ли они, чтобы справиться с кризисом 1990 года? Власть подошла к, может быть, самому серьезному кризису за все 72 года своего существования» (*Коммерсант. № 6. Февраль 1990 г.*).

«...Пасынком нынешней "революционной перестройки" является в первую очередь русский народ. Представители трех его ныне живущих поколений, начиная от ветеранов Великой Отечественной войны, спасших мир от гитлеризма, представители разных социальных слоев и профессий — люди русского происхождения — ежедневно без каких-то объективных оснований именуются в прессе "фашистами" и "расистами" или же — с сугубо биологическим презрением — "детьми Шарикова", то есть происходящими от псов. Это прямо приводит на память гитлеровскую пропагандистскую терминологию относительно русских, "низшей" славянской расы.

Дискриминированный в реальных гражданских правах, ошельмованный как "раб", как "фантом" или "призрак", русский человек в то же время сплошь и рядом нарекается "великодержавным шовинистом", угрожающим другим нациям и народам.

Для этого лживо, глумливо переписывается история России, так что защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства трактуется как "генетическая" агрессивность, самодовлеющий милитаризм. "А с кем только не воевала?!" — сокрушается насчет "забияки-России" член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев в "Литературной газете"» (*Из письма писателей России в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР, в ЦК КПСС. Литературная Россия. № 9. Март 1990 г.*).

«...Президентом Союза Советских Социалистических Республик избран товарищ Горбачев Михаил Сергеевич» (*ТАСС, 15 марта 1990 г.*).

«...История, которую мы творили своими руками, становится неузнаваемой даже для нас, пишет из Харькова Александр Федорович Дудко. А дети, внуки вообще не верят, что у их отцов, матерей были и светлое детство, и кипучая комсомольская юность, и радостный труд, и песни, которые дожили до наших дней. На беду будущему брошены в землю зерна ненависти к своему прошлому» (*«Правда» от 16 апреля 1990 г.*).

16 мая в Большом Кремлевском дворце открылся I Съезд народных депутатов РСФСР. Многие были настроены избрать председателем Бориса Ельцина. Они и думать не думали, что спустя некоторое время он расстреляет Верховный Совет из танков. Но это будет в 1993-м, а пока сиренью полыхал в Москве май 1990 года.

С первых же дней, даже минут началась борьба между Компартией и объединением «Демократическая Россия», которое было создано Межрегиональной депутатской группой. 22 мая на съезде выступил Ельцин. Он повел атаку на Центр, на Горбачева, заострил вопрос о суверенитете России и изложил 13 принципов самостоятельности. Среди них — единое республиканское гражданство, формирование республиканской собственности на землю, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы. Россия должна осуществлять самостоятельную внешнеторговую и валютно-финансовую полемику. Она должна иметь свой Госбанк.

Ельцин пошел дальше в трактовке суверенитета и дал понять депутатам, что это не только его точка зрения, а она, мол, апробирована за «бугром»: «Считаю необходимым разорвать

монополию Центра во внешнеэкономических связях. Россия должна как суверенное государство самостоятельно заключать договоры и соглашения с другими государствами по экономическому, научно-техническому, культурному сотрудничеству, по торговым сделкам и т. д. Даже предварительный обмен мнениями с президентом США Дж. Бушем, премьер-министром Великобритании М. Тэтчер, политическими деятелями Японии, который у меня состоялся за последние месяцы, показал, что в принципе на Западе положительно оценивают такую возможность прямых контактов с Россией. Думаю, что МИД РСФСР, не дублируя общесоюзный МИД, мог бы расширить свои полномочия. Но это зависит уже от того, как российская Конституция не будет дублировать Конституцию СССР».

24 мая началось выдвижение кандидатов на пост председателя Верховного Совета РСФСР. Среди претендентов — премьер-министр РСФСР А. Власов, Б. Ельцин, первый секретарь ЦК КПРФ И. Полозков...

Идут дебаты, демонстративно уводит со съезда часть демократов Н. Травкин. Неистовствует С. Шахрай. Как ни странно, после этих демаршей рейтинг популярности Б. Ельцина падает. Всем надоела конфронтация. Нужна консолидация, чтобы действительно заняться возрождением России. С этим согласен и Б. Ельцин. Но на какой основе?

25 мая на вечернем заседании неожиданно для всех А. Власов снимает свою кандидатуру. Между тем, как отмечали многие наши и зарубежные СМИ, у Власова было больше шансов, чем у Ельцина и Полозкова, стать победителем.

На финишной прямой остались двое. Но тут вмешивается и оказывает медвежью услугу Полозкову, невольно спасая Ельцина, М. Горбачев. Он берет слово и комментирует речь Ельцина о суверенитете. Говорил Горбачев правильные вещи, что суверенитет в том виде, как его представил Ельцин, развалит СССР, но он не учел российскую черту: держать сторону тех, кого бьют. Эффект от выступления генсека получился обратным: число сторонников Ельцина в зале возросло. Горбачев делает еще одну ошибку: он собирает коммунистов — депутатов РСФСР и дает им установку голосовать против Ельцина.

В третьем туре Борис Николаевич Ельцин в Георгиевском зале Московского Кремля побеждает с перевесом в три голоса Ивана Полозкова.

Инициативная группа депутатов заявляет, что мандатная комиссия занялась подтасовкой и кто-то из ее членов бросил в урну семь лишних бюллетеней. Подтверждения эта версия не получила, вернее, расследования никто не проводил.

М. С. Горбачев узнал об избрании Б. Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР в Канаде. Официального поздравления от Президента СССР победителю не последовало.

«Неожиданно Михаилу Горбачеву появилась альтернатива, — заметила тогда газета «Таймс». — В течение пяти лет советский президент разыгрывал на политической сцене спектакль. И все говорили, что альтернативы ему нет. Но вот она появилась — это 59-летний Борис Ельцин».

29 мая 1990 года Б. Ельцин стал во главе России.

Беда никогда не приходит одна, издавна говорят в народе. Раиса Павловна в последние годы мучительно болела: сахарный диабет. Когда человек стоит у последнего рубежа, когда на исходе надежда и выдержка, лишь великие и простые чувства — любовь, печаль, сострадание — могут помочь ему найти в себе силы не впасть в отчаяние. Вся тяжесть по уходу за ней лежала на плечах Бориса Евдокимовича, особенно в последнее время.

Вот что говорит об этом Юрий Борисович Щербина:

— Последние десять лет мать жила исключительно благодаря отцу. Последняя стадия диабета — это страшно. За два года до смерти она ослепла, у нее смешались день и ночь. Она ждала своего Борю, чтобы пообщаться. И могла поднимать его бесконечно во время сна. Они жили на даче. Мы же все работали в городе и, кроме отца, пообщаться ей было не с кем. Он вынес тяжелую ношу, но никогда не жаловался, ничем не показывал своей усталости или недовольства. Всегда ровный, внимательный. Это был человек огромной силы воли. И какие бы женщины его ни окружали, сердце его было закрыто — только Рая.

Потом Борис Евдокимович сам тяжело заболел. Он страшно переживал за положение дел в стране.

На XXVIII съезд КПСС его пригласили в качестве гостя... Он напряженно слушал выступления, на лице Бориса Евдокимовича, обычно спокойном, невозмутимом, появлялась боль. В перерывах, встречаясь с давними друзьями, он говорил убежденно: «Это развал!»

— Все идет к утрате партией ее ведущей, консолидирующей роли в обществе и государстве. Практически — к ее развалу. Неужели этого не видят, не чувствуют делегаты? Неужели еще не поняли разлагающей роли Горбачева, Яковлева? Все ведет к трагедии и в партии, и в государстве.

В те дни он и написал свою последнюю записку Политбюро ЦК КПСС:

«Продиктовать эту записку заставляет беспокойство происходящим в Верховном Совете РСФСР. Здесь сейчас зона особой политической обостренности. И можно ожидать еще большего накала и конфронтации.

Власть в Верховном Совете и Правительстве России захватывает группа Ельцина. На свою сторону им удалось склонить большую часть депутатов. Сам по себе факт избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР опасен последствиями в политике и в экономике страны. Недооценки этого допустить нельзя. Это вместе с тем — свидетельство нарастающего недовольства в стране. Ни политических, ни моральных качеств новоявленный руководитель Верховного Совета для такого поста, как известно, не имеет. И это не новость для ЦК и руководства партии.

Дважды Пленум ЦК поручал Политбюро внести в Центральный комитет "дело" Ельцина. И оба раза провалили поручение Пленума, не поставив даже в известность членов ЦК по существу поручения.

Безнаказанность, как известно, разлагает людей. Она же питала и нахрапистость Ельцина.

В сложной обстановке в стране формируются различные течения, в том числе и самые крайние. Используя общественное брожение, под демагогические лозунги команда Ельцина, и особенно главные антипартийные силы, действующие за кулисами так называемой демократической платформы, постепенно, не встречая надлежащего отпора, завоевывают ключевые позиции, стремясь присвоить себе лозунги перестройки и осуществить ее по-своему, а коммунистическую партию ликвидировать.

В Москве и Ленинграде Советы уже противопоставили себя партийным организациям. Подобные события во Львове, Ивано-Франковске, Тернополе, в Прибалтике дополняют кризисную ситуацию. Мы имеем дело с ликвидаторами партии и социализма.

Если группе Ельцина удастся полностью захватить Верховный Совет и Совмин республики, наступит тяжелейшая полоса в истории страны.

Нельзя не видеть, что следующий шаг в их планах — захват ЦК Компартии России, а затем предопределить судьбу и XXVIII съезда КПСС, расколоть и развалить партию.

Наверное, в ЦК известны "рассуждения" команды Ельцина (Травкин, Бочаров и другие) о выходе из КПСС и разглагольствования Ельцина о важности не ошибиться в выборе момента для этого. Письмо ЦК о консолидации и освобождении от экстремистов не сработало. Все россказни Ельцина о

консолидации не более чем политические игрища. Запущены простенькие варианты: согласительные комиссии, выдвижение альтернативных кандидатур, подбираемых так, чтобы известными оказались сторонники ликвидаторов, частично уступить другим малозначащие посты или, если не удастся, то окружить таких несогласных сторожами своего клана. Да мало ли еще какие в таких случаях возможны варианты.

В этой обстановке нерезультативно действует руководство ЦК. Идет борьба за власть. Она стала уже опасной и плохо предсказуемой.

Почему не развенчать дутый авторитет Ельцина? Откуда такая деликатность?

Аппарат Ельцина действует нахально, грубо, не брезгуя никакими приемами. А партийный аппарат, депутатская группа коммунистов нашлась лишь упрекнуть Ельцина в шаловливости ("шаловливый мужчина").

Как же и где начнем действовать в кадровой политике с позиций партийного централизма? 86 процентов депутатов — члены партии. И такие провалы? Явно помешал просчет, что Ельцин не победит.

Надо по возможности оттянуть кадровые решения в Верховном Совете РСФСР до возвращения Горбачева и детальной проработки кадрового вопроса и тактики, четко сформировать твердую позицию, поработать среди депутатов, не стесняясь и в "силовых" приемах. Так ведь действуют все партии в мире, добиваясь власти в парламентских и на президентских выборах. Это, между прочим, продемонстрировал и Коль при выборах в ГДР.

И еще. У нас слишком короткая лавка кандидатов в лидеры, а то и пустая. Многих потеряли на митинговом половодье и провалились с чехардой рекомендаций для Верховного Совета России (рекомендации Полозкова, Власова). Кстати, изменив рекомендации, ЦК не сориентировал даже депутатов-коммунистов.

Цель, которой сейчас можно еще и надо добиваться, — окружить надежными кадрами одиозную фигуру председателя Верховного Совета РСФСР, не отдать все на откуп Ельцину.

Свою позицию он обнажил и на последней пресс-конференции, явно претендуя на роль вождя!

Политбюро ЦК надо из всего этого извлечь должные уроки, наметить серьезные меры и эффективно действовать. Нельзя все время задерживаться на пути к цели.

Б. Щербина

31.V.90 г.».

Для Бориса Евдокимовича, коммуниста с большой буквы, Политбюро еще оставалось самым святым, самым главным центром управления страной. Но горбачевское Политбюро уже ничем не управляло.

На следующий день после отправки этой записки Щербина слег. Несколько дней в больнице на Грановского он находился в критическом состоянии. Пришлось обратиться за помощью к Н. И. Рыжкову. Слов нет, Николай Иванович отнесся к несчастью товарища, своего недавнего коллеги, по-человечески. По его просьбе собрался консилиум медицинских светил страны.

Сила воли Бориса Евдокимовича в очередной раз выручила его. Он пришел в сознание. Стал поправляться. Попросил поставить в палату телефон. Пришлось долго убеждать главного врача клиники сделать это. Борис Евдокимович снова на связи. Снова в делах. Теперь руководители отраслей топливно-энергетического комплекса страны могли снова не единожды в день слышать знакомый голос. И, судя по интонации, по бодрым ноткам, казалось, что Борис Евдокимович никогда не утратит напористости, свежести восприятия, умения заглядывать вперед. И главное — веры в людей, благополучию и благосостоянию которых он посвятил свою жизнь.

— Работа — это моя жизненная функция, — улыбаясь уголками губ, говорил он. — Когда я не работаю, то не ощущаю в себе никакой жизни.

Все относительно на этом свете. И нет в нем для человека такого положения, хуже которого не могло бы ничего быть. Ни один врач не знает лучшего лекарства для усталого тела и измученной души, чем надежда. Не зря говорят, что упавший духом гибнет раньше срока. Но, как оказалось, случившееся на партийном съезде окончательно подорвало здоровье Бориса Евдокимовича.

Он умер 20 августа, за год до черных дней Союза. Его хоронили на Новодевичьем кладбище с воинскими почестями.

Лил дождь. Капли стекали со штыков солдат почетного караула. Прощальный залп... И первые комья земли... Поезд жизни Бориса Щербины свой земной путь завершил.

Глава тринадцатая

ПОКА МЫ ПОМНИМ...

Всякого человека должно судить по его делам.

Сервантес

Год за годом 5 октября, каким бы ни выдался этот день, на Новодевичьем кладбище у могилы Бориса Евдокимовича Щербины собираются люди. Собираются, чтобы поклониться памяти этого замечательного человека.

В чем-то их воспоминания повторяются, перекликаются с тем, что вы уже знаете. И все же прислушаемся к этим голосам, которые хранит магнитная пленка.

От первого лица

Владимир Иванович Долгих. Я с ним встретился впервые в 1973 году. Год назад меня избрали секретарем ЦК партии, и вскоре мне пришлось выехать в Тюмень.

Действительно, тогда была «разноголосица» по поводу дальнейшего развития Сибири. Надо было взглянуть на это дело на месте. Там я впервые и увидел Бориса Евдокимовича. Это был еще молодой человек, энергичный, знающий, умеющий защитить свою точку зрения. Он был настоящим секретарем обкома. Огромный труд вложил он в создание промышленного комплекса Западной Сибири.

С тех пор наши пути так параллельно и шли. Мне приходилось заниматься тяжелой промышленностью, энергетикой, строительством. Но я вам скажу, что 60 процентов времени уходило на развитие нефти и газа.

После Кортунова министром стал Щербина. Борис Евдокимович целиком и полностью оправдал свое назначение. Затем ему пришлось заниматься и углем, и нефтью, и газом, и

строительством, и энергетикой, в том числе и атомной, и Чернобылем... Его отличала высочайшая ответственность за дело.

Николай Иванович Рыжков. Если говорить об этапах его жизни и о том, как они повлияли на положение в стране, то я бы остановился на двух существенных моментах. Будучи первым секретарем обкома КПСС в Западной Сибири, Щербина, безусловно, приобрел масштабное мышление. Не каждая область имела такие глобальные задачи, такие денежные вливания и капитальные вложения, такой разворот строительства.

Конечно, он попал в Западную Сибирь в очень сложное время, но в дальнейшем это обернулось пользой — обретением масштабного подхода к делу. Мне думается, эта масштабность его и воспитала. Это был толчок для развития Щербины как государственного деятеля.

Тюменские навыки пригодились и в Чернобыле, и в Армении, и в руководстве топливно-энергетическим комплексом. В Тюменском регионе не только трубы прокладывали. Там строили и жилье, и соцкультбыт, и целые города. И второе. Когда он был руководителем Миннефтегазстроя, наблюдался необыкновенный подъем строительства газопроводов. Тогда Щербина оказался на острие событий. Пусть на отраслевом острие, но тем не менее. Шутка ли — каждый год по нитке газопровода!

Щербина почувствовал вкус к масштабной работе. Посмотрите, когда он стал заместителем председателя правительства, сколько заводов настроили по изготовлению компрессоров, производству авиационных моторов, изоляции труб...

Считаю, что у Щербины надо учиться государственному подходу. Все, что ни делалось, он оценивал через призму государственности. Это главный урок, который могут извлечь из опыта Бориса Евдокимовича наши политики и государственные мужи.

Что еще отличало Щербину? Он всю жизнь учился, совершенствовался.

Работая в Совете Министров, я обратил внимание на то, что Борис Евдокимович часто выходил за рамки своих обязанностей как председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу. Все-таки сказывалась закалка крупного партийного руководителя. Это чувствовалось. Очень часто при рассмотрении вопросов в правительстве активно участвовал в обсуждении экономических и политических проблем.

...Всегда незаменимый и бесстрашный, Борис Евдокимович и в Чернобыле оказался первым из высокого московского начальства, и в Армении первым встретил беду...

Как он оценивал положение в стране в последние годы работы и жизни? Все мы критически относились к некоторым

процессам, происходящим в стране. В отношении Бориса Евдокимовича я могу сказать, что он был абсолютно тверд, никогда не отрекался от советских идеалов. Он мог критиковать что-то, но чтобы сказать: «Долой советскую власть, партию, социализм» — нет.

Это был талантливый, грамотный и очень волевой человек, по-хорошему упрямый, причем упрямство его было частично врожденным, частично — благоприобретенным. Борис Евдокимович был личностью многогранной, достаточно жесткой. Ну как можно было вести дело, не будучи жестким и твердым? Однако, если оппонент, защищая интересы дела, приводил убедительные аргументы, он быстро отходил.

Я считаю, что Борис Евдокимович был одним из выдающихся руководителей нашей экономики, крупным политическим и общественным деятелем. Он относился к разряду глобальных политиков и государственных деятелей. Пройдет время, и оценка его деятельности окажется, быть может, еще более значительной, чем та, которую дал я, потому что о таких людях судить по меркам одной эпохи невозможно.

Все мои коллеги и друзья по правительству СССР и по общественной деятельности с теплотой, большим уважением и глубокой признательностью вспоминают Бориса Евдокимовича, его дела: создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, систем трубопроводного транспорта страны, его гражданский подвиг при ликвидации чернобыльской катастрофы. В те трагические дни Борис Евдокимович, возглавляя Правительственную комиссию, своим мужественным отношением к делу вдохновлял инженеров, военных, ученых и рабочих на героический, самоотверженный труд.

Николай Константинович Байбаков. Вообще неизвестно, как сложилась бы, а скорее, усложнилась бы наша жизнь, не будь в стране крупной нефтяной и газовой промышленности, мощных трубопроводных систем. Этот комплекс помогает стране держаться на плаву. Борис Евдокимович был непосредственно причастен к становлению и развитию этого комплекса. Мы познакомились, когда он работал первым секретарем Тюменского обкома КПСС. Уже тогда он произвел на меня впечатление человека толкового, думающего, умеющего вникать в суть проблем и принимать правильное решение.

Борис Евдокимович обладал неукротимой энергией, мужественным упорством, оптимизмом. Думаю, благодаря этим качествам он многое сделал для развития промышленности, сельского хозяйства и культуры Тюменской области. Под его пристальным вниманием были стройки нефтяной и газовой промышленности.

Понятно, что один человек, каким бы умным и энергичным он ни был, сам все сделать не в состоянии. Но человек, который мыслит масштабно, предвидит события, обладает выдающимися организаторскими способностями, может повести за собой людей, мобилизовать их на решение той или иной сложной задачи и добиться ее выполнения. Именно таким руководителем и был Борис Евдокимович Щербина.

Поэтому, когда после смерти А. К. Кортунова возник вопрос о министре строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, выбор пал на Б. Е. Щербину. Его заботой стало нефтегазовое строительство, превращение его в мощную отрасль, способную быстрыми темпами при высоком качестве работ сооружать ответственные объекты топливной энергетики в различных природно-климатических условиях. И он добился этого.

Нефтегазовые стройки получали все необходимое — трубы, оборудование, новейшие машины и технологии, кадры. На объекты Западной Сибири, ставшие ударной стройкой № 1, можно сказать, «хлынула» молодежь — комсомольско-молодежные отряды, студенческие строительные отряды. Крупнейшие трубопроводные стройки знала вся страна.

Б. Е. Щербина стремился привить строителям объектов нефтяной и газовой промышленности гордость за их профессию. Он сумел поднять значимость отрасли. Работать в ней считалось престижным. Специалисты стремились попасть сюда. И работа интересная, и забота о людях хорошая.

Будучи высокоэрудированным и талантливым, Борис Евдокимович как магнит притягивал к себе знающих, одаренных людей и опирался на них. Сам он всегда очень много работал. Считаю, что эффект его упорного труда был колоссален.

Именно такой труд и обширные познания во многих областях, а особенно в нефтегазовом строительстве, подготовили его к новой, еще более ответственной работе — председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу.

Нурсултан Абишевич Назарбаев. Я хорошо знал Бориса Евдокимовича, его замечательные деловые и человеческие качества. Его широту взглядов, умение вникать в сложные проблемы, находить верные решения в непростых ситуациях.

Он был деятелем государственного масштаба, крупным хозяйственником, человеком большой души. Возглавляя в течение ряда лет Министерство строительства нефтяной и газовой промышленности, Борис Евдокимович с присущей ему неутомимостью многое сделал для возведения современных промышленных предприятий в стране. В том числе и в Казахстане.

Мы высоко ценим его вклад в развитие нефтегазовой отрасли нашей республики, готовность поддержать и словом, и делом. Память об этом замечательном человеке хранится в моем сердце.

Грант Джаваншерович Маргулов. Я постоянно пытался разгадать секреты дарования Бориса Евдокимовича, удивлялся его умению понимать и «ласкать» министров, ведущих специалистов, академиков-ученых и в то же время целеустремленно, хладнокровно, расчетливо и достаточно жестко управлять ими ради достижения намеченной цели.

И все же в чем суть жизненной философии Щербины? Скажу так: приоритет государственных интересов над интересами личности, патриотизм, забота о славе и величии Родины. «Государственные соображения» — вот отправные точки, формулы жизненной и политической философии Щербины.

Если прораб, инженер или министр честен и беззаветно предан своему делу, приносит пользу коллективу и Родине, Щербина восхваляет его, щедро поощряет и представляет к награде. Если нет — теряет к нему всякий интерес. Технология такого типа управления очень похожа на широко известный метод «кнута и пряника». При этом «пряники» он раздавал торжественно и всенародно, а «кнут» применял с максимальной осторожностью, дабы не напугать, не оттолкнуть других.

Щербина был великий мастер обобщений. Он обладал природным даром находить нужного специалиста, ученого или группу новаторов и систематически часами выслушивать разные точки зрения и варианты по самым сложным проблемам энергетики. Таким образом, он отсеивал мелочи, вникал в причины изменения базисных факторов развития, искал главные ориентиры и приоритеты гармонизации развития системы «энергетика — экономика».

В итоге появились блестяще обобщенные, всем известные «щербиновские» записки на имя руководителей государства. Коротко и предельно ясно излагались суть вопроса, целевые задачи и первоочередные меры в виде проекта постановления ЦК КПСС и правительства СССР. А дальше в дело вступали его мощная пробивная сила, несгибаемая воля и «разумная жесткость» лидера. Именно так зарождались смелые энергетические программы семидесятых и восьмидесятых годов прошлого столетия.

Щербину беспокоили не только количественные, но и качественные, философские аспекты «ускорения ТЭК». Обсуждая проблемы мировой энергетики, он говорил: «Ныне почти половина людей мира в мучительных поисках дешевой энер-

гии приносит себя в жертву во имя собственного благосостояния, а вторая половина варварски относится к ресурсам и природе. Мы должны торопить и постоянно ускорять процесс использования человеком чистой энергии планеты в крупных масштабах и по доступной цене. Расточительству же люди должны объявить решительную войну, войну во имя блага самого человека».

В этих словах есть нечто от творческого завещания Щербины для ученых и специалистов сегодняшнего и завтрашнего дня.

Борис Евгеньевич Патон. Должно быть, последний раз мы встречались с Борисом Евдокимовичем на украинской земле в трагические дни чернобыльской катастрофы. Буквально через несколько часов после случившегося он был уже на месте аварии. Б. Е. Щербина сразу принял команду на себя как заместитель председателя союзного правительства по топливно-энергетическому комплексу.

В то время еще многое было неизвестно, а нужно было принимать срочные жесткие меры. Все телевизионные программы обошли кадры, показавшие, как он ежедневно, рискуя здоровьем, облетал район бедствия, с тем чтобы иметь достоверную информацию для принятия решений по эвакуации населенных пунктов, локализации последствий аварии.

Мы много общались в это время, так как перед Украинской академией наук также были поставлены неотложные вопросы. Наверное, это были самые трудные дни в жизни Бориса Евдокимовича.

Меня всегда удивлял неуемный интерес Бориса Евдокимовича к самым разным научным исследованиям, его желание без промедления поставить их результаты на службу отрасли. И надо сказать, ему удавалось это сделать. Уверовав в прогрессивные начала контактной сварки, Борис Евдокимович сумел организовать ее широкое внедрение в отрасли. Но это только один пример из многих.

Институт электросварки при Б. Е. Щербине — министре стал научным партнером Миннефтегазстроя. Борис Евдокимович был крупным организатором и новатором производства. Много принципиально новых технологий и технических решений увидели реализацию в его бытность министром и заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Он всегда был доброжелателен к ученым, помогал им. Глубокая порядочность, верность в дружбе, государственность в мышлении и делах отличали этого замечательного человека.

Генадий Иосифович Шмаль. Борис Евдокимович обладал удивительным даром общения с людьми. Это касалось и одно-

го человека, и тысячной аудитории. Он умел найти такие слова, которые были близки и понятны всем.

Еще одна черта — кадровое чутье. Наверное, он немало времени тратил на изучение человека, но главное — он умел распознать не только деловые, профессиональные качества работника, но и его жизненную позицию, человеческие качества.

В период работы в Тюмени он сумел создать мощный кадровый корпус, обеспечивший решение сложных экономических, технических, организационных задач, возникавших при создании уникального нефтегазового комплекса на территории области. Участники этой героической эпопеи хорошо помнят имена товарищей, оставивших яркий след на Тюменской земле.

И в министерстве он создал крепкую, творческую команду, отвечавшую тем требованиям, которые обусловливались необычной сложностью решаемых проблем и динамизмом развития отрасли. Нагрузки на нас, его замов, были велики, но мы счастливы тем, что были достойными помощниками этого масштабного, государственного человека.

Я не помню, чтобы он вел какие-либо воспитательные беседы, читал нравоучения и нотации. Есть в танковых войсках команда: «Делай, как я!» И хотя Борис Евдокимович был далек от того, чтобы такие слова произносить, мы все учились, глядя на него. Не все нам удалось перенять, но мы были прилежными и способными учениками. Его огромная работоспособность (в командировках «разбор полетов» заканчивался в 2—3 часа ночи, не было такой субботы, чтобы он не появлялся в своем кабинете), глубочайшее проникновение в суть вопросов и проблем, энциклопедические знания, стремление сначала думать о Родине, а потом о себе — для работавших с Борисом Евдокимовичем были примером для подражания.

Гурий Иванович Марчук. Борис Евдокимович горел на работе, вникал во все вопросы. Мы шли к нему и получали конструктивный совет.

Работая в Иркутской области вместе с экономистами, Борис Евдокимович предложил концепцию развития территориально-промышленного комплекса. Это было выдающееся дело. С него пошло развитие Сибири. Все это потом превратилось в концепцию развития производительных сил этого региона. Я неоднократно бывал в Тюмени. Мы часто общались.

Мало кто из министров так уважал науку, как Борис Евдокимович. Он говорил: «Двадцать восемь процентов всех капиталовложений я выделяю на науку, на крупные государственные программы. Я вас буду поддерживать».

И поддерживал. Это была очень динамичная отрасль, она требовала страшно много забот и внимания, прежде всего науки. Все новое, что в мире производилось, мы закупали целиком.

По приглашению Щербины мы ездили смотреть новые виды транспорта. Он беспокоился, как пойдет новая технология, заботился о будущем.

Николай Павлович Лаверов. Наша память — это наша совесть. Действительно совесть, потому что мы всегда должны быть честными и совестливыми по отношению к тому большому, что делалось такими людьми, как Борис Евдокимович Щербина.

Создание одной Тюмени — это потрясающая эпопея, выдающийся подвиг огромного количества людей. И то, что Борис Евдокимович волей партии, волей народа был в тот период во главе этой партийной организации, имеет огромное значение. Человек, подготовленный всей жизнью к этой работе, постоянно менялся и рос. Это была потрясающая кузница кадров!

Борис Евдокимович сыграл большую роль не только в создании науки внутри Миннефтегазстроя или в топливно-энергетическом комплексе в целом, он создавал и региональную науку. Было открыто три прекрасных института: геологический, геофизический, буровой. Это замечательные институты! Какой проектный институт, потрясающий вычислительный центр! Все это начинали при Борисе Евдокимовиче. Он ясно понимал, что есть отраслевая наука, которая решает конкретные задачи, и есть академическая наука.

Геннадий Павлович Богомяков. Тюменский период жизни и деятельности для Бориса Евдокимовича Щербины стал основным в становлении его как крупного руководителя, государственного деятеля. Он возглавил областную партийную организацию весной 1961 года. Тогда это была довольно заштатная область, преимущественно аграрного типа, со значительными объемами лесозаготовок и вылова рыбы из местных водоемов. Были открыты лишь некрупные газовые месторождения в Березовском районе, а также первое в Сибири, не очень большое Шаимское нефтяное месторождение.

Он добился принятия кардинального правительственного решения по усилению геолого-разведочных работ в области. Оно появилось уже в мае 1962 года. В соответствии с этим постановлением было осуществлено коренное переоснащение поисковых экспедиций, буровых предприятий. Было выделено большое количество вездеходной техники, взятой у военных, началось широкое применение вертолетов. Результат не

замедлил сказаться. Открытия крупных нефтяных и газовых месторождений в нашей области пошли одно за другим.

Для Бориса Евдокимовича Щербины была вообще характерна особенность — ставить перед собой и людьми, которыми он руководил, задачи на грани возможного. Сам он очень много работал и требовал этого от других. Он очень внимательно относился к мнению ученых, поддерживал их. Именно при Щербине началось быстрое становление в области целого ряда научно-исследовательских и проектных организаций, высших учебных заведений.

Обком партии стал подлинным координационным штабом по созданию Тюменского нефтегазового комплекса. Именно здесь возникли предложения о строительстве новых нефтепроводов Шаим — Тюмень, Усть-Балык — Омск, газопроводов Пунга — Серов, Медвежье — Урал, а затем и многих других. Именно здесь формировались решения по быстрому сооружению железнодорожной магистрали от Тюмени на Тобольск — Сургут, протянувшейся далее до Нижневартовска, Уренгоя, Ямбурга. Обком добивался развития автодорожного строительства в труднопроходимых условиях болот и топей. Характерно, что и в таких условиях автодорожники доводили объем строительства автодорог с твердым покрытием до тысячи километров в год.

Именно обком партии, возглавляемый Щербиной, выдвинул задачу не только обеспечить электроэнергией вновь освоенные районы за счет подачи ее по высоковольтным линиям с Урала, но и создать собственные крупные электроэнергетические мощности на базе местного попутного и природного газа.

Для Бориса Евдокимовича был характерен комплексный подход к развитию области. Одновременно с созданием крупнейших нефтяных и газовых промыслов развивалась вся производственная и социальная инфраструктура.

Численность населения области за годы становления комплекса утроилась, достигнув 3,2 миллиона человек. В семидесятые — восьмидесятые годы в область ежегодно прибывало до ста тысяч человек и более. Чтобы обеспечивать такой прирост, потребовалось сооружать ежегодно свыше трех миллионов квадратных метров жилых домов, дошкольные учреждения на 20—25 тысяч мест, школы на 25—30 тысяч мест, поликлиники, больницы, многие учреждения культуры, коммунального и бытового обслуживания населения.

Мне пришлось работать с Борисом Евдокимовичем Щербиной с самого начала его приезда в Тюмень. Я прибыл сюда на год раньше. Работал сначала руководителем научно-исследовательской геологической организации, затем, с 1967 года,

заведующим отделом нефтяной, газовой промышленности и геологии обкома партии, первым секретарем Тюменского горкома, вторым секретарем обкома и потом, с 1973-го по начало 1990 года, первым секретарем обкома КПСС.

Для многих Борис Евдокимович Щербина был человеком со сложным, некоммуникабельным характером, нередко жестким в своей требовательности. Но надо было хорошо знать и другие его качества — исключительную скромность в быту, порядочность, честность, принципиальность. И тогда по-иному воспринимались его жесткость и требовательность. Весь его яркий трудовой путь строился по принципу «жила бы страна родная».

Виктор Степанович Черномырдин. После Оренбурга я работал в Отделе тяжелой промышленности ЦК КПСС, а с 1982 года — заместителем министра газовой промышленности, а затем одновременно и начальником Всесоюзного промышленного объединения по добыче газа в Тюменской области. В этот период формировалась программа ускоренного развития газовой промышленности и разворачивалась ее реализация.

Мне часто приходилось участвовать в рассмотрении вопросов планирования и строительства первоочередных объектов газовой отрасли. Борис Евдокимович был одним из авторов проекта ускоренного развития газовой промышленности и очень многое делал по формированию соответствующей программы. Несмотря на то что программа сама по себе была грандиозной и предусматривала всего за пять лет увеличение годовой добычи газа более чем на 200 миллиардов кубометров, она была очень хорошо проработана и сбалансирована по всем видам ресурсов. И в основном это заслуга Оруджева и Щербины.

Благодаря слаженной, самоотверженной работе газовиков, строителей, огромной помощи государства удалось успешно завершить первый этап ускоренного развития газовой промышленности и перевыполнить задания XI пятилетки по добыче газа. Безусловно, огромную роль в этом сыграл Борис Евдокимович Щербина.

Мне приходилось в тюменский период своей деятельности сталкиваться с массой проблем по строительству и эксплуатации газопроводов, со многими вопросами газовой отрасли, по которым требовалась помощь Бориса Евдокимовича. И всегда он, будучи министром, а затем и заместителем Председателя Совмина, председателем Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу, неизменно оказывал мне содействие и поддержку во всех производственных вопросах, огромную помощь в решении всех проблем. При этом любая помощь оказывалась незамедлительно.

Затем, став министром газовой отрасли и войдя в состав Бюро Совмина по ТЭК, я несколько лет поработал под непосредственным руководством Бориса Евдокимовича Щербины. Бурными темпами развивалось в это время Уренгойское месторождение, шла подготовка к освоению Ямбурга, велись работы по обустройству Астраханского газоконденсатного месторождения, где мы столкнулись с массой новых проблем, так как газ этого месторождения содержал большое количество сероводорода. Снова была напряженная работа совместно с Борисом Евдокимовичем.

Топливно-энергетический комплекс для меня был школой сложной государственной работы. Здесь были и большая наука, и правильно построенные отношения с другими отраслями. Я снова был свидетелем того, как успешно решал эти вопросы Борис Евдикимович Щербина благодаря своему таланту хозяйственного руководителя, организатора производства.

Я встречался со многими государственными и политическими деятелями и при этом часто вспоминал Бориса Евдокимовича, как он деловито и умело решал важные вопросы. Практически по многим проблемам государственного управления он был для меня учителем, отдающим бескорыстно свои знания и опыт. Это дает мне право считать Бориса Евдокимовича Щербину выдающимся государственным и политическим деятелем, крупнейшим хозяйственным руководителем нашего времени.

Леонид Юлианович Рокецкий. Борис Евдокимович двенадцать лет проработал в Тюменской области в самое сложное время, когда создавался нефтегазовый комплекс. Надо было быть не только государственным деятелем, но и великим стратегом, чтобы увязать интересы государства и территории.

Я должен сказать, что все, что построено в Тюменской области — газопроводы, нефтепроводы, города, школы, больницы, дороги, линии электропередачи, — все построено надежно. Люди живут и трудятся. На плечах Бориса Евдокимовича была забота, как разместить людей, как их одеть и чем накормить. Надо было все предусмотреть и точно угадать. И при Борисе Евдокимовиче, и сейчас Тюменская область кормит себя хлебом при любых погодных условиях. Меньше миллиона тонн хлеба не собираем.

В Тюменской области изготавливается половина российских аккумуляторов. Моторный завод изготавливает турбины для перекачки газа. Тюменцы сами себя и одевают, и обувают, и кормят, потому что для этого был заложен надежный, хороший, сильный фундамент.

Были хороший расчет и смелая мысль. 25 миллионов человек прошли через Тюменскую область. Кто вахтами, кто прожил по 2—3 года... И для всех она была доброй. Благодаря Борису Евдокимовичу многие прошли через стройки Тюменской области и стали хорошими специалистами. Мы будем достойны его памяти и все сделаем для того, чтобы молодежь по-новому посмотрела на историю своей страны.

На легковом автомобиле сейчас можно проехать от Тюмени до Уренгоя через реку Обь. Борис Евдокимович когда-то очень хотел этого.

Евгений Михайлович Тяжельников. Борис Евдокимович вовремя в комсомол вступил. И я думаю, никогда из него не выходил, потому что независимо от положения и возраста он верил в молодежь и все делал для того, чтобы рядом с ним тоже были молодые и энергичные люди.

Он знал каждую скважину, на скважине знал практически каждого бурового мастера... А с каким вниманием и заботой он относился к людям!

Борис Евдокимович всегда мало спал. Рабочие дни заканчивались далеко за полночь, но он до утра играл в шахматы с Валерием Попенченко — знаменитым нашим олимпийским чемпионом по боксу.

Настолько он был человеком азартным, что заряжал энергией всех окружающих. Кстати, когда он пришел в министерство, то одним из первых стал при подведении итогов соревнования выделять комсомольско-молодежные бригады. Это было очень важно для людей.

Я благодарен судьбе за то, что встретил Бориса Евдокимовича на своем жизненном пути. Он был и остается человеком легендарных дел. То, что он сделал — это золотые страницы нашей истории.

Анатолий Петрович Крутовых. Как-то мне, собственному корреспонденту Свердловской киностудии по Тюменской области, передали просьбу Бориса Евдокимовича Щербины снять для киножурнала встречу самотлорских нефтяников с делегацией СЭВ.

Подготовив киносъемочную аппаратуру, утром следующего дня я был в самолете, летевшем в Нижневартовск. На второй день в аэропорту снимал прилетевшую делегацию. Сопровождали ее члены правительства СССР. Встречали гостей Щербина и руководство Нижневартовского НГДУ. Цель приезда делегации СЭВ — узнать, насколько эффективно используется и работает в северных условиях строительная и промышленная техника, поставляемая странами СЭВ. Гости побывали на выставке строительных машин, организованной

по этому случаю на Самотлоре. Затем им показали эту технику в деле.

Приехали на буровую. Поднялись к буровикам. Завязалась деловая беседа. Я пытался побольше и поинтереснее снять. Увлекшись, ненароком помешал одному из местных чиновников. Он бесцеремонно толкнул меня и довольно громко прошипел:

— Уйдите с буровой, не мешайте нам работать!

Очевидно, ему больше всего хотелось, чтобы его деловитость заметил и услышал Борис Евдокимович. Я принес свои извинения и продолжал вести киносъемку. Услышав и увидев грубость чиновника, Щербина не выдержал:

— Нехорошо, товарищ! Вам следовало самому извиниться за свою неловкость перед корреспондентом. То, что он делает сейчас, гораздо важнее нескольких пробуренных метров.

Чиновник извинился и как-то незаметно исчез с буровой площадки. В душе я был благодарен Борису Евдокимовичу за такую поддержку. А сюжет был включен в киножурналы «Советский Урал», «Новости дня» и с успехом демонстрировался на экранах страны.

Как-то мне довелось сопровождать по Тюменской области космонавта Бориса Волынова, первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Тяжельникова и знаменитого боксера Валерия Попенченко. Маршрут лежал на знаменитый Самотлор. А там — на первую нефтяную промышленную буровую № 200, к известному мастеру Степану Ананьевичу Повху. Встреча была необычайно интересной и дружеской. Два мастера: один — космических высот, другой — подземных глубин. Мне кажется, что буровая вышка Степана Повха очень напоминала космический корабль. Космонавт и знаменитый боксер много и интересно рассказывали о себе и о делах. Степан Повх и члены его бригады — о своих трудовых буднях, об освоении подземных кладовых «черного золота». Беседы были задушевными. Все это я снимал, готовя материал для очередных выпусков киножурналов.

В поселке Светлый Березовского района встречал делегацию начальник молодежного строительного управления Анатолий Мандриченко. Тепло и радостно гостей приветствовали в комсомольско-молодежном отряде «Молодая гвардия». Всех угостили крепким душистым чаем. Завязалась беседа.

— А не сыграть ли нам в волейбол? — предложил я.

Очень уж хотелось снять что-то необычное. Гости и хозяева поддержали. Сразу же организовали две команды. Команду Светлого возглавил Анатолий Мандриченко, а ЦК ВЛКСМ — Борис Волынов. Погода стояла хорошая, был август. В поселке

нашлась добротная спортивная площадка с волейбольной сеткой. Судьей, не особо надеясь на согласие, я предложил Бориса Евдокимовича. Он обернулся (до этого стоял ко мне спиной и увлеченно о чем-то разговаривал со строителями), внимательно посмотрел на меня, на игроков, улыбнулся и согласился. Я попросил строителей поставить у края сетки судейскую вышку. Свисток тоже нашелся. Судья и игроки заняли свои места. И вот «таежно-космический волейбольный матч» начался.

Борис Евдокимович оказался умелым спортивным судьей. Он прямо-таки с мальчишеским задором вел этот необычный матч. Судил азартно, увлеченно, справедливо. При нарушениях правил игры его свисток заливался, а сам судья, жестикулируя, показывал, кто должен подавать мяч. А при повторном нарушении — даже сердился. Зрители переживали за каждый мяч и радовались каждой удачной подаче. Победу праздновали строители. Борис Евдокимович поздравил команду, пожелал не только спортивных, но и трудовых побед. Я же снял великолепный эпизод.

Впереди гостей ждали встречи со строителями железной дороги Сургут — Новый Уренгой, с газодобытчиками Заполярья. Когда киноматериал был обработан и прошел первый монтаж, мне позвонил главный редактор кинохроники и поблагодарил за сюжеты. Но попросил взять разрешение в обкоме на включение в фильм кадров, где Борис Евдокимович выступал в роли спортивного судьи.

— Первый секретарь обкома КПСС — и со свистком во рту. Ну не может быть такого в киножурнале! — убеждали меня.

— Но у меня же снято, значит, так может быть. У любого человека есть привязанности, увлечения... Человек не робот, он становится намного прекраснее, когда сбрасывает маску недоступности.

Однако мне в ответ:

— Нужно разрешение.

Идти за ним в обком было бесполезно, никто разрешение без «первого» выдать не решится, а Борис Евдокимович находился в командировке.

— Включайте в монтаж под мою ответственность, — говорю я и кладу телефонную трубку.

Эльмар Велиев. Моя бабушка Евгения Александровна Шамаро — двоюродная сестра Бориса Евдокимовича Щербины. Он называл ее Женей. Возможно, Евгения Александровна напоминала ему Ангелину, которую я видел только на снимках.

Почти каждое лето бабушка или мама привозила меня и Тамерлана, старшего брата, в Москву. На даче у дяди Бори мы спасались от бакинской жары.

Борис Евдокимович расспрашивал о семейных новостях, а потом незаметно переходил к делам в республике. Спрашивал бабушку о хлопке, ценах на рынке. Иногда бабушка Женя прерывала расспросы:

— Хватит, Борис. Тебе своих труб не хватает, что ты еще и хлопком интересуешься? Ты, видимо, забыл, что я всего лишь заведующая детскими яслями.

У меня и Тамерлана дядя Боря спрашивал, как мы учимся, какие предметы нам нравятся. Случалось, устраивал небольшую проверку. И если мы отвечали не очень здорово, подбирал нам книжки. Это было его задание. Через несколько дней он обязательно спрашивал о том, что мы прочитали. Не выполнить его задание было невозможно.

Перед сном иногда Борис Евдокимович любил прокатиться на велосипеде. Как-то на даче в Успенском ему навстречу на большой скорости выкатила велосипедистка. Чтобы не сбить ее, дядя резко вывернул руль и упал. Результат — большой синяк и царапины на лице. Раиса Павловна вызвала врача. Доктор порекомендовал отдохнуть пару дней, пока сойдет синяк и заживут царапины. Но Борис Евдокимович решил по-другому: наложить грим.

— Завтра я отчитываюсь в правительстве, а потом у меня совещание в министерстве, приедут люди из Сибири, неудобно мне на диване отлеживаться, так что с отдыхом, Рая, никак не выйдет, — говорил он, словно винясь, жене.

Запомнился эпизод на даче, когда Борис Евдокимович поздравлял молодых — внука и его невесту. Мы хотели снять эту сцену на видео, но дедушка попросил нас «оставить пленку на вторую серию».

Очень жаль, что Борис Евдокимович слишком рано ушел из жизни, так и не дав нам возможность снять «вторую серию».

Борис Евдокимович Щербина принадлежит своему времени, своей эпохе, которая вывела паренька из рабочей семьи на широкую дорогу жизни, поставила в центр событий, изменявших саму эпоху. В нем органически сочетались качества большого политика, крупного организатора, блестящего воспитателя, мудрого человека.

У истории, как и у природы, есть свои законы. Недаром говорят, что великие люди сами сооружают себе пьедестал. Статую воздвигает будущее. В Тюмени, на доме, где жил Щербина, в Москве, на здании Миннефтегазстроя, где он работал, установлены мемориальные доски. В Тюмени, Ухте, украинском Славутиче, армянском Гюмри (прежде Ленинакан) по-

явились улицы и площади, носящие имя Щербины, в Тюмени и Гюмри ему установлены памятники. Совет старейшин города Гюмри, оценив подвижнический труд Бориса Евдокимовича в зоне стихийного бедствия, посмертно присвоил ему звание почетного гражданина этого города с тысячелетней историей. Помнят своего выдающегося земляка в Дебальцеве. Мемориальная доска, установленная на здании школы искусств в самом центре рабочего города, напоминает, что здесь родился и учился заместитель Председателя Совета Министров СССР, Герой Социалистического Труда Борис Евдокимович Щербина. По рекам и морям плывет сухогруз «Борис Щербина».

«Уважение к минувшему — черта, отличающая образованность от дикости», — сказал когда-то Пушкин. Подле этой черты мы, похоже, теперь и остановились, сознавая, что нельзя отступать назад, и не смея, но все приготовляясь, двинуться вперед, ничего из прошлого не теряя по пути.

Из записных книжек Виктора Андриянова

В самом начале сентября 2008 года, в канун Дня работников нефтяной и газовой промышленности, в Новочеркасске открыли памятник Алексею Кирилловичу Кортунову.

Виктор Николаевич Шкура, ректор Новочеркасской государственной мелиоративной академии, нашел замечательное сравнение. Наш город, заметил он, гордится двумя великими земляками, казаками. Ермак прирастил территорию России Сибирью, а Кортунов, спустя века, прирастил сибирскими недрами.

Это действительно так. Но то, что случилось в Новочеркасске, безусловно, выходит за городские или областные рамки. И вот почему.

Памятник советскому министру еще вчера казался чем-то невероятным. Тогда инженерно-мелиоративный институт, становясь академией, потерял имя Кортунова, своего выпускника, присвоенное в 1973 году. Конъюнктурных потерь было много — и не только на Дону. Историю перекраивали по всей стране. Таких как Алексей Кортунов, сын железнодорожного рабочего, числили в «совках». Он, окончив институт, строил металлургический завод «Азовсталь» и ЦАГИ. Добровольцем ушел на Великую Отечественную войну. Командовал стрелковым полком. С передовым отрядом форсировал Вислу.

С именем Кортунова связано освоение Западной Сибири. Он первый министр газовой промышленности, первый ми-

нистр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности.

За каждым поступком, добрым или недобрым, стоит чья-то воля. Возвращение Кортунова в Новочеркасск — в первую очередь заслуга президента Российского союза нефтегазостроителей Владимира Григорьевича Чирскова, последнего министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Он нашел единомышленников в Газпроме и Стройтрансгазе, на Дону. Я услышал, когда с памятника (работа скульптора Данислава Юсупова) снимали покрывало:

— Здорово Чирсков «дал по носу» тем, у кого короткая память.

Новочеркасск помнит свою историю. О ней рассказывают памятники Ермаку и атаману Платову, героям Октябрьской революции и жертвам фашистской оккупации... Не забыты черные страницы лета 1962 года, когда власть расстреляла мирную демонстрацию рабочих.

...В мае 1805 года, когда закладывали новую столицу донского казачества, на торжественную церемонию съехались гости из трех десятков станиц со знаменами и воинскими регалиями. И в каждой делегации, как наказал атаман Войска Донского Платов, было «по три подростка, чтобы дольше жили в народе свидетельства об этом историческом событии».

И теперь весь молодой Новочеркасск видел памятное событие.

Алексей Кортунов родился в Российской империи. Защищал и строил Советский Союз. Сейчас смотрит с высоты своего постамента на страну, которая называется Российской Федерацией.

Три имени, а страна одна. Матушка-Русь.

В России, удивительной и прекрасной нашей стране с ее непредсказуемым прошлым, героев то «уходят», то забывают в минувших веках и десятилетиях. Но они обязательно возвращаются. Так, как Кортунов — в родной Новочеркасск и Салехард. Так, как Щербина — в Дебальцево и Харьков, Иркутск, Тюмень, Славутич и Гюмри, в Москву...

2007—2009

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОРИСА ЕВДОКИМОВИЧА ЩЕРБИНЫ

1919, 5 октября — в поселке Дебальцеве Екатеринославской губернии (ныне Донецкая область, Украина) родился Б. Е. Щербина.

1927—1937 — учащийся средней школы в г. Дебальцеве.

1933 — вступление в комсомол.

1937—1940 — студент Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта.

1939, декабрь — вступление в члены ВКП(б).

1940, январь — добровольцем ушел на войну с Финляндией.

1940, март — 1942, февраль — студент Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта.

1942, февраль—июнь — инженер, старший инженер группы воинских перевозок Купянского отделения службы движения Северо-Донецкой железной дороги (г. Купянск Харьковской области).

Июнь—сентябрь — секретарь Харьковского обкома ЛКСМ Украины по военной работе.

1942, сентябрь — 1943, февраль — инструктор ЦК ВЛКСМ.

1942, февраль — 1944, март — секретарь Харьковского обкома ЛКСМ Украины по военной работе.

1944—1946 — инструктор, зав. сектором отдела кадров Харьковского обкома КП(б)У.

1946—1948 — слушатель республиканской партийной школы при ЦК КП(б)У.

1948—1950 — секретарь Орджоникидзевского райкома КП(б)У, г. Харьков.

1950—1951 — секретарь Харьковского горкома КП(б)У.

1951—1961 — секретарь, второй секретарь Иркутского обкома КПСС.

1959 — избран депутатом Верховного Совета РСФСР пятого созыва.

1961—1963 — первый секретарь Тюменского обкома КПСС.

1963—1964 — первый секретарь Тюменского сельского обкома КПСС.

1964—1973 — первый секретарь Тюменского обкома КПСС.

1961— на XXII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК КПСС; избирался кандидатом в члены ЦК также на XXIII и XXIV съездах партии.

1962 — избран депутатом Верховного Совета СССР. Избирался депутатом VI—XI созывов.

1973, 11 декабря — назначен министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

1976 — на XXV съезде КПСС избран членом ЦК КПСС; избирался членом ЦК КПСС также на XXVI и XXVII съездах партии.

1984, 13 января — назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1986, 2 апреля — назначен одновременно председателем Бюро по топливно-энергетическому комплексу Совета Министров СССР.

26 апреля — назначен председателем Правительственной комиссии по Чернобылю. Первая командировка в Чернобыль.

1987, 7 декабря — входит в состав Правительственной комиссии, созданной в связи с катастрофическим землетрясением в Армении. Работает в зоне бедствия.

1989, май — освобожден от обязанностей заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Бюро по ТЭК.

1990, 22 августа — смерть Б. Е. Щербины. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Герой Социалистического Труда, награжден орденами Ленина (четырежды), Трудового Красного Знамени (дважды), Октябрьской революции, медалями Советского Союза, Афганистана, Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

Абатуров В., Португальский Р. Харьков — проклятое место Красной армии. М., 2008.

Анненков П., Родионов В. Рожденный дважды. Харьков, 1971.

Бочкин А. У истоков великой стройки. Симферополь, 1951.

Бочкин А. С водой, как с огнем. М., 1971.

Братская ГЭС. Иркутск, 1964.

Вампилов А., Скоп Ю., Шугаев В. Принцы уходят из сказок. Сборник очерков. Иркутск, 1964.

Вампилов А. Белые города. М., 1979.

Вампилов А. Записные книжки. Иркутск, 1997.

Водолазов М. Сталинград в Великой Отечественной войне. Сталинград, 1949.

Героический Сталинград. Кн. 1. Сталинград, 1943; Кн. 2. Сталинград, 1945.

Гончаров Н. Прощальный свет. М., 2008.

Деменчук Г. Главный гидростроитель. Красноярск, 1982.

Донеччина. Перехрестя цивілізацій. Кн. перша. Сучасний вимір. Кн. друга. Донецьк, 2007.

Залюбовская М. И вечный бой. Киев, 1981.

Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1866.

Летопись Волгоградского комсомола. Волгоград, 1974.

Карнаухов С. Старая площадь. М., 2006.

Литературное наследство. Кн. 2. М., 1966.

Материалы Тюменской научно-производственной конференции «Пути ускорения внедрения научно-технических достижений и повышения эффективности строительного производства». М., 1976.

Москаленко К. На юго-западном направлении. М., 1975.

Нефтегазостроители Западной Сибири. М., 2004.

Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1—3. Свердловск, 1971; 1973; 1979.

Распутин В. Костровые новых городов. Красноярск, 1966.

Рыжков Н. Десять лет великих потрясений. М., 1996.

Сталинград победил. М., 1943.

Сталинградцы. М., 1950.

Строители трубопроводов. М., 1995.

Транезников А. Виктор Муравленко. М., 2008.

Чичибабин Б. Ода тракторному. Харьков, 1967.

Чичибабин Б. И все-таки я был поэтом. Харьков, 1998.

Харьковская партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства: август 1943—1950 гг. Харьков, 1965.

Щербина Б. Тюменский меридиан. Свердловск, 1966.

Щербина Б. Рубежи нефтяного края. Тюмень, 1972.

Щербина Б., Коваленко А. и др. «Союз» — трасса братской дружбы. М., 1978.

Щербина Б. Магистральный трубопроводный транспорт на рубеже 80-х годов. М., 1982.

Щербина Б., Чирсков В., Шмаль Г. и др. Трансконтинентальный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород. М., 1985.

Юрков А. Безумная любовь, или Зонтики для лягушек. М., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. «ЭТО ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КРАЙ» 5
В самом центре Донбасса 5
Фамильные корни 6
По обе стороны фронта 7
Из записных книжек Виктора Андриянова 10
«Возродить угольное царство» 18

Глава вторая. ПЛОЩАДЬ ФЕЙЕРБАХА 24
Павел I ищет пасквилянтов 24
Времена не выбирают 26
Короленко пишет Раковскому 27
На той войне незнаменитой 32

Глава третья. «ВСТРЕТИМСЯ В ХАРЬКОВЕ» 35
«Вы теперь инженеры» 35
В мае сорок второго 38
Из записных книжек Виктора Андриянова 39
Командировка в Сталинград 42
Харьков: второе отступление 44
Кобзарь встретил освободителей 48
Из записных книжек Виктора Андриянова 51
Что помнится сыну 55
Западная Украина: второй фронт 57

Глава четвертая. ВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА 60
Партийный десант 60
Иркутск. 27 октября 1951 года 62
Машина времени 64
«Без геологии нам шагу не ступить...» 66
«Вокруг свечки людей не соберешь» 72
Батенчук и другие 74
«Как хорошо, что у нас есть Байкал!» 76
Быть ли городу Братску? 81
Щербина дает урок «великому кормчему» 90

Глава пятая. ТЮМЕНЬ БЕЗ ЭМОЦИЙ 100
«Избрать первым секретарем» 100
Ученый дурак — бедствие цивилизации 106
Из записных книжек Владимира Чирскова 109
Комсомольский бунт 112
Обком просит ЦК КПСС 117
Переправа, переправа... 134
«Звезду мне вручил Щербина» 137

Глава шестая. СОЗИДАТЕЛИ 142
Пятнадцать этажей Уренгоя 142
В союзе с Кортуновым 143
«...Останутся наши следы» 149
Всесоюзная ударная комсомольская 157
Из записных книжек Владимира Чирскова 160

С поправкой на Ямал 163
Из записных книжек Владимира Чирскова 166
Из записных книжек Владимира Чирскова 170
Смотреть в будущее 173

Глава седьмая. «ПОСЕЙТЕ ПОСТУПОК...» 182
«Речники нас выручили» 182
«Как вы сегодня похожи друг на друга» 183
Его слабостью были сухарики 190
Сибирский характер 194
Легко ли быть любимцем? 196
Из записных книжек Владимира Чирскова 196
Прощание с Тюменью 204
Тюмень. 18 декабря 1973 года 206

Глава восьмая. МИНИСТР СОЮЗА 211
«Чтобы не было шепотков» 211
Видеть перспективу 214
Из записных книжек Владимира Чирскова 220
Труба — дело 222
«Лучше я буду черный хлеб есть» 224
О дружбе возвещают не фанфары 225
Как сел в лужу Рональд Рейган 227
Из записных книжек Виктора Андриянова 232
Депутатская почта 237
Заглянуть за горизонт 238
Из записных книжек Владимира Чирскова 242
«Обманщик обманывает самого себя» 248
Мы не знали застоя 255

Глава девятая. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ 262
Из записных книжек Владимира Чирскова 262
Неделя — семь рабочих дней 264
О главном — начистоту 267
Из записных книжек Владимира Чирскова 269
Москва. 23 мая 1984 года 270
Из записных книжек Владимира Чирскова 272
«Мишка на Севере» 278
Из записных книжек Владимира Чирскова 281

Глава десятая. ЧЕРНАЯ БЫЛЬ 285
Рыжков: «Срочно вылетайте в Москву!..» 285
Оренбург. 26 апреля 1986 года 286
Москва — Киев. 26 апреля 1986 года 288
Припять. 26 апреля 1986 года 289
Эвакуация 290
Зона 294
Корень от падучей 307

Глава одиннадцатая. СПАСАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА 313
ТЭК застоя не знал 313
Горный удар 315
Из записных книжек Виктора Андриянова 319

Пробный шар Горбачева 323
Из записных книжек Владимира Чирскова 324
Из записных книжек Владимира Чирскова 325
Армянское потрясение 329
Из записных книжек Владимира Чирскова 332
Развал 334
Из записных книжек Владимира Чирскова 334
Москва. 25 апреля 1989 года 336
Из записных книжек Владимира Чирскова 337
«Красные помидоры кушайте без меня» 339
«На какой скале расколется наш корабль?..» 341
Щербина размышляет о Сибири 344

Глава двенадцатая. ПОСЛЕДНИЙ ГОД 349
Москва. 5 октября 1989 года 349
«Пишу Вам, Михаил Сергеевич...» 351
Агония власти 359
Из записных книжек Владимира Чирскова 359
«Власть захватывает группа Ельцина» 362

Глава тринадцатая. ПОКА МЫ ПОМНИМ... 370
От первого лица 370
Из записных книжек Виктора Андрианова 385

Основные даты жизни и деятельности
Бориса Евдокимовича Щербины 387
Литература 389

Андриянов В. И., Чирсков В. Г.

А 65 Борис Щербина / Виктор Андриянов, Владимир Чирсков. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 392[8] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1194).

ISBN 978-5-235-03249-1

Борис Евдокимович Щербина — Герой Социалистического Труда, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, зампред Совета Министров СССР, в 1951—1973 годах возглавлял сначала Иркутский, затем Тюменский обком партии, с его именем связано становление и развитие топливно-энергетического комплекса страны.

В апреле 1986 года возглавил Правительственную комиссию по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в декабре 1988-го — комиссию по ликвидации последствий страшного землетрясения в Армении. В нем органично сочетались качества большого политика и блестящего организатора, что позволило ему стать не только незаурядным человеком, но и крупным политическим деятелем.

УДК 323(47+57):622.32(092)
ББК 66.3(2Рос)8+65.304.13

Андриянов Виктор Иванович, **Чирсков Владимир Григорьевич**
БОРИС ЩЕРБИНА

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. В. Беляева, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 16.03.2009. Подписано в печать 06.07.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,0+2,52 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 93080

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03249-1

ISBN 978-5-235-03249-1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ